Изслѣдованія въ области фонетики сѣверно-русскаго нарѣчія.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ ЗВУКА *ѣ* ВЪ СѢВЕРНО-РУССКОМЪ НАРѢЧІИ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Задачи и методъ работы.

Открытіе акад. А. И. Соболевскимъ «галицко-волынскаго» *ѣ*[1], которое А. А. Шахматовъ назвалъ «однимъ изъ наиболѣе блестящихъ въ историческомъ изслѣдованіи нашего языка»[2], освѣтило судьбу этого звука въ малорусскомъ нарѣчіи. Усилія послѣдующихъ изслѣдователей были направлены къ тому, чтобы точнѣе формулировать найденный законъ (А. А. Шахматовъ) и выяснить эволюцію тѣхъ процессовъ, которые привели къ разнообразнымъ рефлексамъ этого звука въ современныхъ малорусскихъ говорахъ, — въ связи съ успѣхами русской діалектологіи. Скептицизмъ, который проявлялся[3] и проявляется[4] по отношенію къ замѣчательному открытію Соболевскаго отдѣльными учеными, падалъ передъ неоспоримыми свидѣтельствами памятниковъ,[5] и въ его паденіи

---

[1] А. И. Соболевскій. Очерки изъ исторіи русскаго языка. Кіевъ. 1884 г.

[2] Шахматовъ А. А. Изслѣдованія въ области русской фонетики. Варшава. 1893 г. 114 стр.

[3] Шимановскій. Къ исторіи древне-русскихъ говоровъ. Варшава. 1887 г. Житецкій. Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII в. Кіевъ. 1889 г. Стр. 120—122.

[4] Крымскій А. Е. Филологія и Погодинская гипотеза. Кіевъ. 1904. Деякі непевні крітерії для діялектолоґічної клясификації староруських рукописів. (Наук. сб. присьвяч. М. Грушевському. Львів. 1906 г.). Древнекіевскій говоръ. (Изв. II Отд. 1906, кн. 3). Украинская грамматика. Т. I, в. 1-й М. 1907; т. I, в. 2-й М. 1908; т. II, в. 1 М. 1907 г.

[5] Розовъ В. Значеніе грамотъ XIV и XV в. для исторіи малорусск. яз. Кіевск. Унив. Изв. 1907 г., № 5. Шахматовъ. Roczn. Slaw., т. II. Соболевскій.

заключались залогъ и обѣщанія крупныхъ результатовъ, которые можно извлечь изъ внимательнаго изученія судьбы *ѣ* въ памятникахъ велико-русскаго и бѣлорусскаго нарѣчій для исторіи этихъ нарѣчій. И въ освѣщеніи историческихъ процессовъ, связанныхъ со звукомъ *ѣ*, историки русскаго языка стали видѣть ключъ къ разрѣшенію вопросовъ объ особенностяхъ др.-русскихъ говоровъ.

«Точное изслѣдованіе судебъ нашего *ѣ* послужитъ къ опредѣленію особенностей др.-русскихъ говоровъ», писалъ А. А. Шахматовъ въ своемъ трудѣ объ языкѣ новгородскихъ грамотъ[1]. Ту же мысль онъ развивалъ въ своихъ «Изслѣдованіяхъ въ области русской фонетики»: «Занимающимся исторіею русскаго языка слѣдуетъ обратить особое вниманіе при характеристикѣ древне-русскихъ памятниковъ на то, какое въ каждомъ изъ нихъ существуетъ отношеніе между буквами *ѣ* и *е*: я увѣренъ, что внимательное наблюденіе именно надъ этой особенностью памятниковъ поможетъ разобраться со временемъ въ древне-русскихъ нарѣчіяхъ»[2].

Между тѣмъ исторія *ѣ* — этого «загадочнаго» звука въ русскомъ языкѣ — остается еще не вполнѣ изученной и раскрытой. Въ виду того, что изслѣдователи русскаго языка долгое время въ своихъ занятіяхъ надъ рукописями обходились безъ болѣе или менѣе устойчивыхъ критеріевъ для разграниченія фонетическихъ выявленій и чисто графическихъ особенностей, возникшихъ на почвѣ условной ороографіи, и нерѣдко смѣшивали случаи книжно-церковнаго, искусственнаго произношенія писцовъ съ чертами ихъ живого просторѣчія, вопросъ о судьбѣ звука *ѣ* въ русскомъ языкѣ естественно распался на два вопроса, которые иногда рѣшались независимо другъ отъ друга: 1) о мѣнѣ *ѣ* и *е* и 2) о мѣнѣ *ѣ* и *и*[3].

Русск. Фил. Вѣстн. 1910 г., № 1. Розовъ В. Изслѣдованіе языка южно-русскихъ грамотъ XIV и первой половины XV вѣковъ. Университ. Изв. Кіевъ. 1913 г., № 10 и 12.

[1] Шахматовъ А. А. О языкѣ новгородскихъ грамотъ. Изсл. по русск. яз., т. I. Спб. 1895, 213 стр.

[2] А. А. Шахматовъ. Изслѣдованія въ области русской фонетики. 139 стр.

[3] Е. Будде. Изъ занятій по языку Лаврентьевскаго списка нач. лѣт. Фил. Зап. 1889 г. Вып. I, 7—9 стр.; 11—14 стр.; 1891 г. Вып. III, 34—38 стр. Здѣсь же указанія на предшествующую литературу вопроса.

Теорія довѣрія показаніямъ памятниковъ, соединенная съ поспѣшнымъ обобщеніемъ отдѣльныхъ случаевъ[1], приводила историковъ русскаго языка къ признанію частичнаго перехода *ѣ* въ *и* и массоваго савпаденія его съ *е* иногда въ однихъ и тѣхъ же говорахъ еще на зарѣ древне-русской письменности, приблизительно во второй половинѣ XII вѣка[2], причемъ условія, опредѣлявшія различный ходъ процесса измѣненій этого звука въ одномъ и томъ же говорѣ, обычно не выяснялись[3].

Совершенно иначе взглянулъ на судьбу *ѣ* въ русскомъ языкѣ А. А. Шахматовъ. Опираясь на мнѣніе Ѳ. Е. Корша[4] и Ф. Ѳ. Фортунатова о звуковомъ значеніи праславянскаго *ѣ*, какъ дифтонга *i̯e*[5], А. А. Шахматовъ изъ дифтонгическаго произношенія общерусскаго *ѣ* объяснялъ различіе рефлексовъ его въ говорахъ русскаго языка[6]. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ настаивалъ на сохраненіи различія въ произношеніи *ѣ* и *е* въ языкѣ памятниковъ XIV—XV вѣковъ, указавши на искусственное, церковное произношеніе *ѣ*, какъ на факторъ, способствовавшій графическому смѣшенію буквъ *ѣ* и *е*. Но своеобразный взглядъ, котораго придерживался тогда А. А. Шахматовъ на древне-русскую письменность XI—XIII вѣковъ, заставилъ его какъ въ изслѣдованіи о языкѣ новгородскихъ грамотъ, такъ и въ «Изслѣдованіяхъ въ области русской фонетики отрицательно отнестись къ показаніямъ памятниковъ древнѣйшей эпохи о переходѣ *ѣ* въ *и*. Подъ вліяніемъ этой предвзятой точки зрѣнія, а также вслѣдствіе общаго разсмотрѣнія судьбы *ѣ* въ сѣверно

---

[1] Ср. А. А. Потебня. Отзывъ о сочиненіи А. Соболевскаго. Изв. II Отд. Акад. Наукъ, т. I, стр. 808.

[2] А. И. Соболевскій. Лекціи¹, стр. 59—62, 62—63. Ср. Ягичъ. Критическія замѣтки по исторіи русскаго языка. Гл. IV. Будде Е. Къ исторіи великор. говоровъ. Казань. 1896 г. 247 стр.

[3] Ср. Н. М. Каринскій. Языкъ Пскова и его области въ XV в. 1909. СПб. 172 стр. Его же. Очерки изъ исторіи псковской письменности и языка. I, 34 стр. и 45 стр.

[4] Ж. М. Н. Пр. 1881, № 3, стр. 139. Ср. Шахматовъ. О языкѣ новгородскихъ грамотъ, 212 стр. Объ *ѣ* = *i̯e* высказывалъ предположеніе еще М. А. Колосовъ. Ср. Р. Ф. В. 1903 г., № 3—4, 12 стр.

[5] См. подробнѣе гипотезы о праслав. *ѣ* у Г. А. Ильинскаго. Праславянская грамматика. Нѣжинъ. 1916 г., 54—57 стр.

[6] О языкѣ новг. грамотъ, 212 стр. и слѣд.; Фонетика, гл. 11.

и южно-великорусскихъ говорахъ, которые тогда объединялись А. А. Шахматовымъ подъ именемъ нарѣчій восточно-русскихъ, предложенная въ «Фонетикѣ» классификація «восточно-русскихъ» памятниковъ — по отношенію къ употребленію *ѣ* и *е* — не покрывала всего разнообразія рефлексовъ *ѣ* въ живыхъ великорусскихъ говорахъ. Вслѣдствіе этого позднѣе А. А. Шахматовъ какъ въ своихъ университетскихъ курсахъ [1], такъ и въ «Очеркѣ древнѣйшаго періода исторіи русскаго языка» [2], разсматривая отдѣльно судьбу *ѣ* въ сѣверно и южно-великорусскихъ говорахъ, тѣсно связывалъ случаи перехода *ѣ* въ *и* — въ древнихъ рукописяхъ съ чертами живой рѣчи Сѣвера и не оставлялъ ихъ безъ вниманія, когда намѣчалъ контуры новой классификаціи памятниковъ съ точки зрѣнія употребленія *ѣ* и *е*. Для блестящихъ обобщеній А. А. Шахматова много матеріала доставилъ Л. Л. Васильевъ, сдѣлавшій рядъ замѣчательныхъ наблюденій надъ употребленіемъ *ѣ* въ группѣ московскихъ рукописей XVI — XVII в. [3], въ сѣверно-великорусскомъ Богдановскомъ Златоустѣ [4] и Вологодскомъ Евангеліи [5].

Изслѣдованія А. А. Шахматова и Л. Л. Васильева по вопросу о судьбѣ звука *ѣ* въ говорахъ русскаго языка уяснили много сторонъ въ темномъ прошломъ русскихъ нарѣчій, и самое изученіе измѣненій звука *ѣ* получило новое направленіе. Была обнаружена возможность возводить къ древнѣйшему періоду исторіи русскаго языка разнообразіе современныхъ отраженій звука *ѣ*.

Но эти освѣтившіяся полосы въ исторіи *ѣ* не покрывали всего пути, доведшаго этотъ звукъ до его живыхъ рефлексовъ. Кромѣ того, недостаточность фактическаго матеріала и вызываемыя ею столкновенія

---

1 А. А. Шахматовъ. Исторія русскаго языка. 1911—1912 г. Ч. II, стр. 222 и слѣд. (изд. 2, литогр.).

2 А. А. Шахматовъ. Очеркъ древнѣйшаго періода исторіи русскаго языка. 1915 г. 322—325 стр. и 343—345 стр.

3 Л. Л. Васильевъ. Къ исторіи звука *ѣ* въ московскомъ говорѣ XIV — XVII в. (Изв. II Отд. 1905 г., кн. 2). Нѣсколько данныхъ для опредѣленія звукового качества буквы *ѣ* сравнительно съ буквою *е* въ памятникахъ XVII в. (Изв. XV, 3).

4 Богдановскій Златоустъ XVI в (Изв. II Отд. X, 3).

5 Вологодское Евангеліе XVI в. (Русск. Фил. Вѣстн. 1907 г., № 2).

противорѣчивыхъ мнѣній — скрывали концы распутанныхъ нитей, которыя должны были указывать дорогу слѣдующимъ историкамъ языка. Тѣмъ не менѣе успѣхи діалектологическихъ разысканій ставили исторіи русскаго языка новые вопросы. Новѣйшія данныя изъ области южновеликорусскаго нарѣчія[1] заставили А. А. Шахматова коренным образомъ измѣнить установившееся мнѣніе о судьбахъ звука *ѣ* въ восточнорусскомъ нарѣчіи[2]. Онъ уже не говоритъ о переходѣ общерусскаго звукового сочетанія *іе* въ монофтонгъ *е*, какъ о существенномъ признакѣ, обособляющемъ восточно-русское нарѣчіе отъ сѣверно-русскаго[3]. Признавая характернымъ восточно-русскимъ явленіемъ лишь измѣненіе *ѣ* неударяемаго въ *е* открытое, теперь А. А. Шахматовъ монофтонгизацію ударяемаго *ѣ* приписываетъ только діалектамъ восточно-русскаго нарѣчія[4]. Такимъ образомъ, изученіе измѣненій звука *ѣ* въ южно-великорусскихъ говорахъ вступило на новую почву и должно искать себѣ подтвержденій и опоры въ древнихъ памятникахъ. Еще болѣе спорныхъ вопросовъ, нерѣшенныхъ недоумѣній складывается вокругъ того, что извѣстно изъ исторіи звука *ѣ* въ сѣверно-русскомъ нарѣчіи, хотя характеръ произношенія древняго *ѣ* является principium divisionis сѣверно-великорусскихъ говоровъ на отдѣльныя группы[5].

Не обосновано исторически современное діалектическое развѣтвленіе сѣверно-великорусскихъ говоровъ; не изслѣдованы систематически разнообразные рефлексы древняго *ѣ* въ рукописяхъ Сѣвера; не выяснены точно условія, вліявшія на различную судьбу звука *ѣ*.

Въ виду этого — передъ будущими изслѣдователями этого вопроса прежде всего встаетъ задача — восполнить извѣстный фактическій ма-

---

[1] Діалектологич. матеріалы, собранные В. И. Тростянскимъ, И. С. Гришкинымъ и др. Приготовилъ къ печати и снабдилъ примѣчаніями А. А. Шахматовъ. ПГр 1916. Ср. Шахматовъ, Очеркъ, 343 стр.; Б. М. Соколовъ. Къ вопросу о дифтонгическомъ произношеніи *ѣ* и *о* въ южно-великор. говорахъ. (Р. Ф. В. 1917 г., № 3-4).

[2] Ср. 343—344 стр. «Очерка», напр., съ 12 гл. Изслѣдованій въ области русской фонетики или съ 327—328 стр. Исторіи русскаго языка (1912 г., 2 изд.).

[3] Ср. Исторія русскаго языка. 149—152 стр.

[4] Очеркъ, 343-344 стр.

[5] Ср. Опытъ діалектологич. карты русскаго языка въ Европѣ.

теріалъ новыми данными изъ неизученныхъ рукописей, провѣрить на нихъ сдѣланные выводы и обобщенія и уже затѣмъ, запасшись необходимыми и вѣрными средствами, пуститься въ дальнѣйшій неизвѣстный, но заманчивый въ своей новизнѣ путь.

Этими соображеніями опредѣляется характеръ и цѣль предлагаемой работы. Она представляетъ собою попытку въ самыхъ общихъ чертахъ прослѣдить этапы въ судьбѣ звука *ѣ* и его діалектическихъ развѣтвленіяхъ — и при томъ только въ предѣлахъ сѣверно-великорусскаго нарѣчія.

Авторъ старался не уклоняться съ твердой почвы памятниковъ въ область зыбучихъ гаданій.

Правда, можетъ возникнуть сомнѣніе, въ состояніи ли памятники съ ихъ традиціоннымъ письмомъ, скрывающимъ звуковыя различія, съ ошибками, малограмотными написаніями, съ своеобразнымъ, нерѣдко зависящимъ отъ индивидуальности писца ассоціированіемъ звуковъ съ ихъ буквенными изображеніями — пролить свѣтъ на сложные и тонкіе фонетическіе процессы эволюціи звука *ѣ*.

Вѣдь такой знатокъ рукописей, какъ ак. А. И. Соболевскій, пришелъ на основаніи изученія сѣверно-русскихъ памятниковъ къ выводу, что въ большинствѣ сѣверно-великорусскихъ говоровъ уже въ XII вѣкѣ произошло отождествленіе звуковъ *ѣ* и *е*[1].

Между тѣмъ это заключеніе рѣшительно противорѣчитъ показаніямъ современныхъ сѣверно-великорусскихъ говоровъ[2].

Подъ вліяніемъ этого противорѣчія проф. Е. Ѳ. Будде высказывалъ предположеніе, что сѣверное различіе *ѣ* отъ *е* не проникало въ письменность вслѣдствіе трудности его графическаго воспроизведенія[3].

При такихъ обстоятельствахъ, чѣмъ сильнѣе я могъ предчувствовать опасность заблудиться, тѣмъ большее значеніе прибрѣтали для меня методологическіе вопросы, связанные съ изученіемъ исторіи языка по рукописнымъ текстамъ.

Въ лабиринтѣ памятниковъ я старался не выпускать изъ рукъ

---

[1] А. И. Соболевскій. Лекціи[4], 69 стр.

[2] Е. Будде. Къ исторіи великорусскихъ говоровъ. 217 стр.

[3] Ibidem.

Аріадниной нити, которой служили для меня свидѣтельства живыхъ современныхъ говоровъ. Кромѣ того, я убѣжденъ, что только соединеніе интенсивнаго метода изслѣдованія памятниковъ съ экстенсивнымъ[1] можетъ дать прочные результаты. Поэтому я стремился захватить въ кругъ своего разсмотрѣнія возможно большее число памятниковъ и старался исчерпать, по крайней мѣрѣ, для себя каждую рукопись въ интересующемъ меня отношеніи. Я не отбрасывалъ, какъ негодное средство, рукописи религіозно-церковнаго характера и пользовался ими рядомъ съ оригинальными памятниками: грамотами, актами, лѣтописями и т. п., хотя путь, которымъ я въ томъ и другомъ случаѣ шелъ къ анализу живой рѣчи писца, былъ различенъ.

Если при изученіи памятниковъ богослужебнаго содержанія приходилось прокладывать дорогу къ народной фонетикѣ, нерѣдко осложненной отголосками литературной рѣчи, черезъ заросли искусственной, книжной орѳографіи и церковнаго произношенія, то при занятіяхъ надъ грамотами и т. п. устойчивыя черты литературнаго письма и языка, связанныя съ господствующимъ культурнымъ центромъ и предшествующей исторіей литературнаго языка, часто выступали еще болѣе ярко надъ скрытой діалектической основой просторѣчія, и еще труднѣе было отдѣленіе отъ орѳографическаго шаблона живыхъ чертъ литературнаго языка и діалектическихъ примѣсей въ немъ[2].

Иногда въ памятникахъ той и другой категоріи проникновеніе въ живой говоръ писца затруднялось его многочисленными описками или безсильными потугами въ узкомъ кругѣ знакомыхъ ему графическихъ изображеній выбрать наиболѣе подходящее обозначеніе для того или иного акустическаго представленія (ср. Богородицкій В. А. Изученіе малограмотныхъ написаній. Фил. Зап. 1881 г., вып. III).

[1] Журн. Мин. Нар. Пр. 1900 г., VI т., стр. 388. Б. М. Ляпуновъ. Отвѣтъ на рецензію проф. Соболевскаго. Ср. Ж. М. Н. Пр. 1900 г., т. XI, стр. 263. Ср. Розовъ В. Новѣйшее направленіе русской лингвистики. Кіевск. Унив. Изв. 1908 г., I.

[2] Ср. Шахматовъ А. А. О языкѣ новг. грамотъ, 132 стр. Карскій Е. Ѳ. Къ исторіи звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи. Варш. 1893, стр. 88—90. Розовъ. Значеніе грамотъ, стр. 7. Замѣчу, что значеніе грамотъ, какъ матеріала для морфологическихъ и синтаксическихъ наблюденій, обычно смѣшивается съ ихъ значеніемъ для фонетики.

Но избѣгать соблазна принимать эти случайныя, иногда очень далекія колебанія графики за наслоенія различныхъ діалектическихъ единицъ мнѣ помогало методологическое соображеніе, которое прекрасно формулировано Л. Л. Васильевымъ: «не въ индивидуальныхъ случайныхъ, полусознательныхъ опискахъ писцовъ должно, главнымъ образомъ, искать отраженія ихъ говора, а въ сознательномъ проведеніи въ видѣ орѳографіи извѣстныхъ звуковыхъ чертъ, передаваемой одними писцами опредѣленной мѣстности другимъ, которые не сохраняютъ этой орѳографіи неприкосновенно, а совершенствуютъ и доводятъ до конца начатое учителями»[1].

Такимъ образомъ, съ этой точки зрѣнія — вдумчивый анализъ памятника открываетъ изслѣдователю грамматическія реминисценціи писца, поддерживаемыя часто вліяніемъ оригинала, и перемежающіяся съ ними такія графическія явленія, за которыми скрывается та или иная особенность живой рѣчи, опредѣляемая при посредствѣ показаній современной діалектологіи, при чемъ нерѣдко выступаетъ на сцену и третій факторъ — искусственное, церковное произношеніе, иногда совпадающее въ извѣстной чертѣ съ говоромъ господствующаго культурнаго центра[2].

Комбинаціи трехъ намѣченныхъ элементовъ орѳографіи — этимологическаго принципа, полуфонетической транскрипціи и культурныхъ вліяній — въ разныхъ памятникахъ могутъ быть различны. Значительно рѣже пробиваются наружу индивидуальныя аномаліи выговора писца. Конечно, далеко не всегда орѳографія рукописи такъ сложна. Напр., въ характерѣ употребленія *ѣ* и *е* въ Лаврентьевскомъ спискѣ начальной лѣтописи обнаруживается лишь этимологическій принципъ, нарушенный проникшимъ въ литературный языкъ церковнымъ произношеніемъ заимствованныхъ болгарскихъ словъ съ *ѣ* (время и т. п.) и ассоціированіемъ *jѣ* съ *je*, и въ закономѣрности этихъ исключеній — лучшее доказательство совпаденія въ данномъ случаѣ этимологическаго принципа съ фоне-

[1] Л. Л. Васильевъ Нѣсколько данныхъ для опредѣленія звукового качества буквы *ѣ*. Изв. II Отд., XV, 3. 199 стр.

[2] Относительно церковнаго произношенія см. у Л. Л. Васильева. Изв., XV, 3. 211 — 212 стр. Иначе и, по моему мнѣнію, неправильно Н. М. Каринскій (Ж. М. Н. Пр. 1903, V, 109 стр.) и Розовъ (Кіев. Ун. Изв. 1907 г., т. V, 5 стр.).

тическимъ различеніемъ *ѣ* и *е*. Изслѣдователю не трудно опредѣлить звуковое значеніе буквы *ѣ* въ говорѣ писцовъ Лавр. лѣтоп., если онъ поставитъ въ связь сѣверно-русскій говоръ литературно-образованныхъ лѣтописцевъ съ говоромъ московскихъ писцовъ XIV — XV в., которые, заимствовавъ южно-великорусское удареніе и распредѣленіе экспираторной силы и подъ его вліяніемъ измѣнивъ безударный вокализмъ, сохранили свое принесенное съ Сѣвера дифтонгическое произношеніе *ѣ* подъ удареніемъ.

Кромѣ того, выдѣленіе особенностей живого говора упрощается когда фонетическій принципъ приходитъ въ столкновеніе съ этимологической или искусственно-книжной орѳографіей, и тогда передъ изслѣдователемъ, послѣ возсозданія фонетики говора писца по графическимъ обнаруженіямъ (напр., частые случаи *и* вм. *ѣ*)[1], освѣщаемымъ діалектологическими данными, — встаетъ задача объясненія причинъ и происхожденія тѣхъ или иныхъ искусственно-книжныхъ воздѣйствій.

Поэтому методологически ошибочны заключенія ак. А. И. Соболевскаго и проф. Н. М. Каринскаго о произношеніи звука *ѣ* въ рядѣ псковскихъ памятниковъ[2]. На это обратилъ вниманіе въ рецензіи на диссертацію Н. М. Каринскаго ак. А. А. Шахматовъ[3].

Таковы общіе методологическіе принципы, которыми я руководился въ своей работѣ. Они сложились у меня какъ на основаніи собственныхъ поисковъ путей изученія исторіи языка по рукописямъ, такъ и подъ вліяніемъ оцѣнки достиженій другихъ изслѣдователей текстовъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ кажется, что эти методологическія соображенія служили предпосылкой многихъ работъ и даже высказывались печатно нѣкоторыми историками русскаго языка, напр., Л. Л. Васильевымъ и А. А. Шахматовымъ. Свою зависимость отъ этихъ двухъ изслѣдователей я живо чувствую. Особенно сильное вліяніе на характеръ и

---

1 При опредѣленіи фонетическаго значенія такихъ начертаній изслѣдователю предстоитъ выборъ на основаніи тѣхъ или иныхъ мотивовъ изъ возможныхъ психическихъ связей буквъ со звуками—одной наиболѣе вѣроятной для даннаго говора. Ср. Л. Л. Васильевъ. Изв. II Отд. 1904, кн. 2.

2 Н. М. Каринскій. Языкъ Пскова и его области въ XV в., 172 стр.

3 Шахматовъ. Нѣсколько замѣтокъ объ языкѣ псковскихъ памятниковъ. Ж. М. Н. Пр. 1909 г., іюль, стр. 128.

выводы моей работы оказалъ А. А. Шахматовъ, какъ печатными трудами, такъ и личными бесѣдами и разнообразной помощью, которую я находилъ у него.

Здѣсь же не могу не назвать и проф. П. М. Каринскаго, который въ студенческой аудиторіи своей воспиталъ мою еще не опредѣлившуюся склонность къ занятіямъ языкомъ и помогъ мнѣ найти дорогу среди противорѣчивыхъ влеченій.

Петроградъ. 1920 г. Іюнь.

ГЛАВА I.

Основные діалектическіе типы рефлексовъ *ѣ* въ современныхъ с.-в. говорахъ.

Рефлексы древняго *ѣ* въ современныхъ сѣв.-вел. говорахъ разнообразны, и на основѣ діалектическихъ отличій въ судьбѣ *ѣ* устанавливается рядъ группъ говоровъ въ сѣверно-великорусскомъ нарѣчіи. Но и въ предѣлахъ одного и того же говора *ѣ* имѣлъ различную судьбу въ зависимости, во-первыхъ, отъ качества слѣдующаго слога и, во-вторыхъ, отъ своего положенія въ отношеніи ударенія.

Хотя въ сѣверно-великорусскомъ нарѣчіи измѣненія неударяемыхъ гласныхъ не были столь рѣзки, какъ въ южно-великорусскомъ, тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію, что и въ немъ наиболѣе устойчивымъ является вокализмъ ударяемыхъ слоговъ. Поэтому основные діалектическіе типы, къ которымъ восходятъ рефлексы древняго *ѣ*, естественнѣе всего опредѣлить, исходя изъ анализа измѣненій *ѣ* — подъ удареніемъ, въ зависимости отъ окружающихъ условій. Такъ именно поступилъ А. А. Шахматовъ въ своей «Исторіи русскаго языка» и «Очеркѣ древн. періода исторіи русскаго языка» (ср. Изслѣдованія въ области фонетики, гл. 12-я). Однако для меня установленіе этихъ діалектическихъ группъ является лишь начальнымъ этапомъ работы. Дальнѣйшія направленія ея опредѣляются сразу же рождающимися вопросами: какъ отразились эти отличія въ фонетическихъ процессахъ, пережитыхъ звукомъ *ѣ*, въ сѣверно-русскихъ памятникахъ? съ какого времени можно прослѣдить ихъ по текстамъ? нельзя ли произвести территоріальное пріуроченіе рукописей, объединяемыхъ общими графическими пріемами въ употребленіи *ѣ*? Послѣ разсмотрѣнія этихъ общихъ вопросовъ и другихъ, которые всплывутъ въ самомъ процессѣ анализа сложныхъ орѳографическихъ явленій разнородныхъ текстовъ, я попытаюсь рѣшить вопросъ:

какова была разница въ судьбѣ звука *ѣ* въ ударяемыхъ и неударяемыхъ слогахъ и какъ надо представлять процессы измѣненій безударнаго *ѣ*?

Такъ методъ изслѣдованія и задачи его — намѣчаютъ порядокъ изложенія матеріала. Современной діалектологіей начинается изложеніе и въ сопровожденіи ея идетъ въ глубь исторіи языка.

Настоящее положеніе діалектологическаго матеріала, хотя и можетъ внести нѣкоторые измѣненія въ ту общую картину территоріальной группировки рефлексовъ *ѣ*, которую находимъ въ «Опытѣ діалектологической карты русскаго языка», но не въ состояніи дать исчерпывающія указанія для діалектологическаго атласа распространенія тѣхъ или иныхъ отраженій *ѣ*. Поэтому я не пытаюсь точно опредѣлить границы массового преобладанія извѣстнаго рефлекса *ѣ* и подробно очертить оазисы его среди другихъ группъ говоровъ, ограничиваясь лишь сведеніемъ всѣхъ діалектическихъ отличій въ судьбѣ *ѣ* къ основнымъ типамъ, которые явятся для меня критеріемъ при раздѣленіи сѣверно-русскихъ памятниковъ съ точки зрѣнія изучаемаго явленія на категоріи.

Всѣ рефлексы *ѣ* въ сѣверно-великорусскомъ нарѣчіи — въ ударяемомъ положеніи могутъ быть объединены въ слѣдующія діалектическія группы, которыя заключаютъ въ себѣ рядъ говоровъ — иногда территоріально очень далекихъ:

I. На мѣстѣ этимологическаго *ѣ* слышится дифтонгъ $\widehat{ie}$ — въ положеніи какъ передъ твердыми, такъ и передъ мягкими согласными[1]. Примѣры: Лѣкинскій говоръ, Егорьевск. у., Рязанск. губ. (А. А. Шахматовъ. Изв. II Отд., XVIII, кн. 4); рядъ другихъ говоровъ Егорьевск. уѣзда (Н. Н. Дурново. Краткій отчетъ. Р. Ф. В., LXXI т.); говоры нѣкоторыхъ мѣстностей Касимовскаго уѣзда, Ряз. губ. (проф. Е. Будде. Къ исторіи великорусскихъ говоровъ, 42 стр.); говоръ с. Пустошей, Ягод. вол,, Владим. губ. (Д. В. Бубрихъ. Изв. II Отд., т. XVIII, кн. 4); нѣкоторые говоры Тотемск. и, быть можетъ, другихъ уѣздовъ Вологод-

1 Необходимо имѣть въ виду, что наблюдатели (Шахматовъ, Ол. Брокъ) — указываютъ на произношеніе *ѣ* въ предѣлахъ одного и того же говора и какъ дифтонга $\widehat{ie}$, и какъ «неоднороднаго звука» (объ этомъ различіи см., напр., у Л. В. Щербы. Восточно-лужицкое нарѣчіе. Пгр. 1915, 13 стр.). Поэтому нѣкоторые изъ приводимыхъ говоровъ могутъ характеризовать и тотъ типъ рефлексовъ *ѣ*, который я разсматриваю въ III группѣ.

ской губ. (ср. Опытъ діалектологич. карты — впрочемъ со ссылкой на изслѣдованіе проф. Ол. Брока, которая ничего не доказываетъ[1]; говоръ Покровскаго уѣзда, Владим. губ. (отвѣтъ на акад. програму С. П. Муханова № 244; А. А. Шахматовъ. Ист. русск. яз., 229 стр.); повидимому, также говоры нѣкоторыхъ селеній и деревень Котельничскаго уѣзда, Вятской губ. (по моимъ свѣдѣніямъ), и др.

II. Дальнѣйшимъ видоизмѣненіемъ говоровъ первой группы, которые могутъ быть признаны болѣе архаичными по судьбѣ *ѣ*, являются говоры, въ которыхъ *i͡e* передъ мягкими согласными перешло въ *и* черезъ посредство *iᵉ*, а передъ твердыми сохраняется дифтонгическое произношеніе *ѣ*. Таковы говоры Никольскаго уѣзда, Вологодск. губ. (Мансикка. Изв. II Отд., XIX т., кн. 4); части Тотемскаго уѣзда (ib., 203 стр.; Ол. Брокъ. Описаніе одного говора изъ юго-западн. части Тотемск. уѣзда. Сборн. Отд. р. яз. и сл., 83 т.); Ветлужск. уѣзда, Костромск. губ. (Мансикка, ib.); Костромск. уѣзда (Н. Н. Виноградовъ. О народномъ говорѣ Шунгенск. вол., Костр. у. Сб. II Отд., 77 т.); Яранск. у. Вятской губ. (Д. К. Зеленинъ. Отчетъ о поѣздкѣ въ Яранскій уѣздъ для изученія нар. гов. Уч. Зап. Юр. Унив. 1902 г., № 3, 12 стр. Ср. Даль. О нарѣчіяхъ, стр. L, гдѣ говорится о двоегласномъ произношеніи *и* вм. *ѣ* въ вятскомъ говорѣ. Ср. Будде. Къ исторіи великорусск. гов., 202 стр.; Его же. Отчетъ о командировкѣ въ Вятск. губ. Уч. Зап. Каз. Унив. 1896 г., X) и др.

III. Процессъ монофтонгизаціи *ѣ* не всегда приводилъ къ крайнимъ точкамъ измѣненій этого звука, т. е. къ совпаденію его съ *е* или *и*. И въ третьей группѣ условно мы объединяемъ говоры, въ которыхъ на мѣстѣ этимологическаго *ѣ* слышатся очень разнообразные, имѣющіе множество переходныхъ ступеней звуки, средніе между *е* и *и*, съ наклономъ діалектически то къ *и*, то къ *е*[2]. Можно думать, что эти говоры знакомятъ насъ съ тѣмъ промежуточнымъ хронологически этапомъ, черезъ который проходилъ звукъ *ѣ* на пути отъ дифтонгическаго произно-

---

[1] Ср. Этнографическое Обозрѣніе. 1916 г. № 1—2, 104 стр.

[2] Въ однихъ говорахъ артикуляція этихъ звуковъ относительно однообразна, въ другихъ образуетъ какъ бы рядъ переходящихъ другъ въ друга оттѣнковъ.

шенія къ измѣненію въ *е* или *и*. Отсутствіе въ большинствѣ случаевъ подробныхъ и точныхъ фонетическихъ описаній разнообразныхъ оттѣнковъ *ѣ* не даетъ возможности установить по говорамъ хотя бы въ общихъ чертахъ градацію этихъ звуковъ по степени увеличивающейся узости[1]. Звукъ, средній между *е* и *и*, отмѣченъ наблюдателями въ Кологривск. у., Костромск. губ. (Мансикка. Изв. II Отд., т. XIX, кн. 4); въ окрестностяхъ Выгозера и Водлозера, Олонецк. губ. (Соболевскій. Опытъ діалектологіи, 14 стр.); въ Тихвинск. у., Новгородск. губ. (Соколовъ Н. Н. Поѣздка въ Тихв. у. Р. Ф. В. LXII т., 220 стр.; впрочемъ, иногда здѣсь *ѣ* звучитъ какъ *ei̯*, напр., въ дер. Пешневѣ); въ говорахъ восточной половины Бронницкаго уѣзда окающе — цокающей группы (Каринскій. Изв. II Отд., 1903 г. т. I, 361 стр.: «*eⁱ* болѣе узко, чѣмъ въ словѣ мель»); также въ юго-восточной части Никольск. у., Вологодской губ. гдѣ спорадически встрѣчается закрытое *ê* (Мансикка); то же въ говорахъ Олонецкой, Новгородской и части Ярославской губ. (Шахматовъ. Фонетика, 165—166 стр.); въ Симбирской губ., Алатырск. у., въ селѣ Утесовкѣ, гдѣ въ словѣ мѣлъ — «*ѣ* звучитъ, какъ *е* въ мель» (Матеріалы IV, § 32) и др. (ср., напр., Опытъ діалектологической карты, стр. 21, 86; Каринскій. Р. Ф. В. 1898 г., № 3—4, 108 и сл.).

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ части говоровъ разсматриваемой группы *ѣ* совпало въ одномъ звукѣ въ положеніи — какъ передъ твердыми, такъ и передъ мягкими согласными, въ то время какъ въ другой части *ѣ* передъ мягкимъ слогомъ произносится значительно уже, чѣмъ передъ твердымъ (см. Опытъ діалектологической карты, стр. 21, 86)[2]. Какъ бы переходъ отъ этихъ послѣднихъ говоровъ къ говорамъ слѣдующей группы образуютъ тѣ говоры, въ которыхъ, — при совпаденіи *ѣ* съ *е* или *ê* передъ твердыми согласными, *ѣ* передъ мягкими звучитъ «почти какъ *и* (— *iᵉ*)

[1] Любопытно, что въ нѣкоторыхъ сѣверно-вел. говорахъ рефлексы этого типа развиваются подъ воздѣйствіемъ окружающей діалектической среды, вытѣсняя органическаго, стараго замѣстителя *ѣ* (звукъ *и*). См. описаніе Уломскаго г., Череповецк. у., сдѣланное С. А. Ереминымъ (Сб. II Отд., т. 99)

[2] Ср. еще Зеленинъ. Отчетъ о поѣздкѣ въ Яранск. у. (Учен. Зап. Юрьевск. Унив. 1902, № 3); его же. Отчетъ о діалектол. поѣздкѣ въ Вятск. губ. (Сборн. 2 Отд., 76 т.).

со слабымъ оттѣнкомъ *е*», напр., въ Каз. губ. (Будде. Діалектолоические замѣтки. Сб. ст., посв. Ф. Θ. Фортунатову. Его же. Главнѣйшія черты народ. гов. въ Каз. губ. Р. Ф. В., т. XXXII, 90 стр.); въ Тверской (Чернышевъ. Свѣдѣнія о нѣкоторыхъ говорахъ Тверского, Клинск. и Московск. у.); въ Уфимск. губ. (Д. К. Зеленинъ. Усень-Ивановскій говоръ. Изв. II Отд., т. X, кн. 2).

IV. Къ четвертой группѣ относимъ говоры, въ которыхъ уже совершился переходъ *ѣ* въ *и* — передъ мягкими согласными, въ то время какъ передъ твердыми *ѣ* или совсѣмъ совпало съ *е* или звучитъ, какъ узкое *е*.

Сюда принадлежатъ, напр., говоры с.-в. части Пудожскаго уѣзда (Мансикка); говоры разныхъ мѣстностей Костромской губ. (Н. Н. Соколовъ. Окающіе говоры Костр. губ. Р. Ф. В. 1917 г., № 3—4; ср. Θ. Покровскій. Жив. Стар., г. IX, вып. II; г. VII, вып. III и IV; г. V, вып. III и IV; ср. также Матеріалы, IX и др.); говоры Кирилл. у., Новг. губ. (Б. и Ю. Соколовы. Р. Ф. В., т. 64, 291 стр.); Бѣлозерск. у., Новг. губ. (Соколовы. Р. Ф. В., т. 62; ср. Н. Н. Соколовъ. Народ. гов. Новг. губ. Тр. Д. К., вып. 3); говоры разныхъ уѣздовъ Вятской губ. (Зеленинъ. Уч. Зап. Юр. Унив., 1902 г., № 3; Матеріалы, IX; V; VI. Будде. Краткій отчетъ. Уч. Зап. Каз. Унив. 1896 г., X. Соболевскій. Р. Ф. В., LV. Зеленинъ. Жив. Ст., г. XI, вып. I); Вологодской губ. (Шайтановъ. Жив. Стар., г. V, вып. III и IV; Матеріалы, вып. III, IX, IV; Мансикка. Р. Ф. В. 1912 г., № 4) и мн. др. (ср. Опытъ діалектологической карты).

е[ι] передъ твердыми согласными, при переходѣ *ѣ* въ *и* — между мягкими согласными, отмѣчено въ говорѣ Грязовецк. у., Вологодск. губ. (Мансикка. Говоръ Грязовецкаго у., Вологодск. губ. Р. Ф. В., 1912 г., № 4); въ говорахъ Тобольской губ., особенно въ Ишимскомъ уѣздѣ (Мат., вып. II, 557 стр.).

V. Въ рядѣ говоровъ *и* замѣнило древній звукъ *ѣ* какъ передъ мягкими, такъ и твердыми согласными. Таковы, напр., говоры Устюжскаго уѣзда, Новгор. губ. (Мат. III, § 28); д. Будогощи, Кукуйск. вол., Тихвинск. уѣзда, Новгор. губ. (Жив. Стар., г. IV, вып. I, 4 стр.); Новгор. у. (В. Θ. Соловьевъ; Мат. II, § 20; ср. Н. Каринскій. Р. Ф. В.,

т. 40) и др. западныхъ уѣздовъ Новг. губ. (Н. Н. Соколовъ. Ср. Опытъ діалектологической карты, стр. 22); нѣкоторые говоры Тверской губ. (Р. Ф. В. 1914 г., № 2, 337 стр. и слѣд.); Вельск у., Вологодской губ. (Будде. Къ исторіи вел. гов., 245); Волог. губ., Гряз. у., села Раслова (Мат., V, § 36); говоръ Вятск. губ., Котельнич. у., села Красногорскаго (Мат., V, § 35); нѣкоторые говоры Пермской губ. (Соболевскій. Р. Ф. В. LVI, 221 стр. и др.); Костромск. губ. Кинешемск. у., вол. Красносельской и Семеновск. (Мат., IX, 126 стр.) и мн. др.

VI. Кромѣ говоровъ, въ которыхъ на мѣстѣ *ѣ* слышится *ê* какъ передъ мягкимъ, такъ и твердымъ слогомъ, и которые являются какъ бы предпослѣднею ступенью говоровъ третьей группы на пути къ совпаденью съ *е*, мы встрѣчаемъ въ сѣверно-великорусскомъ нарѣчіи въ настоящее время такіе говоры, въ которыхъ совершенно исчезла разница между *ѣ* и *е*. Таковы — говоръ д. Бѣлой, Казанск. у. (Богородицкій): Ситской вол., Моложск. у., Ярославской губ. (Соколовъ. Нар. гов. Новг. г., 308 стр.); Арханг. губ., Онежск. у., с. Чекуева (Мат., V, § 41); Левочской вол., Боровичскаго уѣзда, Новгородской губ. (М. Синозерскій. О говорѣ жителей Бор. у. Жив. Стар., годъ V, вып. III и IV); Соликамск. у., Пермской губ., села Нердвинскаго (Р. Ф. В., LVI т.); Владимирской губ., Покровск. у. (Матер., I, § 10); Владимирской губ., г. Шуи и его окрестностей (Мат., вып. II, § 19) и др. (ср. Опытъ діалектологической карты, 25 стр.).

Конечно, всякая классификація искусственна. И въ предложенномъ мной обзорѣ с. в. говоровъ съ точки зрѣнія рефлексовъ древняго *ѣ* можно было бы произвести нѣкоторыя измѣненія въ зависимости отъ степени вліянія на произношеніе *ѣ* слѣдующаго согласнаго. Тогда мы прежде всего получили бы группы говоровъ, въ которыхъ *ѣ* звучитъ одинаково передъ твердымъ и мягкимъ слогомъ: 1) *ѣ* = *i̯e*; 2) *ѣ* = *и*; 3) *ѣ* = *ê* или i^e.

Этому ряду говоровъ мы противопоставили бы — говоры, развившіе различные рефлексы *ѣ* подъ вліяніемъ характера слѣдующаго слога:

I. *ѣ* = i^e передъ мягкимъ слогомъ, при чемъ въ зависимости отъ характера произношенія *ѣ* передъ твердымъ слогомъ можно было бы установить двѣ подгруппы:

a) *i^e* — передъ мягкими согласными; *ê* — передъ твердыми согласными;

в) *i^e* — передъ мягкими согласными; *е* передъ твердыми согласными;

II. *и* вм. *ѣ* — передъ мягкими слогласными; передъ твердыми:

a) — *i͡e*.

b) — *ê*.

c) — *е*.

III. *ê* вм. *ѣ* — передъ мягкими, *е* — передъ твердыми согласными.

Однако существеннымъ преимуществомъ той классификаціи, которую я предложилъ сначала, является то, что въ ней рельефнѣе выступаютъ процессы измѣненій первоначальнаго дифтонга — *ѣ* (*i͡e*), и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы намѣчаются тѣ хронологическія стадіи, черезъ которыя проходилъ звукъ *ѣ* — къ своимъ современнымъ отраженіямъ въ діалектахъ: отъ *i͡e* черезъ посредство *i^e* къ *и* или узк. *е*. Здѣсь же замѣчу, что нельзя неразрывнымъ образомъ связывать дифтонгическое произношеніе *ѣ* съ такимъ же произношеніемъ *о* — *у͡о* (*ô*, *ů*), которое отмѣчено изслѣдователями въ нѣкоторыхъ сѣверно и южно-великорусскихъ говорахъ (Шахматовъ. Очеркъ, 81 стр.; Б. М. Соколовъ. Къ вопросу о дифтонгическомъ произношеніи *ѣ* и *о* въ южно-великорусскихъ говорахъ. Р. Ф. В. 1917 г., № 3—4), потому что, во-первыхъ, извѣстны сѣверно-великорусскіе говоры, знающіе дифтонгическое произношеніе *ѣ* и не имѣющіе дифтонга *у͡о*[1]; во-вторыхъ, *i͡e* слышится въ говорахъ, сохранившихъ этотъ дифтонгъ, на мѣстѣ древняго этимологическаго ударяемаго *ѣ*, независимо отъ качества первоначальнаго ударенія, между тѣмъ какъ *у͡о* — согласно изслѣдованіямъ А. А. Шахматова и Л. Л. Васильева — находится лишь въ соотвѣтствіи древнему *о* подъ восходящимъ удареніемъ. Поэтому сѣверно-великорусскій дифтонгъ *i͡e* долженъ быть возведенъ къ тому исконному дифтонгу *i͡e*, который существовалъ еще въ общерусскую эпоху (ср. Б. М. Ляпуновъ. Лингвистическія замѣтки. Р. Ф. В., т. LV, 8 стр.).

Не буду касаться сложнаго и спорнаго вопроса о звуковомъ значе-

---

[1] Напр., вятскіе. Зеленинъ. Отчетъ о поѣздкѣ въ Яранск. у. Уч. Зап. Юр. Ун. 1902 г., № 3, 12 стр.

ніи *ѣ* въ праславянскую эпоху (ср., съ одной стороны, мнѣнія Mikkola (Berührungen zwischen den westfinnischen und slawischen Sprachen. Helsing. 1893. 53—54), Meillet (Mémoires de la Soc. de Linguistique IX, 138; XII, 27; De la differenciation des phonèmes, 14—15) Pedersen'a (KuhnsZeitschrift, XXXVIII, 329—330), Брандта (О звуковомъ значеніи *ѣ*. Грамматическія замѣтки, 33—45), Ильинскаго Г. А. (Праславянская грамматика, 55—56 стр.) и другихъ; съ другой стороны, взгляды Фортунатова, Шахматова, Корша, Поржезинскаго, Кульбакина, Бернекера, Ляпунова и прочихъ сторонниковъ фортунатовской гипотезы).

Но укажу тѣ основанія, которыя побудили меня исходить изъ формулы А. А. Шахматова для русскаго языка.

Прежде всего для изученія судьбы звука *ѣ* въ русскомъ языкѣ въ историческую эпоху безразлично, будемъ ли мы считать прарусское *ѣ* за *i͡e* или за *ê* долгое. Даже при удержаніи формулы А. И. Соболевскаго (прарусское *ѣ* = *ê*) приходится предполагать, что *ѣ*, утративъ во всякомъ случаѣ въ XI—XII в. долготу, которая замѣнилась качественными различіями въ судьбѣ этого звука (ср. примѣры *и* вм. *ѣ* уже въ памятникахъ конца XI—начала XII в.), въ большей части діалектическихъ группъ распалось на дифтонгическое сочетаніе *i͡e* (откуда затѣмъ развилось діалектически *е*? Ср. *i͡e* въ сѣверно-великорусскихъ, южно-великорусскихъ, малорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ), и что въ другой части говоровъ *ê* долгое (*ѣ*) переходило безъ посредства дифтонга въ *и* (ср. Л. В. Щерба. Субъективный и объективный методъ въ фонетикѣ. Изв. II Отд. Ак. Наукъ, т. XIV, кн. 4, 202 стр.). Но допущеніе непосредственнаго перехода *ê* долгаго (*ѣ*) въ *и*, теоретически вполнѣ возможное, не можетъ быть подтверждено ссылкой на явленія, связанныя съ судьбой древняго *ѣ* въ современныхъ русскихъ говорахъ. Наоборотъ, возникновеніе *и* изъ дифтонгическаго сочетанія *i͡e* въ соотвѣтствіи этимологическому *ѣ* отмѣчено наблюдателями, напр., Шахматовымъ въ лѣкинскомъ говорѣ Егорьевск. у., Д. К. Зеленинымъ въ вятскихъ говорахъ и др. ср. замѣчанія Олафа Брока о произношеніи *ѣ* въ говорѣ Тотемск. у., Волог. губ. Во всякомъ случаѣ, Олафъ Брокъ очень ярко обрисовалъ колебанія даже въ предѣлахъ одного и того же говора между «относительно однообразной артикуляціей» *ѣ* (*ê*) и «превращеніемъ гласной массы

слога въ рядъ переходящихъ другъ въ друга оттѣнковъ, въ родѣ болѣе или менѣе яснаго дифтонга (i͡ê, iêe, ie)[1], «съ самой вѣской частью слога въ первой части гласной[2]», при чемъ элементъ ê иногда поглощается или соединяется съ предшествующимъ, собственно только переходнымъ звукомъ i[3]». Правда, Олафъ Брокъ предполагалъ одинаково возможнымъ выводить услышанные имъ рефлексы *ѣ* какъ изъ сочетанія i͡e съ закрытымъ, напряженнымъ оттѣнкомъ *e*, такъ и изъ ê[4].

Однако для объясненія *и* имъ устанавливалась переходная ступень— i͡e. Во всякомъ случаѣ, предположеніе, что исходнымъ пунктомъ развитія *ѣ* въ сѣверно-русскомъ нарѣчіи было произношеніе его, какъ дифтонга i͡e или, по крайней мѣрѣ, неоднороднаго звука i^e, удобнѣе всего объясняетъ всѣ его современные рефлексы въ с.-в. говорахъ.

Къ древне-русскому i͡e, помимо показаній современныхъ говоровъ русскаго языка, которые неоспоримо доказываютъ, что всѣмъ тремъ первоначальнымъ вѣтвямъ русскаго племени — сѣверной, южной и восточной, по крайней мѣрѣ, частично было извѣстно дифтонгическое произношеніе *ѣ*, можетъ быть, ведутъ также данныя заимствованныхъ литовцами русскихъ словъ (см. К. Буга. Lituanica. Изв. II Отд., т. XVII, кн. I).

Такимъ образомъ, намѣчается исходный пунктъ развитія *ѣ*, промежуточныя ступени и отчасти результаты. Но именно относительно этихъ послѣднихъ возникаетъ вопросъ: дѣйствительно ли внутренніе процессы измѣненій *ѣ* привели въ части сѣверно-великорусскихъ говоровъ этотъ звукъ къ совпаденію съ *e*, или переходъ *ѣ* въ *e* въ діалектахъ сѣверно-русскаго нарѣчія обусловленъ вліяніемъ южно-великорусскаго нарѣчія — и въ послѣднее время литературнаго языка? На такое предположеніе наводитъ то обстоятельство, что въ говорахъ, измѣнившихъ *ѣ* въ *e*, обычно отмѣчаются и другія черты, свидѣтельствующія о вліяніи южно-великорусскаго нарѣчія или языка образованнаго общества

---

[1] Сборникъ II Отд. Ак. Наукъ, т. 83. Описаніе одного говора изъ юго-зап. части Тотемскаго уѣзда, 26 стр.

[2] ib., 29 стр.

[3] ib., 29 стр.

[4] ib., 31—32 стр.

(случаи аканья, отсутствіе смѣшенія *ч* и *ц* и др.). Кромѣ того, большинство такихъ мѣстностей — это селенія торговыя или лежащія на трактахъ, иногда уже въ настоящее время оставленныхъ, запущенныхъ.

Таковы, напр., многіе говоры Архангельской губ. (ср. А. А. Шахматовъ. Очеркъ современнаго русскаго литературнаго языка. Литогр. изд. Курсъ 1911—1912 г., 14—15 стр.); говоръ села Зашижемскаго, Орловск. у., Вятск. губ. (Матер., вып. V); говоръ Красносельск. вол., Костромск. у., Костромск. губ.; д. Бѣлой, Казанск. у., Каз. губ. (Богородицкій); Покровскаго у., Владим. губ. (Мат., вып. I, § 10); окрестностей Шуи, Владим. губ. (Мат., вып. II, § 19); села Нердвинскаго, Соликамск. у., Пермской губ. (Р. Ф. В., т. LVI); говоръ поселка Благословеннаго, Оренбургск. станицы (Зеленинъ. О говорѣ оренбургск. казаковъ. Р. Ф. В., т. LVI); нѣкоторыхъ селеній Ситск. вол., Моложскаго у., Ярославск. губ. (Соколовъ. Нар. гов. Новг. губ. Р. Ф. В., 1914 г., № 2, 308 стр.) и мн. др.

Думаю, что поставленный вопросъ окончательно можетъ быть разрѣшенъ лишь на почвѣ показаній древнихъ памятниковъ въ связи съ точной и исчерпывающей картой распространенія этого рефлекса *ѣ* (= *е*) въ сѣверно-великорускихъ говорахъ.

Таковы данныя современной діалектологіи относительно судьбы *ѣ* и таковы вопросы, которые она предлагаетъ памятникамъ, подсказывая ихъ рѣшеніе.

Обращаясь къ тѣмъ графическимъ средствамъ, которыми располагали древне-русскіе писцы для передачи разнообразныхъ рефлексовъ *ѣ*, мы должны по апріорнымъ соображеніямъ оставить всякую мысль о точномъ графическомъ воспроизведеніи всѣхъ оттѣнковъ звука *ѣ*: писцы могли пользоваться лишь 3 буквами — для ихъ изображенія — *ѣ*, *и*, *е*. При этомъ, помимо вліянія традиціонной орѳографіи, заключеніямъ о фонетикѣ народнаго говора мѣшаетъ разнообразіе фонетическихъ ассоціацій, которыя всѣ вели къ одной буквѣ: буква *и* могла передавать и звукъ *и*, и дифтонгъ $\widehat{ie}$, и $\widehat{ie}$, и i^e, и даже $\hat{e}$; буква *ѣ* — скрывала и дифтонгъ $\widehat{ie}$, и $\hat{e}$, и даже i^e; буква *е*-звукъ *е*, и $\hat{e}$ и даже, можетъ быть, въ нѣкоторыхъ случаяхъ $\widehat{ie}$. Если присоединить къ этому вліяніе оригинала, церковнаго произношенія и письма, орѳографическихъ пріе-

мовъ, выработанныхъ въ господствующемъ культурномъ центрѣ и иногда приходившихъ въ столкновенія съ графическими навыками писцовъ данной мѣстности, то получимъ слабое представленіе о тѣхъ трудностяхъ, которыя приходится преодолѣвать изслѣдователю при опредѣленіи фонетическаго значенія извлекаемыхъ изъ памятниковъ данныхъ.

И такъ какъ, при классификаціи рукописныхъ текстовъ съ точки зрѣнія изучаемаго явленія, историкъ языка поставленъ въ необходимость руководствоваться лишь наиболѣе рѣзкими проявленіями графики, то естественно возникаетъ опасность отнести въ одну группу памятники, у писцовъ которыхъ установились ассоціаціи различныхъ звуковъ съ одной буквой. Тѣмъ не менѣе внимательный анализъ всѣхъ фонетическихъ явленій, связанныхъ съ употребленіемъ буквъ *ѣ*, *е* и *и*, помогаетъ иногда точнѣе опредѣлить произношеніе *ѣ* въ говорѣ писца.

И задача слѣдующей главы состоитъ въ томъ, чтобы намѣтить основанія классификаціи сѣверно-русскихъ памятниковъ по отношенію къ употребленію *ѣ*-, *е*-, *и*- и представить самую классификацію извѣстныхъ мнѣ «новгородскихъ» текстовъ.

ГЛАВА II.

Классификація „новгородскихъ" памятниковъ съ точки зрѣнія употребленія *ѣ* и *и*.

Своеобразной чертой, которой сѣверно-в.-русскіе памятники въ значительной своей части отличаются отъ южно-великорусскихъ и бѣлорусскихъ, является замѣна *ѣ* черезъ *и*. Однако эта замѣна — сама по себѣ — еще не служитъ доказательствомъ совпаденія звука *ѣ* съ *и* въ живой рѣчи писца, свидѣтельствуя лишь о близости *ѣ* къ *и*. Но — въ соединеніи съ примѣрами обратной замѣны *и* черезъ *ѣ* — она представляетъ достаточное ручательство за прочность той психической связи, которая въ сознаніи даннаго писца установилась между звукомъ *и* и буквой *ѣ*. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ въ рукописяхъ со смѣшеніемъ буквъ *ѣ* и *и*, такъ и въ текстахъ съ простой замѣной *ѣ* черезъ *и* — имѣетъ большое значеніе — статистическій подсчетъ примѣровъ, расположенныхъ по рубрикамъ въ зависимости отъ окружающихъ условій. Онъ помогаетъ точнѣе опредѣлить тѣ фонетическіе варіанты *ѣ*, которые, вслѣдствіе скудости графическихъ изображеній, передаются на письмѣ одной буквой, — и условія ихъ возникновенія. Такимъ образомъ, внимательный анализъ графическихъ явленій даетъ возможность даже въ предѣлахъ памятниковъ однородныхъ различить нѣсколько рядовъ — въ зависимости отъ способовъ проявленія на письмѣ тѣхъ или иныхъ оттѣнковъ звука *ѣ*. Такъ устанавливаются среди «икающихъ» рукописей двѣ категоріи:

1) памятники, употребляющіе *и* вм. *ѣ* — какъ передъ твердыми, такъ и передъ мягкими согласными;

2) памятники, знающіе замѣну *ѣ* черезъ *и* лишь передъ мягкими согласными.

Но въ этихъ двухъ большихъ группахъ памятниковъ возможенъ рядъ подраздѣленій въ зависимости какъ отъ количественныхъ различій,

такъ и характера графическихъ явленій, сопровождающихъ переходъ *ѣ* въ *и*, напр., наличности или отсутствія примѣровъ обратной замѣны *и* черезъ *ѣ*.

Изъ памятниковъ, знающихъ замѣну *ѣ* черезъ *и*, выдѣляется группа, въ которой случаи употребленія *и* вмѣсто *ѣ*, ограниченные въ числѣ, замыкаются въ рамки опредѣленныхъ условій, благопріятствовавшихъ такому переходу, между тѣмъ какъ въ большинствѣ примѣровъ наблюдается сохраненіе *ѣ*. Рядъ побочныхъ соображеній, возникающихъ въ результатѣ анализа всѣхъ относящихся къ употребленію *ѣ* явленій, позволяетъ рѣшить, въ какихъ изъ памятниковъ данной группы подъ буквою *ѣ* скрывается дифтонгъ *ȋe* и въ какихъ *ѣ* надо читать какъ звукъ, отличающійся отъ *е* большей узостью и близостью къ *и*. Съ памятниками данной группы—приходится сопоставлять рукописи, которые, не зная совсѣмъ перехода *ѣ* въ *и*, сохраняютъ послѣдовательно этимологическое *ѣ*.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ памятникахъ, употребляющихъ *ѣ*—въ большинствѣ примѣровъ этимологически правильно, въ высшей степени важно опредѣленіе условій, при которыхъ наблюдаются исключенія—случаи *е* вм. *ѣ*. Изъ закономѣрности исключеній, вызванныхъ тѣми или иными фонетическими причинами, приходится дѣлать выводъ о соотвѣтствіи буквѣ *ѣ* особаго звука въ говорѣ писца.

Переходя къ памятникамъ, знающимъ употребленіе *е* вм. *ѣ* и обратно, я долженъ сказать, что по отношенію къ нимъ еще болѣе необходимы точныя статистическія наблюденія. Въ противномъ случаѣ изъ немногихъ—иногда фонетически или графически объяснимыхъ примѣровъ смѣшенія *ѣ* и *е* рождается выводъ о совпаденіи звуковъ *ѣ* и *е*. Конечно, случаи, хоть и рѣдкіе, перехода *ѣ* въ *и*, если исключена возможность возвести ихъ къ оригиналу, и нѣтъ основаній видѣть въ нихъ указаніе на смѣшанный характеръ діалекта, служатъ достачтонымъ критеріемъ для различенія *ѣ* и *е* въ соотвѣтствующемъ говорѣ.

Однако иногда и при отсутствіи примѣровъ *и* вм. *ѣ*, на основаніи самого характера смѣшенія *ѣ* и *е*, возможно настаивать на отличіи *ѣ* отъ *е* въ живомъ произношеніи.

Поэтому, какъ и въ рукописяхъ съ мѣной *ѣ*—*и*, въ памятникахъ со смѣшеніемъ *ѣ*—*е* надо различать двѣ основныя группы:

1) памятники, знающіе *е* вм. *ѣ* и обратно только передъ мягкими согласными;

2) памятники съ безпорядочнымъ смѣшеніемъ *ѣ* и *е*.

Впрочемъ, при изслѣдованіи рукописей всѣхъ категорій необходимо считаться съ искуственными пріемами графики, которые могли быть усвоены писцами подъ тѣми или иными культурными вліяніями. При такихъ обстоятельствахъ, изученіе и выясненіе характера и причины этихъ явленій не должно быть оставляемо въ сторонѣ историкомъ языка.

И такъ, стремясь классифицировать сѣверно-русскіе памятники съ точки зрѣнія употребленія въ нихъ *ѣ* и *е*, мы a priori устанавливаемъ, на основаніи графическихъ явленій, слѣдующія группы рукописей съ подраздѣленіями, о которыхъ удобнѣе вести рѣчь при анализѣ текстовъ:

I памятники, употребляющіе *и* вмѣсто *ѣ* — какъ передъ твердыми, такъ и передъ мягкими согласными;

II памятники съ переходомъ *ѣ* въ *и* только въ положеніи передъ мягкими согласными;

III памятники, въ которыхъ случаи *и* вм. *ѣ*, ограниченные строго опредѣленными условіями, напр., передъ *ĭ*, встрѣчаются въ небольшомъ количествѣ;

IV памятники, различающіе, вообще говоря, *ѣ* и *е* согласно съ этимологіей, но съ извѣстными — объяснимыми исключеніями;

V памятники, смѣшивающіе *ѣ* и *е* только передъ мягкими согласными;

VI памятники съ безпорядочнымъ смѣшеніемъ *ѣ* и *е*.

Кромѣ того, считаю необходимымъ при классификаціи рукописей руководствоваться тѣми діалектическими дѣленіями, которыя установлены по отношенію къ древнѣйшему періоду сѣверно-русскаго нарѣчія, именно: я разсматриваю отдѣльно 1) памятники, которые условно объединяются подъ именемъ новгородскихъ, 2) псковскія и 3) полоцко-смоленскія рукописи. Но въ виду общепризнаннаго факта сѣверно-русской основы въ современномъ литературномъ языкѣ, судьбы котораго тѣсно связаны съ исторіей московскаго говора, я особо принужденъ былъ разсмотрѣть исторію звука *ѣ* въ томъ литературномъ языкѣ, который, будучи перенесенъ изъ Кіева въ политическіе центры Ростово-Суздальской земли,

здѣсь усваивалися и ассимилировался сѣверно-русскими элементами [1] а затѣмъ, вмѣстѣ съ сдвигомъ населенія изъ средней и восточной части Великороссіи къ западной окраинѣ ея и съ перемѣщеніемъ культурно-политическаго центра въ Москву [2], въ этой послѣдней проникался южно-великорусскою струею и прежде всего подвергся вліянію южно-великорусскаго ударенія [3].

Подъ именемъ «новгородскихъ» памятниковъ условно объединяются изслѣдователями рукописи, содержащія въ себѣ фактическія указанія (записи и т. п.) на свою принадлежность Новгороду или территоріи его колонизаціи, и рукописи — безъ всякихъ территоріальныхъ датъ, но имѣющія въ своей орѳографіи одну общую съ несомнѣнно новгородскими памятниками черту — смѣшеніе *ц ч*, при отсутствіи восточно-русскихъ или псковскихъ примѣсей. Конечно, между многочисленными памятниками этого типа рѣзко обозначаются графическія различія.

Моя задача — классифицировать ихъ съ точки зрѣнія лишь одного такого различія, именно въ употребленіи *ѣ* и *е*.

Изъ намѣченныхъ мною выше для всѣхъ сѣверно-русскихъ рукописей категорій среди памятниковъ «новгородскаго» типа устанавливаются слѣдующія группы.

I. Памятники, употребляющіе *и* вм. *ѣ* — какъ передъ твердыми, такъ и передъ мягкими согласными.

Однако и рукописи этой категоріи — при указанной основной чертѣ, сближающей ихъ, имѣютъ въ употребленіи *ѣ* нѣкоторыя графическія особенности, за которыми въ нѣкоторыхъ случаяхъ могутъ скрываться фонетическія различія. Такъ выдѣляемъ прежде всего рядъ памятниковъ, которые графически смѣшиваютъ *ѣ* и *и* — въ всевозможныхъ положеніяхъ.

Таковы страницы Погод. Сборн. № 872 конца XIV — нач. XV в. (1—166), принадлежащія перу перваго писца: *и* вм. *ѣ* здѣсь встрѣчается:

---

[1] Ср. у А. Е. Прѣснякова. Образованіе великорусскаго государства. — Гл. 2. Ростово-Суздальская земля въ XII—XIII вѣкахъ.

[2] М. К. Любавскій. Возвышеніе Москвы.

[3] Шахматовъ. Очеркъ современнаго литературнаго языка.

a) подъ удареніемъ передъ твердыми и мягкими согласными: крипость 16_2; 79 об.$_1$; 112_2; — и 97_2; крипостью 148_1; чоловика 23_2; 37_2; чл҃викъ 24 об.$_2$; 55 об.$_1$; 69 об.$_2$; 82_2; 129_2; 139 об.$_2$; на ливо 92_2; лито 114 об.$_2$; с линостию 133_1; лицемире 61 об.$_2$; не ослабия 108_2.; ліствици 130 об.$_2$; 131_1;—хъ 131_2 и много др.;

b) въ слогахъ передъ удареніемъ — почти исключительно (но: не крипка 158 об$_2$.;—уд.?) при слѣдующемъ мягкомъ согласномъ: заприщения 4_1; облинитсѧ 19 об.$_2$; 113_1; 51 об.$_1$; 86 об.$_1$; — ихсѧ 86 об.$_1$; — имсѧ 39_1; — исѧ 39 об.$_2$; 102 об.$_1$; облинѣтесѧ 97_1; оукрипѧтсѧ 79_1; 100 об.$_1$; 112_1; оукрипитисѧ 97 об.$_1$; 103 об.$_1$; оукриплѣвають 123 об.$_1$ и др.;

c) въ заударныхъ слогахъ — всѣ примѣры передъ мягкими согласными: заповидь 14_1; 19 об.$_2$; — и 15 об.$_1$; первиѥ 131 об.$_2$; блажение 45_2 и др. под.

Ѣ замѣняетъ *и* въ серединѣ и концѣ словъ въ самыхъ разнообразныхъ условіяхъ: сѣречь 110_2; очѣщению 76 об.$_1$; вѣдъ 111_1; лѣствиѥ 53 об.$_2$; сѣяя 38_1; внѣмаите 28 об.$_2$; мѣнутисѧ121 об.$_1$; колѣко 151_1; в подвѣзѣ 164_2; приобѣдить 39_1; 69_2; навѣтнѣкъ 30_2; вѣну 107_2; рѣзу 23 об$_2$.; губѣтельно 75_2; лѣкованиѥ 97 об.$_2$; подвѣзаясѧ 94 об.$_2$ и очень мн. др.

Случаи замѣны *ѣ* черезъ *е* въ этомъ текстѣ падаютъ: а) на церковныя слова: обретеная 1_1; смотрениѥ 73_1; 164_1 и другія формы на ѣниѥ — възгорениѥ 78_1; разумения 146 об$_1$.; стречения 78_1; повелению 147_2; повеленѣя 97 об.$_2$; несть 107 об$_1$.; кромѣ того: болезнь (часто); во҃деле 13 об.$_1$; съ извещениѥмь 28_2; 48_2; речь 43 об.$_1$; две поприщи 93_1; — и б) описки: свести 4 об$_1$. теплеишю 37 об$_1$.; или на утраченныя въ живомъ языкѣ формы (locat. сущ. на — ехъ, прилаг. на — емъ).

Совсѣмъ единичны примѣры *ѣ* вмѣсто *е*.

2) Сходные, но не тождественные графическіе пріемы отмѣчены мною въ Ев. Публ. Библ. XIV в. Fп 1 № 15:

и вмѣсто *ѣ* находимъ почти исключительно подъ удареніемъ какъ передъ твердымм, такъ и передъ мягкими согласными: человичьскаго 3 об.$_1$; человикомъ 14_2; — викъ 33 об.$_2$; 89 об.$_1$; — вику 34_1; —

вича 41_2; — вича 49 об.$_1$;— вичьска 49_2; -вичьскыи 75_1; бдилъ 63 об.$_2$; 49 об.$_2$; влизеть 81_2; оскудикте 87_2; скорик 178_2; никто 76 об$_2$.; никокму 76_2; ниции 61 об$_1$.; ослабиють 63_2; долъжниша 84_1; ничто 27 об$_1$.; повижь 31; ицѣликть 33 об$_1$; 57 об$_1$.; 76 об$_1$.; 59_1; ливыи 10_2 и друг. под.

Въ безударныхъ слогахъ *и* замѣняетъ *ѣ* лишь въ формѣ: запріти 30_1; 34_1; 41_1; 52 об.$_1$; 57 об.$_2$; 68_2; 119 об.$_1$; 123_2; кромѣ того, ср. ненавидити 11_2; видитъ-sup. 31 об.$_2$. Отдѣльно надо ставить: а) частые случаи *и* вм. *ѣ*—въ конечномъ открытомъ слогѣ (въ форм. locat. и въ нарѣчныхъ образованіяхъ): вредни 37_1; на моисѣкви 58_1, ѿсели 30 об.$_1$; 113 об.$_2$; 83 об.$_1$; яви 11_1; 12_2; 19_2; 21_2; 34_1; 53 об.$_1$; досели 32, и др.; ср: въ гробихъ 5 об.$_2$; и б) аналогическія образованія: онима 2 об.$_1$; кдинимъ-dat. 73 об.$_2$. Примѣры обратной замѣны *и* черезъ *ѣ* — въ подавляющемъ большинствѣ падаютъ на конечные открытые слоги (коренѣ 55 об$_2$.; из дщерѣ 63_1; ѿ похотѣ 1_2 и др.) или на глагольныя формы классовъ на — ити и -ѣти (оузрѣши 3_2; — ѣте 3 об.$_1$; 49 об.$_1$; мнѣть 46 об.$_1$; не помнѣть 23 об.$_2$ и др.). Но также встрѣчаемъ: дѣра 30_2; свѣтѣла 64 об.$_2$ bis; на сборѣщихъ 58_1; въ храмѣнѣ 72_1; дрѣвьнѣхъ 73_1. Ограниченность случаевъ постановки *ѣ* вм. *и* — опредѣленными условіями свидѣтельствуетъ объ отличіи безударнаго *ѣ* отъ *и*.

3) Въ рукописи XIV в., напечатанной въ Русск. Достопам. II, случаи перехода *ѣ* въ *и* довольно многичисленны:

синь 11; в невѣдиньи 52; бижить 22, 39; сѣдити 35; нитъ 10; тимь видокомъ 14 (впрочемъ здѣсь возможно вліяніе формы -ти); видили 16; вылизуть 25; раздилить 32; видилѣ 56 и нѣк. др.

И вм. *ѣ* находимъ также въ конечномъ открытомъ слогѣ (главнымъ образомъ, въ формахъ dat. и locat.): вири 9; кроми 3; Г҃ гривни 135; из дружини 7; двѣ ногати 7; въ сороци гривень 6; о ремественичи 9; на друзи 18; в дружини 31 и др. *ѣ* вм. *и* отмѣчено мною лишь въ словахъ: дѣкую вѣру 6; вѣрнику 8; ср. вирнику 7; полувѣрье 10; кромѣ того, въ конечномъ открытомъ слогѣ: кралѣ—nom. plur. 42; видилѣ 56 и т. п.

4) «Мѣна *ѣ* и *и*» отмѣчена проф. Н. М. Каринскимъ въ Спискѣ

Печерскаго Патерика, писанномъ на бумагѣ русскимъ полууставомъ второй половины XV в. (примѣры см. въ брошюрѣ Н. М. Каринскаго: Новый списокъ Печерскаго Патерика, 1—2 стр.).

5) Въ Комисс. спискѣ Нов. I Лѣтописи XV в. также наблюдается мѣна *ѣ* и *и*. *И* вм. *ѣ* находимъ:

а) подъ удареніемъ — независимо отъ качества слѣдующаго слога: изъихаша 194_{22}; заихавъ 25_{7}; наиха 256; заиздѣ 379_{22} и др.; нитутъ 347_{18}; измину 267_{21}; рику 254; ориховецъ 347_{13}; печенигы 28_{21}; корилу 335_{20}; 386; проскипомъ 107; обонижью 334 и др.; недилю 88_{11}; медвидь 108_{15}; медвижьи 205_{2}; 121_{12} и др.;

b) въ предударныхъ слогахъ; всиваютъ 113_{12}; избигоша 338_{18}; шистомъ;

c) въ заударныхъ слогахъ: видихомъ 135_{17}; видиша 181_{4} и др. (можетъ быть, эти примѣры — продуктъ морфологической ассоціаціи).

Кромѣ того, нерѣдки случаи перехода *ѣ* въ *и* въ конечномъ открытомъ слогѣ: а) въ формѣ aoristi: сгори 366_{1}; хоти 355_{7}; узри 81_{7}; сѣди 242,17 и др.; б) въ мѣстномъ падежѣ единств. числа: в сили 370_{3}; на мѣстѣ пусти 81_{12}; при побѣди 257; на съѣзди 410_{17}; в городки 347_{21}.

Долженъ замѣтить, что въ Коммисс. Спискѣ Нов. I Лѣтописи нерѣдки примѣры замѣны *ѣ* черезъ *е* — подъ удареніемъ и внѣ ударенія, при чемъ большинство случаевъ этой замѣны падаетъ на формы мѣст. пад. единств. числа сущ. мужск. рода, дательн. и мѣстн. женск. рода, мѣст. пад. множеств. на -ехъ, а также на слова церковныя, книжныя.

ѣ стоитъ на мѣстѣ *и* иногда въ серединѣ словъ: избѣваемъ 106_{19}; грѣвнѣ 85_{3}; чюдѣньцевѣ 154_{8}; въспѣтаннаго 254; нѣ по колѣцѣхъ 268_{1}; въ тиунѣцѣ 87_{18}; дѣдѣну 331; в розмѣрьи 380 и нѣк. др.

Однако — преобладающее количество примѣровъ замѣны *и* черезъ *ѣ* приходится на конечные открытые слоги опредѣленныхъ морфологическихъ категорій: а) nom. sg. fem. на *и*; б) gen. sg. основъ на — *и*; в) loc. — dat. sg. основъ на *и*; г) dat. sg. основъ на *у* муж. рода; д) nom. plur. муж. рода существ., прилагат. и причаст. прош.; е) ablat. plur. существ.; ж) infinitiv'a; з) imperativ'a и др.

Такъ какъ замѣна *и* черезъ *ѣ* — въ указанныхъ формахъ извѣстна даже въ памятникахъ, которымъ, вообще говоря, чуждъ переходъ *ѣ* въ *и*, то, можетъ быть, эти примѣры надо отдѣлять отъ случаевъ смѣшенія *ѣ* и *и* — въ серединѣ словъ, которые въ Коммис. спискѣ количественно ничтожны и иногда объясняются помимо смѣшенія *ѣ* и *и*.

Въ виду этого едва ли можно обосновать на нихъ твердо выводъ о совпаденіи *ѣ* въ *и* въ говорѣ писцовъ этого памятника, хотя этотъ выводъ не лишенъ значительной доли вѣроятности.

6) Смѣшеніе *ѣ* и *и* очень ярко обнаруживается въ хожденіи Архимандрита Грееенія по рукописи Кіевск. Церковно-Археологич. Музея XV — нач. XVI вѣка (Р. Ф. В., т. XIII), въ которой, какъ и въ другихъ позднихъ новгородскихъ рукописяхъ, цоканье вытѣсняется вліяніемъ литературнаго языка.

И вм. *ѣ* — наблюдается — независимо отъ качества слѣдующаго согласнаго: 1) въ очень многочисленныхъ примѣрахъ подъ удареніемъ:

на ливой 2, 10, 37; мисто 5 bis; 6 bis; мистомъ 9; — а 9, 30, гнивомъ 37; колина 36; на мистѣ 32; по листвицы 5; купиль 17; вмисти 5, 7, 8 и др.;

2) въ предударныхъ слогахъ: грихи 32; въ стіни 9; при стинѣ 11; исциление 26; рика 32, 34; стина 36 и др.;

3) въ слогахъ за удареніемъ лишь: видити 4; вѣдихомъ 5.

Замѣчу, что въ неударяемомъ положеніи иногда *ѣ* замѣняется не черезъ *и*, а черезъ *е*: въ Іерусалиме 5; о граде 26; на колѣнехъ 30; въ стенѣ 17; обретѣ 10; ценою 39; на левѣ руци 10; стени 9; целова 21.

Случаи графической замѣны *и* черезъ *ѣ* — нерѣдки: блѣзъ 4; 15; 17; 19; напѣсань 9; побѣша 18; пѣшетъ 29; збѣрается 87; мѣръ 41 и мн. др.

7) Въ Писцовой книгѣ по Великому Новгороду, изданной В. В. Майковымъ (Лѣтопись занятій Археогр. Коммиссіи, XXIV в.) замѣчаемъ сходную орѳографію. Обращу вниманіе на то, что говоръ писцовъ этой книги подвергся вліянію южно-великорусскаго ударенія и потерпѣлъ существенныя измѣненія въ безударномъ вокализмѣ, но произношеніе ударяемыхъ гласныхъ сохранило типичныя сѣверно-великорусскія черты.

Въ этой рукописи мною отмѣченъ лишь 1 примѣръ цоканья-черковныхъ 198 об.

Буква *и* пишется вмѣсто *ѣ* довольно послѣдовательно — въ слогахъ подъ удареніемъ: свичники 32; — овъ 43 (удар. на *ѣ*); билочника 32; бесидное 68 л.; желизника 150 об.; подсусидниковъ 158; — ехъ 98; 98 об.; 147; подсусидникъ 149 об., 441; — и 442 об.; ориховца 58; ликаря 196; 197 об.; в мирѣ 313; миру 376 об.; 383 об.; миры 301 об.; Борисоглибской 155 об.; Засикина 304 и мн. др.

Совсѣмъ единичны примѣры перехода *ѣ* въ *и* — въ безударныхъ слогахъ: в стрилцехъ 120 об.; 196; в стрилцы 154; в стрилци 325; симянника 108 л.; двинатцать 318 bis; на нимецкомъ 379 об.; нимецкой 392.

Отдѣльно разсматриваемъ случаи *и* вм. *ѣ* — въ конечномъ открытомъ слогѣ: в Ладоги 63 об.; в переулки 71; 298; 196; 374; 379 об.; 353; в посохи 25 об.; по улки 324; в пусти 291; в мѣри 3·89 об.; Терешки 383 и нѣк. др.

Какъ законъ, въ Писцовой книгѣ XVI в. послѣдовательно проводится замѣна неударяемаго *ѣ* черезъ *е*.

8) Совершенно аналогичные пріемы соблюдаются въ Описи Торговой стороны, изданной Грековымъ въ томъ же выпускѣ Лѣтописи: *и* вм. *ѣ* — подъ удареніемъ: Борисоглибской 24; телогрийника 71; за Онигъ 72; 100; за тимъ 77; (ср. также: Тимоѳиева 59; Ондриевы 103; Елисиевъ 41; об.; Михиика 40).

Въ другихъ условіяхъ случаи перехода *ѣ* въ *и* отмѣчены лишь въ конечномъ открытомъ слогѣ: на опоки 21; в полудвори 68; Петрушки 35; Неѳетки; 53 об.; Сенки 4; 5; 12; Илейки 73; Михалки 53 об.; Ѳетки 6 л.; 15 об. bis; 21 об.; Демешки 49 об.

ѣ вм. *и* — наблюдаемъ въ примѣрахъ: Ильѣнской 16 об.; Максѣмка 47 об.; — ко 44; Максѣмовъ 21 об.; Гаврѣлко 63 об.; Мѣхиико 90; прозвѣще 20 и нѣк. др.

Впрочемъ, въ этой рукописи въ ударяемомъ положеніи *ѣ* часто сохраняется.

Въ безударныхъ слогахъ *ѣ* всегда вытѣсняется черезъ *е*.

9) Сходную орѳографію я отмѣтилъ еще въ отрывкахъ изъ новгородскихъ кабальныхъ книгъ, изданныхъ В. А. Егоровымъ (Л. зан. Арх. Ком., XXIV).

Подъ удареніемъ *ѣ* или сохраняется или переходитъ въ *и*: вмисте 161 об.; 162 об.; 164; 165; 166; 167 об.; 168 об.; 170 об.; 172; 174; 175; лисвицу 176 об.; велилъ 177; — и 175; об.; (ср. также: Матѳиева 163 об.; Тимоѳиева 168 об.; Тимофиемъ 161 об.; — ия 161 об.).

ѣ замѣняетъ иногда *и*: Аксѣньи 54; велѣкъ 175; дѣтѣ 170; ср. до днѣ 161; 163 об.; 164; 165; 166; по вся днѣ 163; 167 об. и др.

Въ безударномъ положеніи *е* послѣдовательно стоитъ на мѣстѣ *ѣ*.

10) Кое-что общее съ разсматриваемыми памятниками имѣетъ въ своей орѳографіи Записная книга крѣпостнымъ актамъ XV — XVI в. явленнымъ въ Новгородѣ дьяку Д. Алябьеву» (Русск. Ист. Библ. т. XVII).

Такъ — на страницахъ писанныхъ 3-мъ почеркомъ. находимъ *и* вм. *ѣ*; крипости 137; от намистнека 138 об.; в обиюхъ 192; въ обиехъ 183; владить 191 об. (ср. также: Тимоѳиева 173; Елисиевъ 148 об. и др.).

ѣ вм. *и*: намѣстнѣка 138; 138 об.; 139 bis; 139 об.; 140; 140 об. bis; 141 bis; 142; 142; 146; 146 об.; 148 об.; 149; Дмѣтрея 156 об.; 141 об. и др. мн.; Орѣнку 140; Онтѣпову 174 об.; Крѣвово 166; Борѣсоглѣбской 163; Аннѣца 175; нѣхъ 176 и мн. др.

е замѣняетъ *ѣ* — при отсутствіи ударенія.

Въ пятомъ почеркѣ примѣры перехода *ѣ* въ *и* — ярки: крипости 227 об.; 230; Краснослипову 225 об.; — а 226 об.; 227; намистника 224; намистъника 224 об. и др.

ѣ вм. *и* лишь въ формахъ: Оксѣнка 230; на Максѣма 229 об.

11) Въ связи съ данными памятниками слѣдуетъ упомянуть также «книги служивые холопьи 108 году» л. 179 — 185, отличіе которыхъ отъ «отрывковъ изъ новгородскихъ кабальныхъ книгъ» обонежкой

пятины и по содержанію, и по почерку, и по филигранямъ установлено В. А. Егоровымъ (Лѣт. зан. Арх. Ком., XXIV).

ѣ подъ удареніемъ здѣсь обычно сохраняется; (но ср — Еѳрима 187 л.; за ти деньги 180 об.); *ѣ* вм. *и* — 1 разъ: прозвѣще 181 л.

Внѣ ударенія вм. *ѣ*—всегда *е*.

12) Въ высшей степени любопытна грамота великаго князя Василья Ивановича въ Колывань 1530 г., писанная на Москвѣ и содержащая изложенные графическіе пріемы (Русск. Истор. Библ., т. XV, № 27, 47 стр.).

и вм. *ѣ*: ихалъ, пріихали; *ѣ* вм. *и*: не бѣлъ.

Въ безударныхъ слогахъ послѣдовательно *ѣ* замѣняется черезъ *е*.

13) Въ нѣсколько осложненномъ видѣ тѣ же пріемы находимъ въ Богдановскомъ Златоустѣ XVI в., описанномъ Л. Л. Васильевымъ. Здѣсь случаи употребленія *и* вм. *ѣ* «приходится считать не десятками и сотнями, а тысячами». «Не столь часта, но вполнѣ обычна и обратная замѣна буквы *и* буквою *ѣ*».

14) Смѣшеніе *ѣ* и *и* — въ серединѣ и концѣ словъ указано А. А. Шахматовымъ въ Новг. лѣтописи по Архив. списку XVI—XVII в. (Фонетика, 163 стр.).

Повидимому, отъ памятниковъ со смѣшеніемъ *ѣ* и *и* нельзя отдѣлять тѣхъ рукописей, которыя, иногда даже вовсе не имѣя примѣровъ перехода *ѣ* въ *и*, тѣмъ не менѣе *и* очень часто — въ серединѣ и концѣ словъ — замѣняютъ буквою *ѣ*.

Такова, напр., жалоба торговыхъ людей, новгородцевъ, псковичей, иваньгородцевъ и орѣховцевъ — послѣ сентября 1598 г. (Русск. Ист. Б., т. XV, № 110): при отсутствіи случаевъ *и* вм. *ѣ* (прѣижаютъ,— вѣроятно, оциска) здѣсь встрѣчаемъ *ѣ* на мѣстѣ *и*: пѣво; вѣно; Борѣсь; пѣтья; Борѣса; всякимѣ рѣчмѣ; бѣтѣ; Борѣсу Ѳедоровѣчу и мн. др.

Съ этой рукописью можно сопоставить «жалобу московскихъ гостей и новгородскихъ купцовъ», напечатанную въ XV т. Р. И. Б. подъ № 49. Здѣсь находимъ случаи: Псковѣтинъ (нѣсколько разъ), прѣказано, грѣвенъ, Новгоротцькѣмъ, посадѣлъ, прѣшолъ, посадѣли, посаднѣки, грѣдницькой, грѣднѣцу и мн. др.

Впрочемъ, на нѣкоторое сомнѣніе наводятъ примѣры замѣны *ѣ* черезъ *е*: деялось, детемъ, седелъ.

А. А. Шахматовымъ отмѣчены еще такіе же пріемы въ Новгор. рядной XV в. Собр. Мух. № 15 и въ грамотѣ 1505 г. А. Ю. № 145 (Шахматовъ. Фонетика, 251, 170 стр.). Однако — и здѣсь кажется страннымъ то обстоятельство, что большинство примѣровъ замѣны *и* черезъ *ѣ* падаетъ на собственныя имена.

Тутъ же надо упомянуть о тѣхъ новгородскихъ памятникахъ, слѣды которыхъ замѣтно отразились на орѳографіи Лѣтописи Авраамки нач. XVI ст. (Карскій Е. Ѳ. Варш. Унив. Изв. 1899 г., т. III; А. А. Шахматовъ. Нѣсколько замѣтокъ о языкѣ псковскихъ памятниковъ, 151 стр.).

Въ истолкованіи показаній разсмотрѣнныхъ рукописей — и всѣхъ, имѣющихъ подобную орѳографію (мену *ѣ* и *и*), не можетъ быть никакихъ колебаній. Смѣшеніе *ѣ* и *и*, не ограниченное формами аналогическихъ образованій, а, наоборотъ, насчитывающее десятки разнородныхъ примѣровъ, свидѣтельствуетъ о прочности тѣхъ психическихъ связей, которыя установились въ сознаніи писцовъ между звукомъ *и* и двумя буквами *ѣ* и *и*, представлявшимися писцамъ одинаково пригодными для его обозначенія.

Поэтому не можетъ быть сомнѣній въ томъ, что въ говорахъ, отраженіемъ которыхъ служитъ большинство рукописей разсмотрѣннаго типа, *ѣ*, какъ звука, отличнаго отъ *и*, не существовало, по крайней мѣрѣ, — въ ударяемыхъ слогахъ.

Однако, уже при анализѣ этихъ памятниковъ бросается въ глаза, что иногда замѣна *и* черезъ *ѣ* проводится писцами болѣе или менѣе послѣдовательно лишь въ опредѣленныхъ условіяхъ, по большей части — въ конечномъ открытомъ слогѣ и въ нѣкоторыхъ суффиксахъ. Опредѣленіе условій и фонетическаго значенія этого явленія я дѣлаю ниже, потому что оно встрѣчается въ памятникахъ, даже вовсе не знающихъ замѣны *ѣ* черезъ *и*, и, слѣдовательно, не можетъ дать прочныхъ указаній на совпаденіе *ѣ* съ *и* въ говорѣ писцовъ.

Гораздо больше затрудненій при опредѣленіи фонетическаго значенія орѳографическихъ явленій представляютъ тѣ рукописи, которыя,

имѣя примѣры перехода *ѣ* въ *и*, совершенно лишены случаевъ обратной замѣны. Конечно, едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ. что въ рукописяхъ содержащихъ большое количество разнообразныхъ фактовъ перехода *ѣ* въ *и*, буква *ѣ* является обозначеніемъ звука, очень близкаго къ *и*, можетъ быть, даже совпадающаго съ нимъ.

Но рядъ памятниковъ — представляетъ лишь единичныя формы съ замѣною *ѣ* черезъ *и*. Имѣемъ ли мы здѣсь дѣло съ сдерживающимъ вліяніемъ орѳографической традиціи, или же въ случайныхъ фактахъ написаній *и* вм. *ѣ* должны видѣть указаніе только на сохраненіе въ *ѣ* перваго компонента дифтонга или даже большую узость въ произношеніи *ѣ*, чѣмъ *е*, — всѣ эти вопросы въ большинствѣ случаевъ остаются нерѣшенными. Замѣчу, что еще А. А. Шахматовъ указывалъ на возможность видѣть въ буквѣ *ѣ* древнѣйшихъ «новгородскихъ» памятниковъ лишь «приблизительное выраженіе сочетанія *ie̯*» [1].

Итакъ, исходя изъ графическихъ явленій памятниковъ, мы прежде всего выдѣляемъ среди текстовъ съ замѣной *ѣ* черезъ *и*, но безъ смѣшенія этихъ буквъ — такіе, въ которыхъ примѣры этой замѣны многочисленны.

Сюда принадлежатъ:

I. Двинскія грамоты №№ 28, 54 и 110 (примѣры см. у А. А. Шахматова Изслѣдованіе о двинскихъ грамотахъ, 90 стр.).

II. Еванг. 1355 г. (примѣры см. у Соболевскаго. Ж. М. Н. Пр. 1887 г., № 11. Лекціи, 4 изд., 35 стр.).

III. Въ Сборн. Погод. № 872 — замѣна *ѣ* черезъ *и* очень ярко обнаруживается въ текстѣ третьяго писца (л. 176_1—182 об.$_2$; 184 об.$_1$—194 об.;$_2$ 219_1 — 302 об.$_2$): 1) *и* вм. *ѣ* подъ удареніемъ; хотинье 176_1; 232_1; 285_2; — ью 288 об.$_2$; восхотинье 268_1; дити 299_2; недиля 192 об.$_2$; — ю 194 об.$_1$; не смия 230 об.$_1$; имияше 250 об.$_2$; оумияше 292_2; оудоликть 290 об.$_2$; дилаимъ 179_2; завита 182_1; зави҃ 238 об.$_2$; звирообразнѣ 221 об.$_1$; нетлинньною 256_2; тило 227_1; 227 об.$_1$ bis; 234_2; 239_2; — а 227_2; 230 об.$_1$; 232_2; — ô 300 об$_1$; желизô 299 об.$_2$; извистно

---

[1] Изслѣдованіе о двинскихъ грамотахъ. 1903 г. СПБ., 84 стр.

230 об.$_2$; бесидою 232 об.$_1$; бесидующе 242 об.$_1$; гнивъ 263$_1$ и мн. др.;

2) въ предударныхъ слогахъ: по диломъ 176 об.$_2$; повелѝвая 219 об.$_2$; — аи 220 об.$_2$; сидалны 242$_1$; расидатиса 253$_2$; смишенья 278 об.$_2$; обищавшїи 298$_1$; зило 301; изминенье 178$_1$; исцилая 180 об.$_2$; ослипленью 225 об.$_1$; облиний 129 об.$_1$; сьвитилнїи 284 об.$_2$; дивїи 287$_2$; стрилања 290$_2$; изьвиститн 289 об.$_1$; прищенья 290 об.$_1$; ициливъ 301 об. и др.;

3) въ заударныхъ слогахъ: оувидивъ 176 об.$_1$; 187 об.$_2$; 269 об.$_2$ и мн. др. под.; опаснише 182 об.$_2$; первик 232$_2$; 280 об.$_1$ и тр.

Кромѣ того, *и* на мѣстѣ *ѣ* — вполнѣ обычно въ конечномъ открыномъ слогѣ какъ подъ удареніемъ, такъ и безъ него: везди 192 об.$_2$; о теби 281 об.$_1$; тоби 285 об.$_2$; на страни 267 об.$_2$; во тми 299 об.$_2$; в угли 292 об.$_2$; в беди 290$_2$; в начали 257$_1$; по мали 259 об.$_2$; во мири 192$_2$; на мести 181$_1$; 192$_1$; вѣри 253 об.$_1$; въ недуѕи 286$_2$ и мн. др.

Въ высшей степени любопытно, что здѣсь же встрѣчаемъ многочисленные примѣры замѣны *ѣ* черезъ *е* не только въ тѣхъ же самыхъ положеніяхъ, но даже рядомъ въ тѣхъ же самыхъ словахъ. Приведу примѣры: разгневавъ же са 187 об.$_2$;—вши же са 191$_2$; крепость 191 об.$_2$; беседующїи 182$_2$; на левои 267 об.$_2$; те | ла 194 об.$_2$; тело 229$_1$; 231 об.$_2$; 237$_1$; 256 об.$_1$; место 227$_2$; 250 об.$_2$; дело 226 об.$_2$;— а 231$_2$; делъ 234$_1$; делающїи 246 об.$_2$; делая 247 об.$_2$; делатї 287$_1$; делакть 263$_1$; грѣ 239 об.$_1$; вера 223$_2$ и др. под.; деюще 256 об.$_2$; недели 259 об.$_1$; разумеють 190$_1$; 192 об.$_1$; 231 об.$_2$ и др.; венца 188$_2$; ѿ звегии 245$_1$; зело 241$_2$ bis; заповедии 178$_2$; первек 261 об.$_1$; извѣстне | нше 270$_1$ и очень мн. др.

Конечно, значительная часть этихъ случаевъ можетъ быть объяснена искусственнымъ, церковнымъ произношеніемъ, но не всѣ. И относительно большинства такихъ примѣровъ можно сдѣлать два предположенія: 1) замѣна *ѣ* черезъ *е* была въ оригиналѣ нашей рукописи и оттуда механически въ рядѣ случаевъ переносилась переписчикомъ; 2) *ѣ* въ говорѣ писца звучало близко къ *и*, можетъ быть, въ нѣкото-

рыхъ положеніяхъ даже совпадало съ этимъ звукомъ, и смѣшеніе *е* и *и* на мѣстѣ *ѣ* — является отраженіемъ безсильныхъ потугъ писца найти наиболѣе подходящее графическое изображеніе этого сложнаго звука. Едва ли можно думать, что говоръ писца въ отношеніи данной черты былъ смѣшаннымъ, такъ какъ на другихъ явленіяхъ «смѣшанный» характеръ его ярко не выразился.

Въ пользу перваго изъ высказанныхъ предположеній я могъ бы указать и на другія особенности текста, которыя — нѣтъ препятствій считать перенесенными изъ оригинала, именно: спорадическіе случаи аканья: вората 247 об.$_1$; о расслаблепамъ 268$_1$; подабаш̅ 277$_2$; чадо страдалпая 288 об.$_2$; смѣшенія *е* — *я*: мчт̅ле — gen. 240$_2$; твоѥ желанья 288$_1$ и др.; слабые слѣды смѣшенія *ж* — *з*: въдружи 266 об.$_1$; поверзе 237 об.$_1$; ѿ верземсѧ 189 об.$_1$; тако ми б̅зи всекоревицкыи образъ вместилсѧ ѥсть 188$_1$; ср. пценица 193 об$_1$.

Въ виду яркаго отраженія діалектическихъ особенностей самого писца — приходится эту незначительную примѣсь иной ороографической школы считать или остатками оригинала или случайными описками писца. Но при этой гипотезѣ остается не совсѣмъ яснымъ, почему слѣды оригинала сохранились такъ рѣзко въ смѣшеніи *ѣ* — *е* и такъ слабо въ другихъ явленіяхъ.

Въ пользу второго изъ предложенныхъ объясненій можетъ говорить отсутствіе въ текстѣ вполнѣ достовѣрныхъ примѣровъ обратной замѣны *и* черезъ *ѣ* (помимо формъ nom. plur. въ родѣ — хромѣи 286$_2$; борцѣ 186$_1$ и т. п., а также словъ: листвѣѥ 246 об.$_1$; пришествѣѥ 257$_2$; 259 об.$_2$ и др.; сошествьвѣѥ 255 об.$_2$, находимъ еще: изрѣновенъ 181 об.$_1$; истѣнѣ 249$_2$; оучѣнпша 276$_1$ — *ѣ* вм. *и* въ опредѣленномъ положеніи — передъ *н*). Въ смыслѣ произношенія *ѣ*, какъ звука *і*^{е}, можно истолковать такія ороографическія колебанія—старе^{и}ць 230 об.$_1$ при старѣць.

Я затрудняюсь рѣшить, какая изъ этихъ двухъ гипотезъ предпочтительнѣе.

IV. Сборникъ № 143 Собранія Михайловскаго, писанный полууставомъ XVI в., въ первой своей части (л. 1—15) по своимъ пріе-

мамъ очень близко подходитъ къ Новгор. Писц. кн. XVI в. и другимъ подобнымъ рукописямъ, но ему чужда замѣна *и* черезъ *ѣ*.

Случаи же перехода *ѣ* въ *и*—очень многочисленны подъ удареніемъ: лита 3; 5 об.; гришного 3; звиря 3; 63 об.; виру 3; вирѹете 4 об.;—-ѹю 4 об.; -ѹемъ 4 об.; 5:— оваху 5 об.; свимы 3 об.; во слидъ 3 об.; 4; напослидокъ 7; на колини 4; диются 6; викъ 7;—а 7; дити 7 об.; успиха 8; билыя 8 об.; дивы 8 об.; 11 об.; бисъ 9; 9 об.; нитѹ 10; нетлиннѹю 11 об.; мисто 11; 11 об.; 12; пиниє 11 об.; хлибомъ 13 об. bis; хлибъ 13 об.; никоего 14 об.; разѹмикши 14 и мн. др.

е вм. *ѣ*—подъ удареніемъ находимъ лишь въ церковныхъ словахъ: п°ведахъ 2 об.

и—довольно рѣдко замѣняетъ *ѣ* въ безударныхъ слогахъ; свищаша 2 об.; на просвищениѥ 3; развиє 3 об.; дияниємъ 5 об.; преминяющеся 7; прилипити^ся^ 8₁; гниздяся 2; видивъ 5; 1 об.;

е вмѣсто *ѣ*—значительно чаще въ этомъ положеніи: светілникомъ 13 об.; светилникомъ 13 об.; исцелениє 6; нынешняго 5 об.; ѿ беды 1 об.; седиши 1 об. bis; 2; слепыя 6; детей 7 об.; седины 7 об.; греховъ 11; греховнои 7; виде 2; посещаѥми 6 и нѣк. др.

Едва ли могутъ быть сомнѣнія въ томъ, что въ этой рукописи отразился говоръ съ переходомъ ударяемаго *ѣ* въ звукъ *и*, и отсутствіе примѣровъ замѣны *и* черезъ *ѣ* не служитъ препятствіемъ къ такому утвержденію.

V. Грамотка изъ Колывани въ Великій Новгородъ отъ Лукьяна Мануйлова Верещагина женѣ его Натальѣ (№ 39—XV т. Р. И. Библ.): Глиба, всимъ — при *е* вм. безударнаго *ѣ*: в насаде, променялъ; ср. еще: не поехали.

VI. Въ копіи XVI в. съ Олонецкой обводной 1391 г. примѣры *и* на мѣстѣ *ѣ* во всякомъ положеніи часты: билого, Онига, мисто, лису, насиченъ, сиверной, рикой, стрилиху и т. п. (Акты Калачова, т. II, № 134, 145—149 стр.; ср. Шахматовъ. Изслѣдованія въ области русской фонетики, 245 стр.).

Но рядомъ съ рукописями, въ которыхъ замѣна *ѣ* черезъ *и* отрази-

лась въ большомъ сравнительно количествѣ примѣровъ, стоятъ памятники, въ которыхъ случаи перехода *ѣ* въ *и* — или вообще единичны или — нерѣдкіе передъ мягкими согласными — представляютъ какъ бы исключеніе въ положеніи передъ твердымъ слогомъ. При общей численной ничтожности случаевъ перехода *ѣ* въ *и* (если не считать ихъ перенесенными изъ оригинала) — возможны два предположенія о фонетическомъ значеніи *ѣ*: 1) *ѣ* произносилось близко къ *и*, можетъ быть, даже совпадало съ нимъ; слабое же обнаруженіе этого явленія на письмѣ — свидѣтельство о силѣ традиціонныхъ орѳографическихъ навыковъ писца; 2) *ѣ* — звучало въ говорѣ писца уже, чѣмъ *е* (*ê*—*i*ᵉ или *i*ẹ); графическимъ выявленіемъ этого произношенія служатъ рѣдкіе примѣры *и* вм. *ѣ*.

Именно этимъ послѣднимъ предположеніемъ (*ѣ*=*iе* или *i*ẹ) приходится руководствоваться при анализѣ древнѣйшихъ сѣверно-русскихъ текстовъ, напр., Сент. Минеи 1095 г., гдѣ находимъ единичные примѣры *и* вм. *ѣ*: стиноу О 132 (см. Попруженко. Замѣтки о языкѣ Новгор. Служ. Минеи 1095 г. Филол. Зап. 1889 г., вып. 3—4; ср. М. Карнѣева. Языкъ Служебной Минеи 1095 г. Р. Ф. В. 1917 г., № 3—4, 35—37 стр.); Октябр. Минеи 1096: лицемирьствовавъ 68; търьпиние 78; на твьрди вѣрнии 79; претьрьпилъ єси 125; невидѣния 165; разбогативъшоу 154. Ноябрьской Минеи 1097 г., въ которой, находимъ однажды *ѣ* вм. *и*: велѣкая 313 (по изданію Ягича); Майской Минеи Син. Библіотеки № 166 — XII в.: гнивомъ 176 об.; ср. менѣе надежные примѣры въ другихъ памятникахъ: Милят. Еванг. — въ 1 почеркѣ: видите 120 об. (*и* поправ. на *ѣ*); старишины 143_2 (*и* поправл. на *ѣ*); во 2 поч. — исцѣли отрокъ 47_1; Ев. Погод. № 13 XII—XIII в.: гроби невидомии 86; ср. самариньскоу 80_2 при самарѣньскъ 30 $об_1$. Изъ этихъ фактовъ едва ли кто рѣшится сдѣлать выводъ о совпаденіи *ѣ* съ *и* въ говорѣ писцовъ: они слишкомъ немногочисленны и всѣ падаютъ только на ударяемые слоги. Но изъ нихъ ясно, что въ эпоху XI—XII в. нѣкоторыми сѣверно-русскими писцами ударяемое *ѣ* было осознаваемо, какъ звукъ, болѣе близкій къ *и*, чѣмъ къ *е* (*i*ᵉ или *i*ẹ или *i*ê).

Изъ памятниковъ болѣе поздняго времени, въ которыхъ встрѣчаемъ рѣдкіе примѣры замѣны *ѣ* черезъ *и*- во всякомъ положеніи, укажу:

1. Апостолъ XIV в., рукоп. библ. А. И. Хлудова № 33: ѿ дияпии 1 об.; видуще 53 и др. производныя; литъ 101; изидакте 104; по мирѣ 136 об.; яви 140; ніции 102 (Воскресенскій. Древне-слав. Апостолъ, 171 стр.).

2. Ев. XIV в. Соф. Библ., № 2 (опис. Купріянова № XXI, см. Абрамовичъ. Соф. Библ., вып. I). Въ общемъ въ этой рукописи примѣры перехода *ѣ* въ *и*- немногочисленны, особенно если исключить сомнительные случаи, легко объяснимые обычною здѣсь антиципаціей слѣдующей буквы, хотя далеко не исчерпываются указаніями Д. И. Абрамовича [придъ 8 об. (сомн.); заприти 61; вировавъшеи 8 об.; оскърбиже 40 об.; прильщени 42 (сомн.); видите 171 об. (сомн.)].

Я могу отмѣтить еще: видисте 11; въ купилъ 29 об.; не видаше 9; исцѣли 60 об.; оупик 61; видиша 66, оудобик 70; съгришить 79 об.; видитъ 139 (supinum); гроби невидоми 136 об.; изидають 173; гриси 121; видихомъ 180 об.; видити 206; ниции 233 об.; въ конечномъ открытомъ слогѣ: въ чл҃вци 97; яви 97 об.; сквози 162 об.; дви нозѣ 160 об.; въскори 159; о грѣшьніци 144; на моисѣѡви сѣдалищи 200 об.; на горѣ клеоньсти 108; по мнози времени 112 об.; ѿ толи 210; вь сѣмъ събори 116; ср. по мънозихъ дньхъ 173; въ чьловѣчихъ 162 об.

Итакъ, если мы, при внимательномъ анализѣ этихъ формъ, оставимъ въ сторонѣ случаи: видити и произв., смѣшеніе видовъ корня—вид и вѣд, колебаніе префиксовъ при и прѣ, положеніе въ конечномъ открытомъ слогѣ, то останутся лишь — единичные вполнѣ достовѣрные примѣры: вировавъшеи, въ купилъ, изидають.

Рѣдки и ограничены опредѣленными морфологическими категоріями и аналогическими образованіями факты замѣны *и* черезъ *ѣ*: a) nom. pl. сусѣдѣ 29 об.; чистѣ 45; народѣ 118 об.; людьсцѣи 84 об.; b) nom. sg. рабынѣ 213 об.; c) глагольныя образованія: imper. изьмѣ 78 об.; praes. зьрѣши 152 об.; видѣте 107 об. — 108; видѣмъ 153; кромѣ того: цр҃твѣ | к 61 об.

е на мѣстѣ *ѣ*—рѣдко: кромѣ формъ locat. въ вифле|оме 247 об.; въ чл҃вцехъ 256, любопытны примѣры: слепи 56 об.; бл҃говещеник 255 об.; детемъ 57; прѣкде 65; кдать 109 об.; клети 112;

кромешьную 204 об.; оупѣлєкть 103; пеции 141; наоборотъ: бѣсѣпъ 57 об.; възлѣ | жащю 64; възлѣжаху 64 об.; вьнѣшьнѣѥ 88 об.; ѿвѣргъ 164; вь сѣмъ сѣбори 116; безмѣздьникома 252 об.

3) Евангеліе Соф. Библ. № 16 по описанію Абрамовича, вып. I, 69 стр.: зило 17, 110 об.; 295; ст҃іишіа 311 об.;

4) Въ Сборн. 1422 г. Q I № 312 на л. 384 об.—388 об., писанныхъ 3-мъ почеркомъ, отмѣчены 2 прим.: старишину 386 об.; зило 388.

5) Въ рукописи XV в. Новг. Соф. собора № 1264, въ которой, между прочимъ, содержится старшій списокъ полной редакціи Никодимова евангелія (характеристику языка этого списка см. у М. Н. Сперанскаго. Апокрифическія евангелія, 61 стр.) и по которой Н. С. Тихонравовымъ напечатаны Хожденіе апостола Павла по мукамъ (л. 166 об.—180) и о двѣнадцати пятницахъ (л. 7—9) (Памятники отреченной русск. лит., т. II), примѣры замѣны *ѣ* черезъ *и* рѣдки. Если не считать аналогическихъ образованій глагольныхъ формъ (видихъ 42 ter.; 42 quater и др.; ср. видити 43 bis; видила 43; видили 44; 47; видивше 54; оувидивъ 54; видихо 55 и др. под.; оуобидихъ 46; престаривсѧ 49; възрихъ 50; возрихъ 51; 52 и др.), то на л. 166 об.—180 мы можемъ указать лишь случаи: ниси 47 стр. (по изд. Тихонравова); стина 51; виднньe 51 (ср. сказанное о формахъ глагола видити).

Обращу вниманіе на то, что достовѣрныхъ фактовъ смѣшенія *ѣ* и *е* въ этомъ памятникѣ не замѣчается: повѣле 45 (оп?); повеленье 46; (оп? или смѣшеніе суф. ѣние и ение?); человаша 48; встѣнахъ 52 (ложное осмысленіе?) и др. под.

6) Евангеліе XIII—XIV в. изъ библ. Образцова, описанное Царевскимъ (Правосл. Собес., 1890 г., № 4—5).

Къ числу памятниковъ, въ которыхъ, при нерѣдкихъ случаяхъ перехода *ѣ* въ *и* передъ мягкими согласными, наблюдаются лишь спорадическіе примѣры этого явленія передъ твердыми, — относятся:

1) Сборникъ 1422 г. Q I № 312. Здѣсь измѣненіе *ѣ* въ *и*- передъ мягкими согласными обнаруживается ярко: дивици 10; ици-

лиши 78; смияса 85; преминитиса 115 об.; ѿ лицащи 237; ѡпечатлию 243 об.; тлиющими 237; ѡбидиние 171; — ия 173; невидиние 96; — ию 181 об.; — ия 96; видиние 171, 217 и др.; хливину 221; оувриса 23 об.; дити 39; лицемирѣ 74 об.; купилию 86; иминье 39; свѣрили 270; старишины 349 об. bis.; первие 30, 40 об. bis.; 139; 349 об.; 346; 97; и мн. др.

Кромѣ того, часто *и* вм. *ѣ* — въ конечномъ открытомъ слогѣ какъ подъ удареніемъ, такъ и въ безударныхъ слогахъ.

Такимъ образомъ, повидимому, переходъ *ѣ* въ *и* или *і*ᵉ при слѣдующемъ мягкомъ согласномъ въ говорѣ писца оказывается независимымъ отъ ударенія.

Замѣну же *ѣ* черезъ *и* передъ твердыми согласными, если оставить въ сторонѣ аналогическія образованія глагольныхъ формъ (призривши 67; ѡбидилъ 157, видилъ 95 об. bis; видихъ 171; възрихъ 241, 245; ср. приобидити 141; ѡбидити 197 об.; 204 об.; скорбити 39 и др. под.), а также слова, свидѣтельствующія о смѣшеніи видовъ корня: вѣд и вид (недовидомы 292; видыи 322; не видуще 40; всевидыи 66 и др. под.), мы будемъ имѣть лишь въ примѣрахъ: сусидомъ 77; ливое 241 об.; с миру вина 241 об. bis, — только подъ удареніемъ.

Такимъ образомъ, разница въ графическихъ пріемахъ писца, связанныхъ съ употребленіемъ буквы *ѣ*- передъ твердыми и мягкими слогами, доказываетъ, по моему мнѣнію, различіе рефлексовъ звука *ѣ* въ соотвѣтствующихъ положеніяхъ — и, слѣдовательно, отсутствіе совпаденія *ѣ* и *и* — передъ твердыми согласными.

Замѣчу, что на листахъ 388 об. — 391 об., писанныхъ послѣднимъ почеркомъ, мы сталкиваемся съ употребленіемъ буквъ *ѣ* и *е*, очень схожимъ съ орѳографіей перваго писца. Но «иканье» здѣсь отразилось очень блѣдно: гришники 389 об.; и въ формахъ глаголовъ на -ѣти: притерпилъ 391 об.; исцѣлихомъ 391; видивъ 388 об.; -ивши 390.

Замѣну *и* черезъ *ѣ*, какъ и у перваго писца, на этихъ листахъ мы находимъ лишь въ опредѣленныхъ морфологическихъ категоріяхъ, преимущественно въ конечномъ открытомъ слогѣ.

2) Сходныя особенности въ употребленіи *ѣ* и *е* обнаруживаетъ богослужебный сборникъ XV в. Публичн. Библ. Q. 1 № 1464.

Въ немъ (если не считать аналогическихъ образованій: видивше 6; 35; 41 об.; 73 об.; видихомъ 45; видихъ 61 и т. п. Ср. еще смѣшеніе корней вѣд и вид: видѧще 44 об.; вѣдѣвъшеи 45 об.; невижествия 73 об.—74 и др.) примѣры замѣны *ѣ* черезъ *и* въ положеніи передъ твердымъ согласнымъ единичны: неличемирна 20; прибигъ 68; ср. разумиваю 114 об.; разоумиша 130; въпиваѥмь 137; ср. на хировимихъ 110; чаще *и* вм. *ѣ* наблюдается передъ мягкими согласными: пити 13; нераздилимая 31; първиѥ 22; первиѥ 19 об.; 61; 75; бижати 68; крипции 77 об.; непобидимо 60; смию 79 об.; възвистита 39 об.; разумиють 43; прибижище 54 bis; разумисте 83 об.; минить 97 об.; восхотити 98 об.; възрити 101 об.; преминихъ 103 об.; вмистить 113; первиѥ 114; сидити 126 об.; осинѧющихъ 139; вмистимаго 130 об.; имиѥте 131 об.; звирии 133 об.; ѿ сити 137 об.; ср. приже 103 об.; прищениѥ 108 об.; заприти 125 об. и др. под.

Нерѣдки случаи перехода *ѣ* въ *и* въ конечномъ открытомъ слогѣ въ формахъ dat.-loc.: къ владиці 33 об.—34; на глави 44; на древи 37 bis; о соби 44; по мни 47; в лони 93; въ образи 94; въ слави 95; мни 99; в мири 103 об.; по мнози 104; в бури 115 об.; в народи 120 об.; къ марѳи 122; на мѣсти 122 об.; на пртоли 123 об.; въ гроби 135 об. и т. п.; ср. ручи и нози 42 об.; нози 45; 121; 129 об.; руци 84 об.; 98.

ѣ стоитъ на мѣстѣ *и* въ опредѣленныхъ морфологическихъ категоріяхъ: a) nom. sg.: магдалынѣ 38 об.; b) nom. plur.: попалилѣ 77; пресвѣтлѣи 88; чинѣ 93; c) dat.-loc.: въ смртѣ 28; d) въ глагольныхъ формахъ praesentis: видѣте 42; молѣшисѧ 52; видѣмъ 130 об.; и aoristi: велицѣ дша 111; e) ср. зѣянья 75 об.

ѣ и *е* смѣшиваются рѣдко:

е замѣняетъ *ѣ* почти исключительно въ церковныхъ словахъ или вслѣдствіе графической антиципаціи буквы слѣдующаго слога: смотрения 13; бесеменна 13 об.; повежми 44 об.; не веренъ но веренъ 45 об. (оп?); невидения 57; 65 об.; 74; велениѥ 58;

-нкмь 58; 92; 125 об. и др.; болезни 65 об.; обрете 68; исцелая 71; повешенъ 87 об.; злобехъ 100 об.; ȣсечеса 114 об.; долготерпеливе 120; челомудрено 124 и нѣк. др.

ѣ вм. *е*: вѣщии 4; смѣрдащиıı 4 об.; вѣществена 8 об.; тридңѣвнаго 9; правѣдною 22; пѣщи 24; безвѣщественыхъ 53 об.; прелѣсти 77; замѣдли 99; възвѣдению 105 об.; ср. еще вънѣгда 3; придѣ- аор. 125 об.; ср. также *и* вм. *е*: близничь 46; знаминия 68; исцѣлитиль 95 об.; ȣбитиль 101.

Если даже часть приведенныхъ примѣровъ можно — въ виду неисправности текста — признать описками, все же изъ данныхъ рукописи слѣдуетъ, что звукъ *ѣ* былъ ближе къ *и* въ положенiи передъ мягкими, чѣмъ передъ твердыми согласными, хотя, повидимому, не совпадалъ съ *и* ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ[1].

Такимъ образомъ, группа памятниковъ, объединенная наличiемъ въ нихъ примѣровъ замѣны буквы *ѣ* черезъ *и*- независимо отъ качества слѣдующаго согласнаго, представляется неоднородной. Прежде всего рядомъ съ рукописями, смѣшивающими *ѣ* и *и*, оказываются тексты, знающiе лишь замѣну *ѣ* черезъ *и*. Однако и памятники этого послѣдняго типа располагаются какъ бы по нисходящимъ ступенямъ лѣстницы количественнаго убыванiя случаевъ перехода *ѣ* въ *и* — особенно въ положенiи передъ твердыми согласными. Эти случаи могутъ быть единичными въ буквальномъ смыслѣ этого слова, и рукописи съ такой орѳографiей образуютъ естественный переходъ къ II категорiи памятниковъ «новгородскихъ».

II Памятники, употребляющiе *и* вмѣсто *ѣ* *только* въ положенiи *передъ мягкими* согласными.

Въ зависимости отъ графическихъ явленiй, связанныхъ съ употребленiемъ въ памятникахъ данной категорiи буквы *ѣ* передъ твердымъ со-

---

[1] Изъ другихъ особенностей языка и орѳографiи этой рукописи можно отмѣтить лишь яркое чоканье (т. е. преобладанiе *ч* вм. *ц*. при немногочисленныхъ примѣрахъ обратной замѣны); форму пригвожгона 17 об.; *е* вм. *я*— подвижатса основанию 134 об.; и обратно: обратоша 41 об.; явленiя аггла видивше 41 об., трца единоя бество 158; ср. адава 135 об. — описка; *о* вм. *е*: вертопъ 127 об.; четвороднвнъ 123; -аго 120; форму тъ въ 3 л. глагола наст. вр. (зи | зни 139—описка).

гласнымъ, среди разсматриваемыхъ рукописей можно намѣтить нѣсколько подраздѣленій.

Прежде всего упомяну тѣ памятники, въ которыхъ, при произношеніи *ѣ* передъ мягкими согласными, какъ *и* или *i^e*, *ѣ* передъ твердыми согласными звучалъ, какъ *ê* или даже *ie*.

По моему мнѣнію, сюда надо отнести Требникъ Общества Люб. Др. Письм. и Искусства № 24 — XIV в. Въ немъ очень часто употребленіе *и* на мѣстѣ *ѣ* при слѣдующемъ мягкомъ согласномъ:

1) подъ удареніемъ: терпиние 3 об.; 8; 34; 46; — нии 40; говиниѥ 33 об.;—иѥмь 76; послиднеѥ 34; пиниѥ 41 об.; -ия 42; нетлиния 54; -иѥ 76; 139 об.; хотиния 73; на мисти 105; въ видінии 110; наслидникомъ 59 и др.;

2) въ предударныхъ слогахъ: посититель 14 об.; посити 24; 62; изминѧти 32 об.; ицилилъ 159 об.; изминихомсѧ 147; неислидимоѥ 70 об.; оукрипи 41 об.; раздили 158 и др.;

3) въ заударномъ положеніи: первиѥ 14 об.; 60; 70 об.; 78 об.; 89; 143 об.; можетъ быть, здѣсь же надо упомянуть: вїдити 78; 152; свѣдинии 83; 86; 100 об.; 97 об.; -ия 95; 97; 88; 82; -иѥ 85.

Кромѣ того, очень многочисленны примѣры замѣны *ѣ* черезъ *и* въ конечномъ открытомъ слогѣ: на въздуси 113; на свѣтли 105 об.; 108; 134; марѳи 120; въ свѣти 135; по судби 101; въ труби 113; о рабі 104 об. и др.; оустни 61 об.; руци 89 об.; 122; 136; 150; нози 38 об.; въсхоти 77 и мн. др. Съ примѣрами перехода *ѣ* въ *и* въ locat. sg. надо сопоставлять формы: въ грѣсихъ 22; въ дарихъ 56 об. и нѣк. др.

Передъ твердыми согласными *и* замѣняетъ *ѣ* въ аналогическихъ образованіяхъ. И эти случаи не имѣютъ никакой доказательной силы для тѣхъ или иныхъ заключеній фонетическаго характера: 1) видихъ 101; -хомъ 118 об.; видивше 146; видину 79; възненавидихъ 94; 95 об.; 102; 2) придъреченаѧ 31 об.; придложению 35; ср. приступници 91 об.; беспристани 74 об.; приподобныхъ 36; прїбываѥть 134; примудрыи 147 и др. ср. еще преста 24 об.; но пристояниѥ 58 об.; 3) ablat. sg.: всимъ 46; 81 об.; 84 об.; 87 об. и мн. др.

Помимо этихъ категорій, находимъ лишь одинъ примѣръ *и* вм. *ѣ* — въ разсматриваемомъ положеніи: колину 122 об. (по аналогіи колини?).

Нѣкоторыя данныя для сужденія о произношеніи *ѣ* передъ твердыми согласными можно почерпнуть изъ анализа примѣровъ замѣны *ѣ* черезъ *е*.

Передъ мягкимъ слогомъ *ѣ* замѣняется черезъ *е* въ словахъ церковно-книжнаго характера: обрете 131 об.; 133; въ сретению 3; 113; прегрешении 45; 70; -иѧ 85; -ия 90; 104 об.; 108; 110; 115; 129 об.; 133; 134; 154 об.; 148 об.; -июмь 76 об.; 113; грешніци 93 (ср. греховъ 119); болезниютсѧ 25 об.; болезнь 105 об.; 126; 140 об.; -и 159 об. (ср. болезнующихъ 149); в заповедихъ 86; -ехъ 90 об.; -ью 93 об.; -ии 103 об.; въ отглагольныхъ существительныхъ на ѣнию (смѣшеніе суф. ѣніе и еніе): повеления 7; -ию 49 об.; — ии 69; 96 об.; веленія 72; -июмь 73 об.; свѣдении 101 об.; 82; -ия 151 об.; имения 65; смотрению 77; въ исчезнувшихъ изъ живого языка формахъ locat. существ. на -ехъ и прилагательныхъ на -емь; въ конце строкъ: истле | вше 24 об.; све | тила 104 об.; и, наконецъ, въ единичныхъ примѣрахъ, очень похожихъ на описки: ѹкрепи 38; въчеловецениюмъ 12 об.; разрешени 155 об.; вернии величаю 75; пьрвею 115 об. Извѣстна этой рукописи и замѣна *е* черезъ *ѣ* передъ мягкими согласными. О значеніи буквы *ѣ* въ такихъ случаяхъ можно судить по примѣрамъ: творицъ 69; тирпинии 40 (см. VII гл. моей работы).

Изъ анализа всѣхъ этихъ фактовъ можно сдѣлать заключеніе, что ѣ передъ мягкимъ согласнымъ звучало, какъ *iᵉ* или *и*.

Въ слогахъ же съ слѣдующимъ твердымъ согласнымъ мы находимъ слѣдующіе несомнѣнные случаи замѣны *ѣ* черезъ *е*: многоченьнаго 17 об.; теснꙑя 18; темь — ablat. 75. Такимъ образомъ, если мы сопоставимъ съ одной стороны, многочисленные примѣры сохраненія *ѣ* передъ твердымъ слогомъ; съ другой стороны, форму: колину 122 об. и вышеуказанные факты постановки *е* вмѣсто *ѣ* въ разсматриваемомъ положеніи, то вполнѣ естественно наталкиваемся на выводъ, что подъ буквой *ѣ* изучаемой рукописи при слѣдующемъ твердомъ согласномъ скрывается звукъ, который писцу представлялся болѣе близкимъ къ *е*, чѣмъ къ *и*, но съ *е* не совпадавшимъ, т. е. *ê* или дифтонгъ *i̯e*.

Въ качествѣ аналогіи къ показаніямъ Требника Общ. Люб. Др. Письм. № 24 я могу привести въ высшей степени любопытныя данныя, которыя почерпаю изъ анализа орѳографіи вологодскихъ интерлюдіевъ XVIII в., изданныхъ проф. В. Ѳ. Миллеромъ (Извѣстія II Отд., 1900 г., № 3). Эта рукопись — своеобразная попытка фонетической транскрипціи говора «заозерскихъ пестерей» (Д. К. Зеленинъ. Великорусскіе говоры, 387 стр.).

При слѣдующемъ мягкомъ согласномъ въ немъ *ѣ* ударяемое произносится, какъ *и* (примѣры: витіоръ I_{18}; умиіошъ I_{84}; биленкой II_5; нагрить II_{12}); нобилѣли I_{23} — единственный примѣръ замѣны неударяемаго *ѣ* черезъ *и*. Гораздо чаще въ этомъ положеніи *ѣ* вытѣсняется черезъ *е*: переменить 1; ценѣ I_{30}; посмеляя I_{35}.

Любопытно, что совершенно аналогична была судьба и того неударяемаго *ѣ*, которое находилось въ концѣ словъ или передъ твердыми согласными. При этомъ, совпавши съ *е*, *ѣ* затѣмъ подверглось по аналогіи — и дальнѣйшему измѣненію въ *о* — при слѣдующемъ твердомъ слогѣ: в человѣке I_{21}; ушите I_6; разве I_{33} и др.; гнездо I_8; ченою I_{45}; зевака I_{103}; збежала II_{25}; разогревайся II_{50} и др. Ср. цоны-то I_{54}; смохотворъ I_{81}.

Итакъ, *ѣ* въ неударяемомъ положеніи независимо отъ качества слѣдующаго слога перешло въ *е*. Какъ выясню ниже, въ судьбѣ неударяемаго *ѣ* здѣсь можно предполагать вліяніе извнѣ. Поэтому для характеристики первоначальныхъ измѣненій звука *ѣ* въ предѣлахъ сѣверно-русскаго нарѣчія особенно важно изученіе его рефлексовъ подъ удареніемъ. Въ этомъ положеніи *ѣ*- передъ слѣдующимъ твердымъ слогомъ въ языкѣ вологодскихъ интерлюдіевъ произносилось, какъ звукъ — сложный, средній между *е* и *и*, или — что вѣроятнѣе — какъ дифтонгъ $\widehat{ie}$. Такой выводъ слѣдуетъ какъ изъ сопоставленія рифмъ: нѣту — эту 1_{67-68}; разбита — свѣта II_{37-38}; такъ и изъ написаній иностранныхъ словъ — офичѣры I_{11}; ср., напр., въ Лѣкинскомъ говорѣ $\widehat{лie}$нта и др. Повидимому, произношеніе ударяемаго *ѣ*, какъ *и* или i^e передъ мягкими согласными и какъ *ê* или дифтонга $\underset{\smile}{i}e$ передъ твердыми, при совпаденіи безударнаго *ѣ* съ *е*, — было характерной особенностью того діалекта литературнаго языка, которымъ говорила часть сѣверно-великоруссовъ, по

крайней мѣрѣ, съ XV вѣка. Во всякомъ случаѣ, точно такіе же орѳографическіе пріемы, какъ въ вологодскихъ интерлюдіяхъ, мы находимъ въ большомъ количествѣ сѣверно-великорусскихъ грамотъ. Такъ, въ актахъ Холмогорской и Устюжской епархій, изданныхъ въ XXV т. Русск. Историч. Библіотеки, наблюдаются, при замѣнѣ неударяемаго *ѣ* черезъ *е* и при послѣдовательномъ сохраненіи *ѣ* подъ удареніемъ, случаи перехода *ѣ* въ *и* только въ ударяемыхъ слогахъ при слѣдующемъ мягкомъ согласномъ: № 16 — пустіетъ; № 17 — 1626 г. — пустіетъ; № 25: діялось[1]; ср. также Патрекіевъ; № 46: въ томъ дилѣ bis. ср. Андрий — bis; -ия; № 104 — 1632г.: изувичилъ; изовладить, ср. Андріико.

Повидимому, такую же орѳографію въ употребленіи *ѣ* и *е* надо предполагать и въ нѣкоторыхъ актахъ Холмогорской и Устюжской епархій, которые напечатаны въ XII и XIV томахъ Русск. Ист. Библ. не совсѣмъ исправно — въ смыслѣ палеографической точности, напр., въ № XXII — 1672 г. въ XII т.; въ № V 1593 г. въ XII т.; въ XIV т.: №№ XI — 1524 — 1525 г.; LVI — 1572 г.; LXII — 1579 г.; LXVI — 1586 г.; CLIII; CCIX—1602 г.; CCXX; CCXXII; CCXXXI; CCXL — 1606 г.; CCXLII; CCXLV; CCXLVI; CCLVII; CCLXI; CCLXIV; CCLXXV; CCLXXVIII; CCCXXVII; CCCXXIX; CCCXXXIII; CCCXLI; CCCLVII и др.; въ актахъ Устюжск. епарх. въ томъ же XIV т.: XXXIX; XLII и мн. др. Во всѣхъ вышеприведенныхъ памятникахъ *ѣ* замѣняется черезъ *и* только въ ударяемыхъ слогахъ при слѣдующемъ мягкомъ согласномъ.

Сюда же относится рукописное сказаніе о чудесахъ отъ иконы Спаса нерукотвор. въ Красномъ Бору Устюжскаго уѣзда — скороп. полов. XVII стол., изданное А. И. Никольскимъ (Извѣстія II Отдѣл., 1912 г., т. XVII, кн. 1. Памятникъ и образецъ народнаго языка и словесности Сѣв.-Двинской Области). Въ немъ *и* на мѣстѣ *ѣ* наблюдается лишь

---

[1] Обращаю вниманіе на то, что въ рядѣ памятниковъ примѣры замѣны *ѣ* черезъ *и* наблюдаются исключительно въ положеніи передъ *ј*. Передъ мягкими согласными орѳографически *ѣ* сохраняется. Ср. ниже судьбу *ѣ* въ древне-псковскомъ говорѣ.

подъ удареніемъ передъ мягкими согласными: болизни, не имили, пити, первие. *Ѣ* вмѣсто *е* отмѣчено лишь 1 разъ: вѣси. Съ этимъ примѣромъ надо сопоставлять: каминиемъ.

Замѣну *ѣ* черезъ *и* передъ мягкими согласными только въ ударяемомъ положеніи находимъ также въ актѣ 1671 г. изъ Верхотурскаго архива (Акты Калачова, № 3, т. I); въ кабалѣ служилой 1606 г.— Боровицкаго стану (Акты Калачова, № 127, т. II); въ Арзамасскихъ помѣстныхъ актахъ XVI в., собранныхъ и редактированныхъ С. Б. Веселовскимъ (Чтенія въ Общ. Ист. и Др. Росс. 1916 г., № 1): № 62 — во двори, дити — при обычномъ сохраненіи ударяемаго *ѣ* и замѣнѣ его черезъ *е* внѣ ударенія; № 92: владіетъ, на отдиле, Олексіева — при замѣнѣ ударяемаго *ѣ* черезъ *е* въ словахъ: ехати, поместье; -емъ bis; -я; уездъ; пріехавъ; № 203 — 1606 г.: помистья quater; отдильные и др. под.

Однако я очень далекъ отъ предположенія, что то измѣненіе безударнаго *ѣ* въ *и* передъ мягкими согласными, которое наблюдается изслѣдователями въ большомъ числѣ говоровъ сѣверно-великорусскаго нарѣчія, является позднѣйшимъ процессомъ въ судьбѣ *ѣ* по сравненію съ переходомъ его въ *е*- внѣ ударенія.

Намѣреваясь посвятить особую главу изученію зависимости рефлексовъ *ѣ* отъ положенія въ отношеніи къ ударенію, я здѣсь объединяю въ одну категорію и тѣ памятники, въ которыхъ безударное *ѣ* вытѣсняется черезъ *е* или сохраняется, и тѣ, гдѣ отмѣченъ переходъ такого *ѣ* въ *и*. Напр., сюда относятся въ XII т. Русск. Истор. Библ.: № IV—1574 г.: по рикѣ, по смитѣ; № VIII — 1617 г.: выминилъ; ср. также Тимофіевъ; Матѳіеву; въ XIV т. Р. И. Б.: № CCXLVIII: с вистью bis; исъ клитей ter; CCLVI: посіялъ, умирилъ, застрилить; CCLX: къ клитѣ bis, клить, отъ клити; CCLXIX: діялось, в клити, исъ клитей и др. под.; въ XXV т. Р. И. Б.: № 78 — 1630 г.: на ричке bis; въ рике bis; здисе; № 101 — 1632 г.: на Олексиева, посикли; № 138: з дитми, симянново, дити; № 243; безъ вистн; и др. под.: напримѣръ № 127: дильцы; въ Актахъ, изданныхъ Н. В. Калачовымъ, т. II: № II 1666 г.: заговинья, ср. также Гордіева bis; изъ «Сборника актовъ», собранныхъ Н. П. Лихачевымъ (С. П. 1895 г.): № X — 1555 —

1556 г., Бѣлозерскаго уѣзда, духовная Михаила Андреевича Ергольскаго: по кабали, по руки, в животи, подилилѣ онѣ и т. п.

Такимъ образомъ, на основаніи анализа сѣверно-великорусскихъ памятниковъ, правда, довольно поздняго времени, неоспоримымъ образомъ выясняется необходимость въ разсматриваемой теперь группѣ памятниковъ выдѣлить прежде всего тѣ рукописи, въ которыхъ *ѣ* вообще не совпадало съ *е*: передъ мягкими согласными оно обозначало звукъ, тождественный съ *и* или очень близкій къ нему, передъ твердыми—*ê* или *ie*. По аналогіи съ изученными выше рукописями — становится въ высшей степени вѣроятнымъ однородное толкованіе показаній и древнѣйшихъ памятниковъ, въ которыхъ, при наличіи извѣстнаго числа примѣровъ замѣны *ѣ* черезъ *и* передъ мягкими согласными, вообще говоря, не замѣчается смѣшенія *ѣ* и *е* въ положеніи передъ твердыми согласными.

Таковы, напр., описанныя А. А. Шахматовымъ двинскія грамоты № 11, № 26, № 34, № 104, № 113, № 114, № 95 (Изслѣдованіе, 89 стр.).

Сюда же можно отнести Апостолъ Погодинск. Собранія XIV в. № 14. Въ языкѣ писца этого памятника звукъ *ѣ* вообще отличался отъ *е* открытаго. Большинство примѣровъ замѣны буквы *ѣ* черезъ *е* отмѣчено въ опредѣленныхъ словахъ, чуждыхъ живой народной рѣчи (формы locat. прилагат. на -емь и сущ. на -ехъ, делесемъ 59_2; делесъ 62_2) или проникшихъ въ нее изъ книжнаго, церковнаго языка (слова на -ѣніе: истленью 104 об$_2$; повелениѥмъ 9_2; терпениѥ 35 об.; -иѥмъ 142_2; по терь | пению 29_2; къ свѣдению 53 об.$_2$ и др; болезнь 77_2; стрете 13_2; свесте 70 об.; 74_2; възвести 40 об.$_2$ bis; лествицник | 146_2; ср. описки: повелеваю 44_1; пременению 52_2; пременена 54_2 и нѣк. др. Буква *е* стоитъ на мѣстѣ *ѣ* также въ концѣ строки: оуте | шити 52 об.$_2$; обре | зания 91_2 и др. Кромѣ того, *е* находимъ въ формахъ сравнит. степени: первеѥ 29_2; треблеиши 48 об$_2$.; доволеѥ 69; ср. художеиша 190 об.$_1$; ср. стареишиньству 135 об.; и др. под. Ср. въ Тотемск. говорѣ отмѣченныя Ол. Брокомъ формы на ẹ́ịe (при *ѣ* передъ мягкимъ слогомъ = *и*).

Въ другихъ условіяхъ замѣна *ѣ* черезъ *е* единична: бе | зверы 93 об$_1$ (оп?); привету 103_2 об. (книжн. слово?); речью 136 (то же?)

целомудрену 87 об.$_2$; ср. целова 19 об.$_2$; челуите 95$_2$; исцѣлеюмъ 126$_2$; всемь ablat. sg. 69 об.$_2$; изъбежиши 29$_1$.

Любопытно, что большая часть случаевъ постановки *е* вмѣсто *ѣ* наблюдается въ положеніи передъ мягкимъ слогомъ, гдѣ *ѣ* несомнѣнно отличался отъ *е* откр., звуча повидимому, какъ *ê*, съ узкой, передней артикуляціей, приближающейся къ *и* (ср. случаи замѣны *е* черезъ *ѣ* передъ мягкимъ согласнымъ. О нихъ см. въ VII гл. моей работы). О такомъ произношеніи *ѣ* въ этихъ условіяхъ приходится догадываться по присутствію въ памятникѣ фактовъ замѣны *ѣ* черезъ *и* въ этомъ положеніи: согришения 1$_1$; мирѧще и смирѧюще 58 об.; по мирѣ исправления 58 об.; невидѣньѥ 67 об$_2$ (ср. впрочемъ не видыи); въ осинениѥ 130; не требованииша 48 об$_2$; ожестиѥть 89$_2$; первиѥ 92; 90 об$_2$; 79 об$_1$; 126.

Передъ твердыми согласными *и* замѣняетъ *ѣ* лишь въ глагольныхъ формахъ, возникшихъ по аналогіи: обидихомъ 55 об$_1$; -вшаго 55$_1$; приобидивъ 142 об.$_1$; въ нѣкоторыхъ формахъ прилагательныхъ мѣстоименій: кацимъ 105 об.; всѧцимъ 27$_1$, всимъ 13 об.$_2$ и нѣк. др. и въ словѣ: оприсночнии 15$_2$.

Въ конечномъ открытомъ слогѣ — въ мѣстн. пад. *и* вмѣсто *ѣ* стоитъ нерѣдко.

Изъ анализа приведенныхъ примѣровъ можно сдѣлать выводъ, что въ говорѣ нисца *ѣ*- передъ твердымъ слогомъ звучало менѣе узко, чѣмъ передъ мягкимъ, но не совпадало съ *е* откр.; передъ мягкими же согласными *ѣ* произносилось, вѣроятнѣе всего, какъ *ê* или i^e, но не *и*. Такъ заставляетъ думать малочисленность вполнѣ достовѣрныхъ случаевъ перехода *ѣ* въ *и* въ этомъ положеніи.

Рядомъ съ этой рукописью я разсмотрю пергаменную Палею Алекс. — Невск. Лавры XIV в., крупныя выдержки изъ которой приведены Тихонравовымъ въ «Памятникахъ отреченной русской литературы», т.I.

и вмѣсто *ѣ* — отмѣчаемъ (не считая — видихъ; ср. видити 130, оувидити — 106 стр.) только передъ мягкимъ согласнымъ: премините 116; въспритихъ 118; прилипитесѧ 121; вижете 129; виже 131; прилипітсѧ 131; възненавидисте 135; дивица 139; стариишиньство 141; ср. всими 136; 98.

Какъ видимъ, большинство примѣровъ перехода *ѣ* въ *и* — приходятся на слоги съ слѣдующимъ *и*[1]).

Замѣна буквы *ѣ* черезъ *е* встрѣчается почти исключительно въ церковныхъ словахъ или въ формахъ, имѣющихъ родственныя образованія съ *е*.

Итакъ, въ этой рукописи звукъ *ѣ* — вообще не совпадалъ съ *е*, но въ положеніи передъ мягкимъ слогомъ — онъ настолько близокъ былъ къ *и*, что при наличіи нѣкоторыхъ благопріятствовавшихъ условій даже переходилъ въ него (особенно при слѣдующемъ *и*, передъ *ї*).

Повидимому, къ этому же разряду памятниковъ надо относить Сборникъ XVI в. Новгородско-Софійской Библіотеки № 1448, по которому издана А. Поповымъ Сокращенная Палея русской редакціи (Чтенія въ Общ. Ист. и Др. Росс. 1881 г., № 1).

Въ текстѣ Палеи наблюдаемъ нерѣдкіе примѣры замѣны *ѣ* черезъ *и* передъ мягкими согласными подъ удареніемъ: на сивере 2; симянѣ 6; чл҃вическыи 11; старишїи 16; 34; старишина 18; — ы 34; старишā 21; нистли 27; в недоꙋминїи 29; старїишемꙋ 30; симяни 32; иминиа 34; старїишина 38; по повелинию 42; видиниа 53; недили 54; симя 56; 57; 62; 87; 88; о дилѣ 58; смиетъ 59; симяни 61; хотинїи 61; говиаше 43; смияше 63; человицы 67; челвичьи 68; чл҃виче 68; чл҃вическима 74; ѿ симени 76; иминие 76; повисиша 77; по повелинию 78; имиē 80; терпити 81; имия 84; виренъ 90; вистъ 92 (ср. въ статьяхъ, предшествующихъ Палеѣ, случаи: чл҃виче л. 6 об.; невирнїи ц҃ри л. 57; въ чл҃вице 86; спасенїѧ диля своего л. 113. См. А. Поповъ. Предисловіе, XXXIIIстр.).

Совершенно исключительны случаи постановки *е* на мѣстѣ *ѣ* въ этомъ положеніи: разбогатея зело 26 (удареніе на слогѣ гá?); пленници 27; не ведѣ 28; стрети 30; повеси 35; 81; звѣ снѣ 36; поведя 43; внешнѧя 56 (ср. вне 84); во гневѣ 62 bis; въ снѣ 88; на местѣ 89 (оп.?).

[1]) Ср. въ древне-псковскомъ говорѣ — ниже. Замѣчательно, что въ нашей рукописи есть случаи *и* вм. *е* и обратно: противитисѧ 134; чтити 139—2 л. мн. ч.; седмеречию 112; възвеличетсѧ 113; внеде 96; *е* вм. *я* — ѿ небытиѥ 140; влачеше 137; ср. еще легохъ=легъкъ—127.

Какъ видимъ, большинство фактовъ замѣны *ѣ* черезъ *е* приходятся на церковно-славянскія формы; часть — очень похожа на описки.

То же слѣдуетъ утверждать о примѣрахъ замѣны *ѣ* черезъ *е* передъ твердыми согласными подъ удареніемъ: заповеда̑ 4; состаре̑ся 20; 78; 87; поведати 29; со все̑ домо̑ свои̑ 32; некоево мꙋжа 35; сне̑ 36; не ведаше 37; собра̑ победу 50; на столпе 60; поведаю 81; — а̑ 81; оуведа 83.

Случаевъ замѣны *ѣ* черезъ *и* передъ твердыми согласными не отмѣчено.

Изъ сопоставленія приведенныхъ данныхъ можно сдѣлать выводъ, что ударяемое *ѣ* передъ мягкими согласными въ говорѣ писца Сборника № 1448 перешло въ *и*, передъ твердыми звучало, какъ *ê* или *ie*. Въ безударномъ положеніи находимъ лишь единичные примѣры замѣны *ѣ* черезъ *и*: видити 32; развие 62. Въ подавляющемъ же большинствѣ случаевъ *ѣ* въ этихъ условіяхъ вытѣснено черезъ *е*: ѡсветити 1; на западе 2; на в'стоце 2 и др. под.; разделиши 5; зело 5; светилѣ 7; звереи 11 bis; рекою 10; разделиша 15; ис'сеченъ 15; по разделеніи 17; девицꙋ 17; ѿрешиши 22; возвещена 22 и мн. др.; *ѣ* лишь одинъ разъ стоитъ на мѣстѣ неударяемаго *е* — въ очень сомнительномъ примѣрѣ: развеѣ 37.

Можетъ быть, здѣсь же надо упомянуть о грамотѣ новгородскаго посадника Александра Игнатьевича и новгородцевъ въ Ригу, безъ даты (1418—1420 г.), въ которой *и* вм. *ѣ* встрѣчается въ словѣ: Ортимью, Ортимьею; ср. еще Кузьми, но: Олексѣемъ, здѣсе. Ср. Ортѣмьеи, Ортѣмью въ грамотѣ № 42. Передъ твердыми согласными *ѣ* — въ словѣ: бѣлку, но: целованью. (Палеографическіе снимки подъ редакціей А. И. Соболевскаго и С. Л. Пташицкаго, сн. № 41).

Къ этой же категоріи памятниковъ принадлежитъ новгор. Ев. до 1362 г. (Моск. Тип. Библ., № 9), изъ котораго примѣры замѣны *ѣ* черезъ *и* приведены А. И. Соболевскимъ (Ж. М. Н. Пр., 1887 г., № 11).

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ части говоровъ, отраженіемъ которыхъ являются памятники разсматриваемой мною теперь категоріи, уже послѣ полнаго совпаденія *ѣ* съ *и* передъ мягкимъ слогомъ — произошелъ

переходъ *ie* или e^{i} въ e^{a} передъ твердыми согласными. Эта позднѣйшая хронологически ступень въ судьбѣ рефлексовъ *ѣ*- данной группы говоровъ нашла себѣ обнаруженіе и въ памятникахъ.

Таковы — Вологодское Евангеліе XVI в., описанное *Л. Л.* Васильевымъ; рядъ актовъ, напечатанныхъ въ XXV т. Р. И. Б. (изъ Холмогорской и Устюжской епархій), напр., № 78; № 138; № 181: Тимофиева, недиле, владиетъ—при формахъ: сделать, дела; № 183: ср. здесь Тимофиева при зделаетъ; № 187; килью bis ср. до кѣльи; ср. примѣры: бѣзобразно; бѣзвѣстная; № 198: звирь bis—при случаяхъ: техъ, всехъ; и др. под. рукописи, напр. № 207—1655 г.; списокъ з государевы з жаловалные грамоты, писанной на Москвѣ изъ книги по Устюгу № 117 XVII в. М. Ар. М. И. Д., л. 311: на рикѣ, в лите — при случаяхъ: уезде, лесъ, дело (С. Б. Веселовскій. Къ вопросу о пересмотрѣ и подтвержденіи жалованныхъ грамотъ. Чт. Общ. Ист. и Др. 1907 г., кн. 3).

Подводя итоги обзору памятниковъ этой категоріи, мы должны признать, что они ни въ коемъ случаѣ не могутъ быть разсматриваемы, какъ отраженіе группы народныхъ говоровъ сѣверно-великорусскаго нарѣчія съ совершенно одинаковой судьбой *ѣ*. Это замѣчаніе касается звука *ѣ* и передъ мягкими согласными, т. е. въ томъ его положеніи, которое оказывается рѣшающимъ при отнесеніи рукописей къ данной группѣ. Такое заключеніе вытекаетъ изъ факта рѣзкихъ количественныхъ колебаній, которыя наблюдаются въ примѣрахъ перехода *ѣ* въ *и* передъ мягкимъ слогомъ въ памятникахъ этой категоріи. Объяснять эти количественныя различія исключительно этимологическими навыками писцовъ не всегда представляется возможнымъ. Вопросъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ долженъ рѣшаться на основѣ внимательнаго изученія всѣхъ орѳографическихъ пріемовъ писца въ ихъ разнородныхъ проявленіяхъ, даже не связанныхъ съ употребленіемъ *ѣ* и *е*.

Хотя статистическій методъ изслѣдованія, примѣненный къ перечисленнымъ выше памятникамъ, и устанавливаетъ между ними разницу съ точки зрѣнія употребленія буквы *ѣ* и ея замѣны другими буквами, тѣмъ не менѣе общимъ у всѣхъ этихъ рукописей является наличіе извѣстнаго количества примѣровъ постановки *и* на мѣстѣ *ѣ* подъ удареніемъ или внѣ его

передъ мягкими согласными, но безъ всякихъ другихъ ограничительныхъ условій. И именно это обстоятельство, т. е. обусловленность замѣны *ѣ* через *и* только сосѣдствомъ слѣдующаго мягкаго согласнаго — съ моей точки зрѣнія и служитъ тѣмъ связующимъ элементомъ, который позволяетъ собрать сначала всѣ эти рукописи въ одну группу для того, чтобы затѣмъ детально изучать фонетическую подкладку орѳографіи каждаго отдѣльнаго памятника.

Вмѣстѣ съ тѣмъ по отношенію къ памятникамъ съ указанными графическими пріемами въ употребленіи *ѣ*, по моему мнѣнію, вполнѣ позволителенъ выводъ, что въ говорахъ, представленныхъ ими, внутренняя эволюція звука *ѣ* была вполнѣ однородной, но интенсивность, быстрота процессовъ различна: въ однихъ — звукъ *ѣ* прошелъ весь путь своего развитія отъ первоначальнаго дифтонгическаго произношенія — къ крайнимъ точкамъ видоизмѣненій, обусловленныхъ ассимилирующимъ вліяніемъ сосѣднихъ согласныхъ, т. е. къ совпаденію съ *и* - передъ мягкимъ, съ *е* — передъ твердымъ слогомъ; въ другихъ — съ замедленнымъ теченіемъ процесса — отмѣтились предшествующія стадіи въ судьбѣ *ѣ* - *ê* или *ịe* — передъ твердыми, *i*ᵉ — передъ мягкими согласными.

Кромѣ того, необходимо имѣть въ виду и хронологическіе промежутки между памятниками, отражающими иногда одинъ и тотъ же говоръ.

Однако и въ рукописяхъ, отнесенныхъ мною къ II категоріи, обозначились количественнымъ преобладаніемъ соотвѣтствующихъ примѣровъ условія, которыя содѣйствовали скорѣйшему переходу *ѣ* въ *и*, — это положеніе *ѣ* передъ *ị* и передъ слогомъ, носителемъ котораго является звукъ *и*.

Вполнѣ естественно ожидать, что *и* на мѣстѣ *ѣ* при указанныхъ условіяхъ мы найдемъ даже въ тѣхъ говорахъ (слѣдовательно, и памятникахъ), которымъ чуждъ переходъ *ѣ* въ *и* въ другихъ положеніяхъ, и въ которыхъ звукъ, развившійся на мѣстѣ этимологическаго *ѣ*, произносился ближе къ *е*, чѣмъ къ *и* (*ê* съ различной степенью узости). Такъ какъ въ этихъ памятникахъ имѣется нѣкоторое количество случаевъ замѣны *ѣ* через *и* — хотя и при соблюденіи строго опредѣленныхъ, тѣсно ограничивающихъ условій, то можно бы рукописи съ такимъ употребленіемъ *и* вмѣсто *ѣ* отнести ко II категоріи — въ видѣ особаго разряда.

Но противъ такого классифицированія рѣшительно говоритъ нарушеніе въ этомъ послѣднемъ разрядѣ памятниковъ основного принципа, которымъ обусловлена принадлежность того или иного рукописнаго текста ко II категоріи, — именно: независимости перехода *ѣ* въ *и* отъ всякихъ другихъ, менѣе общихъ условій, кромѣ положенія передъ мягкимъ слогомъ.

Поэтому приходится памятники, содержащіе такія ограничительныя условія для замѣны *ѣ* черезъ *и* и обыкновенно выявляющіе эту замѣну ничтожнымъ количествомъ примѣровъ, или выдѣлять въ особую группу или же объединять съ памятниками, сохраняющими этимологическое различеніе *ѣ* и *е*.

Въ пользу послѣдней классификаціи можно бы указать на то обстоятельство, что въ нѣкоторыхъ рукописяхъ съ спорадической замѣной *ѣ* черезъ *и* передъ *ĭ* или слогомъ съ *и* взаимоотношеніе *ѣ* и *е*, кромѣ нѣкоторыхъ, такъ сказать, законныхъ исключеній, бываетъ строго правильнымъ этимологически. Однако эта черта характеризуетъ далеко не всѣ рукописи этого типа.

Выдѣленіе этихъ памятниковъ въ особую группу подсказывается и тѣмъ, что сюда, какъ увидимъ ниже, принадлежитъ значительная часть древне-псковскихъ текстовъ, въ которыхъ, при обычномъ обозначеніи черезъ букву *ѣ* звука *ê*, случаи перехода *ѣ* въ *и* — въ нѣкоторыхъ рукописяхъ довольно многочисленные — наблюдаются только при наличіи упомянутыхъ ограничительныхъ условій.

Кромѣ того, эти памятники, наряду съ памятниками I и II категорій, очень ярко обнаруживаютъ своеобразные графическіе пріемы, состоящіе въ замѣнѣ буквы *и* буквою *ѣ* въ опредѣленныхъ морфологическихъ категоріяхъ, преимущественно — въ конечномъ-открытомъ слогѣ, и въ такомъ количествѣ не найденные мною въ большинствѣ рукописей IV и V категорій, хотя части ихъ это явление и свойственно.

Впрочемъ — при анализѣ этихъ памятниковъ надо имѣть въ виду, что присутствіе въ текстахъ древнѣйшаго періода исторіи русскаго языка (XI—XII в.) извѣстнаго количества примѣровъ перехода *ѣ* въ *и* въ положеніи, напр., только передъ *ĭ* вовсе не даетъ основанія видѣть въ нихъ отраженія такихъ говоровъ, которые и послѣ не знали перехода

ѣ въ *и* въ другихъ условіяхъ, а можетъ свидѣтельствовать лишь о начавшемся измѣненіи дифтонга *i̯ê* на пути къ сближенію съ *и*. Именно такъ надо толковать соотвѣтствующія данныя Ефремовской Кормчей XII в., въ которой случаи замѣны *ѣ* чѐрезъ *и*, кромѣ конечнаго открытаго слога, отмѣчены С. П. Обнорскимъ только передъ и послѣ *i̯* и передъ слогомъ съ *и* (О языкѣ Ефремовской Кормчей, стр. 50—55).

III. Итакъ, къ III категоріи относится значительное число памятниковъ древняго Пскова. Однако ихъ анализу я считаю необходимымъ посвятить особую главу въ виду того, что въ графическихъ пріемахъ псковскихъ рукописей, связанныхъ съ употребленіемъ *ѣ* и *е*, своеобразно проявились культурно-историческія связи Пскова съ сосѣдними государственными образованіями, и причудливо сплелись особенности сѣверно-русской графики съ ороографическими навыками западно-русскихъ писцовъ. Сама спорность вопроса о судьбѣ звука *ѣ* въ древне-псковскихъ говорахъ располагаетъ къ такому детальному, спеціальному разсмотрѣнію псковскихъ памятниковъ съ точки зрѣнія употребленія *ѣ* и *е*.

Помимо псковскихъ текстовъ, къ этой группѣ надо отнести Ев. Публ. Библ. Fп 1 № 17, описанное Л. Л. Васильевымъ (Русск. Фил. Вѣстникъ, 1902 г., № 1).

Въ этомъ памятникѣ переходъ *ѣ* въ *и*, кромѣ конечнаго открытаго слога, отмѣченъ лишь въ положеніи передъ *i̯*: долъжьниища 72; первие 25, 65 (примѣры у Л. Л. Васильева, 154 стр.). Примѣры обратной замѣны *и* черезъ *ѣ*, кромѣ суффиксовъ ин (годѣны 118 об., въ храмѣни 62; кончѣнѣ 48) и ище (отроцѣщемъ 61 об.), всѣ падаютъ на конечный открытый слогъ.

Немногочисленные примѣры постановки *е* вмѣсто *ѣ* наблюдаются почти исключительно въ церковно-книжныхъ словахъ (160 стр.). Употребленіе буквы *ѣ* на мѣстѣ *е* передъ мягкими согласными свидѣтельствуетъ лишь объ особыхъ фонетическихъ измѣненіяхъ, которымъ подвергся въ соотвѣтствующемъ говорѣ звукъ *е*- подъ ассимилирующимъ воздѣйствіемъ окружающихъ мягкихъ согласныхъ [1].

---

[1] Описанію судьбы *е*- въ однородныхъ сѣверно-русскихъ говорахъ я посвящаю заключительную главу своего изслѣдованія.

Отсутствіе (если не считать единственнаго примѣра — ѹницъ) случаевъ перехода въ *и* этого «новаго *ѣ*» изъ *е* и ограниченіе условій измѣненія въ *и* древняго *ѣ* положеніемъ передъ *ꙇ* — все это побуждаетъ изслѣдователя признать за буквой *ѣ* данной рукописи, когда она соотвѣтствуетъ этимологическому *ѣ* и *е* — передъ мягкими согласными, обозначеніе звука *ê*.

Повидимому, здѣсь же надо упомянуть о Книгѣ Бытія неба и земли по Сборнику Синод. Библ. № 591, писанному, по опредѣленію Горскаго и Невоструева, въ XVI в., а по мнѣнію А. Попова, въ XV в.

Если оставимъ въ сторонѣ частыя въ этой рукописи формы глагола видити (ѹвидити 4; ср. видинїє 4; видити 47; 111; 136; 155; види҃ 14; 26; 34 bis; види 30; 154; видивъ 42; 43; 45; 48; видивъ 121; 144; 161; видивше 50; 69; 76; 80), то случаи перехода *ѣ* въ *и* улягутся въ слѣдующія рамки:

1) передъ слогомъ съ *и*: ѿ звири 10; ѡб҆висишаса 168;

2) передъ *ꙇ*: немощніише 131; свѣтиишіи 144; силнїиши 157;

3) въ неударяемомъ конечномъ открытомъ слогѣ въ формахъ locativi: в домѹ фараѡнови 63; ѡ жестосердіи фараѡнови 70; ѡ побѣди 113; ср. на бедри моеи 53; ср. в земли халдѣйстіи 35; въ земли мадїамьстіи 65; на горѣ синаистїи 69.

Любопытны примѣры замѣны *и* черезъ *ѣ* въ опредѣленныхъ морфологическихъ категоріяхъ: 1) въ nom. plur. — грѣшницѣ 28; мнозѣ 136; сапозѣ 73; жезлѣ 73; ср. левите 96; тѣи 95; 2) dat. loc. основъ на -и: агарѣ 51; ср. нарѣчіе: придѣ 161 = прѣди; 3) infinit.: сваригѣса 168.

Единичны случаи постановки *е* на мѣстѣ *ѣ*: оуведѣ 110; пленоующе 116; пленовати 120; — вааше 136; реци 145; зренія 154; ведѣ 161; неизмененъ 165; презрехомъ 172; плененъ 59; веленїе 43. Рѣдки также факты обратной замѣны: меншѣи 60; рѣвнистїю 118; третѣи 141. Можетъ быть, съ этими явленіями надо поставить въ связь форму: пѣснописицъ 88, 60 (ср. въ посл. главѣ).

Разсмотрѣніе судьбы *ѣ* въ этомъ памятникѣ приводитъ къ заключенію, что *ѣ* въ говорѣ писца сохранялось, какъ особый звукъ, отличный

отъ *е* и *и* (*ê*), и только въ нѣкоторыхъ условіяхъ (напр., передъ *i̯*) склонялось къ *и* или совпадало съ нимъ.

Можетъ быть, сюда же слѣдуетъ отнести двинск. грам. № 11 (в викѣ, рѣпѣще, володѣтѣ, дѣтѣ); № 26, № 34; № 104; № 113; № 114; № 95 (А. А. Шахматовъ. Изслѣдованіе о двинск. грамотахъ, 89—90). Но въ виду сравнительно небольшого объема этихъ грамотъ трудно составить опредѣленное представленіе о значеніи въ нихъ буквы *ѣ*. Отсутствіе замѣны *ѣ* черезъ *е* и обратно можно понимать и какъ указаніе на дифтонгическое произношеніе *ѣ*. Изъ примѣровъ перехода *ѣ* въ *и* только передъ слѣдующимъ *и* можно сдѣлать заключеніе о совпаденіи *ѣ* съ *и* въ этомъ положеніи и объ особомъ характерѣ дифтонга *i͡e* вообще передъ мягкими согласными (*iȩ* или *i̯ê*).

Предполагаю сходную орѳографію въ Новгородскомъ Служебникѣ XIV в. Румянц. Муз. № 399, въ которомъ часто *ѣ* вм. *е* передъ слѣдующимъ мягкимъ согласнымъ, и встрѣчаются примѣры перехода *ѣ* въ *и*, хотя, къ сожалѣнію, они приведены А. А. Шахматовымъ въ недостаточномъ количествѣ (формы locat. и осинит 18 а).

Къ этой же категоріи надо отнести Мусинъ-Пушкинскій сборникъ 1414 г., въ которомъ случаи *е* вмѣсто *ѣ* падаютъ или на книжныя формы (loc. plur. сущ. на -ехъ, loc. sg. прилаг. на -емъ) или на церковныя слова (болезни 21_8; 28_7; ср. описки: зверемъ 59_{17}; възвещеваю 4620), и который содержитъ слѣдующіе примѣры перехода *ѣ* въ *и*: прибижище 6_5; наслидиша 15_{17}; привидиньѥмь 25_{17}; первиѥ 28_{20}; въ купилѣ 40_{15}; оукрипѣ 34_{19}; просвити 5_4;$_{15}$; побидителю 21_{14}; заповиди 16_{20}; ицилить 26_8; посити 25_3.

Такимъ образомъ, всѣ случаи замѣны *ѣ* черезъ *и* приходятся на слоги съ слѣдующимъ мягкимъ согласнымъ. Въ высшей степени характерно, что преобладающее большинство примѣровъ имѣетъ *и* вм. *ѣ* передъ слогомъ съ слѣдующимъ *и*, и лишь въ 1 примѣрѣ *и*—передъ *ѣ*. Предполагать во всѣхъ написаніяхъ ошибки писца или копіиста XIX в., вызванныя графической антиципаціей *и*, не представляется возможнымъ въ виду ихъ многочисленности. Для заключеніи о фонетическомъ значеніи буквы *ѣ* могутъ имѣть нѣкоторое значеніе примѣры замѣны *е* черезъ *ѣ*. Они всѣ (кромѣ одного: мѣртвымъ 29_{18-19})—въ слогахъ передъ мягкими

согласными. Поэтому представляется вѣроятнымъ, что *ѣ* въ этомъ памятникѣ было символомъ звука *ê* очень узкаго, который передъ слогомъ съ *и* переходилъ въ *и*.

Точно также въ сказаніи о Борисѣ и Глѣбѣ (изъ Сильвестровскаго Сборника XIV в.—по изд. Срезневскаго) *и* замѣняетъ *ѣ* лишь въ слогѣ передъ *ї* и передъ слогомъ съ слѣдующимъ *и*: видити 24, 139; видилѣ 142 (аналогическія образованія?); биси 81 б; приминившю 135 б; ср. еще: въ печали крѣпци 71.

Немногочисленные примѣры постановки *е* вмѣсто *ѣ* преимущественно падаютъ на формы locat. plur. сущ. на ехъ, sg. прилаг. на—емь; dual. глаголовъ—ѡтрекохове 198; на слово съ суф.—ѣніе: сумненія 113.

Кромѣ того, могутъ быть описками примѣры: повеленоѥ 95 б; ицелениѥ 109;—ия 40; неделю 145 б, но могутъ объясняться и какъ церковно-славянизмы. Отдѣльно стоятъ: все иконы 116; заре 62. Любопытно, что и въ этой рукописи есть нѣкоторое количество примѣровъ замѣны *е* черезъ *ѣ* въ слогахъ передъ мягкими согласными. Можно думать, что звуковое значеніе буквы *ѣ* въ Сильвестр. Сб. такое, какъ и въ Сб. 1414 г.

Къ этому же разряду рукописей надо отнести Прологъ изъ Собр. Савваитова FI № 773, конца XIV—нач. XV в. (см. И. Бычковъ. Каталогъ Собр. рук. Савваитова, 9 стр.). Въ первомъ почеркѣ (1—12 об.; 54—57об.; съ 69 до конца) наблюдаются нерѣдкіе примѣры замѣны *ѣ* черезъ *и* передъ мягкими согласными съ слѣдующимъ *и* и передъ *ї*: покориюще 5_1; перь | виѥ 4_1; никимъ 70_1; нищии 71_1; оубидимсѧ 84_1; ѡблинитесѧ 86об.$_1$; стариишины 86_2; ливицею 104об.$_2$; обисити 98_1; прибижище 92об.$_2$; скорбити 93об.$_1$; дивица 108об.$_2$; отр^{и}шивше 111об.$_1$; непобидимоѥ 113_2; листвица 115_2; линивыя 116_1; также въ конечн. открыт. слогѣ: аор. повели 6_1; но ср. изиди 11_2; ср. приди 3_2; приобиди 82об.; види 111_1; нынн 10об.$_2$; при агрипини 1_2; на мнози 105_2; о пустынници 11об.$_2$; въ мнози мрацѣ 72_2; на мнози 74_1; при максимьяни 75_1; по муци 75об.$_1$; на языци 85об.$_2$; о разбоиници 93об.$_2$; въ храмини 99об.$_2$. Передъ твердыми согласными лишь случаи — сомнительные: прозриша 2об.$_2$; оувидивъ 3об.$_2$; ви-

дихъ 81об.; видивъ 86об.$_2$; ср. также: видъıи 96об.$_2$; не видомо 106$_1$; еще: никто 6об.$_1$.

е вм. *ѣ* находится лишь въ церковныхъ, книжныхъ словахъ: пленъ 1$_1$; запустенье 1$_1$; обрете 1 об.; болезни 4 об.$_2$; целоваше 7$_1$; исъцелилъ 9$_2$; пресечены 69$_1$ (оп.?); въ сретениє 69$_1$; повеленьє 75 об.$_1$; ѿ болезни 75 об.$_1$; повеленью 86$_2$;—иємь 88 об.$_2$; оустретениє 92$_1$; на телесѣхъ 69$_1$; ср. звере̑ 87$_2$.

Здѣсь же отмѣчены нерѣдкіе случаи *ѣ* вм. *и* въ опредѣленныхъ категоріяхъ: а) nom. plur.: мнозѣ 1$_2$; назѣ 7$_2$; грѣсѣ тажцѣ 70$_2$; три мнисѣ 74 об.$_1$; нѣкоторѣи 7$_2$; нѣцѣи 70 об.$_2$ и т. п.; ср. стѣѣ м҃цѣ 196$_1$; ср. заповѣдѣ 95 об.$_2$; асс. скотѣ 94 об.$_1$; б) dat.: моисѣєвѣ 9 об.$_2$; в) locat. основъ на -*и*: в старостѣ 12$_1$; 94 об.$_1$ 100 об.$_2$; въ мѣдѣ 97 об.$_2$; ср. послѣдѣ 122 об.$_1$; г) genet.: ѿ похотѣ 91 об.$_1$; д) видѣте 92$_1$; невидѣмъ 101$_2$; видѣши 102$_2$; 108$_1$ bis; оузрѣмъ 120 об.$_2$; е) еще: зѣмѣ 77$_2$ (оп.?); о мнѣсѣ 106$_2$; Ефросѣнъ 119; ср. Ефросинъ 118 об.$_2$.

Изъ другихъ особенностей въ текстѣ этого писца отмѣчу: переходъ *е* передъ мягкими согласными въ *ѣ* и далѣе въ *и*.

Близки къ первому почерку — особенности въ употребленіи *ѣ* и *е* у второго и третьяго писцовъ (2 поч. съ 13 л. по 21; съ 21 по 68 об.—3 поч.): *и* вм. *ѣ*: первиє 14$_2$; не прѣминисѧ 17 об.$_2$; возненави | дити 20$_1$; наричиемь 20 об.$_1$; не довлію 22$_1$; дивица 29 об.$_2$; исти 59$_2$; оутишишися 64 об.$_2$; свидители 19$_2$.

Кромѣ того: руци 14 об.$_2$; въ цр҃ви велиции 20 об.$_1$; при александри 18 об.$_2$; одинъ разъ находимъ *и* вм. *ѣ* въ словѣ: ѿ колина 60 об.$_2$ (по аналогіи съ колини).

ѣ замѣняетъ *и* въ слѣдующихъ примѣрахъ: а) nom. plur.: вѣдалѣ 16$_2$; сѣлѣ 16 об.$_1$; ч҃тѣи 21 об.$_2$; побѣжеиѣ 22 об.$_1$ и т. п.; ср. также: дѣющѣ 26 об.$_1$; б) dat.: дѣтятѣ 25$_2$; в) оузрѣши 34$_1$; видѣши 23$_2$; 46 об.$_1$; 49 об.; г) ср. *ѣ* вм. *и* передъ *ι*; цр҃твѣя 48$_1$; съшествѣє 48 об.$_2$ и др. Примѣры постановки *ѣ* на мѣстѣ *и* въ серединѣ словъ въ другихъ категоріяхъ сомнительны: въ мнѣсѣхъ 25$_2$; о мнѣсѣ 46 об.$_1$; подвѣ | гнемьсѧ 48$_1$; завѣстью 48$_2$.

е изрѣдка стоитъ вмѣсто *ѣ*: премени 44$_2$.

ѣ вм. *е*: двѣрѣй 18_1; пѣрвѣє 32 об.$_1$ и другіе примѣры только передъ мягкими согласными и въ книжныхъ словахъ (см. послѣднюю— VII главу работы). Ср. еще: до послѣднѣ | го 31_1; вѣрѣнъ 37 об.$_2$; на небѣсѣхъ 45_1—описки.

Такимъ образомъ въ прологѣ F I № 773 случаи перехода *ѣ* въ *и* передъ твердыми согласными у перваго писца объясняются морфологической аналогіей или смѣшеніемъ корней (вид-вѣд). Въ текстѣ третьяго писца форма: колина 60 об.$_2$ получила свое *и*, конечно, отъ слова: колини.

Всѣ прочіе примѣры *и* вмѣсто *ѣ* падаютъ на положеніе передъ слогомъ съ *и* или передъ *і*, т. е. говорятъ о принадлежности этой рукописи къ III-й группѣ.

Такимъ образомъ, изъ анализа рукописей III категоріи слѣдуетъ, что въ сознаніи ихъ писцовъ, вообще говоря, буква *ѣ* не ассоціировалась со звукомъ *и*. Она служила символомъ звука *ê* очень узкаго (въ единичныхъ памятникахъ, можетъ быть, и звука *іê*). Это роднитъ отражающіеся въ этихъ памятникахъ типы рефлексовъ *ѣ* съ тѣми, которые выявляются при анализѣ рукописей IV и V категорій. Но рукописи III категоріи намѣчаютъ тотъ первый сдвигъ, которымъ начиналось сближеніе соотвѣтствующихъ рефлексовъ *ѣ* съ *и* (см. объ этомъ подробнѣе въ III главѣ).

IV. Къ четвертой категоріи отношу памятники, употребляющіе *ѣ* и *е* этимологически правильно, не смѣшивая ихъ. Правда, признакомъ полнаго смѣшенія звуковъ *ѣ* и *е* въ живомъ говорѣ писцовъ не можетъ служить переходъ *е* въ *ѣ* въ опредѣленныхъ фонетическихъ условіяхъ (см. послѣднюю VII главу нашей работы). Но это явленіе позволяетъ сдѣлать нѣкоторые выводы о фонетическомъ значеніи *ѣ* и въ соотвѣтствіи съ этимъ точнѣе очертить кругъ рукописей IV-й категоріи: по отношенію къ памятникамъ, употребляющимъ *ѣ* — въ согласіи съ этимологическимъ составомъ словъ, но знающимъ, помимо этого, сѣверно-русскій переходъ *е* въ *ѣ*, едва ли возможно предположеніе о дифтонгическомъ произношеніи *ѣ*. Между тѣмъ данныя памятниковъ, которымъ рѣшительно чужда замѣна *е* черезъ *ѣ*, могутъ быть правдоподобнѣе всего, какъ это уже отмѣчено акад. А. А. Шахматовымъ (Изслѣдованіе о двинскихъ грамотахъ, стр. 84

и слѣд.), истолкованы въ смыслѣ указаній на дифтонгическое качество *ѣ*.

Поэтому къ четвертой группѣ причисляю рукописи безъ всякихъ (кромѣ законныхъ) отступленій отъ установившагося съ XI—XII вѣка употребленія буквы *ѣ*.

Таковы двинскія грамоты №№ 1, 2, 4, 10, 13, 14, 16, 17, 21, 22, 24, 25, 29, 30, 31, 32, 35, 37, 72, 76, 77, 78, 79, 87, 88, 115 (Шахматовъ, 86 стр.); новгородскія грамоты 1294—1301 г. (№ 4 и № 5—по изданію А. А. Шахматова); грамота № 14; впрочемъ ср. дѣтѣи; рядная Тѣшаты (Русско-лив. акты, № XXVII); Еванг. Румянцевскаго Муз. XIV в. № CVII (см. Шахматовъ. Фонетика, 142 стр.); Ев. Публ. Библ. Fп 1 № 13 изъ Собр. Толстого—XIV в. (ср. Воскресенскій. Евангеліе отъ Марка, 32—33 стр.), въ которомъ, при нѣсколькихъ примѣрахъ смѣшенія ч и ц и сѣверно-русск. сочетаніи жг, я не встрѣтилъ случаевъ замѣны *е* черезъ *ѣ*, а всѣ примѣры замѣны *ѣ* черезъ *е*—находилъ или на концѣ строкъ (разуме | в же 5_1; на моисѣѥве | 5 об$_2$; боле | 38_2; ср. болѣ 50 об.$_2$; виде | ша 52_2; ве | дѣлъ 52 об.$_2$ и др.) или въ книжныхъ словахъ (вѣде 30_2; телеса 46 об.$_1$; 52_2; телесѣ 48 об.$_2$ и др. под.), а также въ формахъ: некоѥго 18 об.$_2$; в некою весь 18_2 (смѣшеніе частицъ нѣ и не). Случаевъ замѣны *ѣ* черезъ *и* и обратно въ этой рукописи нѣтъ (лишь нози 6 об.$_1$; ср. еще нарѣцаѥмъ 68 об.$_2$; нарѣцаша 72_1; кадѣлнаго 71 об.$_1$).

Къ этой же группѣ относится 3-я часть Новг. 1 Лѣтописи по Синодальному списку (л.л. 119—167). Съ точки зрѣнія употребленія *ѣ* и *е* она изслѣдована А. А. Шахматовымъ (о языкѣ новг. грамотъ, 221 и слѣд.; ср. Фонетика, 141 стр.). Языкъ писца этихъ листовъ лѣтописи находился подъ сильнымъ вліяніемъ господствовавшаго тогда въ культурныхъ центрахъ литературнаго произношенія, и въ высшей степени любопытно сопоставленіе языка и орѳографіи разсматриваемаго текста съ языкомъ и орѳографіей, напр., Лаврентьевскаго Списка Лѣтописи. Можно думать, что нѣкоторыя черты, напр., цоканье, были близки къ исчезновенію не только въ орѳографіи, но и въ говорѣ писца. Поэтому и при заключеніяхъ о произношеніи писцомъ буквы *ѣ*—

не надо упускать изъ виду возможности воздѣйствія въ этомъ отношеніи литературнаго произношенія (см. главу V-ю нашей работы. Иначе А. И. Соболевскій. Ж. М. Н. Пр. 1887 г., № 11).

Кондакарь Погод. Собр. № 43 (л. 1—31—XII в. Ср. Васильевъ Л. Л. Одно соображеніе въ защиту написаній ьрь, ьръ, ъръ, ълъ. Ж. М. Н. Пр. 1909 г., № 8, 303 стр.), въ которомъ находимъ «чокающую» форму: посѣчи 3 об., не имѣетъ достовѣрныхъ примѣровъ смѣшенія *ѣ* и *е*: ныне 2 об.; дьрзновѣние 20, 25 об. (ср. приступьна 27; здѣсь же съ *ѣ*).

Послѣдовательно проведено обозначеніе *ѣ*, сохранявшагося въ живомъ языкѣ писца, въ псалтыри XIV в. Fп I № 4. Здѣсь же надо упомянуть, м. б., и новгородскую грамоту № 16, въ которой *е* вмѣсто *ѣ* отмѣчено А. А. Шахматовымъ лишь въ словѣ — целовати (152 стр.); ср. то же въ московскихъ грамотахъ XIV вѣка.

Готовъ вслѣдъ за А. А. Шахматовымъ отнести къ этой категоріи листы Милятина Ев. Публ. Библ., писанные вторымъ почеркомъ (л. л. 45—63, 72—77), но никакъ не могу согласиться съ толкованіемъ, даннымъ А. А. Шахматовымъ соотвѣтствующимъ явленіямъ перваго писца (Фонетика, 148 стр.).

Прежде всего замѣчу, что въ текстѣ перваго писца очень часты описки, состоящія въ замѣнѣ одной буквы другой—сосѣдней: садате 2_1; цьсариствие 10 об.$_2$; 97_2; оучеше 36_2; слышити и разоумѣите 37 об.$_1$; каперепаоуме 94_2; оузирите 133_2 и др. под.; ср. сѣмѣнъ 25 об.$_1$; послѣдь | нѣе 120_1 (мѣсто); ѡблѣчѣтеса 2_1; излѣзѣте 70_2; ср. также: вы чисте есте 41_1.

Этимъ сопоставленіемъ парализуется значеніе примѣровъ замѣны *е* черезъ *ѣ* передъ мягкимъ слогомъ: излѣзѣте и др., изъ которыхъ исходилъ А. А. Шахматовъ при опредѣленіи звукового качества *ѣ* въ нашей рукописи. Здѣсь лишь въ церковныхъ словахъ наблюдается колебаніе между *ѣ* и *е*: плевелъ 34_1; ср. 33; 33 об.; исплевемъ 33_2; (оп.? ср. преже); ср. ань | гѣлы 41_1, евань | гѣлистъ 77 об.$_2$; ср. при обычномъ: тебе 66 об.$_2$; 40 об.$_1$; 77 об.$_2$; 22 об.$_1$; 24 об.$_1$; въ себе 40_2; 32 об.$_2$ и др. — тебѣ 66 об.$_2$; въ себѣ 69 об.$_1$; 31 об.$_2$; ср. genetiv.: ѡвьрьжеть себѣ 40 об.$_2$; възьмѣте на себѣ

22 об.$_2$; яко себѣ 130 об.$_1$; *е* вм. *ѣ* также въ формахъ imperat.: възьмете; градете 40 об.$_2$; кромѣ того: при езерѣ генисаретьсцеи 78$_2$; ср. также мнѥ | 153$_1$.

Любопытно также смѣшеніе префиксовъ прѣ и при: прибоудете 4$_2$; 3; примоудрости 30$_1$; придѣлы 42$_{26}$; прилюбы 120$_2$ и др.; ср. прѣдохъ 103$_2$; прѣвлечеть 103 об.; прѣходаще 109 об.; прѣимы и 121 об.$_2$; прѣкрывати 138 об.$_2$.

Случаи колебанія между *ѣ* и *и*—исключительны: фарисии 15 об.$_2$; при обычной формѣ: фарисѣи 20$_1$; 23$_1$; 26$_1$ и др. под.; ви(попр. на ѣ) дите 120 об.$_2$; ср. оубиимъ и 115$_2$; 128 об.$_1$; ср. оубиѣмъ и 155 об.; стари(попр. на ѣ)шины 143$_2$; при елисѣи прорци 81; о грѣшьници 106 об.$_2$; 107$_1$; види(попр. на ѣ)въ 71$_2$; *ѣ* вм. *и*—nom. фарисѣисцѣ 83$_2$ ср.; галилѣанѣ 104$_1$; жена хананынѣ 120$_1$[1].

Едва ли можно изъ анализа примѣровъ употребленія *ѣ* и его замѣнъ въ этой части рукописи сдѣлать выводъ, что *ѣ* звучало въ говорѣ писца ея, какъ e^{i}.

Во второмъ почеркѣ Милятина Евангелія *е* въ церковныхъ словахъ обычно: запрети 55 об.$_2$; 58$_1$; прелюбы 56$_2$; по предании 57$_2$; преходаи 57 об. и т. п.

Обращаетъ на себя вниманіе преобладаніе префикса—предлога *пре* на мѣстѣ ожидаемаго *при*: претъчи 55$_1$; претъчю 48$_2$; 59 об.$_2$; 63 об.$_2$; пре двьрьхъ 55$_1$; претекоша 73 об.$_2$; презъвавъ 75$_1$; 76$_1$; преближиса 57$_2$; преношахоу 58 об.$_1$ и т. п. Обратно: придадать 45$_1$; прииди и преидеть 47$_2$; приходите море 51 об.$_2$. *и* на мѣстѣ *ѣ*: изиде бѣсъ и исцѣли отрокъ 47$_1$[2].

---

[1] Кромѣ довольно частаго цоканья (ср. также одъжги 110$_2$), въ текстѣ перваго писца можно отмѣтить рядъ любопытныхъ явленій языка и орѳографіи: знамения не дастьса 40$_1$; хлѣбы предъложениѥ приимъ ѣсть 87$_2$; птица позобаше 87 об.$_2$; знаменіѥ велиа и чюдеса 156 об.$_1$; прішидъ 16 об.$_2$ (анал. иду?); ѥсть дивьна 128 об.$_2$ 155 об.$_2$; вѣтвьѥ млада 133$_2$ (оп.?); вса колѣно земьскаа 156 об.$_2$; поздѣ ше бывъшю 39$_2$: хри мы 88 об.$_1$; ср. хризмою 88 об.$_1$; 89$_1$; формы 3 л. praesentis на ти: възлюбити 20 об.$_1$; творити 14 об.$_2$; исцѣлити и 81 об.$_2$; тьрпити 111$_1$; 129$_1$; възненавидѣти 123$_1$; изъ очеса 16$_2$; до сеа сѧтѣ 77 об.$_2$; тысащема 106$_2$; тысащема 121$_1$; къ старѣишиномъ жьрьчьскамъ 136$_2$; достоить жена поустіти 124$_2$; dat.: рекоста ѥмъ 142$_2$.

[2] Изъ другихъ особенностей, кромѣ цоканья, представляютъ нѣкоторый

Итакъ, правильнѣе оба почерка Милятина Евангелія разсматривать вмѣстѣ, потому что, при всемъ различіи въ орѳографическихъ пріемахъ, нѣтъ никакихъ основаній рѣзко обособлять листы, писанные тѣмъ и другимъ почеркомъ, съ точки зрѣнія употребленія *ѣ* и *е*.

Въ Еван. Погод. № 13 XII—XIII в. *ѣ* всюду сохраняется, за исключеніемъ небольшого количества примѣровъ замѣны черезъ *е* въ церковныхъ словахъ: посредѣ 18 об.$_1$; 69 об.$_2$; 78 об.$_1$; телеса 164$_1$; 165 об.$_1$; 169$_2$; 169 об.$_1$; 174$_2$; пребы҃ 171 об.$_2$; дре | воу 173$_2$; премѹдръ 176 об.$_2$; въ чревѣ 179$_1$; въ сре҃ 167$_1$; 167$_2$; 168$_2$; 193$_2$; 191 об.$_2$; дѣлахове 168 об.$_2$; чреды 189$_2$; телесьныимь 67$_2$; 60 об.$_1$; оунеѥ 47 об.$_1$ и др. под.

Кромѣ того, отмѣчено колебаніе въ формахъ dat. loc. мѣстоим.: въ себѣ 8 об.$_2$; 83 об.$_1$; къ себѣ 17$_1$; 17 об.$_2$; къ тебѣ 74 об.$_1$; тебѣ 84 об.$_1$ и др. под.; ср. себе 10 об.$_1$; тебе 11 об.$_1$; 13 об.$_1$ bis; о себе 16 об.$_1$ и т. д. ср. сьдѣ 69$_1$ при кде и т. п.; ѡбрѣмѣнении 34 об.$_1$; поутѣмь тѣмь 38$_2$—описки.

Случаи *и* вм. *ѣ* мало показательны: гроби невидомии 86$_1$; самариньскоу 80$_2$; —ѣньскъ 30 об.$_1$; но ср. самарѧньскъ 177 об.$_1$; о ѥдин҃ | мь грѣшьници 93$_2$; 93 об.$_1$; *ѣ* вм. *и* въ преф. *при*: прѣлѣпитьсѧ 49$_2$; прѣлѣпитьсѧ 108$_1$; прѣльпъшии 81$_1$; ср. не вѣдите (=и) 61 об.$_2$; ср. обратно: прибиша 165 об.$_1$; 169 об.$_1$ bis; 174 об.$_1$ bis.

Въ рукописи довольно ярко отразились діалектическія особенности сѣверно-великорусскихъ говоровъ.

Конечно, можно спорить противъ утвержденія, что всѣ рукописи, отнесенныя къ IV категоріи и захватывающія періодъ XII—XV в., отражаютъ говоры съ дифтонгическимъ произношеніемъ *ѣ*. Большую роль въ послѣдовательномъ сохраненіи исконной орѳографіи могла имѣть традиція. Съ этимъ возраженіемъ нельзя не согласиться. Но, съ другой стороны, нельзя—основываясь на пріемахъ письма, не соединить памятники разсматриваемаго типа въ одну группу, отличающуюся отъ всѣхъ

интересъ: прижьствьѥ 72$_2$; формы мънагашьды 46 об.$_2$; 47$_1$; мнажаиша 60$_1$; gen. мне, но 1 разъ: ме | не 74 об.$_2$; сѣмне 62 об.$_2$; ас. чюдесѧ 54 об.$_1$; небѣсьнеѥ 56 об.$_2$.

другихъ. Истолкованіе фонетической значимости ихъ показаній въ большинствѣ случаевъ остается гадательнымъ, и изслѣдователь можетъ понести упрекъ лишь въ томъ случаѣ, если изъ возможныхъ объясненій онъ остановился на менѣе вѣроятномъ. По отношенію же къ рукописямъ IV категоріи, при сопоставленіи ихъ съ памятниками другихъ типовъ, наиболѣе убѣдительно предположеніе, что въ нихъ подъ буквой *ѣ* скрывается иной звукъ, чѣмъ подъ буквой *е*. Иначе было бы непонятно, почему писцы, въ другихъ случаяхъ отступая отъ традиціонной орѳографіи, все свое вниманіе сосредоточили на послѣдовательной передачѣ буквъ *ѣ* и *е*. Болѣе точныя опредѣленія обусловлены тѣми взглядами на судьбу звука *ѣ*, которые слагаются у изслѣдователя на основѣ данныхъ современной діалектологіи. Съ моей точки зрѣнія діагнозъ можетъ квалифицировать *ѣ* въ этихъ текстахъ, какъ обозначеніе *i̯e* или *ê e̯*. Допущеніе, что подъ буквой *ѣ* въ нихъ скрывается простой звукъ *ê*, безъ предпосылки о сохраненіи *е* откр. передъ мягкими согласными (на мѣстѣ исконнаго *е*), не могло бы объяснить отсутствія примѣровъ смѣшенія *ѣ* и *е*, которые характеризуютъ слѣдующую V категорію памятниковъ.

V. Въ соотвѣтствіи со сказаннымъ выше — рукописи съ примѣрами замѣны *е* черезъ *ѣ* передъ мягкимъ слогомъ, выявляя особый сѣверно-русскій процессъ измѣненій первоначальнаго *е*, — представляютъ нѣкоторыя данныя для заключеній о фонетическомъ качествѣ этимологическаго *ѣ*, — именно: оно могло звучать въ говорѣ писцовъ ихъ только какъ *ê*. Но часть рукописей этого типа знаетъ и обратную замѣну *ѣ* черезъ *е*. Здѣсь надо имѣть въ виду два соображенія. 1) Въ рукописяхъ, имѣющихъ только замѣну *е* черезъ *ѣ* передъ мягкими согласными, буква *ѣ* въ этомъ положеніи можетъ обозначать лишь нѣкоторое, неполное приближеніе развившагося изъ *е* откр. звука къ рефлексамъ исконнаго *ѣ*. Поэтому удобнѣе рукописи этого типа выдѣлить въ особый разрядъ. 2) Въ тѣхъ же памятникахъ, въ которыхъ наблюдается не только замѣна *е* черезъ *ѣ* передъ мягкими согласными, но встрѣчаются и примѣры обратной замѣны *ѣ* черезъ *е*, съ большимъ основаніемъ можно подозрѣвать полное совпаденіе рефлексовъ *ѣ* съ *е* закр. передъ мягкими согласными. Необходимо помнить, что спорадическіе случаи замѣны *ѣ* черезъ *е* передъ твердыми согласными (при отсутствіи обратной

замѣны въ этомъ положеніи) не можетъ служить препятствіемъ къ отнесенію памятниковъ въ V категорію (см. объ этомъ Соболевскаго «Лекціи», 69 стр.; Шахматова Фонетику, 131—135 стр.) Слѣдовательно, той чертой, которая объединяетъ рукописи V категоріи, является наличіе въ нихъ примѣровъ *замѣны е черезъ ѣ лишь передъ мягкими согласными*—при полномъ отсутствіи чередованія буквъ *ѣ-и*.

Такимъ образомъ, сами собою устанавливаются два разряда этой группы.

Къ первому — я отношу рукописи, которыя, употребляя *ѣ* этимологически правильно, сверхъ того въ опредѣленныхъ фонетическихъ условіяхъ замѣняютъ этой буквой *е*.

Таковы — новгородскія грамоты XIV в.: № 9, 10, 11, 14, 6, 7 и 8 (о нихъ см. въ послѣдней главѣ моей работы); также № 13 и 17; двинскія грамоты: № 3 — веретѣика, при правильномъ употребленіи *ѣ* и *е*; № 75: вѣрѣтѣю; № 84: полътрѣтья; № 91; № 19: дѣсѧть; можетъ быть, также № 23 и 83.

Изъ числа 26 двинскихъ грамотъ, смѣшанно употребляющихъ *ѣ* и *е*, здѣсь надо упомянуть № 15 (формы locativ'a; рублехъ, сорокехъ,— исчезнувшія изъ народнаго языка, не должны приниматься въ разсчетъ); № 18; № 99 (цѣрѣнъ, вѣроятно, описка) и № 90. Къ этой же группѣ слѣдуетъ отнести грамоту великаго князя Андрея Алекс., напечатанную въ Русско-Ливон. Актахъ подъ № XLVIII: купѣчь.

Ко второму разряду той же группы — отношу Погодинскій Апостолъ 1391 г., описанный Н. М. Каринскимъ (Русск. Фил. Вѣстн. 1896 г., № 3—4), въ которомъ буква *е* на мѣстѣ *ѣ* обычно наблюдается передъ мягкими согласными (исключеніе одно: възделали ѥсте 196). Ср. *ѣ* вмѣсто *е* въ томъ же положеніи (Каринскій, 188 стр.). Обращаю вниманіе на обстоятельство, не замѣченное Н. М. Каринскимъ: *е* замѣняетъ *ѣ* — передъ мягкими согласными только въ безударныхъ слогахъ.

Здѣсь же упомяну Духовную Новг. Климента: мѣншеѥ, останѣтьсѧ, въ коупѣцьскомъ; розделить, но ср. также резанъ bis и случаи *е* вм. *ѣ* въ конечномъ открытомъ слогѣ (Срезневскій. Свѣдѣнія и Замѣтки. XXXV; ср. Шахматовъ. Фонетика, 147 стр.);

ср. въ новгородск. грамотѣ № 15 *е* вмѣсто *ѣ* —передъ мягкимъ слогомъ въ словахъ: немецкомь и палець (Шахматовъ. О языкѣ новг. грам., 152 стр.).

Къ этой же категоріи надо причислить нѣкоторыя изъ двинскихъ грамотъ, смѣшивающихъ *ѣ* и *е*, напр. № 7: выменялъ, верѣтѣи, вѣ(ре)тѣи; ср. грам. № 27, въ которой наблюдается лишь замѣна *ѣ* через *е* — передъ мягкимъ слогомъ: репища, тимофеі, тимофеквъ; съ вѣроятностью также № 105: корельско, ѡзѣре, ѡдѣрень (детѣмъ — надо объяснять, какъ описку или чуждую народной рѣчи форму); № 107: реки; № 112; можетъ быть, еще № 95, № 38 (если оставить въ сторонѣ примѣры *е* вм. конечнаго *ѣ* въ формахъ dat.-loc.); № 33 и др.

Вмѣстѣ съ Р. І. Якобсономъ и акад. В. Н. Перетцомъ я не могу признать вполнѣ убѣдительными доводы Н. М. Каринскаго въ пользу псковскаго происхожденія Мусинъ-Пушкинской рукописи Слова о полку Игоревѣ. Кромѣ сомнительныхъ примѣровъ смѣшенія *ш* и *с*, ни одна изъ приведенныхъ проф. Каринскимъ особенностей ея текста не указываетъ непосредственно на Псковъ, и даже взятыя всѣ вмѣстѣ черты орѳографіи и языка этого памятника рѣшительно отдѣляютъ его отъ большинства древне-псковскихъ рукописей (ср. отсутствіе примѣровъ смѣшенія **ж** и **з**, **оу** и **в**, **о** и **ѡ**, **є** и **ѧ**, **є** и **и** — и всѣ эти отрицательные доводы въ одномъ и томъ же памятникѣ; кромѣ того, факты въ изслѣдованіи проф. Каринскаго въ § 2, 3, 4, 7, 8, 14, всѣ въ § 16 и § 17, а также въ 9, 13 и вѣроятная описка § 12 — рѣшительно не позволяютъ сдѣлать никакихъ заключеній о происхожденіи рукописи; § 6, 10, 11, 15 — говорятъ за ея принадлежность сѣверной Руси; остаются сомнительные намеки на псковизмы — въ § 1 и, можетъ быть, въ 13). (Н. М. Каринскій. Очерки изъ ист. пск. письм. и яз., II). Въ виду этого я позволяю себѣ разсмотрѣть Слово о полку Игоревѣ съ интересующей меня точки зрѣнія въ ряду «новгородскихъ памятниковъ».

Если исключить примѣры *е* на мѣстѣ *ѣ* въ вымершихъ изъ живого языка формахъ (въ мытехъ, сребренеи, gen. девице, златовръсемъ), и аналогическихъ образованіяхъ (погнемъ, всѧдемъ — imperativ.) и случаи обратной замѣны, объясняющіеся такъ же (исчезнувшія формы:

а) aor. разгибѣ (оп.?); б) voc.: Всеволодѣ Осмомыслѣ, вѣтрѣ и, можетъ быть, землѣ; аналог. образов.: а) nom. ратаевѣ; б) loc. на синѣмъ море и под.), то останутся вполнѣ достовѣрные факты колебанія *ѣ* и *е* лишь въ положеніи передъ мягкими согласными: лебедѣи bis; тѣлѣгы; половѣцькую; половѣцкыми, помѣркоста; слѣтѣста на ветрѣхъ, уедіе (послѣ *і*); девице, залѣтѣло, полѣтѣти. Кромѣ того, отмѣчу случаи замѣны *ѣ* черезъ *е* въ конечномъ открытомъ слогѣ: на море, nom. plur. вси внуце, gen. девице.

Преобладаніе примѣровъ *ѣ* вмѣсто *е* по сравненію съ единичными случаями обратной замѣны свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что въ говорѣ писца этой рукописи *е* — передъ мягкимъ слогомъ звучало, какъ *ê*, близки къ которому были рефлексы исконнаго *ѣ*. Полученный мною выводъ не противоречитъ гипотезѣ о псковскомъ происхожденіи Слова о Полку Игоревѣ, но и не подтверждаетъ ее.

Можетъ быть, о сходныхъ измѣненіяхъ въ судьбѣ звука *ѣ* говорятъ аналогичныя графическія явленія въ Ярославскомъ спискѣ Пандектъ Никона Черногорца XII—XIII в., описанномъ Тихвинскимъ (Р. Ф. В., т. XXVIII, XXX—XXXII), въ Соловецкомъ Служебникѣ XIII в., описанномъ А. Никифоровымъ (Казань 1921), и въ другихъ древнихъ новгородскихъ текстахъ (Соболевскій Лекціи, 69—70 стр.; но ср. также Шахматовъ. Фонетика, 134—136 стр.; Очеркъ, 324—325 стр., примѣч. I).

Такимъ бразомъ, въ рукописяхъ V категоріи, объединенныхъ графическимъ признакомъ — наличностью замѣны *е* черезъ *ѣ* передъ мягкими согласными, отразились сѣверно-русскіе говоры съ закрытымъ *е* (*ê*) на мѣстѣ *ѣ*. Повидимому, устанавливаемый здѣсь типъ рефлексовъ *ѣ* отличался отъ того, который обнаружился при анализѣ рукописей III категоріи, меньшей узостью и отсутствіемъ тенденцій къ переходу въ *и* во всѣхъ условіяхъ.

Прежде чѣмъ переходить къ обзору рукописей VI категоріи, обращаю вниманіе на то, что во многихъ памятникахъ всѣхъ пяти перечисленныхъ категорій мы сталкиваемся съ однимъ въ высшей степени любопытнымъ явленіемъ — именно со случаями замѣны *и* черезъ *ѣ* въ опредѣленныхъ условіяхъ, въ точно очерченномъ кругѣ морфоло-

гическихъ категорій. Очевидно, это явленіе само по себѣ не можетъ служить критеріемъ классификаціи, такъ какъ обнаруживается въ разнородныхъ группахъ памятниковъ. На это обстоятельство обращено, между прочимъ, вниманіе ак. А. А. Шахматовымъ (Изслѣдованіе о двинскихъ грамотахъ, 106 стр.). Однако любопытно, что въ рукописяхъ съ безпорядочнымъ смѣшеніемъ *ѣ* и *е* мной этой черты не отмѣчено. Поэтому считаю необходимымъ, прежде чѣмъ переходить къ разсмотрѣнію памятниковъ послѣдней категоріи, остановиться на упомянутомъ явленіи съ цѣлью — выяснить его сущность и происхожденіе и рѣшить вопросъ, нѣтъ ли связи между произношеніемъ звука *ѣ* въ изученныхъ выше группахъ памятниковъ и появленіемъ этой своебразной и подчиненной строго ограниченнымъ условіямъ замѣны *и* черезъ *ѣ*.

Эта замѣна *и* черезъ *ѣ* наблюдается въ слѣдующихъ морфологическихъ категоріяхъ — въ конечномъ открытомъ слогѣ:

I. nom. sg. fem. — на *и*: ханаанынѣ 56 въ Ев. Fп I № 17; кн҃гинѣ 10_{11} въ Мус.-Пушк. Сб. 1414 г.; кнѧгынѣ 10_{19}; 11_1; 14_{13}; грѣкинѣ 30_{10} въ Ком. Сп. Новг. I Лѣтоп. и др. под.

II. — nom. acc. plur. сущ. а) основъ на *о*: чл҃вцѣ 13_{12}; пастоусѣ 68_5 въ Мус.-Пушк. Сб.; народѣ 19_2; рабѣ 38_2; языцѣ 68_1 и др. въ Ап. Погод. № 14; съсудѣ 58 об.; недоузѣ 67; источницѣ 82 об. и мн. др. въ Сб. Q I № 312; мнисѣ 74 об.$_1$; чл҃вцѣ 48_1; подвизѣ 45_2 въ Прол. собр. Савваитова № 773 XV в.; ас. — бѣсѣ 68 об.; градѣ 70; съсудѣ 29 об.; сусѣдѣ 74 об.; 74 въ Ев. Fп I № 17 и во мн. др. пам.; ср. бѣсовѣ 91 въ Сб. Q I № 312; сугражанѣ 81 въ Ап. Погод. № 14 и мн. др.; б) сущ. основъ на *и*: болѣзнѣ 59 об. въ Сб. Q I № 312; ратѣ 145 об. — ib.; дѣтѣ въ двинск. грам. № 11 и т. п.; в) nom.-acc. мѣстоим.: самѣ 53_6 въ Мус.-Пушк. Сб.; овѣ 40_9 въ Ком. Сп. Новг. I Лѣт.; самѣ 22 въ Ап. Погод. № 14; самѣ 132 въ Сб. Q I № 312 и др. под.; г) nom.-acc. прилаг. нечлен. и членн. — мнозѣ 95_1, 72_2; 55 об.$_2$; чл҃вцьстѣи 35 об.$_1$; ч҇тѣи 21 об.$_2$ въ Прол. Савв. F. I № 773; мнозѣ 136 въ Сб. Син. Библ. № 591; ветсѣ 131 об. въ Сб. Q I № 312; мнозѣ 11 b въ отрывкѣ Ев. XIV в. Соф. Библ. (Опис. Д. И. Абрамовича № 4); друзѣи — ib.; хромѣи 286_2 въ Сб. Погод. № 872; ср. мертвеи въ Ев. Fп I № 17 и очень

мн. др. под.; д) прич. прош.: кралѣ, оурадилѣ, видилѣ въ ркпси XIV в. Р. Д., II; былѣ 96_2 въ Мус.-Пушк. Сб.; былѣ въ двинск. грам. № 32; взялѣ, прислалѣ въ грам. новг. 1392 г.; затворилѣ 71; совокупилѣ 167; привыклѣ 168 об.; минулѣ 169; ѡправилѣ 143; ѿлучилѣ 238; ходилѣ 238; родилѣ 253 и т. п. въ Сб. Q I № 312; и оч. мн. др. под.; е) дѣеприч. идучѣ въ грам. XIV в. А. Ю. № 257, I; єдуцѣ 380 Ком. Сп. Новг. I Лѣт.; предавшѣ 15 об.$_2$ въ Прологѣ Собр Савв. F. I № 773.

III. gen. sg. основъ на -*i*: Рахилѣ 41_{26}; у клитѣ 86_{21}; без вѣстѣ 394_{16} въ Ком. Сп. Новг. Лѣт.; изгибелѣ въ грам. 1392 г. и т. п.; ср. нарѣчныя образованія: исконѣ 42 об.; 43 въ Ев. Fп I № 17; съзадѣ 32 об.; 70 об. — ib. и т. п.; исконѣ 2 об.; въ Ап. Погод. № 14 и др. под.

IV а) dat.-loc. основъ на — *i*: осенѣ 349_8; по заповѣдѣ 409_{22}; на Лыбедѣ 19_{22} и т. п. въ Ком. Сп. Новг. I Лѣт.; Агарѣ 33_4; въ купилѣ 49_{15} въ Мус.-Пушк. Сб.; въ старостѣ 76_2 въ Прол. XV в. изъ Собр. Савв. № 773 (F, I); погибелѣ 58; по лѣсь | тѣ 60 въ Сборн. Q I № 312; Агарѣ въ Сб. Син. Библ. № 591 и мн. др. под.; б) dat. основъ на — *u*: домовѣ $108_{14\text{-}15}$; Рагуиловѣ 126_{12} и т. п. въ Ком. Сп. Новг. I Лѣт.; Петровѣ 350 въ Сб. Q I № 312; Моисѣквѣ 3 об.$_2$ въ Прол. F. I № 773 Собр. Савваит. и др. под.; г) можетъ быть, здѣсь же надо упомянуть и dat. основъ на согласную, напр., словесѣ 100_2 въ Ап. Погод. № 14; то же 56_6; 70_{17} въ Мус.-Пушк. Сб. 1414 г.; то же въ рукоп. Савв. № 773 и мн. др.

Впрочемъ, формы gen.-loc. основъ на согласную съ окончаніемъ *ѣ*, которое могло замѣнять здѣсь не *и*, а *е*, встрѣчаются въ памятникахъ, которымъ совершенно чужда разсматриваемая замѣна *и* черезъ *ѣ*, — со смѣшеніемъ *ѣ* и *е*, напр., въ Ев. Погод. XIII — XIV в. № 12: съ небесѣ 13_2; 13 об.$_1$ bis; 14_1; 14_2; 14 об.$_1$ и др. под.; въ очесѣ 92_1; изъ очесѣ 91 bis; на нбсѣ 154 об.$_2$ и др. ср. такіе примѣры даже въ тѣхъ псковскихъ памятникахъ, въ которыхъ можно предполагать смѣшеніе ѣ и *е* не на чисто графической, а на фонетической почвѣ (см. главу о псковскихъ памятникахъ). Поэтому лучше эти примѣры разсматривать отдѣльно.

V. ablativ. plur. a) сущ. — с разбоиникѣ въ грам. 1392 г.; съ плесковицѣ 361_9; съ пьсковицѣ 380_1; съ бѣглицѣ 404_9; съ дѣтмѣ 370_8 и т. п. въ Ком. Сп. Новг. Лѣтоп.; съ черноризьцѣ 15_7; прѐчлкѣ 74_{22} въ Мус.-Пушк. Сб. 1414 г.; съ мытарѣ 30 об. въ Ев. Fп I № 17; тонѧмѣ въ двинск. грам. № 115; с перевѣсищѣ въ двинск. грам. № 79; б) мѣстоим. съ нимѣ 4 об. въ Ев. Fп № 17 и др.

VI nom.-ac. dual. сущ. женск. р. (мягк. основъ) — см. прим. въ Ев. Fп I № 17 (Васильевъ. Р. Ф. В. 1902 г., № 1).

VII. Формы infinitivi: 36_{12}; вмѣтатѣ 42_{11}; обличатѣ 45_{21}; горѣтѣ 52_{23} и т. п. въ Ком. Сп. Новг. Лѣтоп.; соступитѣсѧ въ Сборн. XV—XVI в. Син. Библ. № 591; пѣтѣ 391 об. въ Сб. Q I № 312; володѣтѣ въ двинск. грам. № 11; ср. послушатѣ 87; сѣстѣ 84; пѣтѣ 50 и др. въ Ипатьевск. Сп. Лѣтоп. (примѣры ниже въ главѣ III) и т. п.

VIII. Формы imperativ'а: стыдѣсѧ 70 об.; спсѣсѧ 89 об., възрѣ 241; повелѣ 318 въ Сборн. Q I № 312; повелѣ 31, 75; измѣ 36 об. въ Ев. Fп I № 17 и др. под.

IX. Формы aoristi: одарѣ 204_3; чинѣ 252_7; растоцѣ 28_{19} и мн. др. въ Комм. Сп. Новг. Лѣт.; не пощадѣ 390 об.; ср. блгоизволѣхъ 390 об. въ Сборн. Q I № 312; и др. под.

Кромѣ перечисленныхъ и нѣкоторыхъ другихъ категорій замѣны *и* черезъ *ѣ* въ конечномъ открытомъ слогѣ, въ тѣхъ же рукописяхъ находимъ примѣры постановки *ѣ* на мѣстѣ *и* въ срединѣ словъ въ слѣдующихъ условіяхъ.

X. Въ образованіяхъ praesentis и другихъ глагольныхъ формъ: не оборонѣши 19_{25}; видѣши 20; хотѣмъ 384_{24}; приснопомнѣмая 252 и др. под. въ Ком. Спискѣ Новг. Лѣтоп.; терпѣть 260 въ Сборн. Q I № 312; возненавидѣмъ 182_2 и др. въ Сборн. Погод. № 872; видѣши 23_2 и др. въ Прол. Собр. Савв. F. I № 773 и мн. др. под.

XI. Въ связи съ изложенными пріемами замѣны *и* черезъ *ѣ* въ рядѣ морфологическихъ категорій стоитъ вытѣсненіе *и* черезъ *ѣ* въ нѣкоторыхъ суффиксахъ — ин, ил, ище, иць-ичь, икъ, а также вообще передъ н, р:

а) въ суфф. ин: годѣны 118 об. въ Ев. Fп I № 17; въ хра-

мѣни 62 — ib.; кончѣнѣ 48 об. — ib.; истѣны 15 в. въ Отрывкѣ Ев. XIV в. Соф. Библ. № 4; ср. язвены 80 въ Ев. 1355 г., въ Еванг. до 1362 г.; истѣнѣ въ Сб. Погод. № 872; дѣдѣну въ Ком. Сп. Новг. Лѣт. 331; ср. нікітени 100 въ Арх. Сп. XVI — XVII в.; свинѣны 35 въ Комм. Сп. Новг. Лѣт.; истѣнныи 66 въ Погод. Ап. 1391 г. и др. под.; ср. вообще примѣры замѣны *и* посредствомъ *ѣ* передъ *н*: бещѣньно 311; бесчѣньными 377 об.; бещѣнъновахомъ 306 въ Сб. Q I № 312; изрѣновенъ 181 об.; ѹчѣниша 276_1; бещѣньно 311 и др. под. въ Сборн. № 872 Погод. Собр.; ср. ѥфросѣньи 122 об.$_1$ въ Апост. Погод. № 14; ѥѹфросѣнью 80_2; ср. валентѣнъ 70_2; в костантѣнѣ 67_1 въ Прол. изъ Собр. Савв. № 773 и мн. др. под.;

б) суфф. ил: кадѣлничею 145_2 въ Апост. Погод. № 14 и др. под.; ср. кадельницею 5 въ Псалт. Публ. Библ. F I № 4; свѣтѣльникъ 26 въ Псалт. Син. Библ. № 30/30 (Погорѣловъ); ср. случай замѣны *и* черезъ *ѣ* передъ *л*: обѣлью 241 об. въ Сборн. Q I № 312 и др. под.

в) въ суфф. — ище: отроцѣщемъ 61 об. въ Ев. Fп I № 17; стрѣлѣща 54 въ Ком. Сп. Новг. Лѣтоп.; лъвѣща въ двинск. грам. № 26; рѣпѣща въ двинск. грам. № 14; рѣпѣщо въ двинск. грам. № 24; ловѣща въ двинск. грам. № 54; рѣпѣще въ двинск. грам. № 11; рѣпѣщи въ двинск. грам. № 12; ѹрѣчѣще въ двинск. грам. № 12; врѣчѣще въ двинск. грам. № 23; рѣпѣще въ двинск. грам. № 83; рѣпѣще въ двинск. грам. № 7; перевѣсѣщь, перевѣсѣща въ двинск. грам. № 7 и др. под.

г) въ суфф. иць-ичь — попъвѣце въ двинск. грам. № 26; въ тиунѣцѣ 87_{18} въ Комм. Сп. Новг. Лѣт.; офонъсовѣце въ двинск. грам. № 26; ѡфромѣевѣчь въ двинск. грам. № 88 и др. под.; лѣствѣ | цѣ 48 об.$_2$ въ Новг. Тактиконѣ и др.

д) въ суфф. икъ- вѣстнѣкъ 25_{11} въ Мус.-Пушк. Сборн. 1414 г., ср. сверостенѣкъ 50 об. въ Апост. XIV в. Син. Тип. Библ. № 59, въ которомъ Воскресенскимъ не отмѣчено достовѣрныхъ примѣровъ *и* вм. *ѣ*; свщннѣкы 55_2 въ Новг. Такт. Ник. Черногорца 1397 г.; праведнѣкы 48_1 — ib. и др. под.

е) въ сосѣдствѣ съ р: в розмѣрьи 380 въ Ком. Сп. Новг. Лѣт.;

грѣвнѣ 85 — ib. и т. д. (ср. Шахматовъ. Фонетика, 250—251 стр.).

Вмѣстѣ съ тѣмъ я долженъ упомянуть, что въ рукописяхъ, въ которыхъ изложенные графическіе пріемы наиболѣе рѣзко выражены, мы встрѣчаемъ въ нѣкоторыхъ изъ перечисленныхъ, категорій примѣры постановки *ѣ* не только на мѣстѣ *и*, но и *ы*, обязанные своимъ появленіемъ аналогіи, напр., надъ телесѣ 270_{3-4} въ Комм. Сп. Новг. Лѣтоп.; ланитѣ — acc. 49_{17} въ Мус.-Пушк. Сб. 1414 г.; словесѣ своими въ Ев. Fп I № 17 и т. п.

Разсматриваемая замѣна *и* черезъ *ѣ* свойственна не всѣмъ памятникамъ, отнесеннымъ нами къ I, II, III, IV и V группамъ. Напр., мы не находимъ ея въ Требникѣ Общ. Люб. Др. Письм. № XXIV; въ Пс. Fп I № 4; въ Ев. XIV в. Fп I № 13 и т. п.

Кромѣ того, изъ тѣхъ рукописей, которыя содержатъ ее, лишь очень небольшое количество представляетъ ее въ томъ болѣе или менѣе полномъ перечнѣ всѣхъ категорій, который сдѣланъ нами выше, напр., Ев. Fп I № 17; Ком. Сп. Новг. I Лѣтоп.; Мус.-Пушк. Сб. 1414 г.; Сб. Q I № 312; рукоп. Собр. Савв. F. I № 773; Сбор. Погод. № 872 и др.

Какъ видимъ, это — тексты, съ точки зрѣнія употребленія *ѣ* и *е* относимые къ разнымъ группамъ.

Въ другихъ рукописяхъ эта замѣна *и* черезъ *ѣ* проявилась не такъ ярко — лишь въ двухъ-трехъ изъ установленныхъ рубрикъ, напр., въ грам. 1392 г.—въ формахъ nom. plur. partic., ablativ. plur. и gen. sg. основъ на -*и*; въ Отрывкѣ Ев. XIV в. Соф. Библ.—nom. plur. сущ. и прилаг. на—*ѣи*; передъ *н*; въ Апост. Собр. Погод. — nom. plur. сущ., прилагат. членн. и нечленн. и мѣстоименій; genetiv. sg. основъ на—*и*; въ суфф. иль и передъ *н* (см. выше); въ Ев. Соф. № 2: nom. сущ., nom. прилаг. на—ѣи; nom. sg. fem. сущ. на—и, глагольн. образов. наст. врем., пов. накл.; въ Сборн. Син. Библ. № 591: nom. plur. существ., dat. sg. основъ на — *и* и въ соотвѣтствующихъ нарѣчныхъ образованіяхъ, въ infinitiv'ѣ и т. п.

Эта своеобразная особенность сѣверно-великорусскихъ рукописей не могла не броситься въ глаза изслѣдователямъ.

На интересующихъ насъ явленіяхъ (впрочемъ, только какъ на рядѣ

своеобразныхъ морфологическихъ фактовъ, а не какъ на извѣстной системѣ графики въ группѣ сѣверно-русскихъ памятниковъ) сосредоточилъ свое вниманіе акад. А. И. Соболевскій въ магистерской диссертаціи: «Изслѣдованія въ области русской грамматики».

Здѣсь объяснялись, какъ морфологическія новообразованія, возникшія по аналогіи мягкихъ основъ, формы nom.-acc. plur. masc. именъ существительныхъ, прилагательныхъ, причастій и мѣстоименій (пословѣ Михайловѣ въ грам. 1317 г.; переступилѣ въ Ев. 1355 г.; инѣи въ Ипат. Спискѣ Лѣт.; самѣ и т. п.), nom. plur. основъ на — и (дѣтѣ), gen., dat.-locat. sg. основъ на *и* (сперѣдѣ, на русѣ и т. п.).

Высказано предположеніе о возможности формъ ablativi pluralis на мѣ — съ особымъ суффиксомъ твор. п. мн. или двойств. ч. Большая часть этихъ объясненій повторена затѣмъ А. И. Соболевскимъ и въ «Лекціяхъ по исторіи русскаго языка»[4] (180, 188, 196 стр. и др.).

Вмѣстѣ съ тѣмъ А. И. Соболевскій подчеркиваетъ возможность даже среди упомянутыхъ категорій объяснять рядъ случаевъ графической замѣной *и* черезъ *ѣ*. Впрочемъ, по мнѣнію А. И. Соболевскаго, случаи постановки *ѣ* на мѣстѣ *и*, явившіеся графически, оказывали вліяніе какъ на произношеніе тѣхъ словъ, гдѣ происходила такая замѣна, такъ и вызывали вообще чередованіе *и* и *е* въ нѣкоторыхъ формахъ (Изслѣдованія въ области русской грамматики. Р. Ф. В., т. VI, стр. 209; Очерки изъ исторіи русскаго языка. (Кіевск.) Унив. Изв., 1884 г., № 2, 148 стр.; Лекціи[4], 85 стр.).

Такая двойственность объясненія однородныхъ формъ, характеризующихъ графическую систему большой группы сѣверно-великорусскихъ памятниковъ, не удовлетворила нѣкоторыхъ изслѣдователей при расширившемся знакомствѣ съ рукописными текстами и при большой спорности нѣкоторыхъ предположеній А. И. Соболевскаго, напр., относительно формъ ablat. на *мѣ*.

Акад. А. А. Шахматовъ обратилъ вниманіе на это явленіе въ своей «Фонетикѣ», гдѣ онъ посвятилъ его объясненію гл. 20-ю: «О появленіи новаго *е* вм. *и* въ восточно-русскомъ нарѣчіи». Какъ видно изъ оглавленія, А. А. Шахматовъ тогда готовъ былъ видѣть въ описанныхъ выше графическихъ пріемахъ фонетическую основу: процессъ измѣненій пер-

воначальнаго дифтонгическаго сочетанія *i̯e* въ *е* закрытое черезъ посредство *и*, склоннаго къ *е*, порождалъ чередованіе звуковъ *е* закр. и *и* (*и* изъ *и*, склоннаго къ *е*, и самого *и*, склоннаго къ *е*); какъ слѣдствіе такого чередованія, вытекающаго изъ основныхъ законовъ сѣверно-русскаго нарѣчія, возникла въ рядѣ говоровъ смѣна звука *и* первоначальнаго звукомъ *е* закрытымъ (Изслѣдованія въ области русск. фон., 249 — 252 стр.).

Соотвѣтствія графическимъ явленіямъ сѣверно-великорусскихъ рукописей были указаны А. А. Шахматовымъ въ живыхъ говорахъ (252 стр.). Впрочемъ, если исключить изъ приведенныхъ здѣсь фактовъ случаи перехода *и* въ *е* передъ звукомъ *р*, въ суфф. *ин* и въ формѣ — пролевать и подобныхъ словахъ того же корня, — то останутся лишь единичные примѣры произношенія *е* закрытаго на мѣстѣ *и*: каргоп. уговаривале; олон. съ поселкаме Рыб. III 372[1]; Никитинечь пудожск. Кир. II, 119; кормилеца яросл. (Тихв.).

Такимъ образомъ, въ данныхъ діалектологіи, собранныхъ А. А. Шахматовымъ, не находили фонетическаго оправданія наиболѣе многочисленные и характерные примѣры древнихъ рукописей — именно случаи замѣны *и* черезъ *ѣ* въ конечномъ открытомъ слогѣ.

Восполнить этотъ пробѣлъ пытался проф. Е. Ѳ. Будде въ своей диссертаціи: «Къ исторіи великорусскихъ говоровъ».

Впрочемъ само это явленіе у проф. Будде получило нѣсколько иное освѣщеніе, чѣмъ у А. А. Шахматова.

Услышавши въ касимовскомъ говорѣ Ряз. губ. произношеніе 'а въ причастіи на -лъ (выпиля) въ именит. пад. множ. числа мужск. рода (наше множ. числа на *и* неудар.) съ неударяемымъ окончаніемъ, въ именит. пад. множ. числа именъ женск. рода въ окончаніи -ки (дѣхькя), въ мѣстоименіи — сами (самя), въ творительн. пад. множ. числа именъ въ окончаніи -ми рибятъмя, проф. Будде рѣшилъ сопоставить эти формы касимовскаго говора съ примѣрами замѣны *и* черезъ *ѣ* въ соотвѣтствующихъ морфологическихъ категоріяхъ, указанными А. А. Шахматовымъ.

Для объясненія тѣхъ или другихъ имъ предположенъ законъ о фо-

[1] Эти два примѣра указывались и Соболевскимъ.

нетическомъ переходѣ конечнаго звука *и* въ открытомъ неударяемомъ слогѣ въ звукъ *'а* при посредствѣ звуковъ *и*ᵉ- *i̯е*ᵃ- *i̯ӑ*. Знакомъ этого послѣдняго звука проф. Будде и считалъ букву *ѣ* — на мѣстѣ конечнаго *и* разсматриваемыхъ формъ въ сѣверно-великорусскихъ памятникахъ (227—234 стр.).

Въ великорусскомъ нарѣчіи, по мнѣнію проф. Будде, этотъ законъ получилъ широкое распространеніе съ XIV вѣка и привелъ въ рядѣ формъ къ совпаденію судьбы звука *и* въ конечномъ открытомъ слогѣ — внѣ ударенія съ судьбою звуковъ *е* и *ѣ* (*'е* и *i̯е*) въ соотвѣтствующемъ положеніи (233 стр.)[1].

Отсюда происходятъ разнообразные рефлексы этого звука въ сѣверно-великорусскихъ говорахъ: въ пермск. гов. *'а*: ablat. столами добовымя; цветочкимя аленькимя; ср. семя городами; въ олонецк. — *е*: съ поселкаме; въ форм. infinitiv'а при формахъ на ти — изслѣдователи приводятъ изъ новгородск. говоровъ — будите, знобите; изъ псковск. — скопите, купите, носите; ср. узяте — въ грам. 1229 г.; въ nom. plur. fem. — ягодке — Новг. губ. (валд.).

Такимъ образомъ, помимо касимовскихъ формъ, профессоромъ Будде не пущено въ научный оборотъ новаго матеріала ни изъ сѣверно-великорусскихъ рукописей, ни изъ современныхъ — въ собственномъ смыслѣ сѣверно-великорусскихъ говоровъ, если не считать его ссылокъ на «Опытъ діалектологіи», откуда заимствованы пермскія формы, и на «Замѣтки» Колосова, изъ которыхъ почерпнуты новгородскія и псковскія формы infinitiv'а и nom. plur. ягодке (ср. «Изслѣдованія въ области русской грамматики» А. И. Соболевскаго).

Между тѣмъ сами касимовскія формы съ *'а* изъ *и* могутъ быть объяснены фонетически, какъ результатъ рѣзкихъ измѣненій безударнаго вокализма въ говорахъ искони южно-великорусскихъ или переходныхъ, подвергнувшихся южно-великорусскому вліянію. На это обстоятельство указалъ профессору Будде акад. А. А. Шахматовъ въ своей рецензіи (Отчетъ о присужденіи Ломоносовской преміи въ 1897 г., 59 стр.).

---

[1] О томъ, что *ѣ* могло обозначать широкое *е* (откуда *'а*) въ формахъ nom. plur.—гражанѣ, татарѣ, сыновѣ и т. п. говорилъ раньше еще Ягичъ. Критич. зам. 51 стр. Ср. Б. М. Ляпуновъ. Краткій очеркъ ученой дѣят. ак. И. В. Ягича. Лѣтоп. Истор. Фил. Общ. при Новоросс. Унив., т. IX, 429 стр.

Вмѣстѣ съ тѣмъ А. А. Шахматовъ настаивалъ на необходимости пермское окончаніе дат.-твор. множ. на мя толковать такъ же, какъ окончаніе мя въ соврем. литер. двумя, т. е. видѣть здѣсь результатъ вліянія формъ съ окончаніемъ *ми* на основное окончаніе (по происхожденію двойств. числа) *ма*.

И — что любопытнѣе всего — А. А. Шахматовъ отказывался здѣсь отъ фонетическаго объясненія причастныхъ формъ на — лѣ, предложеннаго имъ раньше, и пожелалъ «остаться» при объясненіи ихъ, данномъ А. И. Соболевскимъ.

Очевидно, что эта перемѣна взглядовъ, хотя и обнаружилась по одному частному вопросу, означала вообще отказъ отъ объясненія всѣхъ однородныхъ формъ, даннаго въ «Фонетикѣ».

Подтвержденіе этому своему заключенію я нахожу въ «Замѣткахъ объ языкѣ псковскихъ памятниковъ», гдѣ А. А. Шахматовъ, приводя рядъ примѣровъ замѣны *и* черезъ *ѣ*, — изъ числа тѣхъ же, съ которыми онъ оперировалъ въ «Фонетикѣ» (исключая формы nom. plur.), видитъ въ нихъ указаніе на графическую замѣну *и* черезъ *ѣ* (Ж. М. Нар. Пр. 1909 г., № 7, стр. 147—148).

Такимъ образомъ, въ общемъ А. А. Шахматовъ возвратился къ тѣмъ сомнѣніямъ, которыя были развиты относительно этихъ случаевъ А. И. Соболевскимъ (Ср. Изслѣдованіе о двинск. грам., стр. 87 и 106), и которыя онъ самъ раздѣлялъ раньше (О языкѣ новг. грамотъ, 194 стр.).

Любопытно, что Л. Л. Васильевъ, коснувшись мелькомъ формъ nom. plur. на *ѣ* (впрочемъ, только словъ на — инъ и основъ на — *у*), высказывалъ замѣчанія, нѣсколько напоминающія гипотезу профессора Е. Ѳ. Будде. (Богдановскій Златоустъ, 336 стр., Изв. II Отд. X, 3).

Прежде, чѣмъ обращаться къ детальному анализу фактовъ, я хотѣлъ бы высказаться по существу изложенныхъ гипотезъ. Онѣ распадаются на три категоріи:

1. «фонетическія» — гипотеза А. А. Шахматова, изложенная въ «Фонетикѣ», и гипотеза проф. Е. Ѳ. Будде;

2. «морфологическія», предполагающія для объясненія однихъ примѣровъ особыя формообразованія, для другихъ — вліяніе родственныхъ формъ (гипотезы А. И. Соболевскаго, отчасти А. А. Шахматова).

3. «графическая» гипотеза, объясняющая наши случаи замѣной одной буквы (*и*) другой (*ѣ*) безъ связи съ фонетическими явленіями живой рѣчи въ соотвѣтствующихъ словахъ (А. А. Шахматовъ. Изслѣдованіе о двинскихъ грамотахъ, 106 стр.).

Начну съ послѣдней. Объясненіе замѣны *и* черезъ *ѣ* — чисто графическое не возбуждаетъ никакихъ сомнѣній по отношенію къ памятникамъ, писцы которыхъ располагали двумя буквами — *ѣ* и *и* для обозначенія одного звука — *и*. Но оно теряетъ всякую убѣдительность, когда примѣняется къ рукописямъ, въ которыхъ буквы *ѣ* и *и* служатъ символами звуковъ — различныхъ. Кромѣ того, противъ «графической» гипотезы говоритъ то обстоятельство, что въ нѣкоторыхъ изъ памятниковъ примѣры перехода *ѣ* въ *и* единичны и падаютъ на опредѣленныя положенія, въ другихъ — совсѣмъ отсутствуютъ, между тѣмъ какъ случаи замѣны *и* черезъ *ѣ* въ разсмотрѣнныхъ условіяхъ многочисленны. Таковы Ев. Fп I № 17; новг. грам. 1392 г.; рядъ двинскихъ грамотъ (Шахматовъ, 86 — 87 стр.); Ипатьевск. списокъ Лѣтописи и др. под. ср. многіе древне-псковскіе тексты. Сама обусловленность и ограниченность случаевъ замѣны *и* черезъ *ѣ* извѣстными морфологическими категоріями и положеніями является лишнимъ опроверженіемъ «графическаго» объясненія.

Наконецъ, съ этимъ объясненіемъ невозможно примирить фактовъ живыхъ народныхъ говоровъ, въ которыхъ нерѣдко отмѣчается наблюдателями звукъ *е* въ соотвѣтствіи *ѣ*, замѣнившему этимологическое *и*. На это обстоятельство, впрочемъ, и ранѣе обратили вниманіе А. А. Шахматовъ и проф. Е. Ѳ. Будде.

Предположеніе акад. А. И. Соболевскаго, что *ѣ* и *е* на мѣстѣ *и*, явившись графически, перешли затѣмъ въ произношеніе, можетъ быть съ той или иной долей вѣроятности примѣнено лишь къ объясненію *е* на мѣстѣ *и* въ нѣкоторыхъ не-народныхъ словахъ, какъ замѣтилъ самъ А. И. Соболевскій въ «Лекціяхъ» (4 изд., 85 стр.). Но ср. скатена въ Чухломск. у., Костромск. губ. (Покровскій. Жив. Стар., годъ IX, вып. III, 338 стр.); паличе — въ языкѣ И. Т. Рябинина (Н. Волковъ. Жив. Ст., г. III, вып. 1, 130 стр.); вено — въ слоб. Ферапонт. Кирилл. у., Новг. губ. (Мат., IX, 189) и др. (примѣры ниже).

Такимъ образомъ, графическая гипотеза, какъ общій принципъ объясненія интересующихъ насъ явленій, должна быть отвергнута, что, конечно, не исключаетъ возможности и даже необходимости въ отдѣльныхъ случаяхъ принимать во вниманіе и чисто графическія условія буквенныхъ колебаній, напр., чисто графическое перенесеніе колебанія между *и* и *ѣ* изъ однихъ морфологическихъ категорій въ другія.

Переходя къ вопросу о примѣненіи принципа морфологической ассоціаціи къ выясненію указанной замѣны *и* черезъ *ѣ*, я долженъ прежде всего намѣтить тѣ затрудненія, которыя возникаютъ, если видѣть въ данной особенности результатъ исключительно морфологической аналогіи. Оказывается совершенно непонятной и случайной та тѣсная связь между замѣной *и* черезъ *ѣ* въ опредѣленныхъ условіяхъ и фонетическимъ различеніемъ *ѣ* и *е* въ говорѣ писцовъ, связь, въ силу которой полное смѣшеніе *ѣ* и *е* неизбѣжно предполагаетъ отсутствіе этой черты. Кромѣ того, съ точки зрѣнія этой гипотезы необъяснимы случаи постановки *ѣ* вмѣсто *и* въ такихъ морфологическихъ категоріяхъ, для которыхъ нѣтъ искомыхъ формъ съ *ѣ* — исходнаго пункта аналогіи. Таковы формы ablativi plur.: съ перевѣсищѣ, разбоиникѣ и т. п., формы infinitivi на -тѣ, формы съ суф. -ище и др. под.

Комбинація «морфологической» гипотезы съ «графической», — должна преодолѣть всѣ недоумѣнія, создаваемыя обѣими теоріями, точно разграничить сферу примѣненія той и другой. И все же, какъ загадка, встанутъ примѣры произношенія *е* вм. ожидаемаго *и* въ живыхъ сѣверновеликорусскихъ говорахъ, не объяснимые морфологической аналогіей: вено въ Кирилл. у., луцена въ Пудожск. гов., поселкаме Рыб. III, 372 и др. под.

Именно это обиліе противорѣчій въ гипотезѣ Соболевскаго заставило проф. Будде и акад. Шахматова искать фонетическаго объясненія соотвѣтствующихъ данныхъ.

Однако на необходимость при анализѣ интересующихъ насъ явленій пользоваться принципомъ аналогіи указываютъ такіе факты, какъ отмѣченныя выше формы ablat. телесѣ, ланитѣ — acc. plur. и др., а также соотвѣтствія нѣкоторымъ изъ разсматриваемыхъ формъ въ малорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіи, напр., мал. nom. plur. гості, люді, дверi, коні,

добрі, дубі; dat. — богові и т. п. (Ср. Соболевскій. Изслѣдованія въ области русской грамматики, 37 стр. и др. А. Шахматовъ. Изслѣдованіе о двинск. грам., 106 стр.). Ср. также въ Арханг. Ев. 1092 г. (Е. Ѳ. Карскій. Р. Ф. В. 1913 г., № 1 — 2, стр. 474).

Вѣдь именно это сходство съ формами малорусскаго и бѣлорусскаго нарѣчій заставило акад. А. И. Соболевскаго, а затѣмъ и А. А. Шахматова останавливаться на принципѣ морфологической аналогіи и уклоняться отъ объясненія не подходящихъ подъ него примѣровъ. Такимъ образомъ, роль аналогіи въ процессѣ образованія формъ съ *ѣ* очевидна.

Однако ссылка на аналогію — безъ выясненія фонетической основы, создавшей благопріятную почву для ея столь сильнаго дѣйствія, не покрываетъ всѣхъ случаевъ замѣны *и* черезъ *ѣ* и оставляетъ нерѣшеннымъ вопросъ о томъ, почему эта аналогія получила такое широкое распространеніе лишь въ группѣ сѣверно-великорусскихъ памятниковъ (и, слѣдовательно, говоровъ).

Итакъ, изъ критики графической и морфологической гипотезъ слѣдуютъ выводы:

1. Графически можно объяснять разсматриваемую замѣну *и* черезъ *ѣ* лишь въ тѣхъ рукописяхъ, въ которыхъ буквы *ѣ* и *и* — знаки одного звука *и*. Слѣдовательно, ко всѣмъ группамъ памятниковъ, кромѣ первой, «графическая» гипотеза не примѣнима.

2. Морфологическая аналогія играла большую роль въ распространеніи этой черты.

3. Комбинація двухъ гипотезъ — «графической» и «морфологической» не разрѣшаетъ вопроса, такъ какъ предположеніе, что, возникши въ рядѣ формъ (nom. plur., различныхъ формъ *и*- основъ и т. п.) по аналогіи, замѣна *и* черезъ *ѣ* была затѣмъ графически распространена на всѣ примѣры *и* въ конечномъ открытомъ слогѣ, оставляетъ необъяснимымъ появленіе *ѣ* вм. *и* въ суфф. ище, икъ и т. п.

4. Условія, благопріятствовавшія широкому развитію аналогіи, крылись въ фонетическихъ измѣненіяхъ *ѣ* — *и*.

Попытку проф. Будде опредѣлить характеръ этихъ измѣненій признаю вслѣдъ за А. А. Шахматовымъ неудачною.

Неудовлетворительность соображеній проф. Будде по данному вопросу

является слѣдствіемъ нарушенія имъ основныхъ методологическихъ требованій: для объясненія услышанныхъ имъ касимовскихъ формъ[1] онъ привлекъ рядъ примѣровъ замѣны *и* черезъ *ѣ* въ тѣхъ же грамматическихъ категоріяхъ изъ памятниковъ совсѣмъ другихъ мѣстностей и, не считаясь съ фонетическимъ значеніемъ буквы *ѣ* въ этихъ памятникахъ, путемъ апріорныхъ домысловъ построилъ законъ перехода *и* въ конечномъ открытомъ неударяемомъ слогѣ въ *и*ᵉ, *i̤e*ᵃ, *iâ* (графич. = *ѣ*). Наше отрицательное отношеніе къ выводамъ проф. Будде должно еще болѣе укрѣпиться, если мы вспомнимъ, что наличіе сходныхъ съ касимовскими образованій въ бѣлорусскомъ, отчасти малорусскомъ нарѣчіи заставило проф. Будде зародыши предположеннаго имъ закона отнести къ эпохѣ общерусскаго праязыка, и что проф. Будде склоненъ дѣйствіе того же закона усматривать въ формахъ — есмя, дворяня и т. п.

Итакъ, мы должны отказаться отъ такого широкаго пониманія разсматриваемыхъ явленій, выросшаго у проф. Будде безъ всякихъ историческихъ разысканій — изъ данныхъ касимовскаго говора, анализъ котораго представлялся ему самымъ короткимъ путемъ въ область праязыка.

Гораздо уже и, — слѣдовательно, — правильнѣе понималъ фонетическую основу этого явленія акад. А. А. Шахматовъ въ «Фонетикѣ». Онъ очень проницательно угадалъ связь замѣны *и* черезъ *ѣ* съ судьбой самого *ѣ*, хотя самое эту смѣну *и* звукомъ *е* закр. онъ представлялъ въ видѣ случайнаго процесса, не укладывающагося въ рамки опредѣленныхъ условій.

Выясненіе ихъ и составляетъ мою задачу.

Итакъ, разсматриваемое явленіе было діалектическимъ и свойственно лишь тѣмъ говорамъ сѣверно-великорусскаго нарѣчія, въ которыхъ *ѣ*, монофтонгизируясь въ томъ или иномъ положеніи, не пошло сразу по пути раскрытія, а, характеризовалось близостью къ *и*. Эта звуковая близость *и* и рефлексовъ *ѣ* (но не тождество ихъ) открывала широкую дорогу аналогіи, которая была направлена на вытѣсненіе звука *и* черезъ *ѣ* въ формахъ, содержавшихъ это *ѣ* въ родственныхъ образованіяхъ.

Напр., близость *и* и *ѣ* повела къ смѣшенію такъ называемой пер-

---

[1] Съ *а* вм. *и*: даля, дѣхькя, рибя́тъмя, самя и т. п.

вой и второй основы глаголовъ на -ѣти, а также вызвала взаимное вліяніе классовъ глаголовъ на -ити и -ѣти, которое кореннымъ образомъ видоизмѣнило первоначальныя отношенія. Ср. въ Сборн. Q I № 312 praes. — терпѣть 260; прѣтьрпѣть 84; ср. повел. спсѣсѧ 89 об.; възрѣ 241; повелѣ 318 и т. п. — при формахъ приобидити 141; ѡбидилъ 157 и др. под.; ср. скорбити 39; въ Ев. Fп I № 17 -изъявит. накл.: видѣте 51, 111 об.; възненавидѣть 27 и др. под.; ср. колебаніе: видѣвше 68 об. и др.; видивше 121 об. и др.; видевше 97; 142 об.; виделъ 16 об.; замтрѣвша 134 об.; замтривши 131 об.; замтревши 135 и т. п.

Ходъ измѣненій осложнялся еще тѣмъ, что діалектически въ рядѣ родственныхъ формъ рѣзко обозначалось колебаніе между *и* (или *і*[е]) и *ê* въ зависимости отъ качества слѣдующаго согласнаго, напр.: хотити (или хоти[е]ти), хоте[і]в, а также подвергавшіеся ихъ вліянію классы глаголовъ на ити — говорити, говоре[і]в, говоре[і]л. Формы — говорел, трубел и т. п., въ которыхъ, какъ я докажу ниже, *ѣ* (*ê* изъ *и*) было устойчивымъ вслѣдствіе сосѣдства *л*, порождали формы infinitivi — говореть и т. п. Ср. въ селѣ Кугушергѣ, Яранск. у., Вятск. губ.: вопѣть, звонѣть (Мат., VIII, 165 стр.); въ селѣ Муромлѣ, Олонецк. губ., Петрозаводск. у.: «въ неопр. наклон. употребляютъ вмѣсто окончанія ить — ѣть: вопѣть, шевелѣться. Вмѣсто ходилъ — заговорилъ: ходѣлъ, заговорѣлъ, гасѣла, ловѣла, згнѣлъ, трубѣлъ. Вмѣсто окончанія ѣть употребляютъ ить: смотрить, глядить, поспить, велить, сидить, говить, пить вм. пѣть, грить» (Мат., вып. IV. Изв. II Отд. т. II, кн. 1, 258 стр.); въ с. Утесовкѣ, Алатырск. у., Симбирск. губ., въ которой рефлексомъ *ѣ* является *ê* — передъ твердыми и мягкими согласными: «вмѣсто оконч. ить въ неопр. накл, — оконч. ѣть- звонѣть, шалѣть» (ib., 278 стр.); ср. въ говорѣ сѣверо-восточной части Пудожск. уѣзда (Мансикка) и очень мн. др.

Сходные процессы развивались въ формахъ основъ на — *и*, которыя подъ вліяніемъ *а* — основъ замѣнили *и* черезъ *ѣ* въ gen.-dat.-loc. sg. ср. въ современныхъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ формы основъ на *и*: дочерѣ, лошадѣ, казанѣ въ Костромск. губ. (Н. Каринскій. Жив. Стар., г. V, вып. III и IV, 401 стр.); въ сѣверо-восточной части

Вытегорскаго у., Олонецк. губ.: род. и пред. пад. ед. ч. женск. рода оканчиваются часто на *ѣ* вм. *и* — въ грезѣ, по путѣ, въ мекотѣ (Ал. Мельницкій. Жив. Стар., г. III, вып. III, 390 стр.); въ говорѣ Великоустюжск. у., Вологодск. губ.: dat — доцерѣ, ко дверѣ (Дмитріевъ. Жив. Стар., г. III, вып. III, 393 стр.); въ Шенк. у., Предтеченской вол., въ Ямскогорскомъ приходѣ: на лошадѣ, въ грязѣ (Мат., IX, 29 стр.); въ Никольск. у., селѣ Яхреньгѣ: на печѣ, на лошадѣ, въ грязѣ, къ дочерѣ, къ матерѣ (ib. 53 стр.) и очень мн. др.

Въ высшей степени любопытно, что въ говорахъ, въ которыхъ gen.-dat.-loc. sg. fem. основъ на-*а* — *ja* совпали затѣмъ въ формѣ genetivi (на воды, а также на земли), формы *и* — основъ на *ѣ*, оказавшись изолированными, сохранили рефлексъ этого *ѣ* въ видѣ *е* (в волосте и. т. п.), между тѣмъ какъ формы loc. masc. и neutri оканчиваются на *и* (въ мишки и т. п.) подъ вліяніемъ, очевидно, ударяемаго *и* мягкихъ основъ. Таковы говоры сѣверо-восточной части Пудожскаго уѣзда, описанные Мансиккой; говоръ деревень Бѣлозерск. у., Новгородск. губ., расположенныхъ около Шольскаго земскаго училища (Мат., IX, 167 стр.) и др.

Для выясненія хода этого процесса важны данныя гов. Буйскаго у., въ которыхъ *и* сохраняется въ мѣстн. п. подъ удареніемъ въ печи́ и т. п., но замѣняется черезъ *ѣ* (*е*) въ дат. не подъ удареніемъ: къ печѣ, къ лошадѣ и т. п. (Шахматовъ. Ученіе о формахъ, 528 стр.).

Остановлюсь кстати на формахъ locativi masc. и neutr., которыя могутъ служить иллюстраціей къ тому, какъ, въ зависимости отъ силы притяженія ассимилирующей или ассимилируемой формы, измѣнялся характеръ и направленіе дѣйствія аналогіи. Во многихъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ вліяніе locat. мягкаго склоненія, въ особенности съ ударяемымъ *и*, — вытѣснило *ѣ* изъ формъ locativi твердыхъ основъ, напр., въ Псковскихъ говорахъ: на руки въ Холмск. у. (Мат., VIII, 106—107 стр.); на столи — въ Островск. у. (Мат., V, 2 стр.). Ср. замѣчаніе Евсѣева о Псковскомъ говорѣ: «предложн. падежъ мужск. и сред. рода: объ отци, на окни и проч.; *ѣ* въ этихъ случаяхъ положительно (не) извѣстно» (Жив. Ст., г. I, вып. III, 203 стр.); въ сѣверо-восточной части Пудожск. у. (Мансикка) и др.

Ср. примѣры перехода *ѣ* въ *и* въ формахъ locat. изъ памятниковъ, имѣющихъ частую замѣну конечнаго *и* черезъ *ѣ*: въ Сборн. Q I № 312: ѡ грѣси 36: в таци бѣдѣ 213; въ помысли 315; во свѣти 254 bis и др. под.; въ Ев. Fп I № 17; въ Ап. Погод. № 14; въ Комм. Сп. Новг. I Лѣт. и др. пам.

Съ точки зрѣнія гипотезы проф. Будде наличіе этихъ формъ въ указанныхъ памятникахъ и говорахъ совершенно необъяснимо. Лишь при предположеніи дѣйствія закона аналогіи, обусловленнаго фонетическими явленіями въ области *ѣ* — *и*, оно понятно.

Тотъ же принципъ объясненія приложимъ и къ формамъ nom.-acc. plur. основъ на *о*, въ которыхъ *ѣ* развивалось подъ вліяніемъ формъ nom.-acc. мягкаго склоненія — ср. acc. на скотѣ 62 об. въ Ипат. Лѣт.; городкѣ 42_{13} въ Ком. Сп. Новг. Лѣтоп.; такіе же случаи въ Ев. Fп I № 17; формы nom.-acc. прилагательныхъ въ Ипатьевск. Лѣтоп.: nom. слуги добрѣѣ 293; на поганѣѣ 273 об.; 223; на ратнѣѣ 275 об.; руськѣѣ 213 ib.; acc. ст҃ѣѣ 206 и мн. др.; ср. accus. сотьскѣи 214 об.; nom. галичьскѣи 259; страшнѣи 82 и мн. др.

Такимъ образомъ, изъ сдѣланнаго мною анализа нѣкоторыхъ формъ слѣдуетъ, что аналогія въ развитіи разсматриваемаго явленія сѣверно-великорусскихъ говоровъ играетъ роль не прихотливаго самодура, а связана въ своемъ дѣйствіи ходомъ фонетическихъ измѣненій. Она расширяла сферу употребленія звука *ѣ*, вызывая — при наличіи благопріятныхъ психологическихъ моментовъ (ассоціативныхъ связей) появленіе на мѣстѣ *и* звука *ѣ* (i^e), который — къ тому же — въ части сѣверно-великорусскихъ говоровъ фонетически развивался и изъ первоначальнаго *е* (см. послѣднюю главу).

Получался своеобразный типъ сѣверно-великорусскаго говора, въ которомъ широкое распространеніе имѣлъ звукъ i^e (или e^i) въ соотвѣтствіи этимологическому *ѣ*, а также въ особыхъ условіяхъ *и* и *е*.

Однако, — цѣлый рядъ фактовъ сѣверно-великорусскихъ памятниковъ и живыхъ говоровъ указываетъ на то, что невозможно свести всѣ разсматриваемыя явленія исключительно къ дѣйствію аналогіи, и что само широкое дѣйствіе аналогіи въ области чередованія звуковъ *и* — *ѣ* обусловлено не только измѣненіями звука *ѣ* въ соотвѣтствующихъ гово-

рахъ, но и тѣми фонетическими процессами, которые переживалъ въ нихъ звукъ *и* въ опредѣленныхъ положеніяхъ. Полагаю, что діалектически въ сѣверно-великорусскомъ нарѣчіи переходилъ въ *ѣ* (*і*^{е}) звукъ *и* въ заударномъ положеніи, въ такихъ формахъ, гдѣ эта тенденція не парализовалась вліяніемъ родственныхъ образованій съ ударяемымъ *и*, а также передъ *р*, *л*, *н* — независимо отъ ударенія.

Уже А. А. Шахматову бросилось въ глаза, что замѣна *и* черезъ *ѣ* встрѣчается по преимуществу въ неударяемыхъ слогахъ. Дѣйствительно, подавляющее большинство примѣровъ этого явленія приходится на слоги за удареніемъ, напр., въ двинскихъ грамотахъ, въ Погод. Ев. № 14, въ Прол. Собр. Савв. № 773 и др. пам. Можетъ быть, съ этимъ явленіемъ слѣдуетъ сопоставить сохраненіе въ группѣ сѣверно-великорусскихъ говоровъ, имѣющихъ различные рефлексы *ѣ* (какъ говоры Вологодско-Вятской группы), произношеніе всякаго *ѣ* послѣ ударенія, какъ *е* (ср. Опытъ діалект. карты, 23 стр.).

Только при предположеніи перехода въ *ѣ* заударнаго *и* можно объяснить случаи замѣны *и* черезъ *ѣ* въ суффиксахъ иць,-ичь, ище, въ формахъ dat. sg. *у*- основъ, въ формахъ ablat. plur. и въ формахъ infinitivi на -тѣ, которыя находятъ себѣ соотвѣтствіе въ живыхъ народныхъ говорахъ.

Однако, прежде чѣмъ переходить къ вопросу объ отраженіи этого процесса въ современныхъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ, я долженъ отмѣтить, что большая часть соотвѣтствующихъ формъ была вытѣснена другими образованіями:

1) въ nom. plur. сущ. и прилаг. мягкихъ основъ и nom. plur. причастій укоренилось *и* въ соотвѣтствіе окончанію ы-accusativ'а твердаго склоненія, который вытѣснилъ формы nominativi;

2) формы ablativi plur. — діалект. совпали съ формами dat. plur. или получили новыя окончанія подъ вліяніемъ окончанія двойств. числа на ма (мя) или оконч. ablativi *о* — основъ (мы); діалектически были возстановлены старыя формы на — ми — вслѣдствіе воздѣйствія литерат. яз. или южно-великорусскихъ говоровъ;

3) формы dativi - *у* - основъ были вытѣснены формами *о* — основъ даже въ книжномъ языкѣ;

4) въ infinitiv'ѣ рѣшительный перевѣсъ получило окончаніе ть надъ безударнымъ ти.

Въ виду этого слѣды перехода *и* въ *ѣ* въ этихъ формахъ сохранились слабо въ сѣверно-великорусскихъ говорахъ: а) въ infinitiv'ѣ: Новг. будите,знобите (Будде. Къ исторіи вел. гов., 234 стр.); ср. псковск. скопите, купите, носите (Колосовъ. Обзоръ звуковыхъ и форм. особенностей русск. народ. языка, 116 стр.); проф. Н. М. Каринскій сообщалъ мнѣ, что онъ наблюдалъ формы infin. на -ти съ *и*, склоннымъ въ *е*, въ вятскихъ говорахъ; б) въ формахъ ablat.; съ поселкаме Р. Ш 372 (Колосовъ, ib., 117); в) въ формахъ nom.-plur.: уговаривале каргоп. (Колосовъ, ib., 117); обирале, погибалисе паличе, ребушке; ср. маковке въ языкѣ сказителя Рябинина (Н. Волковъ. Жив. Ст., г. III, вып. I, 130 стр.).

Гораздо чаще наблюдаются случаи перехода зауд. *и* въ *е* (изъ *ѣ*) въ суфф. иц. Правда, здѣсь можно предполагать воздѣйствіе формъ съ суфф. ець: передъ мягкимъ *ц* (или *ч*) *ê* діалектически склонялось къ *и*, что облегчало возможность вліянія на суфф. иц. Но этомъ не исключено и предположеніе о фонетическомъ измѣненіи зауд. иц въ ѣц.

Во всякомъ случаѣ, въ цѣломъ рядѣ современныхъ сѣверно-великорусскихъ говоровъ мы сталкиваемся съ рефлексами *ѣ* вмѣсто ожидаемаго *и* въ суффиксахъ: — иц-ич въ заударномъ слогѣ: въ Камышловск. у., Пермск. губ. — улецы, курецы (Мат., IX, 215); въ с. Якуньковѣ, Макарьевск. у., Костромской губ.: курецъ; ср. Галецкій, въ Галече (но Галичъ) (Мат., VIII, 115); ср., впрочемъ, колебаніе въ этомъ словѣ въ московскихъ грамотахъ; ср. въ говорѣ Шунгенск. вол., Костромск. у. (Виноградовъ, 12); въ бѣломорскихъ былинахъ: палеци 68_{30}; палеци 94_{393}; кузнеци 101_{84}; братьеця 93_{31} (Л. Л. Васильевъ. Изв. II Отд., 1902, кн. 4, стр. 9), хотя эти примѣры и не могутъ имѣть большой доказательной силы въ виду редукціи безударныхъ гласныхъ въ языкѣ бѣломорскихъ былинъ; никитинечь Пудожск. Кир. II, 119 (Шахматовъ. Фонетика); кормилеца — Яросл. (Тихв., Шахматовъ); въ с. Богородск., Красноуф. у., Пермск. губ.: куреса на улисе (Мат. IX, 218); Грандилевскій. Сб. II Отд., т. 83, стр. 14 (ср. у Колосова. Обзоръ зв. и форм. особ. нар. яз., 118 стр.) и т. п.

Многочисленнѣе случаи въ которыхъ *и* переходило въ *ѣ*, независимо отъ ударенія, находясь въ сосѣдствѣ съ опредѣленными согласными звуками. Такъ очень часто наблюдаемъ въ живыхъ сѣверныхъ говорахъ *е* на мѣстѣ *и* — ударяемаго и безударнаго передъ *н*, *л* и въ сосѣдствѣ съ *р*. Передъ звукомъ н: вено въ слободѣ Ферапонт., Кирилл. у., Новг. губ. (Мат., IX, 189); ср. ib. военъ; въ Камышловск. у., Пермской губ.: истена, леновать (Мат., IX, 215); въ с. Златоустовскомъ, Красноуф. у., Перм. губ.: баренъ (Мат., IX, 221); ср. въ Кизеловск. зав., Соликамск. у.: (Мат., IX, 226); ср. въ говорѣ Шунгенск. вол., Костромского уѣзда (Виноградовъ, 12); въ Акмолинск. обл.: баренъ (ib. 241); въ Малмыжск. у., Вихаревск. вол., дер. Большое Жирново: графенъ (ib. 96); ср. въ Орловск. у., с. Пышакѣ — то же (ib. 101 стр.); ср. въ с. Якуньковѣ, Макарьевск. у., Костр. губ.: сенодъ (Мат. VIII, 115); въ Пудожскихъ гов.: луцена (Мансикка, 149; (розченать въ Череповск. гов. (Герасимовъ. Краткій очеркъ Черепов. говора, 12 стр.) и т. д.

Особенно часто наблюдается *е*, повидимому, въ суффиксѣ ин. Ср. еще: зьвире[i]ньц, мизе[i]ньц и под. въ Казанскихъ говорахъ (Будде. Діалектологическія замѣтки, 177); мизéньцика 57_{30} въ бѣломорскихъ былинахъ (Л. Л. Васильевъ, 9 стр.); къ невѣстену — каргоп. (Шахматовъ. Фонетика, 252), каленовую — (Гильфердингъ, 927. Шахматовъ — ib.); истенно въ Арх. г. (Грандилевскій, 14); въ Буйскомъ уѣздѣ, Костромской губ.: истенной (Покровскій. О нар. гов. с.-зап. части Костромск. губ. Жив. Стар., годъ VII, вып. III и IV. 460 стр. ср. Ѳ. Покровскій. Жив. Ст., г. XI, вып. III и IV, 405 стр.). и др. под.

Сошлюсь на произношеніе граф'ѣн въ Лѣкинск. говорѣ, Егорьевскаго уѣзда, сохраняющемъ произношеніе *ѣ*, какъ неоднороднаго звука i^e, иногда дифтонга *i̯e*. Шахматовъ. 194 стр.). Этотъ примѣръ является вмѣстѣ съ тѣмъ подтверженіемъ моего мнѣнія о переходѣ *и* передъ *н* въ *ѣ*, откуда затѣмъ въ части сѣверно-великорусскихъ говоровъ развивалось *е*.

Случаи появленія *е* на мѣстѣ *и* подъ вліяніемъ сосѣдства съ звукомъ *р* собраны въ нѣкоторомъ количествѣ акад. А. А. Шахматовымъ

въ Исторіи русскаго языка (271—272 стр.) и встрѣчаются почти во всѣхъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ. (Ср. Фонетика, 252 стр.).

На «расширеніе узкихъ гласныхъ передъ *л*» указывалъ Л. Л. Васильевъ и привелъ нѣкоторыя соображенія и данныя изъ рукописей въ защиту этого положенія (Изв. II Отд., X, 3, 332—333 стр.). Съ вѣроятностью этимъ явленіемъ можно объяснять такіе примѣры изъ сѣверно-великорусскихъ говоровъ, какъ молотельшшык въ Никольск. уѣздѣ (Мансикка, 208 стр); въ с. Яхреньгѣ, Никольск. уѣзда точельщикъ, молотельщикъ; ср. кадрель (Матер., IX, 50 стр.); въ г. Соликамскѣ, Пермск. губ.: красельшик (Мат. IX, 232); ср. въ арханг. гов. (Грандилевскій. Родина М. В. Ломоносова. Сб. II Отд., т. 83) и др.; такъ какъ вѣдь самое широкое распространеніе суфф. ельщик за счетъ ильщик нуждается въ обоснованіи; ср. въ языкѣ сказателя И. Т. Рябинина: мелое, мелость (Жив. Ст., г. III, вып. I, 130 стр.).

Въ видѣ гипотезы выскажу, что частыя формы глаголовъ на -еть вмѣсто ить — вопеть, звонеть и т. п. въ сѣверно-великорусскихъ говорахъ могли получить *е* по аналогіи изъ причастныхъ формъ, гдѣ это *е* развивалось передъ *л*. Ср. указаніе Мансикки на то, что въ говорѣ сѣверо-восточной части Пудожскаго уѣзда «чаще всего переходъ *и* > *е* имѣетъ мѣсто при глаголахъ на ить: погнела, громело, трубел, задожджело, вопел, говорел, попростелась, пошутела, обрядел» (Мансикка. О говорѣ сѣверно-восточной части Пудожск. у., Изв. II отд., т. XIX, кн. 4. 149 стр.). Ср. только въ причастіяхъ *е*: топелась въ с. Порогѣ, Онежск. у. (Мат., IX, 4); въ Пушкинск. вол., Костромского уѣзда: пастухъ трубелъ (Мат., IX, 141); въ Никольск. вол., Кирилловскаго уѣзда, Новг. губ.: носелъ, шевелелъ, лазелъ (Мат. IX, 193 стр.); (ср. Мат. IV, 258 стр.); въ Устюжскомъ уѣздѣ, Вологодск. губ.: «нѣкоторые глаголы въ прошедшемъ времени оканчиваются на ел вм. ил: говорелъ, истопелася (Николай Чернавскій. Жив. Стар., г. VIII, вып. III и IV, 151 стр.); въ говорѣ жителей Каргопольскаго края «вмѣсто окончанія прошедшаго времени ил, ила, или въ нѣкоторыхъ немногихъ глаголахъ употребляются окончанія ел, ела, ели: говорелъ, рассерделись» (Свѣтловъ, Жив. Стар., годъ II, вып. III, 158 стр.); въ муромск. гов.: поставелъ, положелъ (Колосовъ. Обзоръ, 119 стр.);

ходелъ, всходелъ, саделились, скочелъ въ языкѣ Рябинина; ср. впроч. спустеть (Жив. Ст., г. III, вып. I, 130 стр.) и т. п.[1].

Подводя итоги всему, сказанному мною о замѣнѣ *и* черезъ *ѣ* въ сѣверно-великорусскихъ памятникахъ, я дѣлаю слѣдующіе выводы:

1. Діалектически въ говорахъ Сѣверной Руси извѣстенъ былъ переходъ *и* въ *ѣ* (i^e или e^i).

2. Его можно прослѣдить по памятникамъ съ конца XIII—нач. XIV в.

3. Онъ стоитъ въ связи съ произношеніемъ первоначальнаго *ѣ*, какъ i^e или $\hat{e}^i$, по крайней мѣрѣ, въ безударномъ положеніи — въ части говоровъ, въ другой — во всякомъ положеніи.

4. Условіями этого перехода были: 1) положеніе звука *и* относительно ударенія и 2) вліяніе сосѣднихъ согласныхъ, такъ что въ *ѣ* переходило a) заударное *и* послѣ согласнаго; b) *и* передъ *н, л, р* — независимо отъ ударенія.

5. Морфологическая аналогія видоизмѣнила и значительно стерла слѣды дѣйствія этого закона, способствуя въ однихъ случаяхъ (dat.-loc. *i*—основъ) перенесенію *ѣ* изъ *и* въ положеніе подъ удареніемъ, въ другихъ — опять возстанавливая первоначальное *и*.

6. Ощутимымъ рефлексомъ этого *ѣ* въ живыхъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ является звукъ *е* на мѣстѣ *и*.

[1] Кромѣ перечисленныхъ условій, *и* нерѣдко замѣнялось черезъ i^i или e^i въ словахъ ненародной, книжной рѣчи—независимо отъ окружающихъ условій. Этимъ обстоятельствомъ я хотѣлъ бы объяснить примѣры замѣны *и* черезъ *ѣ* въ новг. рядной XV в. Собр. Мух. № 15, въ которой не наблюдается случаевъ перехода *ѣ* въ *и* (Шахматовъ. Фонетика, 251 стр.) и, повидимому, *ѣ* не совпадало съ *и*: Ср. ввѣрхъ, дѣтей, ненадобѣ, — ib. 147 стр.), и въ грамотѣ 1505 г. А. Ю. № 145. Ср. примѣры перехода *и* въ *е* подъ удареніемъ и безъ ударенія въ языкѣ сказателя И. Т. Рябинина, представляющемъ смѣсь произношенія «бывалаго человѣка» съ чертами сѣвернаго просторѣчія: Мекетынець, Владэмер, базека (Ж. Ст., г. III, вып. I); ср. замѣну *и* черезъ *е* въ заимствованныхъ книжныхъ словахъ: керпичь въ Череповецк. говорѣ; депломат въ Буйск. у., Костромск. губ.; кондедатъ въ Чухл. у. (Ж. Ст., г. IX, вып. III, 338 стр.); депломатъ, Елесей въ костромскихъ говорахъ по рѣкѣ Письмѣ (Ж. Ст., г. XI, вып. I, 405 стр.); емназия въ Никольск. у., Вологѵ. губ. (Мат. IX, 50); езюмъ въ Сольвычег. у. (Мат. IX, 56) и т. п.; вехорь, можетъ быть, подъ вліяніемъ вѣять; ср. щѣтъ въ Ипатьевской Лѣт. 522; ср. завѣстью 220, 239; ненавести 220, 230 въ сѣверно-великорусскихъ памятникахъ, описанныхъ проф. Владимировымъ (Владимировъ. Нѣсколько данныхъ для характеристики сѣверно-великорусскаго нарѣчія въ XVI — XVII в. Казань. 1878).

Такимъ образомъ, графическіе пріемы, въ которыхъ обнаруживались описанные фонетическіе процессы, объединяя памятники I—V категорій, рѣшительно обособляютъ ихъ отъ послѣдней — VI группы.

VI. Послѣднюю группу «новгородскихъ» памятниковъ составляютъ цокающія рукописи, употребляющія буквы *ѣ* и *е* безразлично какъ передъ мягкими, такъ и передъ твердыми согласными[1].

Сюда, можетъ быть, слѣдуетъ отнести новгородскія грамоты № 1, 2 и 3 (очень любопытно отмѣтить въ грам. № 1, при смѣшеніи *ѣ* и *е*, формы собственныхъ именъ: ѡбонижаномъ и палицѣ, ср. въ Синод. Сп. Новг. I Лѣтоп.); ср. еще № 12; листы Синодальнаго Списка I Новг. Лѣтописи, писанные первымъ и вторымъ почерками. Уже Б. М. Ляпуновъ сопоставилъ съ точки зрѣнія употребленія *ѣ* и *е* орѳографію этихъ частей Лѣтописи съ новг. грамотами XIII в. № 1, 2 и 3 и привелъ примѣры смѣшаннаго употребленія *ѣ* и *е* въ Син. Сп. (Б. М. Ляпуновъ. Изслѣдов. о языкѣ Синодальнаго Списка I Новг. Лѣтоп., 268 стр. и др.).

Къ случаямъ *ѣ* вм. *е*, имъ отмѣченнымъ, могу прибавить: въвѣдения 134; печѣнѣгы 2; кнзѣмь 5; пѣренесена 8; бѣрегу 42; днѣвнии 174; серѣбра 227 и нѣк. др.

Такое же употребленіе *ѣ* и *е* можно наблюдать въ Молитвенникѣ Публичн. Библ. XIV в. (по опредѣленію Н. В. Волкова до 1342 г. № 478) Оп. I № 4.

Здѣсь нерѣдка замѣна *ѣ* черезъ *е*: те | мьже 2 об.; резати 3; режа 3; подърезывая 3 об.; левую 3 об.; примеси 10; темь 34 об.; имея 32 об. и нѣк. др.

Чаще примѣры обратной замѣны *е* черезъ *ѣ*: всѣго 3 об.; 7;

---

[1] Необходимо еще разъ вспомнить, что одна замѣна буквы *ѣ* черезъ *е* не говоритъ о совпаденіи *ѣ* съ *е*. Вѣдь подобные примѣры встрѣчаются даже въ «галицко-волынскихъ» рукописяхъ (Соболевскій. Лекціи, 69 стр., Шахматовъ, Фонетика, 131 — 135 стр.). Поэтому главнымъ основаніемъ къ объединенію рукописей VI категоріи является наличіе въ нихъ примѣровъ замѣны *е* черезъ *ѣ* передъ твердыми согласными (при полномъ отсутствіи, конечно, намековъ на близость *ѣ* къ *и*). Если бы оказалось, что есть значительное количество новгородскихъ текстовъ, которые знаютъ только замѣну *ѣ* черезъ *е* въ большомъ числѣ примѣровъ, то ихъ пришлось бы собрать въ отдѣльную VII категорію, чтобы затѣмъ разобраться въ характерѣ явленій, скрытыхъ подъ замѣной *ѣ* черезъ *е*.

7 об.; 9; 11 об.; 18 об.; 23; 24 об.; 31 об.; 32; всѣму 5 об.; 22; 19; 36; всѣгда 3 об. bis.; 6 об.; 14; 17 об; 21 об. bis; 29 об.; 34 об.; ѿ всѣя 9; 24 об.; 26 об.; 31 об.; всѣдьржителю 9; 94 об.; 32; изидѣ 3 об.; вѣлико 12 об.; въспослѣть 18; словословлѣньѥ 36 об.; всѣ творѧ 14 об.; всѣ намъ створи 30; всѣ смотрениѥ 15 об.; молѣния 11; 33 об.; полѣзны 18 об.; словѣсьно 25 об.; словѣси 27; избавлѣни 27 об.; не ввѣди 30 и др. [1].

Такую же орѳографію *ѣ* и *е* находимъ въ спискѣ Русск. Правды, изданномъ въ Русск. Достопом., ч. I; нетоуть 39; железо, лѣжалъ 39; възмѣть 39; 40; въ перевесехъ 52; порьвѣть 41; налѣзѣть 50 и мн. др. (Ср. Русская Истор. Библ., т. VI, § 6 и 7).

Сюда же надо отнести нѣкоторыя изъ 26 двинскихъ грамотъ, смѣшивающихъ *ѣ* и *е*, именно: № 5, № 6, № 68, № 98, № 93, № 96, № 97, № 103, № 92, можетъ быть, также № 94, 82 и 109.

Въ № 33 и № 81, строго говоря, колебаніе между *ѣ* и *е* — падаетъ на слоги передъ мягкими согласными (исключеніе: сенными, реку); примѣры замѣны безударнаго *ѣ* черезъ *е* съ вѣроятностью могутъ свидѣтельствовать о стороннемъ вліяніи.

Далѣе, если оставить въ сторонѣ сомнительный примѣръ сѣло, который могъ появиться по графической аналогіи, то въ V категорію должны быть перенесены грамоты № 98, 97 и 103. Туда же, вѣроятно, надо помѣстить и № 6, въ которой смѣшеніе *ѣ* и *е* — лишь въ конечномъ открытомъ слогѣ (на противе, поснѣ), въ серединѣ же *ѣ* на мѣстѣ *е* — передъ мягкими согласными (промѣжю — bis).

Въ грам. № 68 — *ѣ* замѣняется черезъ *е* передъ мягкими и твердыми согласными, однако *ѣ* вм. *е* — лишь передъ мягкимъ слогомъ: мѣжа. Кромѣ того, *ѣ*, употребленное на мѣстѣ *и* въ формѣ добѣ (вм. добей? или прич. прош. добѣлъ?), доказываетъ отличіе въ говорѣ писца *ѣ* отъ *е*. Ср. также № 96.

[1] Изъ другихъ діалектическихъ явленій въ этой рукописи можно указать лишь смѣшеніе *ч* и *ц* (речемъ вси 9; 24 об.; ср. рецемъ 31 об.; члвколюбце 11 об.; ѡцистиши 12; ѡцьскоѥ 22). Примѣры *у* на мѣстѣ *в* — совсѣмъ сомнительны: правьды и стыню свѣ | рьшати оуразоуми ны 35 об.; ср. прозутерьства 7.

Такимъ образомъ, болѣе или менѣе вѣскія данныя въ пользу мнѣнія о совпаденіи *ѣ* и *е* въ нѣкоторыхъ изъ древне-двинскихъ говоровъ можно извлечь лишь изъ грамотъ № 5 и 93, въ которыхъ *ѣ*, правда, въ немногочисленныхъ примѣрахъ замѣняетъ безударное *е* независимо отъ качества слѣдующаго слога, и, можетъ быть, изъ грамотъ № 92 и 109, въ которыхъ, наоборотъ, наблюдается тенденція къ полному устраненію буквы *ѣ*.

Впрочемъ, вслѣдъ за А. А. Шахматовымъ я оставляю открытымъ вопросъ, выражается ли въ этой разнообразной орѳографіи дѣйствительно переходъ *ѣ* въ открытое *е* передъ твердыми согласными, или же *ѣ* совпало лишь съ тѣмъ *е*, которое звучало передъ мягкимъ слогомъ. Послѣднее — вѣроятнѣе (но ср. А. А. Шахматовъ. Очеркъ, 324 стр.).

Изъ показаній приведенныхъ памятниковъ не могу съ полной увѣренностью сдѣлать вывода о полномъ совпаденіи *ѣ* съ *е*, т. е. о переходѣ *ѣ* въ *е* открытое передъ твердыми согласными и въ *ê* передъ мягкими. Вѣдь само по себѣ совпаденіе *ѣ* и *е* въ одномъ положеніи — именно передъ мягкимъ слогомъ могло повлечь къ графическому смѣшенію буквъ *ѣ* и *е*. Помимо этого, не исключена возможность чисто графическаго воздѣйствія на опредѣленную новгородскую школу письма орѳографіи, сложившейся въ говорахъ иного типа. По крайней мѣрѣ, на это предположеніе наводитъ сходство въ употребленіи *ѣ* и *е* въ цѣломъ рядѣ новгородскихъ памятниковъ, напр., въ грамотахъ № 1, 2 и 3, въ I и II почеркѣ Синодальнаго Списка Новгородской Лѣтописи, въ Молитвенникѣ Публ. Библ. Оп I № 4, съ западно-русской Лѣтописью по Уваровскому Списку. Замѣчу, что мнѣніе акад. Е. Ѳ. Карскаго о малорусскомъ элементѣ въ языкѣ Уваровскаго списка основывается на досадномъ недоразумѣніи (Карскій. Бѣлорусы, т. II), возникшемъ въ виду того, что, опираясь на изданіе А. Н. Попова (Уч. Зап. II Отд. Ак. Наукъ, 1854 г., кн. I), акад. Карскій въ своемъ трудѣ «О языкѣ такъ назыв. Литовскихъ лѣтописей (Варшавск. Унив. Изв., 1894 г., II—III т.) въ число особенностей языка Уваровск. Списка помѣстилъ нѣкоторыя черты орѳографіи первыхъ листовъ Супрасльск. списка, соотвѣтствующихъ не сохранившимся начальнымъ страницамъ Уваровск. списка (см. Полн. Собр. Р. Л., т. XVII), напр., въ большенствѣ 27 Ув. (чит. Супр. 86 л.) — (21 стр.

у Карскаго); вже 29 Ув., в князя Кестутия 28 Ув. (чит.: Супр. 88 об.; 87) — 22 стр.; во Вилне 28 Ув. (чит.: Супр. 87 об.) — 24 стр. и мн. др. до 30 л. Ув. списка — по нумераціи Карскаго.

Итакъ, указаніе малоруссизмовъ въ языкѣ Уваровск. сп. является плодомъ недоразумѣнія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ близость орѳографіи этой рукописи къ памятникамъ древняго Пскова относительна, какъ это замѣтилъ А. А. Шахматовъ (Нѣсколько замѣтокъ, 161). Словомъ, въ Уваровскомъ спискѣ XV в. рельефно отражается литературный языкъ Западной Руси и соединенные съ нимъ орѳографическіе пріемы. И вотъ этотъ памятникъ обнаруживаетъ большое сходство съ перечисленными выше новгородскими рукописями съ точки зрѣнія употребленія *ѣ* и *е*:

1) и тамъ и здѣсь часта замѣна *е* черезъ *ѣ* въ книжныхъ формахъ aoristi: въ Синодальн. Сп.: истопѣ, навѣдѣ, привезѣ, исѣцѣ; въ Молитв. Оп I № 4: изидѣ 3 об.; ср. въ Уваров. Спискѣ: поидѣ 25_5; 19 об.$_4$ и мн. др; выведѣ 29; падѣ 103 и т. п.;

2) въ формахъ vocativi, напр., оканьнѣ въ Син. Сп. Лѣт., ср. братѣ 24 об. въ Уваров. Спискѣ; ср. то же явленіе въ древне-псковскихъ текстахъ;

3) вообще въ конечн. открытомъ слогѣ, напр., въ формахъ средняго рода сущ.; горѣ $102_{6,10}$ въ Син. Сп.; ср. морѣ 95 л. въ Ув. Сп.;

4) въ формахъ такъ назыв. 2 полногласія: вѣрху въ Син. Сп. и т. п.; ср. дѣржали 7 об.; — ти 31 об.; самодѣржень 77 об. въ Ув. Сп. Лѣт.;

5) въ отдѣльныхъ словахъ, напр., вѣликаго 10; -омь 25 об.; — ице 68 об.; въ Уваров. Сп. Лѣтоп.; ср. вѣликоѥ 20, 60, 212 въ Новг. Лѣт. и т. п. Ср. частые примѣры замѣны *ѣ* черезъ *е* въ новгородскихъ памятникахъ разсматриваемой группы.

Конечно, изъ сопоставленія поздняго западно-русскаго памятника съ болѣе ранними новгородскими рискованно дѣлать заключеніе о вліяніи западно-русскихъ графическихъ пріемовъ на нѣкоторыя новгородскія школы письма. Тѣмъ не менѣе предположеніе частичнаго воздѣйствія западно-русской и псковской графики на новгородскую мнѣ представляется вѣроятнымъ.

Въ другихъ памятникахъ, напр., Домострое XVI в. (Общ. Исторіи и Др. Росс.) смѣшеніе *ѣ* и *е* могло произойти подъ вліяніемъ южно-великорусскаго нарѣчія.

Все изложенное заставляетъ меня колебаться въ рѣшеніи вопроса, можетъ ли смѣшеніе *ѣ* и *е* — передъ согласными разнаго качества въ группѣ древнѣйшихъ новгородскихъ памятниковъ всегда свидѣтельствовать о полномъ отожествленіи звуковъ *ѣ* и *е* (когда этотъ послѣдній звукъ не перешелъ въ *о*) въ говорѣ соотвѣтствующихъ писцовъ. Наличіе сходныхъ ороографическихъ явленій въ такихъ сѣверно-великорусскихъ текстахъ, въ которыхъ буква *ѣ* была знакомъ звука, несомнѣнно отличнаго отъ *е* (напр., псковскихъ), и данныя современныхъ сѣверно-великорусскихъ говоровъ, правда, еще не собранныя исчерпывающе, — въ состояніи еще болѣе усилить это колебаніе. Конечно, спорить противъ того, что въ сферѣ «новгородскихъ» говоровъ появились очень рано — не позже XIII в. говоры со смѣшеніемъ *ѣ* и *е*, не приходится. Но, кажется, слѣдуетъ настаивать, что этотъ процессъ былъ продуктомъ сторонняго вліянія — восточно-русскаго.

Выводы, слѣдующіе изъ группировки «новгородскихъ» памятниковъ, таковы:

1) Несомнѣнныя указанія на совпаденіе *ѣ* съ *и*, по крайней мѣрѣ, въ положеніи подъ удареніемъ можно извлечь изъ памятниковъ не ранѣе XIII — нач. XIV вѣка.

2) Уже съ древнѣйшаго періода исторіи русскаго языка (XI—XII в.) обозначились діалектическія отличія въ судьбѣ звука *ѣ*, а также зависимость измѣненій этого звука отъ ударенія и качества слѣдующихъ согласныхъ.

3) Данныя памятниковъ не даютъ возможности заключать о переходѣ *ѣ* въ *е* открытое передъ твердыми согласными въ «новгородскихъ» говорахъ XII и слѣдующихъ вѣковъ, но дѣлаютъ несомнѣннымъ существованіе говоровъ, въ которыхъ *ѣ*, монофтонгизируясь, превращалось въ *ê* (не ранѣе второй половины XII вѣка).

4) Процессъ монофтонгизаціи *ѣ* въ сѣверно-русскихъ говорахъ начался очень рано, и можно думать, что уже въ XIII вѣкѣ въ рядѣ говоровъ *ѣ* было монофтонгомъ (ср. данныя Яросл. Списка Пан-

декть Ник. Черногорца; Ев. Fп I № 15; ркпси Р. Д. II — XIV в. и т. п.).

5) Рефлексами *ѣ* въ сѣверно-великорусскихъ говорахъ XIII—XV в. были звуки: *и*, *і*^{е}, *ê*, *іе*, *іе̑*.

6) Рядъ памятниковъ даетъ указанія на рѣзкія отличія въ судьбѣ ударяемаго и безударнаго *ѣ*. Въ виду этого необходимо отдѣльно разсмотрѣть вопросъ о зависимости рефлексовъ *ѣ* отъ ударенія.

7) Переходъ *ѣ* въ монофтонгъ, близкій къ *и*, вызывалъ діалектически измѣненія *и* въ *ѣ*, обусловленныя или дѣйствіемъ аналогіи или возникшія подъ вліяніемъ положенія относительно ударенія и окружающихъ согласныхъ.

8. Наличіе въ памятникѣ тѣхъ или иныхъ орѳографическихъ явленій въ употребленіи *ѣ* не можетъ служить достаточнымъ критеріемъ для территоріальнаго пріуроченія памятника, хотя анализъ рукописей установилъ, что западные говоры Новгородской области, близкіе къ говорамъ Пскова и его области, роднились съ ними въ произношеніи *ѣ*, какъ *ê*, и въ переходѣ его въ *и* лишь при строго опредѣленныхъ условіяхъ (ср. показанія нѣкоторыхъ древнихъ двинскихъ говоровъ, которые Д. К. Зеленинъ выводитъ съ запада новг. земли), и что многіе памятники, отражающіе говоры съ переходомъ *ѣ* въ *и* лишь передъ мягкими слогами, свидѣтельствуютъ о связи своей съ Вологодской, Устюжской и Холмогорской епархіями (ср. рядъ двинскихъ грамотъ).

9) Вдумчивый анализъ памятниковъ съ точки зрѣнія употребленія *ѣ* и *е* — при свѣтѣ современной діалектологіи — является надежнымъ средствомъ къ опредѣленію эволюціи звука *ѣ* въ сѣверно-великорусскихъ говорахъ во всемъ діалектическомъ разнообразіи его рефлексовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Викторъ Виноградовъ.

Изслѣдованія въ области фонетики сѣверно-русскаго нарѣчія.

В. Г. ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ ЗВУКА *ѣ* ВЪ СѢВЕРНО-РУССКОМЪ НАРѢЧІИ.

(Окончаніе).

ГЛАВА III.

О произношеніи *ѣ* въ говорахъ древняго Пскова.

По отношенію къ употребленію *ѣ* и *е* памятники древняго Пскова должны быть выдѣлены въ особую группу, потому что въ ороографическихъ пріемахъ, связанныхъ съ этими буквами, въ псковскихъ рукописяхъ отразились не только черты живыхъ говоровъ, родственныя тѣмъ, которыя мы наблюдали въ новгородскихъ памятникахъ III категоріи, но и искусственно-книжныя вліянія, шедшія отъ того культурнаго центра, къ которому тянулъ Псковъ съ XIV столѣтія[1].

Вопросъ о фонетическомъ значеніи *ѣ* въ псковскихъ рукописяхъ и условіяхъ перехода *ѣ* въ *и* — остается спорнымъ, хотя имѣетъ свою литературу.

Ак. А. И. Соболевскій, за нимъ проф. Н. М. Каринскій, допуская «въ небольшомъ количествѣ словъ переходъ *ѣ* въ *и*»[2], въ остальныхъ случаяхъ признавали утрату различія между *ѣ* и *е*[3]. Ак. А. А. Шахматовъ въ «Замѣткахъ» на диссертацію Н. М. Каринскаго отказывался признать въ древне-псковскомъ говорѣ совпаденіе *ѣ* и *е* въ одномъ звукѣ, ссылаясь на свидѣтельства памятниковъ о замѣнѣ *ѣ* черезъ *и* — особенно въ концѣ словъ[4]. Позднѣе А. А. Шахматовъ уже рѣшительно близость

---

[1] А. Никитскій. Очеркъ внутренней исторіи Пскова, стр. 208—209.

[2] Соболевскій. Лекціи[4], 35 стр.; Н. М. Каринскій. Языкъ Пскова, 172 стр.; Изслѣдованіе языка Псковск. Шестоднева 1374 г., 45 стр.

[3] Соболевскій. Лекціи[4], 69 стр.; Каринскій, loc. cit.

[4] А. А. Шахматовъ. Нѣсколько замѣтокъ... Ж. М. Н. Пр. 1909 г., іюль, 128 стр.

ѣ къ *и*, а при извѣстныхъ условіяхъ, а именно въ предударномъ слогѣ, за которымъ слѣдовалъ слогъ съ *и*, даже совпаденіе *ѣ* съ *и*, считалъ живой чертой псковскаго говора, а смѣшеніе *ѣ* и *е* въ памятникахъ — отраженіемъ церковнаго, книжнаго произношенія [1]. Въ «Очеркѣ» А. А. Шахматовъ псковскіе памятники въ отношеніи разсматриваемаго явленія ставитъ рядомъ съ новгородскими, не указывая никакихъ ограничительныхъ условій [2].

Въ виду этого представляется необходимымъ точнѣе опредѣлить условія псковскаго перехода *ѣ* въ *и* и самый характеръ произношенія древняго *ѣ* въ говорахъ древняго Пскова.

Въ псковскихъ рукописяхъ нерѣдки случаи *и* вмѣсто *ѣ*, которые едва ли возможно считать исключительно за слѣды новгородскихъ оригиналовъ. Отъ этого предположенія отказался высказавшій его ак. А. И. Соболевскій [3]. Слѣдовательно, въ этомъ орѳографическомъ пріемѣ надо видѣть отраженіе фонетическаго родства *ѣ* и *и* въ соотвѣтствующихъ псковскихъ говорахъ [4].

Но такъ какъ случаи перехода *ѣ* въ *и*, замыкаясь въ рамкахъ опредѣленныхъ условій, не захватываютъ большого круга словъ, то заключеніе о совпаденіи *ѣ* съ *и* въ языкѣ всей области Пскова — во всѣхъ условіяхъ было бы слишкомъ смѣлымъ и малодоказательнымъ. Такимъ образомъ, остается признать за буквой *ѣ* большинства псковскихъ памятниковъ обозначеніе узкаго *ê*, которое, какъ показываетъ внимательный анализъ

---

[1] Исторія русскаго языка. 1911—1912 г., изд. 2, литогр., 237 стр. Ср. Введеніе въ исторію русскаго языка, 111 стр.

[2] Очеркъ, 323—324 стр. Впрочемъ въ 1912 г. А. А. Шахматовъ писалъ: «въ виду этого показанія (послѣдовательной замѣны *ѣ* черезъ *е* въ грамотѣ псковск. кн. Ивана Алекс.) памятника нелитературнаго я убѣждаюсь, что замѣна *ѣ* черезъ *и* въ литературныхъ памятникахъ древняго Пскова обязана вліянію оригиналовъ этихъ памятниковъ или опредѣленной школы письма» Изв. II Отд., 1912 г., № 3, 347 стр.

[3] А. И. Соболевскій. Очерки, 144 стр.; ср. Лекціи⁴, 35 стр.

[4] Предположеніе А. А. Шахматова, что въ замѣнѣ *ѣ* черезъ *и* въ псковскихъ рукописяхъ отразилась лишь опредѣленная школа письма (Изв. 1912, 3, 347), опровергается указаніемъ на особыя условія этой замѣны и явленія живыхъ говоровъ. Кромѣ того, съ моей точки зрѣнія — грамота (особенно вышедшая изъ княжеской канцеляріи) и является памятникомъ литературнаго языка или, вѣрнѣе, діалекта литературнаго языка.

рукописей[1], подвергалось переходу въ *и* — лишь при наличіи благопріятствующихъ условій.

Такими условіями надо считать:

1. Положеніе *ѣ* передъ *ꙇ*: первиѥ въ Ев. XIV в. Fп 1 № 9; первиипи — ib.; исцѣлииѥть 39 — ib.; сиянья — въ Ев. Тип. Библ. № 18; сияния въ Ев. Тип. Библ. № 3; первиѥ 3 об.; 17 об.$_2$; 50$_2$; 55 об.$_2$; 65 об.$_1$; 66$_2$ въ Ев. Погод. № 15; первиє (послѣд.) въ Ев. Fп 1 № 66; старишины 57 об.$_2$ — ib.; первиѥ 1 об.$_1$; 82$_2$; 160$_2$ въ Ев. Fп 1 № 57; первіи 183$_2$ — ib.; сияния 51 об.$_{1-2}$ въ Ев. Fп 1 № 14; стариишінамъ 175$_2$ — ib.; старии 31 об.$_1$ — ib.; развиѥ 31$_1$; 50 об.$_1$; 53 об.$_1$; 59 об.$_1$; 104$_1$ въ Ев. Fп 1 № 10; первиѥ 34; 72$_2$; 81 об.$_1$; 87$_1$ — ib.; сиянья 16$_1$; 56 об.$_2$ въ Ев. Fп 1 № 8; первиє 1 об.; 24 об.$_2$; 25 об. — ib.; добриє 106 об.$_2$ въ Пал. 1494; пръвіе 178$_1$; 126 об.$_2$; 107$_2$ и др. — ib.; ненавистніе 258 — ib.; богатіи 285$_2$; старіи 205 въ Пал. 1477 г.; первие (часто) — ib.; старіишинъ 275; первіє въ Сб. Син. Библ. № 154; ѡпоустїеть 8 об. въ Погод. Спискѣ Лѣт.; вѣрниииша въ Сб. Син. Библ. № 68/270; подалии 220 об. — ib.; стариішипи 48 — ib.; истиниие 195 — ib.; извѣстьниишая 124 об. — ib.; верние 362 об. въ Сб. Син. Библ. 53/255; ненасияньіия 332 — ib.; полезние 229 об.; млтвие и члколюбивие 137 — ib. и др. под.[2].

---

[1] Матеріаломъ для заключеній служили описанія памятниковъ, сдѣланныя А. И. Соболевскимъ, Н. М. Каринскимъ, А. А. Шахматовымъ, Бандуровымъ, Сорочаномъ, Требинымъ, Погорѣловымъ (Псалтыри) и др.; мои собственныя наблюденія надъ языкомъ нѣкоторыхъ псковскихъ рукописей изъ Публичной Библ. XIII—XIV в.: Ев. Погод. № 15; Ев. Fп 1 № 66; Ев. Fп 1 № 57; Ев. Fп 1 № 14; Ев. Fп 1 № 10; а также надъ житіемъ Евфросина Псковскаго. См. мой отчетъ о занятіяхъ исторіей русск. яз. въ 1919 году (Изв. II Отд., т. XXIV, кн. 1, стр. 1—2).

[2] Случаи перехода *ѣ* (*ê*) въ *и* въ положеніи передъ *ꙇ* нерѣдки въ сѣв. великорусскихъ памятникахъ III категоріи. Ср. въ современныхъ говорахъ: Олон. губ., Петрозав. у., Шуйская вол.: «*ѣ* не измѣняется въ *и*, кромѣ словъ: йись, также діется (Мат. I, 344 стр.).

Костромск. губ., Макарьевск. у., село Якуньково: *и* вм. *ѣ* не говорятъ, но цыдить, одіяло (Мат. VIII, § 56, 115 стр.).

Арханг. губ., Холмск. у., села Елецкое и Куростраво: *и* вм. *ѣ* лишь въ сло-

2) Передъ слогомъ съ слѣдующимъ *и*, какъ подъ удареніемъ, такъ и безъ него; въ послѣднемъ случаѣ *и* можно разсматривать и какъ результатъ редукціи безударныхъ гласныхъ: въ Трефолоѣ 1446 г.: прибижище 34 об.; увитливъ 47; нераздилимая 62 об.; невижьствия 157; ср. еще: осиняеть 2 об.; въ Лѣств. Іоанна Син.: дивицѣ 46 об.; истлиние 131; въ Псалт. Fп 1 № 1: дiвiце 316 об.; въ Ев. Fп 1 № 9: никии 13; въ Пал. 1494 г.: прѣгрипшивъ 410 об.$_1$; дiвици 33 об.$_2$; дивици 51 об.$_1$; дивица 151 об.$_1$ [1] и др. под.; въ Сборн. Син. Библ. № 68/270: ниции 106; въ Ев. Fп 1 № 57: ниции 85 об.$_1$; изви^{ѣ}сиша 81$_1$; ѡсинить 185 об.$_1$; витвие 142 об.$_1$; въ жит.

вахъ: цвитокъ, цидить, одiяло (Мат. VIII, § 50) и въ конечн. открытомъ слогѣ: на гумни, на снопи.

Псковск. губ., Холмск. у., село-погостъ Торопатцы: «говорятъ вм. ѣсть — исть, симена, одiяло. Предл. пад. оканчивается на и, напр., на руки, въ городи и т. п.» (Мат. VIII, 106—107 стр.).

Крестецк. у., д. Шарово: *и* вм. *ѣ* только въ случаяхъ: одiяло, на руки, всихъ, двu. (Мат. IX, 193 стр.).

Сомнителенъ въ древне-пск. пам. переходъ *ѣ* въ *и* послѣ *i̯*, такъ какъ обычно, какъ давно уже установилъ А. А. Шахматовъ, *ѣ* послѣ *i̯* сливалось съ нимъ въ *i̯e* (см. Очеркъ, 325 стр.): идоуща 68 въ Ев. Fп 1 № 9; идущимъ 17 об.$_2$ въ Ев. Fп 1 № 8; болѣе достовѣренъ случай — исти 101 въ Ап. 1307 г.

Впрочемъ, ср. въ современныхъ говорахъ: въ нѣкоторыхъ гов. Костр. губ., Чухломск. у., *и* вм. *ѣ* только въ словахъ: йисть, йиздить (Н. Н. Соколовъ. Акающiе гов. Костр. г. Р. Ф. В. 1917, № 3—4); въ Екатеринб. у., Пермск. губ., д. Крутихѣ, Бѣлоярск. вол., *ѣ* = *и* передъ твердымъ слогомъ лишь «въ началѣ словъ: ихать, издокъ» (Соболевскiй. Замѣтки въ области русск. дiалектологiи. Р. Ф. В., т. LVI, 221 стр.); въ Устюжск. у., дер. Нестеферовск.: идь вм. ѣдь, идьте вм. ѣдьте, исть вм. ѣсть (другихъ случаевъ нѣтъ) (Мат. IX, 85 стр.); въ Олон. губ., Вытегор. у., с. Ежезерѣ: *и* вм. ударяемаго *ѣ* лишь въ словѣ: йихать (Матер. II, № 22, стр. 565).

Но въ потомкахъ др. пск. говора *и* вм. *ѣ* послѣ *i̯* извѣстно лишь въ словѣ — исть (не считая «икающихъ» порховскихъ говоровъ): въ Гдовск. у., Петерб. губ.: йисть, съисть (Мат., вып. I, 341 стр.); въ Псковск. губ., Холмск. у., селѣ Торопатцы: исть, симена, одiяло (Мат. VIII, 106 стр.); въ Псковск. губ., Остр. у., Сонинск. вол., д. Будаевѣ: исть (Мат., V, 2 стр.); Псковск. губ., Великол. у., погостѣ Лук.: йисть (Мат., VI, 11 стр.); ись 298, 302 стр. и др. въ семи сказкахъ и одной легендѣ Псковской губ., напечатанныхъ въ Жив. Стар., годъ XXI, вып. II—IV; исть — обычно и въ южно-великорусскихъ говорахъ.

[1] Объ удар. этого слова см. у Васильева въ рецензiи на диссертацiю Кульбакина о фонетикѣ сважендскаго говора. Ж. М. Н. Пр. 1904 г., № 7—8, 493 стр.

Евфрос. Псковск.[1]: нераздилимое 2 об.; оутиснити 59 об.; дитми 40; въ Сб. Син. Библ. № 154: сергирѣ (конеч. *ѣ = и*).[2].

3) Въ конечномъ открытомъ слогѣ (главнымъ образомъ, въ формахъ locativ'а; здѣсь *и* — можетъ быть и не фонетическаго происхожденія): въ Лѣств. Іоанна Син.: въ закони 16 об.; кроми 24; въ Ев. Fп 1 № 9: при вечери 2 об.; 197 об.; при прр҃ци 78 об.; въ Пс. Fп 1 № 1: сили 266; въ Пск. Треф. 1446 г.; о скипетри 14; въ Паракл. 1369 г.: на лони 36 об.; въ Апост. 1309, 1312 г.: въ лѣтї (зап.); въ Пал. 1494 г.: на холми 248_2 и мн. др. (Каринскій, 21 стр.); въ Пал. 1477 г.: в жернови 210_2; в ризи 227 об. и др.; въ Сборн. Син. Библ. № 154: папи 25 и др.; въ Сборн. Син. Библ. № 68/270: ѡ рж҃стви 31 об.; въ цр҃тви 255; въ Сб. № 53/255: на доби 184 об. и др. под.; въ Пск. Грам. 1483 г.: в рѣки (Каринскій, 142); въ Ев. Тип. Библ. № 3: на мѣсти 95 об.; в храмини 5; в народи 50; въ Ев. Fп 1 № 8: дщери сионови 61 об.$_1$; ср. нози (часто); въ Ев. Fп 1 № 10: на сели 73_1; 151 об.$_1$; 156_2; на мѣстѣ ютери 88_2 и др.; въ Ев. Fп 1 № 14: о грѣшниці 108 bis.; 187 об.$_1$ и др.; въ Ев. Fп 1 № 57: въ храмині 59_1, и др.[3].

---

[1] Рукопись № 306 изъ собр. Ундольск. XVI в., по которой Н. Серебрянскимъ издано житіе Евфросина Псковскаго, я считаю переписанною въ Псковѣ или, по крайней мѣрѣ, съ псковскаго оригинала. Ср. Ключевскій В. О. Древнерусск. житія, стр. 250, 252—257. См. мой отчетъ о занятіяхъ ист. р. яз. въ 1919 г., стр. 2.

[2] Ср. въ соврем. говорахъ: Арх. губ., Онежск. у., с. Чекуево: единственное слово, гдѣ слышится *и* вм. *ѣ*, есть виникъ, виники, хотя и это далеко не всегда. Женщины почти всегда выговариваютъ: цидить (Мат. VI, § 41); въ Лѣкинск. гов., Егор. у., Ряз. губ.: «въ единичныхъ случаяхъ находимъ переходъ *ѣ* ударяемаго въ *и*, а именно въ положеніи передъ слогомъ съ неударяемымъ *и*: д'ив'ир' (но извѣстно въ произношеніи нѣкоторыхъ и д'ѣв'ир'), в'ин'ик, изъ в'ин'икаф, а в'ин'икаф, с'ив'ирка» (Шахматовъ. Описаніе Лѣкинск. гов. Изв., XVIII т., 1913 г., кн. 4, 195 стр.); въ говорѣ Мды Гдовск. у.: об'ид'н'и (еще *и* вм. *ѣ* въ конечномъ открытомъ слогѣ и словахъ: обр'изат', нитъ. Каринскій. Очерки I. 34 стр. Впрочемъ, ср. *и* только въ словѣ: абидня и въ конечн. откр. слогѣ: на руки и др. въ говорахъ Сестрорѣцка. А. Пруссакъ. Жив. Стар., годъ XVI, вып. 1.

[3] Ср. послѣдовательныя показанія современныхъ псковскихъ говоровъ: Псковск. губ., Холмск. у., село Торопатцы: на руки, въ городи (Мат. VIII, 106—107 стр.); Пск. губ., Островск. у., Сонинск. вол., д. Будаево: на столи, на руки, посли, вмѣсти и др. (Мат., V, 2 стр.); ср. вообще въ пск. гов.: мни, теби,

Въ связи съ этими примѣрами находятся такіе случаи, какъ языцѣ въ Пал. 1494 г.

Изъ примѣровъ *и* вм. *ѣ*, не подходящихъ подъ указанныя условія, большая часть объясняется аналогіей родственныхъ образованій. Сюда прежде всего относятся случаи взаимодѣйствія классовъ глаголовъ на *-ити* и *-ѣти*, которые смѣшиваются не только въ великорусскомъ, но и бѣлорусскомъ и малорусскомъ нарѣчіяхъ[1], а также факты смѣшенія такъ называемой первой и второй основы глаголовъ на *-ѣти*. Морфологическому смѣшенію этихъ образованій способствовало въ древне-псковскомъ говорѣ и то обстоятельство, что формы infinitiv'а на *-ѣти* и аористическія образованія (книжнаго характера) съ конечнымъ *ѣ* должны были фонетически измѣнить *ѣ* (ê) въ *и*: летити 36 об.$_2$ въ Пал. 1494 г.; сѣдити 181 въ Погод. Сп. Пск. Лѣт.; лѣтити 110$_2$ въ Сборн. Син. Библ. № 154; ср. еще седили 126 въ Погод. Спискѣ Пск. Лѣт.; велиле—ib. 185 об.; терпили 224 въ Сборн. Син. Библ. № 53/255;

на окни и др. (Жив. Ст., г. I, 3 вып., 203 стр.); Пск. губ., Великол. у., погостъ Лук.: на руки, (Мат., VI, 11 стр.); Пск. губ, Остр. у., городъ Островъ и округа: Бережань, Жеребцово и др.: въ столи (Р. Ф. В. LXI, 24 стр.); Пск. губ., Холмск. у.: въ лѣси, вмѣсти и т. п. въ безуд. пол. (Р. Ф. В. 1912 г., № 3, т. LVIII, 6 стр.); Д. Любовка и Любницы по берегу Пск. оз.: ф катли, въ ряки (Соболевскій. Опытъ русской діалект., 44 стр., литогр. изд.); въ говорѣ сосѣдн. дер. Колпино: въ руки, на двари (ib., 45 стр.). Ср. *здися* въ пог. Морипчелки, Великол. у. (ib., 47 стр.); въ говорѣ Мды: на Жирагли, пасли, вяз'ди, оп теби (Каринскій, 34 стр.); въ двори — 298 стр. въ сказкахъ изъ Псковск. губ. (Жив. Ст. XXI, вып. II—IV); по зари и др. въ Холмск. у. (Орѣховъ. Свадебные обряды, обычаи и пѣсни въ Холмск. у. Пск. губ. Жив. Стар. XXII, вып. 3—4, 310 стр.).

[1] Ср. относительно малорусск. нарѣчія: А. Крымскій. О малорусскихъ отглагольныхъ существительныхъ на енне и їнне. (Юб. Сборн. въ честь В. Ѳ. Миллера, стр. 302 и слѣд.); о бѣлорусск. говорахъ: Е. Карскій. Бѣлоруссы, т. II, 255 стр. Особенно любопытно въ этомъ отношеніи совпаденіе съ псковскими рукописями въ пріемахъ письма Сборн. ветхоз. кн. XVI в. (Карскій Е. Къ исторіи звуковъ и формъ бѣлор. рѣчи, 99 стр.), Западно-русск. Сборн. XV в. Публ. Библ. Q I № 391 (Е. Ѳ. Карскій. Извѣстія II отд., т. II, кн. 4); бѣлорусско-польской кантычки на Рожд. Хр. (Перетцъ. Отчетъ объ экскурсіи семинарія въ Петербургъ. 1913 г.) и др. под.; въ южно-велик. гов.: въ станицѣ бывш. Моздокск. полка, Терск. казач. войска: смотрить, ревить, ревили (еще: дивирь, ȷисьть) (Р. Ф. В. 1900 г., № 3—4, 73 стр.); ср. въ воронежск. гов.: узрила (Филатовъ. Очеркъ народн. гов. Ворон. губ. Р. Ф. В. 1897, № 1—2, 202 стр.); ср. оузрила—bis въ Сказаніяхъ о Бовѣ (Пам. др. письм., I)—со слѣдами южно-великор. говоровъ.

терпить (infin.) 224—ib.; скорбити въ Ев. Fп 1 № 8; оузри 100 въ Лѣств. Іоан. Син.; вшюмп 245 об.$_2$ въ Пал. 1494 г.; оузри—ib. 62; ср. възгреми 51 об.$_1$ въ Сборн. Соф. № 1262; призрі 172 об.$_2$ въ Ев. Fп 1 № 57; ср. еще: оузривь 102 об. въ Лѣств. Іоанна Син.; оузривъ въ Пал. 1494 г.; висившиа 273 въ сборн. Син. Биб. № 53/255; ицѣливша 19$_1$ въ Ев. Fп 1 № 8 и т. п. Ср. отглаг. сущ.: терпиние 113 въ Лѣств. Іоан. Син.; иминию въ Прол. 1383 г. (ср. смѣриниемь въ Паракл. 1369 г.). Съ этими примѣрами надо сопоставлять случаи обратнаго вліянія формъ съ *ѣ*: ненавидѣтъ 209; исходѣти 269 въ Лѣств. Іоан. Син.; узрѣмъ 99 об.; 116 об. въ Треф. 1446 г.; видѣте въ Ев. Fп 1 № 9; въ Лукин. Ев. 1409 г.; ицѣлѣти скрушеныя 47 об.$_2$ въ Ев. Fп 1 № 57 и др. под.[1].

Образованіями по аналогіи слѣдуетъ также считать:

1) Обычныя въ древне-псковскихъ памятникахъ формы: оприснб 168$_2$; 341 об.$_2$ (2 р.); 204 об.$_1$; оприснокы 229 об.$_1$; 375 и др. въ Пал. 1494 г.; оприсноки 257$_1$; 470$_2$ въ Пал. 1477; оприснокъ 430$_2$ (при опреснокъ 430$_2$)—ib.; ѡприснокъ 73 въ Ев. Fп 1 № 14 и мн. др.

Ср. въ Новгородскихъ Пандектахъ XV в. при отсутствіи мѣны *ѣ* и *и* до 52 л.: прѣсно 13 об., 15 и об.; 21 об.; 27 и об. и др.; съ 52 л. послѣдовательно—присно (Горскій и Невоструевъ. Описаніе рукописей. Отд. 2, 267 стр.); въ Ростово-Суздальскомъ Апостолѣ XIII в. Публ. Библ. Fп 1 № 22, не смѣшивающемъ *ѣ* и *и*: оприсночнии 20$_2$.

2) Смѣшенія корней *вид-* и *вѣд-*: видите 109 об. въ Ев. Fп 1 № 9; вѣдите 81 въ Лукин. Ев. 1409 г.; видаше въ Палеѣ 1494 г.; невидѣніа—ib. 96$_2$ и др. под.; видаще въ Ев. Тип. Библ. № 18; не видѣ, не свидѣ 50$_2$ въ Ев. Fп 1 № 8; відахоуть 50$_2$ въ Ев. Fп 1 № 14; въ Ев. Fп 1 № 57—смѣшеніе *вид-* и *вѣд-*—постоянно; вѣдѣвъ 200 въ Ев. Fп 1 № 9; въ Лук. Ев. 1409 и въ многихъ другихъ памятникахъ.

Ср. въ бѣлорусск. Сборн. XVII в.: вѣдѣти 89 (=видѣти) (Е. Карскій.

---

[1] Относительно этого явленія и содѣйствующихъ его развитію условій см. въ моей работѣ въ гл. II.

Къ исторіи звуковъ и формъ бѣлор. рѣчи, стр. 7); вѣдета въ Библ. кн. Вил. № 262, 37б (Карскій. Бѣлоруссы, т. II, 254 стр.) и т. п.

3) Свириль и производныя слова: свириль 82 об. въ Паракл. 1386 г.; во свирили 280 об. въ Пал. 1494 г.; свирилми 192 во второй ч. Сборн. Син. Библ. 53/255; свириль 66_2; -ми 95 об.$_1$, 66_2 въ Сборн. Соф. № 1262; свирилникъ 3 об.; -лныя 16 об. въ Прол. 1383 г.; свирильникы 42 об. въ Сборн. Син. Библ. 53/255 и очень мн. др. под.

Нельзя ли предположить въ этомъ словѣ вліяніе глагола свиритиʔ[1].

Немногочисленны псковскія рукописи, гдѣ *и* вм. *ѣ* — падаетъ на примѣры, не укладывающіеся въ установленныя выше условія; эти случаи почти всѣ — въ слогахъ безударныхъ, т. е. подвергшихся редукціи: оубижалъ 95б въ Паренесисѣ Ефр. Сир. по рук. Тип. Библ. № 38 (В. Погорѣловъ. Къ вопросу о Македонскомъ глаголическомъ листкѣ въ Сборн. ст., посв. Ф. Ѳ. Фортунатову, 496 стр.).

Впрочемъ, если довѣриться показаніямъ тѣхъ псковскихъ списковъ, которые предварительно прошли такъ или иначе черезъ новгородскую діалектическую среду и, вслѣдствіе этого, могли отражать въ своей графикѣ черты новгородскихъ оригиналовъ, то мы должны допустить существованіе группы древне-псковскихъ говоровъ, въ которыхъ *ѣ* во всякомъ положеніи переходило въ *и* (ср. данныя Лѣтописи Авраамки, Новоросс. Списка XV в. Новг. 4 Лѣтоп., Креховской Палеи XV в. Шахматовъ. Нѣсколько замѣтокъ, гл. II). Ср. указанія на замѣну ударяемаго и неударяемаго *ѣ* черезъ *и* въ Порховск. у., Псковск. губ. (Матеріалы, вып. VI, 45); примѣры перехода *ѣ* въ *и* въ порховск. говорѣ, приведенные Евсѣевымъ: ниту, побигла (Жив. Ст., г. I, вып. 3).

Однако, значительная часть псковскихъ текстовъ, въ которыхъ нѣтъ основаній подозрѣвать примѣси новгородскаго говора, отражаютъ говоры съ той судьбой звука *ѣ*, которую я представилъ выше (III категорія — по классификаціи новгородскихъ рукописей). Въ пользу моей гипотезы о произношеніи *ѣ* въ говорѣ большинства псковскихъ писцовъ, какъ звука,

---

[1] Возможно, что укрѣпленію суфф. *иль* здѣсь содѣйствовали и фонетическія условія, при которыхъ по законамъ псковскаго вокализма *ѣ* (ê) переходило въ *и*: свирили и др. под.

отличнаго отъ *е* ($\hat{e}^i$), говоритъ своеобразный характеръ замѣны *и* черезъ *ѣ* въ памятникахъ Пскова, совершенно аналогичный по своимъ условіямъ такому же явленію въ новгородскихъ рукописяхъ съ различеніемъ *ѣ* и *е*. Впрочемъ, обратные примѣры *ѣ* вм. *и* въ псковскихъ рукописяхъ не такъ часты, какъ въ новгородскихъ памятникахъ: въ Палеѣ 1494 г.: dat.—исавовѣ 124_2 и др.; nom. plur. сущ. и прил. нечленн. на *ѣ*, а членныхъ прилагательныхъ на *ѣи* (примѣры у Каринскаго. Языкъ Пскова, 37 стр. Ср. Б. М. Ляпуновъ. Сборникъ отчетовъ о преміяхъ и наградахъ за 1909 г., 527 стр.); въ Сборн. Син. Библ. № 68/270: infin.—зрѣтѣ 104; imperat.—оускорѣ 40; лѣжалѣ 170; nom. прил. чтнѣи 140 об. и др.; въ Ев. Тип. Библ. № 3: свѣтѣлникъ 90 об.; то же въ другихъ псковск. рукописяхъ, напр., въ Ев. Fп 1 № 9.

Подъ вліяніемъ своеобразныхъ орѳографическихъ пріемовъ въ употребленіи *ѣ* и *е*, укоренившихся въ нѣкоторыхъ псковскихъ школахъ письма, очень часто *ѣ*, стоящее на мѣстѣ этимологическаго *и*, замѣняется черезъ *е*. Въ самомъ дѣлѣ, подавляющее большинство примѣровъ *е* вмѣсто *и* изъ рукописей Пскова падаетъ на тѣ же морфологическія категоріи и условія, въ которыхъ нами отмѣчена замѣна *и* черезъ *ѣ*:

1) nom. plur.—въ Палеѣ 1494 г.; въ Палеѣ 1477 г., въ Ев. Тип. № 3; въ Сборн. № 53/255, и др. пам.; прил. член. на—*еи* въ Сборн. 68/270; въ Сборн. 53/255, въ Треф. 1446 г.; Ев. Fп 1 № 3; причаст. на—*ле* въ Сборн. 68/270; въ Сборн. Соф. № 1262 и др.

2) genetiv. основъ на -*и*: примѣры у Каринскаго въ описаніи Палеи 1477 г.; въ Ев. Fп 1 № 9 и др. пам.;

3) dativ. основъ на -*у* съ окончаніемъ *ове* вм. *ови*, напр., въ Палеѣ 1494 г.; въ Ев. Fп 1 № 9; ср. ниже въ Ипат. Сп. Лѣтоп.;

4) dativ.-locat. основъ на -*и*: въ Ев. Fп 1 № 9; въ Пал. 1494 г. и др.;

5) infinit. на -*те:* въ Пал. 1494 г.; въ Сборн. Син. Библ. № 68/270 во 2-й ч. Сборн. № 53/255; въ Ев. Fп 1 № 14 и др. под.;

6) imperativ. 2 л. ед.: въ Пал. 1494 г.; въ Сборн № 68/270; въ Ев. Fп 1 № 9 и др.;

7) 2 л. ед. ч. praes.: не весе ли въ Сборн. 68/270; ср. другія формы изъяв.: молемъ въ Сборн. № 53/255 и др. под.;

8) передъ *н*: ширена въ Пал. 1494 г.; евжено въ Треф. 1446 г. (ср. въ новг. богослуж. Сборн. Публ. Библ. Q 1 № 1464 XV в.: евженъ 108_1); истенна 422_1 въ Треф. 1446 г.; ѡ истенни 422 об.$_2$ — ib.; дѣтенца 18 об. въ Погод. № 1413 и др. под.;

9) передъ *л*: напр., на свѣтельници 19 об.$_2$ въ Пал. 1494 г.;

10) въ суф. *-иц -ич*: лѣстveца 14; лѣствецю 139 въ Трефолоѣ 1446 г.; ср. лѣствесника въ Новоросс. Сп. Лѣтописи; на королевѣ 312 въ Новоросс. Сп. Лѣт.; ср. въ суф. *-ик*: при законопрѣступнѣцѣ въ Прол. 1383 г. и др. под.

Такимъ образомъ, замѣна *и* через *е* въ древне-псковскихъ текстахъ отнюдь не является отраженіемъ приближенія звука *е* къ звуку *и*, какъ утверждалъ проф. Н. М. Каринскій, а скорѣе противоположнаго процесса, свойственнаго, какъ я выяснилъ въ предшествующей главѣ, тѣмъ сѣверновел. говорамъ, которые различали *ѣ* и *е*.

Въ высшей степени интересно сопоставить явленія замѣны *и* черезъ *е* въ псковскихъ памятникахъ съ поздними отраженіями сходныхъ пріемовъ новгородскихъ памятниковъ. Напр., въ службѣ на память Св. Петра и Февроніи, занимающей лл. 174—186 Коншинскаго Сборника Публ. Библ. № Q. XVII. 149 и содержащей, между прочимъ, форму — венчеибснаго 179, мы находимъ слѣдующіе примѣры замѣны *и* черезъ *е* — при отсутствіи перехода *е* въ *и*: nom.-voc. plur.: народи велице 176; роде 183; свѣтници блазе 181 об.; дх҃ов'неи 185 об.; преслав'неи 183; велицеи 186; dat. — х҃ве 174 (А. Орловъ. Домострой, 33 стр.). Ср. также единичные случаи постановки *е* вм. ожидаемаго *ѣ*, которое замѣнило *и*, въ Ев. Fп 1 № 17; ср. въ Ипатьевск. Сп. Лѣт. — при очень частыхъ фактахъ замѣны *и* черезъ *ѣ* — случаи *е* на мѣстѣ *и* въ тѣхъ же положеніяхъ: dat. — королеве, медвѣдеве 277; 596; nom. дале — 583.

Итакъ, моя гипотеза о типѣ рефлексовъ *ѣ* въ части говоровъ древняго Пскова подтверждается, помимо описанія явленій, связанныхъ съ употребленіемъ буквы *и* вм. *ѣ* въ псковскихъ текстахъ, также своеобразнымъ характеромъ замѣны въ нихъ *и* черезъ *ѣ* и даже черезъ *е*.

Съ цѣлью провѣрить свои выводы еще разъ — я прибѣгаю къ детальному анализу особенностей орѳографіи *ѣ* и *е* въ памятникѣ, который

А. А. Шахматову служилъ матеріаломъ для заключеній вообще о судьбѣ *ѣ* въ древне-псковскомъ говорѣ, именно въ Ипат. Спискѣ Лѣтописи.

А. А. Шахматовымъ высказана догадка о томъ, что Ипатьевская Лѣтопись была переписана въ Псковѣ (Нѣсколько замѣтокъ, 117 стр.), и приведены вѣскіе доводы въ ея защиту.

Считаю въ высшей степени любопытнымъ изученіе Ипатьевскаго Списка съ точки зрѣнія употребленія *ѣ* и *е* съ цѣлью провѣрки выставленныхъ мной выше предположеній.

Въ первомъ почеркѣ находимъ *и* на мѣстѣ *ѣ* довольно рѣдко:

а) въ слогѣ передъ слѣдующимъ *и* или *ѣ* (= *и*?): печенизѣ 6 л.; 26 об.; печенизи 26 л. bis; ср. всими 32 об.; 35; 37; вьсими 38 об.₁;

б) въ конечномъ открытомъ слогѣ подъ удареніемъ *и* внѣ его примѣры *и* вм. *ѣ* немногочисленны: надоби 19 об.; на въстоци 34 об.; 40.

Можетъ быть, сюда надо же отнести примѣры: по глубинѣ морьстии 18; ѡ корсуньсции сторонѣ 20 л.; или же видѣть въ нихъ переходъ *ѣ* въ *и* передъ *ĭ*.

Буква *ѣ* стоитъ на мѣстѣ *и* въ опредѣленныхъ морфологическихъ категоріяхъ, изученныхъ выше: 1) nom. plur.: грѣцѣ 12 л.; нарѣцаѥмѣи 4 л.; сѣлѣ 4 л.; приялѣ 6 л.; старцѣ 7 об.; инѣи 8 об.; изоѡдѣлѣсѧ 21 об.; проклѧтѣ 34 и др. под.; 2) въ формахъ dat. loc. основъ на *-и* и нарѣчіяхъ этого типа: послѣдѣ 7 об.; 3) въ суф. *-ичь*: средовѣць 20.

Буквы *ѣ* и *е* смѣшиваются. Однако *ѣ* замѣняетъ *е* почти исключительно передъ мягкими согласными, передъ твердыми — такая замѣна употребительна лишь въ церковныхъ, книжныхъ словахъ. Изъ громаднаго количества примѣровъ приведу немногіе: свѣршенъ 3 об.; вѣрхъ 4 об.; 5 об.; лыбѣдь 5, 5 об.; мртвѣца 6 об.; конѣць 6 об.; изволѣнья 7 об.; третѣи 8 об.; лодѣи 9 об.; сквѣрнотворѧщии 7; ѡ полонѣньи 14 об.; камѣньѥ 15 л.; повѣлѣ 15 об.; мѣсть 18 об.; оутвѣрдивъ 21; цѣ|рьквахъ 32 об.; ѿвѣрзостасѧ 35 bis; пѣсья 37; ѿвѣргусѧ 38 об.; дѣрзновениѥ 24 об.; дѣрзающи 24 об.; сѣи 28; лѣстѧче 27 об.; залѣже 31 л.; ѡдѣсъную 39; топѣрво 39 об.; избѣите 40; ѿвѣрзошасѧ 40 л.; испѣрва 34 об. и мн. др. (но ср. также: ѡбѣртываючи 23 об.).

Случаи обратной замѣны *ѣ* черезъ *е*, въ сравненіи съ характеромъ замѣны *е* черезъ *ѣ*, единичны. Къ тому же часть ихъ наблюдается въ отжившихъ формахъ: locat. на *-ехъ* — въ городєхъ 15 об.; на мѣстѣ̂ 16 л.; въ дѣлехъ 35 и т. п.; въ собственныхъ именахъ: по Днепру 4, 4 об.; Днепръ 4 об.; Днепръскоє 4 об. и др. под.; въ сомнительныхъ условіяхъ, вызывающихъ мысль объ опискѣ: Северо 6 об.; семена 34 об.; въ книжныхъ словахъ: смотрения 16 об.; болезни 40.

Остается отмѣтить: все|ма 7; сь сѣми всеми 11 об.; речи 18; въ величе чти 22 об.; всехъ 29 об.; мноченьна̂ 31 об.

Во второмъ[2] почеркѣ случаевъ перехода *ѣ* въ *и* значительно больше, но часть ихъ надо разсматривать, какъ аналогическія образованія:

1) формы глагола видѣти: видихомъ 41; видив 42; оувидивше 42; оувидиша 44 об. и оч. мн. др. Ср. такія же аналогическія образованія въ формахъ другихъ глаголовъ: ѡбидити 60 об.; сѣдити 71 об.; възненавидивъ 79; имити 79 об.; ѡ скудила 80 об.; почернивше 83; восхотившимъ 95 л.; прозрити 209 и нѣк. др. Ср. видиньє 100; свидитель 62 об. и др. Впрочемъ, можно предположить, что переходъ *ѣ* въ *и* произошелъ въ этихъ глаголахъ въ положеніи передъ слогомъ съ *и* въ формѣ infinitiv'а, откуда затѣмъ основы съ *и* на мѣстѣ *ѣ* перешли

---

[1] Для характеристики говора перваго писца долженъ отмѣтить на листахъ, имъ писанныхъ, слѣдующія особенности: цоканье, отсутствіе смѣшенія *ж* и *з*, *ш* и *с*, аканье (жералы 4 об.; сѣвѧры 10; ib. *Сѣверы*); ср. *е* вм. *я*: Изеслава 31 об.; *оу* вм. *въ* въ словѣ: оумѣнитсѧ 39; форму: єсме 11 об.; *и* вм. *е*: младеницъ 40.

[2] Ипатьевской Лѣтописью я пользовался въ изданіи Археограф. Комм. подъ редакціей А. А. Шахматова. Подчиняясь авторитету А. А., я ко второму почерку отношу л. 41—103 и 198—212. (Предисловіе, VI—VII стр.; ср. Ж. М. Н. Пр. 1909 г., № 7, 119 стр.). Но по графическимъ явленіямъ листы, начиная съ 74, рѣзко отличаются отъ предшествующихъ (напр., по характеру смѣшенія *въ* и *оу*). Съ точки зрѣнія употребленія *ѣ* и *е* въ нихъ также есть своеобразныя особенности, неизвѣстныя л. 41—73. Такъ случаи замѣны *ѣ* черезъ *и* передъ слогомъ съ *и* и передъ *і̨* появляются только съ л. 74 об. Въ соотвѣтствіи съ этимъ и примѣры *ѣ* вм. *и* въ конечномъ открытомъ слогѣ и въ рядѣ суффиксовъ учащаются отсюда. На необходимость отдѣленія этихъ листовъ А. А. указываетъ въ примѣчаніяхъ на 189 стр., противорѣча предисловію: «съ 74-го листа начинается другой почеркъ».

въ другія формы; 2) формы склоненій: всимъ 47 dat.; всимъ 50 — ablat.; всихъ 71 и др.; кацимъ 70 и др. под.; ѡнима 65 об.

Фонетическія измѣненія *ѣ* въ *и* наблюдаются въ слѣдующихъ условіяхъ:

1) передъ слогомъ съ *и* (и *ѣ*?): побидиша 74 об.; по заповидѣ 78 об.; ѿ сити 79; стрилци 81; раздилишасѧ 81 об.; раздїлиша 82 об.; въкриписѧ 81 об.; согришихомъ 82 об.; ѿ заповидѣ 82 об.; зиницю 89 об.; ѡслипити 89; ѡслипилъ 90; раздилисѧ 93 bis; стриливше 93; стрилити 93 об.; ѡсвитиша 98; побидившю 98 об.; побилити 98 об.; възвистиша 102; раздили 102 об.; раздришити 101; свищи 206 об.; прибижище 209 об.; списньми 209 об. и др. под.; ср. о грисѣхъ 206 об.; втишѣ 74 об. (какъ видимъ, большинство примѣровъ перехода *ѣ* въ *и* приходится на слогъ передъ удареніемъ, хотя нѣкоторыя формы имѣютъ *и* несомнѣнно подъ удареніемъ, напр., прибижище); 2) передъ *ї* примѣры замѣны *ѣ* черезъ *и* — очень рѣдки; можетъ быть, сюда надо отнести: в раистии пищи 209 об.; причистии мт҃ри 95 об.; старишины 100 об.; расия 101; 3) въ конечномъ открытомъ слогѣ, главнымъ образомъ, въ формахъ locativ'a примѣры постановки *и* вм. *ѣ* немногочисленны:

вь ропати 41; годипи 83 об.; в мѣсти 94; слузи dat. 91; дружини 99; на въздуси 102; на Моськви 210; вь смѧтеньи велици 204 об.; ср. ѿтуди 76 об.; не ходиви 74 об.

Кромѣ того, въ единичныхъ случаяхъ *и* на мѣстѣ ожидаемаго *ѣ* наблюдается въ предударномъ слогѣ передъ мягкими согласными вообще: ѡбищаютъ҇ 50; прибиже 87 об.

Ѣ замѣняетъ *и* въ слѣдующихъ условіяхъ:

а) nom. sg.: дщѣ 77; б) nom. plur.: полъцѣ Русьстѣи 100; иноплеменницѣ 100; радѣ 88; самѣ 96; пожьглѣ 96; дворѣ пустѣ 82; страшнѣи 82; дѣтѣ 209 об. и др. под.; в) genet. основъ на *-и*: ѿ заповидѣ 82 об.; ѿ похотѣ 79 об.; г) dat.-loc. основъ на *-и*: в старостѣ мастигѣ 96 об.; въ Припетѣ 97 об.; ср. наставшѣ 99 об.;

---

[1] Въ формахъ аориста сѣди 87; вѣди 70; разболисѧ 102 об. и др. *и* вм. *ѣ* надо сопоставлять со случаями сѣдити и т. п.

печалѣ болшѣ 80; по заповидѣ 78 об.; бывшѣ сѣчѣ 75; д) dat. основъ на -*у*: Ѡлговѣ 83; 74 об.; Романовѣ 74 л.; Борисовѣ 74 об.; е) abl. plur.: с Новгородцѣ 87 об.; с Половцѣ 83 bis; 84 bis; 74 об.; 76 bis; с Володимѣрцѣ 209; ж) ac. plur. основъ на *и*: гостѣ 205; волостѣ 80 л.; дверѣ 85 об.; воплѣ 75 л.; ac. plur. прилаг.: стѣѣ 206 об.; fem. дша хрестьянскѣ 74 об.; з) infin.: послушатѣ 87; сѣщѣ 93 об.; сѣстѣ 84; ср. грабите 80 л.; и) imper.: посидѣ 91 (оп.?); і) aor.: ѡслѣпѣ 83 об.; втишѣ 74 об.; створѣ 75; пригвоздѣ 75 об.; к) praes.: оузвратѣмъсѧ 90 об.; казнѣть; ср. еще: Чернѣгову 102; 93 об.; 80; 81; 76; в Чернѣговѣ 74 л.; иноплеменнѣкы 81 об.; грѣчнѣки 76; кадѣло 79; свѣтѣлника 52 л.; ср. свѣтелника 52; поникадѣлы 206; ср. также: по истѣнѣ 42; ср. истеньнаго 44 об.

Кромѣ того, *ѣ* и *е* смѣшиваются. Въ подавляющей массѣ примѣровъ *ѣ* замѣняетъ *е* въ положеніи передъ мягкими согласными, а въ книжныхъ словахъ и передъ твердыми:

въ вѣликѣ 198 об.; Половѣцько 199; мужѣи, своѣи 200; мѣньшии 200; мѣчьника 203; двѣри 206; ѿвѣрьзлъ 206; ѣще 208 bis; свѣрьзи 208 об.; крѣстатьсѧ 208 об.; ѡсѣнь 76; третѣи 81 об. и оч. мн. др. под.; но ср. вѣрсть 201.

Иногда (впрочемъ, рѣдко) *ѣ* стоитъ на мѣстѣ *е* (='о) передъ твердымъ слогомъ: вѣ нѣмже 201 об.; по нѣмь 201 об. 209 об.; 81 об.; в нѣм же 94 об.; оу нѣмъ 93 об.; ср. вь трѣхъ 200; 64.

Сравнительно съ замѣной *е* черезъ *ѣ* примѣры обратной замѣны *ѣ* черезъ *е* — не часты:

высекающе 85 об.; лукавнеишю 82; в рецѣ 81 об.; слезе 72 об.; вылезе 88 об.; раслабевъ 70 об.; немець 74 л.; нетуть 207 об. и немн. др. под.

Оставляю въ сторонѣ формы locat. на -*емь* и церковныя, книжныя слова: повеленьемь 100 об.; болезни 42 и т. п.; болезнь 68 об.; семо 43 об. bis. и др.[1].

---

[1] Въ говорѣ писца, повидимому, еще наблюдалось аканье (подабаеть 68; ѡсмога 73 об.; покоянье 79 об.; похволѧти 100 об.; инога 83); яканье (ѡблистаями 52; деместьвѧника 69; ср. еще: налѧгоша 81; но ср., напр.,

Въ третьемъ почеркѣ—примѣры перехода *ѣ* въ *и* падаютъ на тѣ же категоріи. Написаніе *и* на мѣстѣ *ѣ* наблюдается:

1) передъ слогомъ съ *и* очень рѣдко: подиливѣ 160 об. (оп.?);

2) чаще въ конечномъ открытомъ слогѣ — въ формахъ locativ'а:

в Киеви 108; въ сторони 116 об.; на ѡзери 132 об.; на лоузи 138 об.; на рѣци 149, 188; оу величи любви 152; к рѣци 161 об.; в Лучьски 172; в Полотьски 185 об.; ср. вї гривни 124 об.; руци 166 об.; ср. также: надоби 160; 157 bis; ср. оу велицимъ 165.

Еще отмѣчу: старишеи 115; старишии 115; старишаго 119 об.; старишьство 121 об.; старишиньство 155 об.; 155—156; ср. Олексия 106, 106 об.

Буква *ѣ* замѣняетъ *и* — въ слѣдующихъ условіяхъ:

1) nom. plur.: раздѣлилѣ 127 об.; цѣловалѣ 129; кн҃зѣ 109 об.; дикиѣ 137 об.; самѣ 143; покралѣ 193 об. и др. под. Ср. acc. по кривитьстѣи кн҃зѣи 112 об.; половцѣ дикѣи 118; лоутшѣи моужѣ 119; ср. nom. подвойскѣи 135; дикѣи 152 об.; 2) gen.—цте 182 (изъ *ѣ*); зяте 172 об.; 114 об.; 3) dat.: королевѣ 174; Индриховѣ 140; 140 об.; 141; Ѡлговѣ 155; 4) ablat.: с воѣ 137; 5) въ формахъ спряженія: сѣдѣши 114 об.; 115 (оп.?) 6) передъ *и*: кадѣлничѣ 123; ср. кадѣлы 105; 7) въ суф. *иц:* медвѣдѣци 134 об.

Буква *ѣ* замѣняетъ *е* значительно рѣже, чѣмъ во второмъ почеркѣ. Эту замѣну наблюдаемъ передъ мягкими согласными:

вѣлми 166 об.; разлоучѣнью 115 об.; ѣще 120; 129 об.; 155 об.; лыбѣдь 111, 120 об.; 156; 156 об.; свѣршена 111 об.; дчѣрь 111 об.; 116; мѣншего 118; не бѣитеса 123; вѣрбьноѣ 135 об.; побѣите bis 129; бѣлозѣрьскоє 124 об.; всѣи 185 об. и др. ср.; Припѣтью 176 об.

въ Ев. Q 1 № 2 — вьѕлѧгоша 73 об.); цоканье; *з* вм. *ж* (ср. кнѧзѧщю 60 об.; не здерьзастесѧ 63; зазгоша 84; възлазъше 78; *оу* на мѣстѣ *въ* (хотя смѣшеніе *в* и *оу* начинается въ текстѣ лишь съ 74 л.; раньше только вьєрѧщемь—ѹсрѧщеть 63; оу(во)ѿцабѣ 60 об.; положиша и оу брата своєго Бориса оу церькви ст҃го Василья; ср. гал.-вол. дожчь 93 об.). Укажу еще: цтвѣтную 68 об.; цтвѣтокъ 70; 70 об. bis. О графическихъ пріемахъ см. у А. А. Шахматова. Ж. М. Н. Пр. 1909 г. № 7, 118—119 стр.

Единичны примѣры постановки *ѣ* вм. *е* передъ отвердѣвшимъ согласнымъ (='о). Они таковы, что могутъ разсматриваться, какъ графическіе слѣды гал.-вол. оригинала: на нѣмже 162 об.; по нѣмь 196 об. и др. под. Ср. напр., дожчь 118; 132 об.

Случаи постановки *е* на мѣстѣ *ѣ* рѣдки и въ большинствѣ приходятся на церковныя, книжныя слова: вѣде 150 об.; имения 173 об.; расмотрение 111; говеющп 104; велению 147; болезнь 173 об.;—и 173 об.; повеления 185 об.; ср. также: все городѣ 174; кромѣ того, *е* замѣняетъ *ѣ*: 1) въ окончаніяхъ locat. *-ехъ* и *-емь*; 2) послѣ *ꙇ*: доехати 146; ехати 159; ездить 167; поеди 168; еха 168 об.; поеди 169; 171; ѥди 169; поеди 141 об.; съехавшисѧ 141 об. и др. под.[1].

На листахъ, писанныхъ четвертымъ писцомъ, замѣна *ѣ* черезъ *и* по своему характеру близка къ аналогичному явленію въ текстѣ третьяго писца.

Здѣсь находимъ аналогическія образованія: видиша 222 об.; 223; видити 223, 237; видивше 234 об. bis; 225 об.; 232 об. и мн. др. под.; ср. ѣздѣти 227; ездѣти 283; ѣздѣлъ 305 об.

Кромѣ того, *и* иногда стоитъ на мѣстѣ *ѣ*:

1) передъ *ꙇ*: болиише 252; вѣрние 302 об.; Зеремиеви҃ 259 об. при Зѣремѣевичь 260; 2) передъ слогомъ съ *и*: нисп 304 об.; ср. о бидѣ 271 об.; ср. дитиньца 284 об. при дѣтинѣць 290 об.; 3) въ конечномъ открытомъ слогѣ въ формахъ locativ'a: во Смоленьски 214 об.; в любви велици 235 об. bis; оу Шоумьски 283; на борзи 300 об.; в Бѣльски 305; 306; во Пиньски 268 об.; но ср., какъ и въ предшествующихъ почеркахъ, очень часто *ѣ* даже въ формахъ locat. мягкаго склоненія.

Буква *ѣ* замѣняетъ *и* въ тѣхъ же морфологическихъ категоріяхъ и суффиксахъ, что и у предшествующихъ писцовъ:

1) Nom. plur.: повѣдалѣ 228; искалѣ 223 об.; Галичьскѣи 259;

---

[1] Отмѣчу еще въ текстѣ третьяго писца: смѣшеніе *въ* и *оу*, цоканье, с.-в. жг, аканье (оувѧдоша 146 об.; Монамахъ 104 об.; Яраслава 143 об.: Ярославлѧ 135 об.; формы ablativ'a на *мы;* 1 л. мн. числа: есме 136; 136 об. и др.; формы imperat.: поѣдьмы 131; цѣлуимы 123 и др. под.

самѣ 264 и др. под.; которѣи 226 и др. под.; нашѣ 290; ср. не дале 293 об.; ср. accus.: на ратнѣѣ 275 об., на поганѣѣ 273 об.; 223 и др. под.; на товарѣ 204 об.; руськѣѣ 213; 2) nom. sg.: кнѧгинѣ 287 об.; 3) dat.: ко Рюриковѣ 240 об.; ср. к медвѣдеве 299 об.; 4) dat. основъ на -*и*—распрѣ 237 об.; 5) imperat. поѣдѣ 306 (оп.?); 6) передъ *н*: истѣньнъі 244 об.; истѣньными 244; истѣньноую 217; ср. также передъ *л*: кандѣлы 217; и, кромѣ того отдѣльные примѣры: на Ширѣцѣ 249 об.; Хрѣстоса 275; ср. щеть 265.

Ѣ замѣняетъ *е* очень часто передъ мягкими согласными: вѣлможи 213 об.; Мѣстиславъ 213 об.; испровѣргоша 219 об.; младенѣць 215 об.; оустрѣмивсѧ 216 об.; людѣи 218 об.; золотовѣрхои 220; ѡсѣни 219; конѣчными 220; вѣрви 221; ѡроудѣи 223, 227; мѣжи 236; ѡтѣмнѧющи 235 и др. под.

Здѣсь же надо привести случаи постановки *ѣ* на мѣстѣ *е* передъ твердыми согласными въ книжныхъ, церковныхъ словахъ: дѣрзость 215; правѣдномоу 244 об.

Передъ твердыми слогами примѣры такой замѣны единичны въ народныхъ словахъ: на нѣмь 282; вѣсна 227; отдѣльно: в четырѣхъ 221 об.; стрѣльцѣмъ 253 (описка?); ѡбличѣна 260 об.

Случаи обратной замѣны *ѣ* черезъ *е* чаще наблюдаются въ церковныхъ, книжныхъ словахъ: свещева 235; повеленьемъ 221 об.; стретение 218; нелицемерноую 217; ведоуще 219 об.; говение 238; стрете 239; прегрешение 253; тленьнаго 263; оуведевъше 268; семо 286 об.; видениемь 288; зренїа 304 об. и нѣк. др.

Но и въ чисто русскихъ, народныхъ формахъ встрѣчается *е* вм. *ѣ*:

а) послѣ *ꙇ* — еха 216 об.; въеха 225 об.; поедемь 216 об.; ехати 217 об.; 218, поеди 230 об. и др. под.;

б) въ спорадическихъ написаніяхъ: победивъ 232 об.; петоуть 234; влезъ 235; стрелѧти 232 об.; немѣчкъıꙗ 231; налезоу 237; невернымъ 258 об.; стрелами 263 об.; лесныꙗ 275 об. и немн. др. [1].

---

[1] Отмѣчу еще у четвертаго писца: аканье (такой не бъıвала 227 об.; милога сн҃а 245; подабашеть 220; багатырь 265; ваева 268); *и* вмѣсто безударнаго и ударяемаго *е* (висемь 232; времини 268; Мистиславъ 249; черноризиць 220); смѣшеніе *въ* и *оу* (впрочемъ неравномѣрно въ разныхъ мѣ-

Изъ анализа всего текста Ипатьевской Лѣтописи съ точки зрѣнія употребленія *ѣ* и *е* слѣдуетъ, что всѣ писцы ея, при нѣкоторыхъ довольно существенныхъ различіяхъ въ своихъ говорахъ и графическихъ пріемахъ, несомнѣнно произносили *ѣ*, какъ звукъ, отличный отъ *е*, и въ нѣкоторыхъ условіяхъ, напр., передъ слогомъ съ *и*[1] (особенно второй писецъ съ 74 л.), и, можетъ быть, еще передъ *ꙇ*, какъ *и*.

Это сходство въ звуковомъ качествѣ *ѣ* у писцовъ Ипатьевской Лѣтописи съ установленной мной выше судьбой *ѣ* въ группѣ древне-псковскихъ говоровъ, съ одной стороны, можетъ служить новымъ доводомъ въ пользу псковскаго происхожденія Ипат. списка; съ другой, подтверждаетъ правильность моихъ выводовъ объ исторіи звука *ѣ* въ языкѣ Псковской области.

Такимъ образомъ, въ одной части говоровъ древняго Пскова *ѣ* звучало болѣе узко, чѣмъ *е*, и въ извѣстныхъ положеніяхъ переходило въ *и*.

Этотъ выводъ, полученный путемъ анализа псковскихъ памятниковъ, пріобрѣтаетъ еще болѣе устойчивыя основанія, если я сумѣю, съ одной стороны, поставить его въ связь съ показаніями живыхъ лингвистическихъ потомковъ древне-псковскаго говора; съ другой стороны, примирить съ нимъ противорѣчивые пріемы псковской графики, смѣшивавшей одновременно *ѣ* съ *е* и *и*.

Н. Н. Соколовъ, лично производившій наблюденія надъ псковскими современными говорами, отмѣчаетъ, что въ нихъ «*ѣ* звучитъ, какъ *е* или, можетъ быть, кое-гдѣ, какъ $е^и$» (Н. Н. Соколовъ. Говоры Псковской губ. Р. Ф. В. 1917 г., № 1—2, 153 стр.). Проф. Н. Н. Дурново въ литографированныхъ «Запискахъ по исторіи русск. языка» пишетъ: «Можно отмѣтить въ псковскихъ говорахъ произношеніе *ѣ* ударяемаго, какъ *е* закр.» (Н. Н. Дурново. Записки по исторіи русск. языка. Харьковъ. 1912 г., 105 стр.). Еще раньше другой наблюдатель указывалъ, какъ характерную черту окающаго нарѣчія Порховскаго уѣзда, Псковск. губ., замѣну ударяемаго и неударяемаго *ѣ* черезъ *и*

стахъ текста); цоканье; смѣшеніе *ж* и *з* (жижаи 282; кнѧзѧщю 285 об.); ср. идежи = идеши 220 об.; формы ablat. на *мы* (сомнит. ратнымы 223 об.; цркв҄ьнымъі 282; околнымы 306).

[1] Ср. А. А. Шахматовъ. Исторія русск. языка, 237—238.

(Матер., VI, 45 стр.). Любопытно съ этими свидѣтельствами сопоставить произношеніе *ѣ*, какъ $е^и$ передъ твердыми и мягкими согласными во многихъ говорахъ западныхъ уѣздовъ Новгородск. губ. (см. Опытъ діалектологической карты русскаго языка, 22 стр.), а также въ говорахъ Архангельской губ. (19 стр., ib.)[1], первыми насельниками которой, по вѣроятному предположенію Д. К. Зеленина, были выходцы съ запада Новгородскаго края, знакомые съ рѣкою Западною Двиною (Великорусскіе говоры, 372 стр.).

Вполнѣ естественнымъ является предположеніе, что въ древности область распространенія этихъ говоровъ, знавшихъ произношеніе *ѣ*, какъ $е^і$ или $і^е$, гораздо дальше заходила на западъ и югъ, чѣмъ теперь.

Эта гипотеза подтверждается и общими соображеніями о принадлежности говора древняго Пскова къ сѣверно-русскому нарѣчію, исконно различавшему *ѣ* и *е*, и историческими свидѣтельствами о тяготѣніи Пскова, по крайней мѣрѣ, до конца XIII—начала XIV столѣтія къ новгородскому культурному центру. Затѣмъ, когда съ измѣненіемъ направленія преобладающихъ культурныхъ связей древне-псковскіе говоры подверглись ассимилирующему вліянію другой діалектической группы, именно бѣлорусской, сталъ интенсивно развиваться процессъ устраненія извѣстныхъ звуковъ (*ѣ* = *ê* передъ твердыми согласными) въ опредѣленныхъ фонетическихъ условіяхъ и замѣны ихъ другими звуками[2]. Такимъ образомъ, общее измѣненіе фонетическаго строя языка древняго Пскова подъ вліяніемъ бѣлорусскаго нарѣчія, приведшее къ образованію на такъ называемой западной основѣ сѣверно-великорусскаго нарѣчія[3] говоровъ переходныхъ къ бѣлорусскимъ, отразилось и на судьбѣ древняго *ѣ* въ вытѣсненіи изъ значительной части псковскихъ говоровъ древняго произношенія этого звука, какъ *ê*, а въ опредѣленныхъ положеніяхъ, какъ *и*, и въ замѣнѣ его черезъ *е*.

---

1 Ср. А. А. Шахматовъ. Изслѣдованіе о двинскихъ грамотахъ. Стр. 86—87 и 88—89.

2 Ср. Н. Н. Дурново. Діалектологическія разысканія въ области великорусскихъ говоровъ. Москва. 1917 г. Введеніе. Переходные говоры, стр. 7—9. Ср. В. М. Поповъ. Изв. II Отд., XVIII, кн. 3, 232 стр.

3 Соколовъ. Говоры Псковской губ. 153 стр. Ср. Очеркъ діалектологіи § 42, стр. 32—33, и § 22, стр. 22.

Замѣчу, что *и* вм. *ѣ* въ конечномъ открытомъ слогѣ (въ формахъ dat. и locativ'а сущ.) возобладало въ псковскихъ говорахъ потому, что находило опору въ однородныхъ примѣрахъ бѣлорусскаго нарѣчія[1].

Въ высшей степени любопытно, что эта черта, можетъ быть, сохранялась въ томъ діалектѣ литературнаго языка, на которомъ говорили иные литературно-образованные псковичи въ XVII вѣкѣ, т. е. на московскомъ приказномъ языкѣ съ примѣсью наименѣе рѣзкихъ діалектическихъ чертъ. Съ этимъ языкомъ можно познакомиться хотя бы по Псковской судной грамотѣ, въ которой не находимъ ни смѣшенія шипящихъ со свистящими, ни мѣны *оу* и *въ*, ни твердаго *р*, ни другихъ наиболѣе яркихъ чертъ псковскаго нарѣчія (ср. Н. М. Каринскій. Языкъ Пскова, 90—95 стр.). Но здѣсь довольно рельефно выступаетъ умѣренно акающій говоръ съ твердымъ *т* въ 3 лицѣ глаголовъ. И вотъ въ судной грамотѣ, на ряду съ характерной для памятниковъ московскаго дѣлового языка замѣной безударнаго *ѣ* черезъ *е*[2], находимъ нерѣдко *и* вм. *ѣ* въ конечномъ открытомъ слогѣ (въ мѣст. пад.) какъ подъ удареніемъ, такъ и въ безударныхъ слогахъ (примѣры см. у Н. М. Каринскаго. Языкъ Пскова, 92 стр.).

Впрочемъ, гораздо чаще выступаетъ въ дѣловомъ языкѣ «псковскихъ жителей» XVI—XVII в. общее совпаденіе *ѣ* съ *е*, даже въ конечномъ открытомъ слогѣ. Ср., напр., торговое размѣнное письмо и грамотки псковскаго жителя Козмы Иванова Зюнина 1674 г. (Р. И. Б., т. XV, №№ 127, 128, 129).

Изъ выше изложеннаго я дѣлаю выводъ, что гипотеза о произношеніи *ѣ*, какъ *ê* (а въ опредѣленныхъ условіяхъ какъ и *и*), въ той части говоровъ древняго Пскова, которую отражаетъ большинство изученныхъ изслѣдователями псковскихъ рукописей, находитъ полное подтвержденіе въ данныхъ исторической діалектологіи.

---

[1] Е. Ѳ. Карскій. Бѣлоруссы, т. II, 252, 253 и 254 стр.

[2] вь яме 1 л.; целованію 1; целовати 1 об.; на выкоупке 2; на поле 3 об.; на погосте 4 л.; видели 4; старосте 5 об.; детина 5 об.; седѣлъ 7 об.; за детину 8 об.; збежитъ 9 об.; детѧ 12; ѡдѣле 10 об.; детей 10 об.; хлѣбе 12 bis; мѣсте 13 л.; ѡтвечаю 13 л.; в грамоте 13 об. и мн. др.; но ср. на суде (= на судье).

Нельзя считать ея опроверженіемъ тѣ случаи смѣшенія *ѣ* и *е*, которые находимъ въ псковскихъ рукописяхъ, знающихъ переходъ *ѣ* въ *и*. Въ нихъ необходимо видѣть чисто графическое явленіе, легко объяснимое къ тому же при предположеніи произношенія *ѣ*, какъ *ê*, въ большинствѣ формъ. Наоборотъ, при предположеніи полнаго совпаденія *ѣ* и *е* въ говорѣ писцовъ разсматриваемыхъ памятниковъ, случаи перехода *ѣ* въ *и* оказывались бы совершенно необъяснимыми. Мы не имѣемъ права возводить непремѣнно всѣ псковскія рукописи къ новгородскимъ оригиналамъ. Равнымъ образомъ, въ виду своеобразныхъ условій перехода *ѣ* въ *и* въ памятникахъ древняго Пскова, а также въ виду сохранившагося въ нѣкоторыхъ совр. псковскихъ говорахъ произношенія *ѣ*, какъ e^{i}, едва ли возможно говорить объ опредѣленной школѣ письма, отразившейся исключительно въ литературныхъ памятникахъ древняго Пскова (Шахматовъ. Изв. 1912 г., № 3, 347 стр.).

Проф. Н. М. Каринскій искалъ выходъ изъ этого противорѣчія въ предположеніи о «смѣшанномъ характерѣ псковскихъ говоровъ уже, по крайней мѣрѣ, со 2-й половины XIV вѣка» (Н. Каринскій. Изслѣдованіе языка Псковскаго Шестоднева 1374 г., 39 стр.).

Съ этой точки зрѣнія — примѣры замѣны *ѣ* черезъ *и* въ псковскихъ рукописяхъ отражаютъ сѣверно-русскую основу псковскаго языка, а случаи смѣшенія *ѣ* и *е* — бѣлорусскія языковыя наслоенія. Такимъ образомъ, и тѣ и другія графическія явленія носятъ для проф. Н. М. Каринскаго ярко выраженный фонетическій характеръ (ib., 34 стр.).

Но отсутствіе той безпорядочности въ условіяхъ появленія звуковъ *и* и *е* на мѣстѣ древняго *ѣ*, которая такъ характерна для «смѣшанныхъ» говоровъ, ограничиваетъ примѣненіе гипотезы проф. Н. М. Каринскаго къ объясненію данного явленія.

Вѣдь предполагаемый смѣшанный характеръ псковскаго нарѣчія меньше всего обнаруживается въ произношеніи древняго *ѣ* въ большинствѣ живыхъ потомковъ древне-псковскаго говора. Въ самомъ дѣлѣ, легко убѣдиться, что, если исключить положеніе *ѣ* въ конечномъ открытомъ слогѣ (на руки, мни и т. п.) и другія установленныя выше условія, то останутся немногочисленныя указанія наблюдателей (главнымъ образомъ, относительно говоровъ с.-в. Псковск. губ. и прилегающихъ къ ней съ

сѣвера говоровъ Петербург. губ.) на формы съ *и* вм. *ѣ*, которыя иногда допускаютъ и нефонетическое объясненіе:

ниту (Жив. Ст., г. I, 3 вып.; ср. въ южн. ч. Лужск. у., Яблоницкой вол. Мат., вып. I, 338 стр.; въ гов. Мды. Каринскій, 34 стр.) находимъ въ рядѣ говоровъ, не знающихъ *и* вм. *ѣ*, напр.. въ Старорусск. у., въ районѣ Подгощск. учил. (Діал. мат. по Новг. губ. Р. Ф. В. 1914 г., № 2, 325 стр.); ср. въ Псковской сказкѣ: снитился на-нѣтъ (Жив. Стар. XXI, вып. II—IV, 299 стр.); относительно *и* въ насмишка (Колпино на берегу Псковск. оз. Соболевскій. Опытъ діалектологіи. Кіевъ. 1911, 45 стр.) см. у Е. Ѳ. Карскаго. Бѣлоруссы, т. II, 255 стр.; ср. wuśm'iška въ сѣв.-смол. говорахъ (В. М. Поповъ. Замѣчанія о сѣв.-смол. и ржевск. гов. Изв., т. XVIII, кн. 3, 244 стр.); нявистушка въ гов. Моринчелки, Великолуцк. у. (Соболевскій. Опытъ, 47 стр.) имѣетъ *и* благодаря какой-нибудь аналогіи; ср. древнее колебаніе корней *вид* и *вѣд*; въ слово — обризать въ гов. Мды (Каринскій, 34 стр.) *и* могло попасть изъ формы обризáть (ср. Брандтъ. О польскомъ *ѣ*. Сбор. статей, посв. Ф. Ѳ. Фортунатову, 211 стр.) и нѣкоторыя др. под.

Всѣми этими соображеніями я отнюдь не хочу подрывать гипотезу о смѣшанномъ характерѣ древне-псковскихъ говоровъ. Моя задача — лишь указать на то, что въ сѣверно-русскихъ говорахъ, которые на территоріи древняго Пскова подвергались различнымъ языковымъ взаимодѣйствіямъ, не было единообразія въ произношеніи рефлексовъ *ѣ*: вѣроятно, были «икающіе» говоры (ср. современные порховскіе), которые, подчиняясь шедшимъ съ разныхъ сторонъ вліяніямъ, утратили закономѣрность въ обнаруженіи «иканья» и сохраняютъ звукъ *и* на мѣстѣ *ѣ* лишь въ остаткахъ, и несомнѣнно существованіе древне-псковскихъ говоровъ съ произношеніемъ *ѣ*, какъ *ê* (а въ нѣкоторыхъ условіяхъ какъ *и*). Слѣды такого произношенія *ѣ* наблюдателями указаны въ живыхъ діалектахъ Пскова, и отраженіемъ говоровъ именно этого типа является большинство извѣстныхъ псковск. рукописей XIV—XV вв.

Слѣдовательно, одной ссылкой на смѣшанный характеръ древне-псковскихъ говоровъ едва ли возможно объяснить всѣ своеобразные пріемы псковскихъ писцовъ, связанные съ употребленіемъ буквы *ѣ*.

Ассимилирующее вліяніе бѣлорусскаго нарѣчія[1] сказалось въ вытѣсненіи изъ цѣлаго ряда псковскихъ говоровъ древняго произношенія *ѣ*, какъ *ê* или *i*ᵉ (или *и*), и въ закономѣрной замѣнѣ этихъ звуковъ черезъ *е* — въ положеніи передъ твердыми согласными подъ удареніемъ (передъ мягкими-*ê*). Конечно, возможно, что въ части говоровъ древняго Пскова совпаденіе *ѣ* и *е* въ одномъ звукѣ могло произойти и самостоятельно[2].

Отраженіемъ др.-псковскихъ говоровъ именно съ такимъ произношеніемъ буквы *ѣ* являются нѣкоторыя изъ псковскихъ рукописей уже изученныхъ, напр., Шестодневъ 1374 г.; Грамота псковск. кн. Ив. Александровича 1463—1465 г.; Псалтырь Fп 1 № 1, въ языкѣ которой есть нѣкоторыя указанія на близость ея къ бѣлорусской территоріи, напр., *жч* (Сорочанъ. Р. Ф. В. 1911 г. № 1—2, 3—4); Апостолъ 1307 г. (Соболевскій. Очерки, 120 стр.); 1 ч. Сборн. Син. Библ. № 53/255 (Каринскій. Языкъ Пскова, 115 стр.); можетъ быть, Паракл. 1369 г. и нѣк. др. (ср. Сборн. XV—нач. XVI в. Библ. Син. Тип. № 25 (345) (Погорѣловъ. Сборники и лексиконы, вып. 2).

Такимъ образомъ, уже въ говорахъ древняго Пскова было въ произношеніи *ѣ* діалектическое разнообразіе. Имъ и слѣдуетъ объяснять наличіе трехъ категорій древне-псковскихъ рукописей съ точки зрѣнія употребленія *ѣ* и *е*: 1) замѣняющихъ *ѣ* черезъ *и* въ строго опредѣленныхъ условіяхъ; 2) совсѣмъ не знающихъ замѣны *ѣ* черезъ *и*, но смѣшивающихъ *ѣ* и *е*; 3) «икающихъ» вообще (предположительно).

Для примиренія съ этимъ выводомъ графическихъ тенденцій всѣхъ категорій псковскихъ рукописей къ мѣнѣ буквъ *ѣ* — *е* необходимо руководствоваться предположеніемъ А. А Шахматова о вліяніи бѣлорусской графики на псковскую. Его нельзя упускать изъ виду и при объясненіи

---

[1] Ср. у А. Е. Прѣснякова. Образованіе Великорусскаго государства. Петрогр. 1918 г. Еще съ конца XIII в. «Псковъ почти вовсе ушелъ изъ подъ вліянія великорусской власти, входя все глубже въ кругъ обособленныхъ отъ великорусской жизни западно-русскихъ, литовскихъ и нѣмецкихъ отношеній» 93 стр.

[2] Однако это предположеніе ничѣмъ не можетъ быть подтверждено, пока вообще не будетъ доказано мнѣніе о томъ, что діалектически въ сѣверно-русскомъ нарѣчіи, независимо отъ стороннихъ вліяній, *ѣ* совпадало съ *е*

смѣшенія буквъ *ѣ* и *е* въ памятникахъ Пскова, особенно знающихъ замѣну *ѣ* черезъ *и*, и при установленіи графическихъ правилъ о буквѣ *ѣ*, которыми руководились псковскіе писцы. Конечно, а priori можно ожидать смѣшенія буквъ, у которыхъ рядъ звуковыхъ значеній совпадалъ (*ѣ* и *е* — въ положеніи передъ мягкими согласными, въ нѣкоторыхъ говорахъ во всѣхъ предударныхъ слогахъ). Вѣдь рядомъ съ говорами, которые знали строго ограниченные условіями (передъ слогомъ съ *и* и передъ *ї*) случаи перехода *ê* въ *и*, въ области древняго Пскова, вѣроятно, находились и такіе, въ которыхъ рефлексомъ *ѣ* былъ повсюду звукъ *ê* (конечно, подъ удареніемъ). Поэтому естественно ожидать среди псковскихъ текстовъ такихъ, которые по употребленію *ѣ* и *е* напоминаютъ «новгородскія» рукописи V и даже VI категоріи. Но ярко проявленное стремленіе псковскихъ писцовъ удовольствоваться или дать перевесъ одной изъ буквъ *ѣ* или *е* переноситъ насъ въ область графическихъ пріемовъ, выработавшихся въ Западной Руси (См. Н. М. Каринскій. Языкъ Пскова: въ Пал. 1494 г. преобладаніе *е* — 22 стр.; то же въ Погод. Сп. № 1413; господство буквы *ѣ* вм. *е* въ Сборн. Соф. Библ. № 1262, въ Сборн. Син. Библ. № 68/270; ib., стр. 172—173; ср. Н. Каринскій. Очерки изъ исторіи псковской письменности и языка. Вып. 1, стр. 12 и 45; вып. II, 7 стр.; А. А. Шахматовъ. Грамота псковскаго князя Ив. Александровича. Извѣстія II Отд. Ак. Наукъ. 1912, № 3; ср. вытѣсненіе *ѣ* черезъ *е* въ полоцк. грам. конца XIV в. (А. И. Соболевскій и С. Л. Пташицкій. Палеографическіе снимки съ русскихъ грамотъ, преимущественно XIV в., л. 43); въ грамотѣ Панка 1387 г. и др. Розовъ. Значеніе грамотъ... 15 стр.; Карскій. Къ исторіи звуковъ и формъ бѣлор. рѣчи, стр. 7, 26, 133; Е. Карскій. Западнорусскіе переводы псалтыри XV—XVII в. Варш. 1896 г., 187 стр.; Бѣлоруссы, т. II, 234—238 стр. и т. п. И обратно: «большое обиліе», по словамъ акад. Карскаго, въ употребленіи *ѣ* вм. *е* въ рядѣ бѣлорусскихъ памятниковъ. Къ исторіи звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи, 65 стр., 99; ср. въ псалт. XVII в. Е. Карскій. Западно-русскіе переводы псалтыри XV—XVII вѣковъ. 187 стр.).

Подводя итоги сказанному въ этой главѣ, дѣлаю выводы:

1. Въ произношеніи *ѣ* между говорами древняго Пскова не было

однообразія: въ однихъ *ѣ* звучало, какъ *ê*, а передъ *і* и передъ слогомъ съ *и* діалектически какъ *и*; въ другихъ — *ѣ* было близко къ *и* и даже совпадало съ нимъ, но затѣмъ въ процессѣ смѣшенія въ части этихъ говоровъ стало стремительно вытѣсняться звукомъ *е*; въ третьей, наконецъ, группѣ говоровъ произошло очень рано (до нач. XIV в.) полное совпаденіе *ѣ* и *е*, хотя въ нѣкоторыхъ и изъ этихъ говоровъ въ опредѣленныхъ морфологическихъ категоріяхъ конечное *ѣ* вытѣснялось звукомъ *и*.

2. Вліяніе бѣлорусскаго нарѣчія значительно сузило область распространенія говоровъ, гдѣ *ѣ* произносилось, какъ *ê*.

3. Въ графическихъ пріемахъ, связанныхъ съ употребленіемъ *ѣ* и *е*, отразилось вліяніе на древне-псковскихъ писцовъ опредѣленной школы письма, шедшее изъ Западной Руси.

4. Критеріемъ для опредѣленія живого народнаго произношенія *ѣ* въ языкѣ различныхъ писцовъ должны служить случаи перехода *ѣ* въ *и* или отсутствіе ихъ.

ГЛАВА IV.

Нѣсколько словъ о звукѣ *ѣ* въ «полоцко-смоленскомъ говорѣ».

Вопросъ о произношеніи звука *ѣ* въ древне-псковскомъ говорѣ тѣсно связанъ съ вопросомъ о звуковомъ значеніи *ѣ* въ памятникахъ, принадлежащихъ другимъ западнымъ говорамъ сѣверно-русскаго нарѣчія, т. е. писанныхъ въ Полоцкѣ, Ригѣ[1], Смоленскѣ (ср. Шахматовъ. Очеркъ, стр. 325—330). Между тѣмъ, историческая фонетика «полоцко-смоленскаго» говора во многомъ еще остается неясною, и историки русскаго языка высказывали различныя предположенія о судьбахъ въ немъ звука *ѣ*.

Первый изслѣдователь древнихъ полоцко-смоленскихъ источниковъ — ак. А. И. Соболевскій призналъ характерной особенностью ихъ отожествленіе *ѣ* и *е* (см. Р. Ф. В. 1886 г., № 1—2, 21 стр.).

[1] Въ Ригѣ писали, повидимому, писцы различно — въ зависимости отъ своей принадлежности къ той или иной школѣ: или на языкѣ Полоцка (см. Соболевскій. Полоцко-смоленскій говоръ) или Пскова (Шахматовъ. Очеркъ, 326).

Въ Лекціяхъ А. И. Соболевскій высказывался за утрату уже въ XII—XIII в. сколько-нибудь замѣтнаго различія между *ѣ* и *е* въ полоцко-смоленскомъ говорѣ и за отсутствіе въ немъ перехода *ѣ* въ *и* (Лекціи[4], 70, 36 стр.) А. А. Шахматовъ въ своей «Фонетикѣ» полоцко-смоленскіе памятники съ точки зрѣнія употребленія *ѣ* и *е* отнесъ къ «II и III категоріи», т. е. къ памятникамъ тѣхъ именно нарѣчій, гдѣ книжному употребленію буквы *ѣ* всюду соотвѣтствовалъ звукъ e^{i}, т. е. гдѣ $\underset{\frown}{i}e^{i}$ и $\underset{\frown}{i}e^{a}$ совпали въ монофтонгѣ e^{i} (Изслѣдованія въ области русск. фон., 157 стр.). Въ «Очеркѣ» А. А. Шахматовъ, предполагая въ западныхъ говорахъ сѣверно-русскаго нарѣчія (всѣхъ) измѣненіе *е̯ӓ* въ *і̯е*, а *і̯е* въ *і̯ê* (327 стр.), пользуется уже древнѣйшими памятниками полоцко-смоленскаго говора для построенія судьбы звука *ѣ* въ восточно-русскомъ нарѣчіи, т. е. допускаетъ здѣсь полное вытѣсненіе сѣверно-русской основы восточно-русскими элементами (Очеркъ, 343—344 стр.).

Такимъ образомъ, въ толкованіи показаній полоцко-смоленскихъ рукописей по данному вопросу ак. А. А. Шахматовъ сошелся съ ак. А. И. Соболевскимъ (Ср. В. Розовъ. Значеніе грамотъ XIV и XV в. для исторіи малорусск. яз. Унив. Из. 1907, № 5, стр. 14—15).

Къ акад. А. И. Соболевскому тѣсно примкнулъ и ак. Е. Ѳ. Карскій, признавъ «несомнѣннымъ тотъ фактъ, что смѣшеніе *ѣ* и *е* въ старыхъ западно-русскихъ (см. примѣры изъ полоцко-смоленскихъ грамотъ. Бѣлоруссы, т. II, 236 стр.) памятникахъ указываетъ на совершенное исчезновеніе съ древнихъ временъ въ бѣлорусскомъ нарѣчіи особаго звука *ѣ* и на замѣну его посредствомъ *е*» (ib., т. II, 238 стр.).

Но иначе смотрѣлъ на этотъ вопросъ Л. Л. Васильевъ. Онъ допускалъ существованіе цокающе-икающихъ говоровъ съ твердымъ *р* и другими западно-русскими особенностями въ предѣлахъ Полоцко-Смоленской области, и отраженіемъ ихъ, съ его точки зрѣнія, являлись Лѣтопись Авраамки и Соф. Ев. XIV в. № 2 (Л. Л. Васильевъ. Богдановскій Златоустъ. Изв., X, 3, 305, 308 стр.). Но внимательный лингвистическій и филологическій анализъ, которому подвергли Лѣтопись Авраамки Е. Ѳ. Карскій и особенно А. А. Шахматовъ, выяснилъ сложную исторію текста этого памятника. Кромѣ того, въ языкѣ этого памятника, представляющаго, какъ доказалъ А. А. Шахматовъ, не подлинную рукопись

Авраамки, а лишь копію съ нея XVI в., можно предполагать отраженіе новгородскихъ и псковскихъ особенностей его оригиналовъ (Новгородскія черты: 1) смѣш. *ѣ* и *и*; 2) *ѣ* на мѣстѣ *é* передъ мягкимъ слогомъ и 3) дальнѣйшій переходъ этого *ѣ* въ *и;* 4) можетъ быть, примѣры *е* вмѣсто *я:* слышети 51; держелъ 275 б (печелемь 435 б —, конечно, описка; проявлеше 141 б — вѣроятно, дѣепричастіе); 5) смѣшеніе *ц* и *ч* и нѣк. др. Псковскія особенности: 1) смѣш. *ж* и *з*, *ш* и *с* (довольно слабо отразившееся); 2) *и* вм. *е* въ неудар. слогахъ; 3) аканье, а также нѣкоторые графическіе пріемы, роднящіе эту рукопись съ чисто псковскими текстами). Въ виду этихъ фактовъ пользованіе Лѣтописью Авраамки для какихъ бы то ни было заключеній о фонетикѣ полоцко-смоленскихъ говоровъ представляется крупной методологической ошибкой.

Что касается Соф Ев. № 2, то тѣ особенности его графики, на основаніи которыхъ Л. Л. Васильевъ высказалъ мнѣніе о принадлежности его Полоцко-Смоленской области (случаи: обращеть 62 об.; 203; градъи 123; градеть 73; ср. наоборотъ: въ виноградѣ), необходимо разсматривать въ связи съ цѣлымъ рядомъ другихъ чертъ его текста, которыя въ высшей степени ярко обнаруживаютъ искусственный и своеобразный характеръ графики этого интереснаго памятника.

I. Прежде всего въ немъ обращаетъ на себя вниманіе полное смѣшеніе *ъ* и *ь* и замѣняющихъ ихъ *о* и *е*: блгодѣтъ 2; не смыслъна 3 об.; облещъ 4; съвъкуплъшасѧ 4; глющъ 4 об.; шъдъшею 4 об.; члвчъ 5 об.; съшъдъи 6; почърпавъшеи 9; областъ 10 об.; двьръ 27 об.: заповѣ|дъ 28; начънъше 34; печало ваша 39; зомию 48; жьротвьникомь 88—88 об.; четъıро 60, 134; въıпло 203 об.; въсу 51 об. bis и друг. под.

Искусственность письма усиливается оттого, что *о* и *е* замѣняютъ не только исконные *ъ* и *ь*, но и являются простыми вставочными буквами: бо|рашно 12 об.; пе|ришьдъше 13 об.; хо|лѣбъı 12 об.; го|лаголѧ 2; по|равьда 45 об.; золатомь 88 и др. (по большей части — въ концѣ строкъ).

Такимъ образомъ, на основѣ юго-славянскихъ графическихъ пріемовъ у русскаго писца создалась очень запутанная безсистемность въ употребленіи *ъ* и *ь*, а также ассоціировавшихся съ ними буквъ *о* и *е*.

II. Нерѣдко также наблюдаются юго-славянскія сочетанія trъt, trьt, tłъt на мѣстѣ русскихъ tьrt, tъrt: млъваща 69 об.; исплънишасѧ 121; чрьвленую 131 об.; оумлъкнеть 164; мрътовъıихъ 168; мрьтвъ 191 об.; скрьбь 198; скръбѧщемъ 211 и др.

III. Въ высшей степени любопытной графической особенностью рукописи является смѣшеніе твердыхъ и мягкихъ сочетаній *ра*, *ла*, *ру*, *лу* и т. п. съ *ря*, *ля*, *рю*, *лю* и т. п.: твору 11; 21 об.; 28; 29 bis; 35 об.; 151 об.; 196 об.; сътвору 24 об.; 37; 144 об. bis; 163 об.; 164; 192; створу 35 об.; 36; 146; разору 146; 177 об.; оузру 39; обращеть 62 об.; мору 102, 243; градъıи 123; блудете 42 об.; градеть 73; обращеть 62 об.; 203; цѣлюкте 47; въсу 51 об. bis; голюби 6 об.; възлагуть 60 об.; послу 202; съблудахъ 219; блуду 89; 201 об.; забнеть 101; съблазнатьсѧ 198; ср. одеждѧ 56; суждю 148 об. и др.

IV. Любопытны удвоенія буквъ: а) въ формахъ склоненія: въ прито|чаахъ 67 об.; въ мучьнаахъ ситахъ 67 об.; на съборищиихъ 69; числаа 208; шьдъшаа 208; ѿ нииихъ 219; б) въ серединѣ словъ: заaповѣдь 96 об.; съвѧзаавъше 213 об.; в) въ началѣ: ккгда 100 об.; ср. вставку *и*—оумъıихъ 211; съказаихъ 220.

V. *ы* вм. *и*: въспътанъ 116; вниде витатъı 167; сърь 215.

VI. Слабы слѣды смѣшенія юсовъ: слъıшать прѣмоудрость соломонѧ 62 об.; възлагаяють 104; видиши ли сия жену 125 об.; большю сея иноя нѣсть 163 об.

VII. Отсутствіе іотаціи — лишь въ собственныхъ именахъ; мариа 237, 236; григориа 243 об.; порфу|риа 254; прокопиа 252 об.

VIII. Паденіе формъ склоненія: о словесехъ бл҃годѣть 116 об.; грабления и несътость 201 об.; до дворъ архиереова 213; дх҃ъ ст҃го испълниться 260 об.

IX. Наличіемъ въ оригиналѣ *шт* (ср. нерѣдкія формы съ *шт*: повѣдающте 141; аште 161; обрѧштеть 164; плачуштюсѧ 194; гл҃ющте 196 об. bis; вѣроующте 196; аште хоштю 196 об.) объясняется *ш* вмѣсто обычнаго въ памятникахъ *щ*: хошю 118 об.; съборишю 134 об.; иша 141 об.; идушю 150 и др.

Тѣ графическія особенности этой рукописи, которыя можно признать

за отраженіе діалектическихъ чертъ говора ея писца, не даютъ права увѣренно говорить о полоцко-смоленскомъ ея происхожденіи.

Въ ней находимъ довольно ярко выраженными слѣдующія черты:

1) замѣну *ч* черезъ *ц*: оуценици 7 об.; 50; 111 об.; въ притъцахъ 39; цлвци 50; кънигъция 109; обаце 140; цада 202; цьто 206 и др.; обратно *ч* вм. *ц*: не пьчитесѧ 48 об.; жьрьчемъ 59; слѣпьчѧ 96; жьрьчю 118 об.; цвѣтьча 139 об.; члвчи 191 об.; въ человѣчѣхъ 251 и др. под.; ср. начѧ оутапати въскритѧ глѧ 83 об.

2) переходъ *ѣ* въ *и* (см. примѣры выше въ главѣ II).

3) Можно бы говорить объ отвердѣніи конечнаго *т* въ 3 лицѣ глаголовъ, если бы не замѣнялось часто графически конечное *ь* черезъ *ъ* и послѣ другихъ согласныхъ (ср. выше): можетъ 5; чьтетъ 10 и др.; ср. кстъ 6 об.

Менѣе достовѣрны съ фонетической точки зрѣнія въ виду значительнаго количества ошибокъ въ рукописи слѣдующія особенности:

1) *е* на мѣстѣ *я*: боле зелиѥ ѥсть 67; ѿ търниѥ 223 об.; ср. *я*, ѧ вм. *е*: слышитѧ 65 об.; въ съ|коньчаниꙗ вѣка 68, 68 об.; за невѣрьствия ихъ 70 об.; что ѥсть знамениꙗ 197 об.; явитьсѧ знамени|ꙗ 199;

2) замѣна *о* через *а* (ср. яко родуѥтьсѧ — несомнѣнная описка): за(попр. на *о*)вуща 195; далъженъ ѥсть оумрети 223 об. — 224;

3) *и* вм. *е*: слъшаши (попр. на ѥ) 105 об.; ане|гили 168; съмижиша 65 об.; ѡ камени (попр. на ѥ) — нии 188;

4) *ш* вм. *с*: възвышивъисѧ 58; възвъшитьсѧ 104 об. (сомн.); въскъше 156;

5) *в* вм. *л*: прѣвомивъ 195 об.; сво|во 158; ср. бес пода 66; дъжьникъ 145;

6) *оу* вм. *въ*: оудворисѧ 195; ср. вуза 190 об.; оусърѣтениѥ 253; ср. сътороу 178 об.

Въ рукописи есть приписка, которая связываетъ ее съ именемъ новгородскаго архіепископа Моисія, «стѧжавшаго книгы сия». Множество описокъ, состоящихъ въ повтореніи буквъ, слоговъ, пропускѣ ихъ, въ перестановкѣ буквъ (ковранъ 110), слоговъ (скымо 82 об.), въ

смѣшеніи буквъ, особенно сходныхъ графически (ловъ|заи 177); рядъ ошибокъ, происшедшихъ отъ непониманія текста (сты я въ имѧ твоѥ); анаколуфы (чьто ѥсть знамениѥ и кончину вѣка 108) и другіе графическіе недостатки — мѣшаютъ точно выявить говоръ писца.

Нѣкоторыя черты этого памятника какъ бы ведутъ къ псковскимъ текстамъ (искусственные графическіе пріемы, смѣшеніе *е* — *я*, *о* — *а*, замѣна, хотя сомнительная, *с* черезъ *ш* и т. п.).

Примѣръ: въскритѧ глѧ 83 об. — напоминаетъ однородные факты въ Супральскомъ Сборникѣ кн. Одинцевичей (см. Шахматовъ. Нѣсколько замѣтокъ, 156 стр.). Однако случаи цоканья рѣшительно отличаютъ говоръ Соф. Еванг. № 2 отъ говора Григорія Ивановича.

Вообще же малонадежность фактовъ смѣшенія *въ* и *оу*, аканья, иканья, замѣны *с* черезъ *ш*, характеръ перехода *ѣ* въ *и*, не свойственный большинству псковскихъ памятниковъ, — все это побуждаетъ меня отказаться отъ признанія близости говора Соф. Ев. № 2 къ языку Пскова, тѣмъ болѣе связи этой рукописи съ полоцко-смоленскими текстами.

Итакъ, критерій, которымъ пользовался Л. Л. Васильевъ для прикрѣпленія «икающе-цокающихъ» рукописей къ Полоцко-смоленской области, именно соединеніе въ одномъ и томъ же памятникѣ иканья съ примѣрами отвердѣнія *р* — чисто графическаго характера, не надеженъ. И въ виду этого рукописи, въ которыхъ Л. Л. Васильевъ думалъ найти опору своему мнѣнію, не могутъ быть съ увѣренностью признаны «полоцко-смоленскими».

Тѣмъ не менѣе — само предположеніе о сохраненіи въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ бѣлорусскихъ говорахъ, особенно въ древній періодъ жизни бѣлорусскаго нарѣчія XIV—XVI в. (а слѣдовательно и въ части полоцко-смоленскихъ говоровъ) сѣверно-русскаго различенія *ѣ* и *е* является весьма вѣроятнымъ.

Спорадическіе случаи замѣны *ѣ* черезъ *и*, указывающіе на близость звука *ѣ* къ *и*, приведены изъ бѣлорусскихъ текстовъ акад. Е. Ѳ. Карскимъ (Бѣлоруссы, т. II, 255 стр.).

Факты перехода *ѣ* въ *и* — чаще передъ мягкими согласными, но иногда и передъ твердыми — наблюдаются въ Супрасл. Сборн. XVI в.,

который, по опредѣленію А. А. Шахматова, писанъ гдѣ-либо въ Друцкомъ повѣтѣ, но въ отдѣльныхъ частяхъ своихъ восходитъ къ смоленскимъ памятникамъ. Въ этой рукописи, насколько я могъ съ нею познакомиться по изданію нѣкоторыхъ статей ея въ Пол. Собр. Русск. Лѣт., т. XVII, и по описанію А. А. Шахматова, замѣчается тотъ же своеобразный характеръ замѣны *и* черезъ *ѣ*, какъ въ сѣв.-велик. текстахъ. Но сложный и спорный вопросъ о діалектическихъ наслоеніяхъ въ языкѣ Супрасльск. Сб. лишаетъ убѣдительности показанія этого памятника по вопросу о призношеніи *ѣ* въ потомкахъ полоцко-смоленскаго говора.

Однако гипотеза о томъ, что въ части полоцко-смоленскихъ говоровъ, даже послѣ наплыва восточно-русскихъ элементовъ, долго сохранялось сѣверно-русское различеніе *ѣ* и *е*, находитъ себѣ подтвержденіе въ общихъ соображеніяхъ объ этнографическомъ и лингвистическомъ обликѣ полоцко-смоленскихъ кривичей и въ нѣкоторыхъ данныхъ современной діалектологіи.

Обращу вниманіе на тѣсную связь памятниковъ сѣверно-русскаго типа (псковскаго или сходнаго въ нѣкоторыхъ чертахъ съ нимъ) съ Полоцко-смоленской землей. Напримѣръ, любопытно, что Ев. F. п. 1 № 17, которое ак. А. И. Соболевскій называетъ то новгородскимъ (въ статьѣ о полоцко-смоленскомъ говорѣ; ср. Л. Л. Васильевъ. Р. Ф. В. 1902 г., № 1—2), то полоцкимъ (Изъ исторіи русскаго языка. Ж. М. Н. Пр. 1901 г., № 10, 400 стр.), и въ которомъ помѣщенъ рядъ полоцкихъ вкладныхъ съ XIV в., по характеру употребленія *ѣ* и *е* очень близко къ псковскимъ рукописямъ, хотя не имѣетъ ни другихъ «псковизмовъ», ни «полоцизмовъ» (ср. дожгь 23 об.; 26 об.; 27).

Кромѣ того, не подлежитъ сомнѣнію фонетическое родство псковскихъ говоровъ съ частью полоцко-смоленскихъ. Вѣдь нѣкоторыя черты «псковскаго» говора заходили на западъ и югъ гораздо далѣе предѣловъ области Пскова, какъ шепелявое произношеніе *з′ с′*, напримѣръ, въ Рижской грамотѣ около 1300 г., въ Супрасл. Сб.

Это обстоятельство рождаетъ мысль, что часть «полоцко-смоленскихъ» говоровъ обнаруживала сходство съ древне-псковскими не только въ характерѣ произношенія «шипящихъ» и «свистящихъ», но и звука *ѣ* (ср. А. А. Шахматовъ. Очеркъ, 327).

Подтвержденіе этому я прежде всего нахожу въ данныхъ современной діалектологіи. В. М. Поповъ наблюдалъ въ сѣв.-смоленскихъ и ржевскихъ говорахъ болѣе узкое произношеніе древняго *ѣ* передъ мягкими согласными, чѣмъ исконнаго *e* въ томъ же положеніи — слѣдъ стараго различенія *ѣ* и *e* (напряженный ê, весьма близкій къ узкому *i*, на мѣстѣ стараго *ѣ* — въ словахъ v′èśit́, v′ènč′ik, d′èt́i ulèśi, klèt́, m′èt′, m′èśit′, z′ḿèj, p′èt′, v′èŕit́ — почти: ḿi^{e}śit́, źḿi^{e}j, śk′i^{e}m, ji^{e}xat′ — 232; обычно имѣемъ ê: d′êła, d′êt, xlêp, lês, jêža — 244; въ слогѣ конечномъ, слѣдующемъ за удареніемъ, для историческаго *e* имѣемъ звукъ ′ *a*, для *ѣ* — звукъ i). (Изв. II Отд., т. XVIII, кн. 3, 232, 244 стр.). Е. Ѳ. Карскій отмѣчаетъ вліяніе «новгородскаго говора» на судьбу звука *ѣ* «на сѣверныхъ окраинахъ» бѣлорусскаго нарѣчія, хотя приводитъ изъ этихъ мѣстностей лишь 2 примѣра «подлиннаго перехода *ѣ* въ *и*»: ись Э. Сб. 257 Ржев.; ивный — Порѣч. (Добров. IV, 264) (Карскій, Бѣлоруссы, т. II, 250 стр.).

Въ говорѣ сельца Жабина, Хорошевской волости, Рославльск. уѣзда, Смоленской губ., *ѣ* = e^{i} (закрытое *e*) ср. де^{i}ука (Сводъ матеріаловъ, собранныхъ М. Д. Ком. Смоленская губернія въ обработкѣ Н. Н Дурново, 209 стр., Р. Ф. В. LXII т.).

Совокупность этихъ данныхъ рѣшаетъ въ положительномъ смыслѣ вопросъ о существованіи полоцко-смоленскихъ говоровъ, сохранявшихъ даже послѣ внѣдренія восточно-русскихъ элементовъ свой сѣверно-русскій обликъ въ исторіи измѣненій звука *ѣ*. Вмѣстѣ съ тѣмъ исчезаютъ основанія отрицать возможность перехода *ѣ* въ *и*, по крайней мѣрѣ, при нѣкоторыхъ условіяхъ, общихъ съ говорами Пскова, въ нѣкоторыхъ говорахъ Полоцко-Смоленской области.

Однако, въ литературномъ языкѣ Полоцко-Смоленской области укоренились своеобразные пріемы въ употребленіи *ѣ* и *e*, которые, съ одной стороны, показываютъ, что литературному произношенію слагавшагося бѣлорусскаго племени былъ совершенно чуждъ переходъ *ѣ* въ *и*, но, съ другой стороны, не даютъ возможности опредѣлить точно характеръ звука *e* передъ твердыми согласными, въ который перешло *ѣ*, хотя дѣлаютъ вѣроятнымъ раннее произношеніе *ê* передъ мягкимъ слогомъ на мѣстѣ этимологическихъ *ѣ́* и *é*.

Въ самомъ дѣлѣ, полоцко-смоленскія грамоты съ точки зрѣнія употребленія *ѣ* и *е* можно раздѣлить на слѣдующія группы:

I. Грамоты, знающія лишь замѣну *ѣ* черезъ *е*; при чемъ примѣры такой замѣны, немногочисленные въ рукописяхъ начала и середины XIV в., съ конца XIV в. учащаются и выливаются въ систему обозначенія этимологическихъ *ѣ* и *е* одной буквой — *е*.

Таковы: копіи съ грамоты литовск. князя Герденя 1264 г. и съ грамоты Полоцк. князя Изяслава (Р. Л. А. XXV[а] и XXV[б]; въ XXV[а]: всемь темь; немечькому; на рѣзне; городе; в Ризе; но: вѣдомо, человѣкъ и т. п.; въ XXV[б]: всемь, всемъ, мне — при нерѣдкихъ примѣрахъ сохраненія *ѣ*); вкладная Ив. Никон. XIV в. (Ев. Погод. № 12, л. 128 об.: векъ, места, на Полоте, оу городе); грамота вдовы Полоцкаго князя Андрея съ дѣтьми въ Ригу (Палеографическіе снимки подъ редакціей Соболевскаго и Пташицкаго, № 43: *ѣ* нѣтъ совсѣмъ); грамота Смоленскаго князя Юрія Ивановича о союзѣ съ королемъ Ягелломъ 1386 г. (ib., № 39; ср. Р. И. Б., т. II, № 4); слѣдующія грамоты, напечатанныя въ Русско-Ливонскихъ Актахъ: XXXVII, CLII, CLIII, CLIV, CCL, CCLXV, CCLXXV (ср. Напьерскій. Грамоты, кас. сношеній Сѣв.-Зап. Руси съ Ригой. . ., № IV); ср. также во вкладной Андрея Даниьевича (Ев. Погод., № 12): собе — dativ.

II. Грамоты, употребляющія *е* на мѣстѣ *ѣ* передъ мягкими и твердыми согласными и знающія обратную замѣну лишь въ безудар. слогахъ и въ положеніи передъ мягкимъ слогомъ подъ удареніемъ.

Таковы: письмо Рижскаго митрополита къ князю Θеодору Ростиславичу (Р. Л. Акты, XXXIV: всемъ, ведомо — bis, чоловека и т. п., но: бѣрковъсковъ, мѣжи); XLIX — Р. Л. А.: мехъ, весили, измены и т. п.; но: дѣржялъ, будѣте; впрочемъ, еще: свободѣнъ; грамота 1284 г. — князя Θеодора Ростиславича къ рижанамъ (Срезневскій. Памятники др. письма и языка, 238; Соболевскій. Палеографическіе снимки, № 35: речь, ведаемь, летъ, на мѣсте и т. п.; но: сѣбе, роубѣжа, Лаврѣнтий и т. п.); вкладная князя Андрея Ольгердовича конца XIV в. (до 1399 г. Ев. Погод. № 12, л. 128: реку, рецеником, животе; но: вѣликии); CCXLIX — 1465 г. (Р. Л. А.): нетъ, здесь, у Ризе, на дорозе; но: помѣрли.

Сходные пріемы въ употребленіи *ѣ* и *е* отмѣчены А. А. Шахматовымъ въ нѣсколькихъ спискахъ грамоты 1229 г. (Фонетика, 146). Сюда же отнесу полоцкую грамоту полов. XV в. № 44 «Палеографическихъ снимковъ» Соболевскаго: суседомъ, мещанъ, ведь, нашее — ter; но: дѣржати, дѣржали.

III. Грамоты, знающія лишь замѣну *е* черезъ *ѣ* передъ мягкими согласными: въ Русско-Ливонскихъ Актахъ — LXXIV — договоръ Полоцка съ Ригой: вѣрхъ, рѣмѣнь, привѣзеть и т. п. (кромѣ того, въ книжной формѣ, изчезнувшей изъ живой рѣчи, или опискѣ: немцѣмъ; сомнителенъ также примѣръ: немѣць); CLXXII — нарожѣнью; *е* вм. *ѣ* послѣ *i* — ехати, възьедуть, поехати, поедь; XXXVIII: бласловлѣнье.

IV. Грамоты, употребляющія *ѣ* и *е* безразлично предъ твердыми и мягкими согласными: грамоты CCLXXIX; CCLXXX; CCLXIII; CCLXIV (Р. Л. А.; повидимому, здѣсь же надо упомянуть экземпляръ А договора Смоленскаго князя Мстислава Давид. съ Ригою и Готскимъ берегомъ 1229 г. (Русско-Ливонскіе Акты, прилож., № 1) и договоръ неизвѣстнаго Смоленскаго князя съ Ригой и Готскимъ берегомъ около половины XIII в. (ib., прилож., № 2) и др.

Съ орѳографіей этихъ памятниковъ я хотѣлъ бы сопоставить употребленіе *ѣ* и *е* въ Ев. XIII—XIV в. Погод. Собр. № 12. Евангеліе XIII—XIV в. Публ. Библ., Погод. Собр., № 12, въ которомъ находится рядъ полоцкихъ вкладныхъ XIV вѣка, признано А. И. Соболевскимъ новгородскимъ памятникомъ. Вслѣдъ за нимъ не включаетъ въ число полоцкихъ рукописей это евангеліе Е. Ѳ. Карскій (Бѣлоруссы, т. I, стр. 370 и слѣд.). Н. В. Волковъ также очень осторожно касается мѣста написанія этой рукописи указывая на то, что Ев. Погод. № 12, «отсутствіемъ замѣны *въ* посредствомъ *у* и наоборотъ не подходитъ къ смоленско-полоцкимъ памятникамъ, но въ то же время нѣкоторыми особенностями отдалено отъ новгородскихъ и псковскихъ».

Въ Ев. Погод. № 12 прежде всего обращаетъ на себя вниманіе смѣшеніе *ѣ* и *е*:

е на мѣстѣ *ѣ*: 1) передъ твердыми согласными: некы|я 3_1; коленома 35_2; нема 38_2; бесъ 78 об.$_2$; 86_1; 48 об.$_1$; повеленок 137_2; некогда 147 об.$_2$; пенъ 159_1;

2) передъ мягкими: вълезе 75_2; 79 об.$_1$; 127_1; имения 109 об.$_1$; 114 об.$_1$; 122_1; 137 об$_2$ и др.; прилепитьсѧ 131 об.$_2$;

3) на концѣ словъ: въ мире семь 25 об.$_1$; къ витсаиде 74 об.

ѣ на мѣстѣ *е*: 1) передъ твердыми согласными: ищѣта 12_2; къ кому идѣмъ 16_2; дѣснок 33 об.$_1$; одѣсную 54 bis.; 139 об.$_1$; 160 об.; повѣдоша 151_1; въ всѣмь мире 161_1 и нѣк. др.;

2) передъ мягкими: возлѣже 3 об.; дѣсѧтаꙗ 4_2; боудѣте 19_2; ищѣте 19 об.$_2$; аще прѣбоудѣте 26_2; девꙗтидѣсѧть 31_1; сѣльныꙗ 35 об.$_2$; на дѣсѧте 35_2 bis; повѣли 37_2; 41; 55 об. и мн. др.;

3) на концѣ словъ: обрѣтѣ 4 об.$_1$; 6_1; кдиначѣ 46 об.$_1$; оумрѣ 101_2; о родѣ voc. 158 об.$_2$ и др.

Изъ графическихъ явленій, связанныхъ съ употребленіемъ *ѣ*, отмѣчу рѣдкіе случаи замѣны *ѣ* черезъ *ь*, по преимуществу въ формахъ locat. на *-ѣхъ*: о хлѣбьхъ 75_2; вратьхъ 101_1; на бѣсьхъ 108_1; ср. прильжнѣ 148_2.

Одинъ разъ я встрѣтилъ *и* на мѣстѣ конечнаго неударяемаго *ѣ* въ locativ'ѣ: при клисѣи прорци 85 об.$_2$.

Изъ совокупности фактовъ смѣшенія *ѣ* и *е* — слѣдуетъ безспорный выводъ о полномъ совпаденіи *ѣ* и *е* въ говорѣ писца[1].

Такимъ образомъ, наблюденія надъ графикой полоцко-смоленскихъ грамотъ не даютъ опредѣленныхъ выводовъ о характерѣ произношенія

---

[1] Изъ другихъ языковыхъ явленій этой рукописи укажу:

1) Ненадежны для фонетическихъ заключеній единичные примѣры замѣны *о* черезъ *а*: кесть дивьна 82 об.$_2$; 136 об.$_2$; мала что можете 110_1; подъкапавають 154, ср. подъкопавають 153 об.$_2$. Ср. еще: велик исправлению 155_1.

2) Очень часты случаи ассимиляции *ъ* слѣдующему *и* въ 3 л. глаголовъ: сътворѧти и 11 об.$_2$; почтети и 22_1; хотѧхоути и 27_2 и т. п. Ср. оубиимъı и — пов. 82 об.$_1$; 121_2; 136 об. Ср. показавъı и 150 об.$_2$.

3) Представляютъ интересъ нѣкоторыя особенности въ употребленіи глухихъ, связанные, можно думать, съ извѣстными явленіями въ говорѣ писца. Здѣсь укажу: оумъкши 170_1 bis.

4) Въ области консонантизма заслуживаетъ вниманія лишь довольно частая мѣна *ц* и *ч*: вдовича 140_2; скрьжьцеть 158 об.$_2$; очьтъ 151 об$_1$; отроца 27 об.$_1$; 98 об.$_2$; чату 33 об.$_1$; ѿ сѣчи 33 об.$_2$; 51 об.; овца кдино 38_1; въ моуцьнъıихъ 42 об.; коньцаник 43; въ сконцаник 43 об.$_1$; пророцю 47 об.$_1$ и т. п.

ѣ въ Полоцко-Смоленской области, хотя не противорѣчатъ предположенію, что часть говоровъ, несмотря на вторженіе восточно-русскихъ элементовъ, сохраняла произношеніе *ѣ*, какъ *ê* передъ твердыми и мягкими согласными (грамоты III группы и, можетъ быть, нѣкоторыя II и I); другая —рано пережила процессъ перехода *ѣ* въ *е* откр. передъ твердымъ слогомъ.

Общіе итоги главы могутъ быть сформулированы лишь въ видѣ предположеній:

1) Полоцко-смоленскіе говоры діалектически переживали процессы измѣненій звука *ѣ*, общіе съ частью новгородскихъ и псковскихъ говоровъ, развивъ на мѣстѣ этимологическаго *ѣ*, особенно передъ мягкими согласными, звуки, склонные къ *и*.

2) Въ полоцко-смоленскихъ грамотахъ отразились два типа говоровъ: а) говоры съ переходомъ *ѣ* въ *е* откр. передъ твердыми и въ *ê* передъ мягкими согласными и б) говоры съ произношеніемъ *ѣ* какъ *ê* во всякомъ положеніи (подъ удареніемъ).

ГЛАВА V.

О звукѣ *ѣ* въ говорѣ Москвы XIV—XVIII вв.

Исторія русскаго литературнаго языка таитъ въ себѣ очень много неяснаго. Согласно общепринятому мнѣнію, въ основѣ современнаго литературнаго языка лежитъ приказный языкъ Москвы XV—XVI вв. (по Будде—XIV—XV вв. См. его рецензію на курсъ русск. грамматики Богородицкаго. Изв. II Отд. т. X, 1, 416—417 стр.; ср. Шахматовъ. Очеркъ современнаго русскаго литературнаго языка. Курсъ 1911—1912 г., 13 стр.), всосавшійся въ чужеземный организмъ книжнаго, церковно-славянскаго языка, выработавшагося въ Кіевѣ. Историческая фонетика этого дѣлового языка Москвы опредѣляется, главнымъ образомъ, звуковыми измѣненіями московской *κοινή*, образовавшейся изъ сліянія восточно-русской и сѣверно-русской стихій. При такомъ пониманіи судебъ литературнаго языка, самъ-то дѣловой, приказный языкъ, легшій въ его основаніе, представляется не имѣющимъ предшествующей исторіи, выходящей за предѣлы образованія Московскаго государства.

И обычно изложеніе исторіи литературнаго языка начинается съ исторіи церковнаго языка, съ возстановленія его фонетики, создавшейся путемъ русскаго произношенія иноязычныхъ звуковъ и окрашенной южно-русскими звуковыми элементами, и съ опредѣленія слѣдовъ этого церковно-малорусскаго вліянія въ фонетикѣ московскаго говора (звукъ γ).

Покончивъ съ церковнымъ языкомъ, изслѣдователи (акад. А. А. Шахматовъ, проф. Е. Θ. Будде) далѣе занимаются выясненіемъ процесса созданія московской амальгамы изъ восточно-русскаго вокализма и сѣверно-русскаго консонантизма и изображеніемъ ея эволюціи.

Связь дѣлового языка Московской Руси съ языкомъ господствующихъ классовъ тѣхъ государственныхъ образованій, которыя раньше выполняли ту же объединяющую роль, что и Москва — въ послѣдующій періодъ (т. е. Кіевскаго и затѣмъ Ростово-Суздальскаго государства), изслѣдователями или замалчивается или отрицается. Такъ акад. А. И. Соболевскій въ своей лекціи о русскомъ литературномъ языкѣ говоритъ: «Дѣловой языкъ до-монгольскаго періода былъ не что иное, какъ живой русскій языкъ со всѣми его мѣстными особенностями. Иначе говоря, документы, напр., Новгорода XII—XIII вѣковъ писались на томъ языкѣ, которымъ тогда говорили въ Новгородѣ, конечно, съ присоединеніемъ архаическихъ формулъ, безъ которыхъ не обходился и не обходится юристъ. Дѣловой языкъ Московской Руси былъ живой языкъ московскаго и подмосковнаго населенія» (Труды I съѣзда преподавателей русскаго языка, СПб. 1904, 366 стр.). Въ такомъ пониманіи исторія дѣлового языка совершенно совпадаетъ съ исторической діалектологіей. Но въ этой концепціи игнорируется объединяющее значеніе господствовавшихъ культурныхъ центровъ, гдѣ могли вырабатываться особыя нарѣчія, своеобразныя κοιναὶ διάλεκτοι, сглаживавшія рѣзкія діалектическія особенности окружающихъ народныхъ говоровъ путемъ взаимной ассимиляціи сталкивавшихся въ этихъ центрахъ говоровъ и нивеллировки ихъ наиболѣе яркихъ отличій. А. А. Шахматовымъ съ достаточной убѣдительностью выяснена объединяющая роль языка Кіева въ періодъ его политической и культурной гегемоніи (Ак. А. А. Шахматовъ. Введеніе въ курсъ исторіи русскаго языка. Петрогр., 1916 г., стр. 80—87), и указаны основанія для гипотезы объ образованіи въ Кіевѣ своеобразной κοινή, прони-

кавшейся элементами церковнаго языка, но не совпадавшей съ нимъ какъ по своему морфологическому и лексическому, такъ и звуковому строю. Но, допуская по основаніямъ апріорнымъ вліяніе кіевскаго юга на всю языковую жизнь древней Руси, мы должны на основаніи культурно-историческихъ фактовъ сдѣлать и другое допущеніе, что сложившаяся въ Кіевѣ κοινή легла въ основу языка господствующихъ классовъ формировавшагося въ Ростово-Суздальской землѣ Великорусскаго государства. Полныя глубокаго интереса наблюденія проф. А. Е. Прѣснякова надъ процессомъ образованія Великорусскаго государства подтверждаютъ эту гипотезу разнообразными указаніями на живучесть «стародавнихъ» кіевскихъ традицій и организацій [1].

Вмѣстѣ съ тѣмъ косвенную опору эта гипотеза пріобрѣтаетъ въ томъ, что она легко и просто, безъ всякаго противорѣчія съ лингвистическими, этнографическими и историческими данными, разрѣшаетъ вопросъ о томъ «средне-русскомъ говорѣ», который не имѣлъ въ древности никакихъ рѣзкихъ особенностей, и древнѣйшими памятниками котораго считаются ростовскія рукописи первой четверти XIII в. (см. Соболевскій. Лекціи[4], 37 стр.). Отсутствіе или, вѣрнѣе, скудные остатки смѣшенія *ч* и *ц* въ древнѣйшихъ ростово-суздальскихъ текстахъ, отражающихъ говоръ интеллигенціи Ростово-Суздальской области, естественно приписать вліянію сложившейся въ Кіевѣ κοινή. Кромѣ того, представляется вѣроятнымъ, что этотъ говоръ, выдѣлившійся изъ родной обстановки еще до паденія глухихъ и развитія результатовъ этого процесса [2] и попавшій въ новыя климатическія и сосѣдскія условія, отъ которыхъ также зависятъ фонетическія измѣненія, пересталъ стремиться къ тому фонетическому состоянію, которое развивалъ на старомъ мѣстѣ, и сталъ развивать новое, ассимилируясь постепенно съ вливавшимися въ него сѣверно-русскими элементами (ср. методологическія замѣчанія Л. Л. Васильева въ изслѣдованіи: «Къ характеристикѣ сильно акающихъ говоров

---

[1] Ср. А. А. Шахматовъ. Краткій очеркъ исторіи малорусскаго (украинскаго) языка. Украинскій народъ въ его прошломъ и настоящемъ. Петроградъ. 1916, стр. 704.

[2] Ср. о XII в. у А. Е. Прѣснякова. Образованіе Великорусскаго государства, 35 стр.

ровъ. Р. Ф. В. 1907 г., № 4, 250 стр.) и одновременно самъ вліяя на языковую жизнь Сѣверо-Восточной Руси. Исторія этого языка господствующихъ классовъ слагавшагося Великорусскаго государства осложнилась съ перемѣщеніемъ центра политическихъ, культурныхъ и религіозныхъ интересовъ въ Москву. Перенесенный изъ Владимирскаго великаго княжества въ Московскую вотчину — этотъ говоръ, сохраняя южно-русскую основу и сѣверно-русскія наслоенія, глубоко внѣдрившіяся въ нее, подъ натискомъ восточно-русскихъ элементовъ воспринялъ отъ нихъ удареніе и распредѣленіе экспираторной силы. Необходимо при всѣхъ измѣненіяхъ въ строѣ этого разговорно-интеллигентскаго языка, связанныхъ съ рядомъ культурно-историческихъ процессовъ, учитывать послѣдовательно длившееся воздѣйствіе на него церковнаго языка. Мнѣ представляется вѣроятнымъ, что литературный языкъ — всегда консервативный — долго сохранялъ еще въ своемъ звуковомъ строѣ діалектическія особенности, воспринятыя съ юга, напр., произношеніе *в*, какъ *у̯*, и *г*, какъ γ (*h*). Произношеніе *в*, какъ *у̯*, которое, по остроумному замѣчанію ак. А. А. Шахматова, можетъ быть, держалось передъ *у* упорнѣе, чѣмъ, напр., передъ *а* или *ы*, ярко отразилось въ Лаврент. Сп. Лѣтоп., въ особенности на первыхъ его сорока страницахъ: ноору, по пилатоу, протиоу и т. п. (ср. Шахматовъ. Очеркъ, 294 стр.)[1]. Еще дольше держалось южно-русское произношеніе *г* (γ) не въ отдѣльныхъ церковныхъ словахъ, а какъ довольно послѣдовательно проведенная особенность литературной рѣчи. Въ пользу такого утвержденія рядъ данныхъ указанъ ак. А. А. Шахматовымъ (Очеркъ современнаго русскаго литературнаго языка. Глава о малорусскомъ вліяніи).

Обращу вниманіе на слѣдующія наблюденія и разсужденія автора «Anfangs-Gründe der Russischen Sprache» (1731 г.):

«*г* zeiget in den Zahlen 3 an und wird fast wie ein *h* pronunciret, als Герасимъ liess Herassim, того — liess toho.

Hierbei ist zu mercken, dass in der Russischen Sprache die eigentlichen Buchstaben H und G auch noch einige andere mehr fehlen ohngeachtet sie

---

[1] Ср. примѣры изъ другихъ памятниковъ у Соболевскаго (Лекціи[4], стр. 141) и у Крымскаго (Деякі непевні крітерії, 4 стр.).

von grossem Nutzen sehn würden, indem sehr viele mit dem Munde ausgesprochene Wörter durch die gewöhnliche Russische Caractere nicht können ausgedrücket werden. Einige da sie den Mangel dieses G bemercket haben angefangen gedachten Buchstaben in diesem Caracter ґ auszufinden, so wie sich solches noch aus etlichen vor diesem gedruckten Büchern lesen lässet. Es wäre als wohl zu wünschen, dass die Cewohnheit aufkommen möchte, da der Caracter г das *h* und der Caracter ґ das *g* allezeit bedeuten mochten. Indessen aber muss man sich in die Zeit schicken wenn der Caracter г anstatt des *h* ung *g* untereinander und ohne Unterschied gebraucht wird» (3—4 стр.)[1].

Такимъ образомъ, въ сознаніи русскаго грамматика начала XVIII столѣтія буква *г* ассоціировалась со звукомъ γ[2]. Видѣть въ этомъ результатъ поздняго малорусскаго воздѣйствія на литературный языкъ не считаю возможнымъ, такъ какъ я ниже, идя по слѣдамъ ак. А. И. Соболевскаго, укажу преувеличенія въ гипотезахъ Будде и Брандта о сильномъ вліяніи малорусскаго духовенства на литературное произношеніе XVIII вѣка.

Изъ высказанныхъ мною соображеній слѣдуетъ, что исторія звуковъ литературнаго языка оказывается очень сложной, и судить объ эволюціи фонетическаго строя его исключительно по современному литературному произношенію и исторической фонетикѣ говоровъ того типа, среди которыхъ онъ въ данное время живетъ, было бы методологической ошибкой.

Поэтому, стараясь возстановить исторію звука *ѣ* въ литературномъ языкѣ Великорусскаго государства, я не дѣлаю исходнымъ пунктомъ изслѣдованія діалектологическихъ данныхъ о произношеніи *ѣ* въ нѣкоторыхъ средне-русскихъ говорахъ, близкихъ къ Москвѣ (напр., Рязанской губ.

---

[1] Ср. Богородицкій В. А. Діалектологическія замѣтки. IV. Московское нарѣчіе двѣсти лѣтъ назадъ, 5 стр.: «согласный *г* имѣлъ спирантное (придувное) произношеніе и въ концѣ словъ смѣнялся на *х*». Ср. въ письмахъ и бумагахъ Петра Великаго: денехъ 1, нахъ. Ср. также хрехомъ 15 въ Договорн. грам. 1448 г. (С. Р. Гр. и Дог. I, № 70).

[2] Ср. наблюденіе Рад. Ив. Кошутиħа надъ изчезновеніемъ литерат. произношенія γ въ говорѣ молодого поколѣнія въ словахъ: бóγъ, бóγу, блаγъ и т. п. Рад. Кошутиħ. Граматика руског језика. Петроградъ, 1919 г. Предговор, X.

См. Е. Ѳ. Будде. Къ исторіи великорусскихъ говоровъ; Дурново Н. Н. Краткій отчетъ... Тр. Моск. Діал. Ком., вып. 3; Б. М. Соколовъ. Къ вопросу о дифтонгическомъ произношеніи *ѣ* и *о* въ южно-великорусскихъ говорахъ. Русск. Фил. Вѣстн., 1917 г., № 3—4; Шахматовъ. Очеркъ, 128 стр.), а строю эволюцію измѣненій звука *ѣ*, главнымъ образомъ, на основѣ показаній памятниковъ и свидѣтельствъ старыхъ грамматикъ XVII—XVIII в.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію близость орѳографическихъ явленій, наблюдаемыхъ въ Лаврентьевскомъ Спискѣ Лѣтописи, къ графикѣ московскихъ грамотъ XIV вѣка, если исключить слабые слѣды мѣстнаго сѣверно-русскаго просторѣчія.

Въ особенности это обстоятельство отражается въ характерѣ употребленія *ѣ* и *е* въ этихъ рукописяхъ.

Съ этой точки зрѣнія повѣсть временныхъ лѣтъ по Лавр. Списку изслѣдована Н. П. Некрасовымъ (Н. П. Некрасовъ. Замѣтки о языкѣ «Повѣсти временныхъ лѣтъ» по Лаврент. списку Лѣтописи» СПб. 1897. Употребленіе є — 57—60 стр.; употребленіе *ѣ* — 68—70 стр.) и А. А. Шахматовымъ, который отнесъ ее вмѣстѣ съ группой московскихъ грамотъ XIV в. къ категоріи памятниковъ, не знающихъ смѣшенія *ѣ* и *е* и «ясно указывающихъ на такія нарѣчія, въ которыхъ звуки *е* и *ѣ* различались не качествомъ звука, а тѣмъ, что *е* было монофтонгомъ, а *ѣ* дифтонгомъ» (Фонетика, 156 стр.).

Отмѣченные въ этой части проф. Е. Ѳ. Будде (Фил. Зап. 1891 г., № 3, 34 стр.) и Н. П. Некрасовымъ (Замѣтки, 71 стр.) случаи замѣны *ѣ* черезъ *и* объясняются, какъ аналогическія образованія (впрочемъ, ср. передъ ꙁ; старищинъмъ 11_{23}).

То же строго правильное употребленіе *ѣ* и *е* легко наблюдать и въ остальной части рукописи, которую я изучалъ по любезно предоставленнымъ въ мое распоряженіе ак. А. А. Шахматовымъ фотографическимъ снимкамъ. Кромѣ сочетаній *ре*, *ле* — въ случаяхъ перваго полногласія, мы находимъ въ 1-мъ почеркѣ слѣдующія законныя исключенія изъ этимологическаго употребленія *ѣ*:

I. Колебаніе въ формахъ:

сде 97; 103об.$_2$; 132об.$_2$; рядомъ: сдѣ 119 об.$_2$; 144 об.$_1$ и др. под.;

ср. иде же 117_1; 122_2; 124_2; 129 об.$_2$ и др. при идѣже 122 об.$_1$; 152 об.$_2$; нынe 105 об.$_1$; но ср. нонѣ 133 об.$_1$; 134 об.; ср. боле 98 об.$_2$ ter; 103 об.$_1$; 116_1; 170_2; но: болѣ 139 об.$_1$.

II. Въ формахъ род. пад. прил. и мѣст. на *-ое* вм. *-оѣ*: братьи своєє 103 об.$_1$; братьѣ своєє 115 об.$_1$; своєк мт҃ре 121 об.$_1$; своєє 140_2; 171 об.$_1$; 144_2; но ср. своѥѣ волости 102_2; тоє 109 об.$_2$ bis; 112 об.$_1$; 115 об.$_1$; 117_1; 116_2 ter; 117 об.$_1$; 118 об.$_1$; 118 об.$_2$ и др. под.; сеѥ 102_2; ст҃оѥ 109 об.$_1$; 106_1; 118_2 и т. п.; но ср. ст҃оѣ бц҃ѣ 117 об.$_2$; иноє 98_2; римьскоє 168 об.$_1$ и т. д.; но ср. accusat. послы своѣ 163 об.$_2$; въ станы своѣ 161 об.$_1$; 162 об.$_1$; 164 об.$_1$; ср. также формы на *-иѣ, -ыѣ*: genetiv. великыѣ всеволожиѣ 156 об.$_2$; ср. 157 об.$_2$ — празднѣѣ, всточьныѣ 159 об.$_1$; 159 об.$_2$.

III. Въ церковныхъ словахъ: неделю 103 об.$_2$; расмотреньє 132 об.$_1$; по смотренью 154 об.$_1$; ср. то же въ Минеѣ 1095 г.; погыбель 134 об.$_2$; 135_1; но ср. ѡбитѣль 143_1. Ср. еще: ведро 153 об.$_2$; ведромъ 139 об.

IV. Въ формахъ locat.: в сусѣдє 125 об.$_1$; по ѡбѣдє 159 об.$_1$.

V. Въ формахъ imperativi: поидемъ 126_1.

Обращу вниманіе на то, что изъ словъ церковныхъ, которымъ въ народномъ языкѣ соотвѣтствуютъ полногласныя формы, *ѣ* послѣдовательно сохраняется въ словахъ: прѣщенья 127 об.$_2$; -ьє 133_2; 144_2; 142_2; -ьє 156_2; плѣненъ 133_1; плѣниша 159 об.$_2$; 162_1; 164 об.$_2$; поплѣнивше 159 об.$_2$; -иша 162_1, плѣноваху 159 об.$_2$; плѣнилъ 168 об.$_1$; ср. въ 3 почеркѣ Син. Сп. Новг. 1 Лѣтописи: поплѣни 141 об.

Обратную замѣну *е* черезъ *ѣ* находимъ лишь въ формѣ: лѣплѣ | ѣ 102_2 (оп.?).

Случаи *и* на мѣстѣ *ѣ* падаютъ на неударяемый конечный слогъ: на дѣдини 120_2; под нози 76; впрочемъ, ср. загорисѧ 140 об.$_2$ (особое образованіе?); ср. сѣдити 102 об.$_2$; видивъ 76; еще отмѣчу: печенизи 45 (оп.?).

Ѣ вм. *и* въ dat. sg.: стрыєвѣ 115 об.$_2$ bis (перенесено изъ оригинала?); ср. еще оженѣвсѧ 79 (анал. образ.) и обърѣна 8 (ср. А. А. Шахматовъ. Фонетика, 251 стр.).

Въ другомъ почеркѣ, которымъ написаны листы 157—157 об., 167—167 об., *е* вмѣсто *ѣ* находимъ: 1) въ словахъ: целованьи 157 об.$_1$; ср. цѣлова 167$_2$; 2) послѣ ꙇ: а) въ формахъ genet. на *-ое*—тоѥ 167$_1$ bis; 167$_2$; въ словѣ ѣхати: приѥ|ха 167$_1$; при|ѥхаша 167$_1$; приѥха 167$_1$; поѥхаша 167$_2$; поѥха 167$_2$.

Колебаніе между *ѣ* и *и* могу указать лишь въ формахъ: оулавчия, оулавчѣя 167$_1$.

Изъ совокупности приведенныхъ данныхъ объ употребленіи *ѣ* и *е* въ Лаврент. Спискѣ Лѣтописи вытекаетъ выводъ о различіи соотвѣтствующихъ звуковъ въ говорѣ писцовъ. Твердостью орѳографическихъ навыковъ писцовъ строгую систему въ употребленіи этихъ буквъ нельзя объяснить, во-первыхъ, потому, что этимологическій принципъ правописанія *ѣ* нарушенъ въ Лаврент. Лѣт. какъ разъ въ тѣхъ случаяхъ, когда, по апріорнымъ соображеніямъ слѣдуетъ ожидать вытѣсненія звука *ѣ* черезъ *е* въ самомъ говорѣ (формы locat. на *-ехъ*, imperat., слова на *-ениѥ*, *елъ*, genetiv. прил. на *-ое* и т. п.); во-вторыхъ, случаи замѣны *ѣ* черезъ *е* въ словахъ, произношеніе которыхъ въ народныхъ говорахъ, сохраняющихъ особый звукъ *ѣ*, не могло дать основаній для такой замѣны, настолько единичны (неделю 103 об.$_2$; другіе примѣры изъ «Повѣсти» у А. А. Шахматова), что никоимъ образомъ не могутъ служить опорой утвержденія о совпаденіи *ѣ* съ *е*; въ-третьихъ, сама по себѣ замѣна *ѣ* черезъ *е* безъ примѣровъ обратнаго смѣшенія не можетъ быть признаваема за отраженіе соотвѣтствующихъ фонетическихъ процессовъ, даже, если она представлена гораздо большимъ количествомъ примѣровъ, между тѣмъ случаи постановки *ѣ* вмѣсто *е* — совершенно исключительные — во всѣхъ почеркахъ Лаврентьевской Лѣт. наблюдаются въ опредѣленномъ положеніи — послѣ ꙇ: врабьѣве 33[1]; на заоутреѣ 162 а; (описки — лѣплѣ | ѣ 165 б; лѣплѣ | ѣ 102$_2$ (нумерація рукописи), давая, быть можетъ, нѣкото-

---

[1] Я думаю, что излишне доказывать — послѣ наблюденій надъ литературнымъ произношеніемъ XVII—XVIII в. проф. Е. Ѳ. Будде и ак. А. А. Шахматова — сохраненіе въ литературномъ языкѣ ранняго времени ударяемаго *е* въ разныхъ положеніяхъ безъ перехода въ *о* — подъ вліяніемъ принесеннаго съ юга книжнаго, церковнаго выговора. Этимъ я заранѣе смягчаю рѣшительный характеръ разсужденій Л. Л. Васильева въ Изв., XV, 3, 212 стр. Поэтому потробу л. 86, въ Лавр. Сп. надо считать опиской. Ср. Будде. Къ исторіи вел. гов., 259 стр.

рыя указанія на самый характеръ произношенія *ѣ* (*ѣ* близко къ *i̯e*); въ-четвертыхъ, спорадическіе примѣры замѣны *и* черезъ *ѣ*, даже если признать ихъ перенесенными изъ оригинала, все же могутъ намекать на склонность *ѣ* къ *и* въ литерат. языкѣ (*ѣ* = *i̯e* или *iᵉ*); въ-пятыхъ, помимо общаго сходства орѳографіи Лаврент. Лѣтописи съ группой московскихъ грамотъ того же вѣка, цѣлый рядъ лингвистическихъ и культурно-историческихъ фактовъ заставляетъ теснѣйшимъ образомъ связывать литературный языкъ Ростово-Суздальской государственной организаціи (т. е., говоръ господствующихъ классовъ политическихъ центровъ Ростово-Суздальской земли) съ тѣмъ языкомъ, который былъ принятъ въ московскомъ дѣлопроизводствѣ, а языкъ московскихъ грамотъ XIV вѣка, какъ на это обратили вниманіе А. А. Шахматовъ и вслѣдъ за нимъ Л. Л. Васильевъ, даетъ подтвержденіе для высказанной гипотезы о различеніи *ѣ* и *е* въ говорѣ господствующихъ классовъ слагавшагося Великорусскаго государства и о самомъ характерѣ произношенія *ѣ*, какъ дифтонгическаго сочетанія *i̯e* (см. ниже).

Въ высшей степени соблазнительно къ памятникамъ Ростово-Суздальской Руси отнести Сборникъ Чудова монастыря № 20, изданный и описанный В. Н. Щепкинымъ въ серіи: «Библіографическіе матеріалы А. Н. Попова» (Чтенія въ Общ. Ист. и Др. Росс. 1889 г., кн. III).

Большинство почерковъ этой рукописи (5 «главныхъ» и 8 «второстепенныхъ») датируется серединой второй половины XIV в. (Предисловіе, XXVIII стр.). Вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно, что говоры всѣхъ писцовъ этого сборника были очень близки другъ къ другу (XXV). Способъ написанія рукописи еще болѣе подтверждаетъ это мнѣніе о языковой близости писцовъ и принадлежности ихъ къ одной школѣ письма (VI—VII стр.).

Въ разсматриваемомъ памятникѣ нѣтъ несомнѣнныхъ примѣровъ цоканья, аканья (праславлаѥтъ са 123 b 17—, конечно, описка; двства 124 с 19—сомнительный единственный случай), смѣшенія *въ* и *оу*, словомъ, нѣтъ яркихъ ни южно-, ни сѣверно-великоруссизмовъ.

Изученіе графическихъ явленій, связанныхъ съ употребленіемъ *ѣ* и *е* въ этой рукописи привело В. Н. Щепкина къ выводу, что «*ѣ* въ языкѣ писцовъ сборника существовало, какъ особый звукъ, отличный отъ другихъ звуковъ» (XXV стр).

Въ самомъ дѣлѣ, въ Чудов. Сборникѣ не находимъ примѣровъ замѣны *е* черезъ *ѣ*: сѣрафими 142 с; хѣровимъ 139 d; хѣровимескъ 128 d 25; игѣмонъ 116 d 5; 117 b 13; гѣмонъ 116 с 30; 116 d; 21—22; аньгѣлъ 286 d 10; кѣлья 285 b и др. под. (при келья 285 с) — могли дѣйствительно имѣть звукъ *ѣ*. Ср. $\widehat{ie}$ въ иностранныхъ словахъ въ нѣкоторыхъ современныхъ говорахъ, напр., Егорьевск. у., Ряз. губ.

Буква *е* на мѣстѣ этимологическаго *ѣ* наблюдается въ тѣхъ же случаяхъ, какъ и въ Лаврент. Сп. Лѣтописи: кде 19 а 8; 17 d 21; иде 15 d 22 при сдѣ и т. п.; своѥѥ въ поч. А; телеса 9 а 2; телесна 30 d 10 и др. съ той же основой; обителище 31 а 3; обитель 253 b 13 и др.; погибель 109 а 23—24; ныне; повѣде 135 а; требе 144 d и нѣк. др.; ср. неделю 7 а.

Кромѣ того, *е* нерѣдко въ формахъ dat.-loc. мѣстоименій: тебе, себе, и въ корнѣ цвѣт- процветохъ 10 а 1; цветецъ 50 b 11; цветущю 103 b. Ср. еще: прети 145 d; конечнеѥ 203 а — (срав. степ.) описка или такое же образованіе, какъ тотемск. žуvè̦e, skor'é(ȷ)e (Ол. Брокъ Сборн. II Отд. Ак. Наукъ, т. 83, 24); ср. моск. формы на *-яе* — скоряе и т. п. до конца XVIII в.

Однако то обстоятельство, что въ говорѣ писцовъ Чудовск. Сборника буква *ѣ* въ ударяемомъ и неударяемомъ положеніи обозначала звукъ отличный отъ *е*, обнаруживается еще въ спорадическихъ примѣрахъ замѣны *ѣ* черезъ *и*, падающихъ на опредѣленныя условія или представляющихъ аналогическія образованія, но въ совокупности своей неоспоримо доказывающихъ особое произношеніе *ѣ*.

Помимо формъ глагола — вѣдѣти: повидите 18 с 25; оувидѣвъ 38 b; видѣ 96 а 1; 104 d; 251 b 15; оувидѣ 70 а 11; видѣлъ 107 а; провидитель 73 d 4—5; неисповидимъ 113 с 15; свидѣньє 297 d 11; оувидѣну 297 d и т. д. (ср. еще аналогическое образованіе: оприснокъ 78 d 15), сюда принадлежатъ: 1) формы съ переходомъ въ *и* того *ѣ*, которое находилось передъ слогомъ съ *и* подъ удареніемъ: осини 96 с; раздили 112 а 22; осинить 129 а 5—6 (ср. въ Лѣк. гов. Егор. у.: виников и т. п. при *ѣ* - i^{e} и $\widehat{ie}$); ср. на рицѣ 21 d 15—16;

2) нѣсколько сомнительныхъ примѣровъ, имѣющихъ *и* вмѣсто *ѣ* передъ *ꙗ*: бияше 49 d 29; лютии 107 b; грѣшниши 356 с;

3) слова, въ которыхъ *и* замѣнило *ѣ* въ конечномъ открытомъ неударяемомъ слогѣ: не годи 69 d 6—7; 14—15; 20; на сѣвери 98 d; на семь же мѣсти 264 b 18; ср. случаи перехода *ѣ* въ *и* въ конечномъ открытомъ слогѣ внѣ ударенія въ московскихъ грамотахъ, напр., въ Духов. № 10 (по копіи. XV в.): в ѹдѣли 86; въ Духов. № 12: в оудѣли 92; въ Дог. № 3: при Семени 33.

Конечно, изъ совокупности всѣхъ этихъ данныхъ можно сдѣлать выводъ лишь о закрытомъ, склонномъ къ *и* произношеніи звука *ѣ* и выставить предположеніе о дифтонгическомъ характерѣ его — по аналогіи съ Лаврент. Сп. Лѣтоп. На тѣсное родство съ Лавр. Лѣтоп. указываютъ нѣкоторые своеобразные пріемы замѣны *и* черезъ *ѣ* въ Чудовск. Сбор.

Если оставимъ въ сторонѣ описки: искѣпѣ 8 b 3; ꙗдѣнѣмь 254 b 1 (сѣцѣвѣмъ 298 а; ср. еще случаи: побѣдѣти 102 а; запрѣтѣша 257 d 17—18; въсхытѣвѣ; ср., впрочемъ, imperat. — мнѣсѧ 140 с; 293 b 2), то будемъ имѣть слѣдующія категоріи, въ которыхъ *ѣ* стоитъ вмѣсто *и*: dat. sg. — иѩрѣѩвѣ 15 b 9—10; acc.-plur.—вѣтвѣ 252 b 29 (оп.?); передъ *н*: чѣнове 98 b; левътгѣномъ 297 с; ср. въ суфф. -*ик* за удареніемъ: на свѣщнѣцѣ 96 d 4.

Мнѣ кажется, что здѣсь же надо упомянуть Ев. XIII—XIV в. Fп 1 № 12, въ которомъ, при довольно яркомъ отраженіи графическихъ пріемовъ, укоренившихся подъ юго-славянскимъ вліяніемъ, не замѣчается рѣзкихъ діалектическихъ особенностей (*тъ* въ 3 л. глаг.).

Ѣ не смѣшивается съ *е*. Ср. лишь ве | дѧхоу 186_2.

И вм. *ѣ* лишь въ формахъ: первиѥ 114_1; 182_2; оудобиѥ 160_1; ср. оудобѣѥ 134_1.

Показанія всѣхъ этихъ памятниковъ о характерѣ орѳографіи *ѣ* и *е*, установившейся въ Ростово-Суздальской землѣ, рѣшаюсь сопоставить съ данными московскихъ грамотъ XIV и слѣд. вѣковъ.

Къ такому сопоставленію ведетъ меня и сходство дальнѣйшей судьбы звука *ѣ* въ зависимости отъ ударенія въ «средне-русскомъ говорѣ» съ аналогичными процессами говора г. Москвы.

Сошлюсь на писанное въ Переяславлѣ между 1389 — 1425 г.

(Волковъ Н. В. Статист. свѣдѣнія, № 62) діаконишкомъ Зиновіишкомъ Евангеліе, въ которомъ ударяемое *ѣ* послѣдовательно сохраняется, за слѣдующими исключеніями:

1. Обычно колебаніе между формами: иде же 137 об.$_2$; 141 и т. п.; ср. идѣ же 50 об.$_2$; зде 41 об.$_1$; 42$_2$ и т. п. при здѣ 45 об.$_{11}$; сдѣ 50 об.$_1$; где 138 об.$_2$; 73$_1$; 73$_2$; 97 об.$_2$; при гдѣ 77$_1$; 94$_1$; дондѣже 105$_1$ при дондеже 108 об.$_1$; понеже 3 об.$_1$ при понѣ 3 об.$_1$ и т. д.

2. Но единичны другіе факты: довлеѥть 19 об.$_2$; ср. довлеть 149$_1$: ср. также на концѣ строки — довле | аше 4 об.$_1$.

Напротивъ, въ высшей степени показательны примѣры перехода неударяемаго *ѣ* въ *е*[1]: провиде | нъ 5 об.$_2$; по лѣтѣ 125$_2$; ваие-accus. 146$_1$; оудобеѥ 54$_2$; седѣти 56 об.$_1$; оунеѥ 153 об.$_2$; седѣвше 4 об.$_1$; видети 50 об.$_1$; ср. ѡбители 148 об.$_2$; ѡбитель 119$_2$; 149 об.$_1$ при коупѣль 132 об.$_1$; 141$_1$; въ скудѣлници 119$_2$; скудѣлы 87 об.$_2$.

Случаи обратной замѣны *е* черезъ *ѣ* оказываются описками: ѡцѣпѣнѣ | ваѥть 65$_2$; сицѣ | бѣ 82 или совпадаютъ съ такими же явленіями въ Лавр. Лѣтоп.: добрѣѣ 66$_2$ (оп.?).

Совершенно одинакова судьба *ѣ* въ московскихъ грамотахъ.

Послѣдовательное сохраненіе буквы *ѣ* въ большинствѣ московскихъ грамотъ XIV — XV вѣка не разъ останавливало на себѣ вниманіе изслѣдователей русскаго языка, но вызывало діаметрально противоположныя объясненія. Ак. А. А. Шахматовъ рѣшительно настаивалъ на фонетическомъ характерѣ этихъ фактовъ и букву *ѣ* этихъ памятниковъ понималъ, какъ знакъ дифтонгическаго сочетанія *i̯e* (Фонетика, 143, 156 стр.).

Отличіе *ѣ* отъ *е* въ живомъ московскомъ произношеніи XIV и слѣд. вѣковъ защищалъ и Л. Л. Васильевъ, давая ему свое толкованіе (Изв., XV, 3, стр. 199 и слѣд., особ. примѣч. 1 на 199 — 201 стр.).

Но А. И. Соболевскій утверждаетъ, что «средне-русскіе памятники

---

[1] Подробно о зависимости рефлексовъ *ѣ* отъ ударенія см. въ VI главѣ. Во всякомъ случаѣ, необходимо допустить, что и до перехода въ *е* неударяемое *ѣ* по своему звуковому характеру отличалось отъ *ѣ* подъ удареніемъ, очень рано превратившись въ монофтонгъ.

XIII — XIV вв. представляютъ интересныя исключенія изъ традиціоннаго употребленія *ѣ*, указывающія на отсутствіе для ихъ писцовъ различія между *ѣ* и *е*» (Лекціи[4], 70 стр.).

Однако это утвержденіе не оправдывается орѳографіей московскихъ грамотъ. Приведу примѣры замѣны *ѣ* черезъ *е* изъ московскихъ грамотъ XIV в., которыя я изучалъ по изданію ихъ въ Собр. Госуд. Гр. и Дог. (Москва, 1813 г., ч. I), свѣривъ предварительно съ фотографическими снимками А. А. Шахматова (но оставлю въ сторонѣ формы: Володимеръ и Володимерь, нерѣдко имѣющія *е* даже въ тѣхъ сѣверно-русскихъ памятникахъ, въ которыхъ *ѣ* совпало съ *и*; ср. переходъ *и* въ *е* передъ *р* въ современныхъ с.-в. говорахъ):

Въ Духовн. Калиты № 1 (С. Гр. и Дог., № 21): ее; моее.

Въ Духовн. Калиты № 2 (Собр. Гр., и Догов., № 22): ее 52; моее 39; нашее 76. Отмѣчу еще: на кержачи 81; ср. въ Дух. № 11 (коп. XV в.): на кѣржачи 28; ср. въ Дух. № 12: на киржачѣ 26.

Въ Духовн. Сим. 1353 г. № 3 (Собр. Гр. и Дог., № 24): genet.: моее 33; володимерьское во | лости 18; нее; своее; ср. деигунинь | ское 15 — 16; ср. въ Дух. № 1 и № 2; дѣигуниньское 39; но въ формахъ nom-acc. plur. здѣсь: боярьскиѣ лю̂ 32; посельскиѣ 37.

Въ Духовн. Ив. Ив. 1356 г. № 4 (Ср. Гр. и Дог., № 25): ее 13 bis; 60 bis; ис тамги ис московьское 41; ис тамги ис коломеньское 70; моее; но ср. костки московьскиѣ 71; дш҃нъıѣ; бортници вѣчнъıѣ 8; численъıѣ вар̂ 8.

Въ Дух. Ив. Ив. № 5 (С. Гр. и Дог., № 26): ее 20, 33, 60, 61; ис московьское 42 bis; коломеньское 69; моее княгини — gen. 44; ср. nom.-acc. plur.: бортници купленъıѣ 8, оц҃и дш҃внъıѣ 77 и др. под.; ср. костки московскии 70.

Въ Духовн. 1371 г. № 6 (С. Гр. и Дог., № 30) нѣтъ примѣровъ *е* на мѣстѣ *ѣ*.

Въ Духовн. 1389 г. № 7 (С. Гр. и Дог., № 34): своее 4; 145; моее 98; 83; 85; 86; ее 86; 89; 95; 101; 145; 146 и др. под. Отмѣчу здѣсь формы: старишей 8; 13;—его 148;—ему 132.

Кромѣ того, укажу на послѣдовательное сохраненіе *ѣ* въ формахъ

gen. sg. на -*ыѣ*, -*иѣ* и въ форм. nom.-acc. plur.: болшиѣ братьи 102; съ скирменовъскиѣ слободки 114; волости можаискиѣ 37 и мн. др.

Въ Духовн. Вас. Дмитр. ок. 1406 г. № 9 (С. Г. Гр. и Дог., № 39): формы genet.: матери моие 16, 17; казны моие 75; оу своие матери 42; ее 53 bis; 54; оу нее 86; сее грамоты 91 — 92.

Ср. еще: дотоле 23 (ср. дотолѣ 24); формы acc.-nom. plur.: волости коломенские 10; села княгининские пошлые 22; ср. ib. 23; которые села 25; фоминские села 33; федоровские села 34, 40; свибловские 34 и др.

Въ Духовн. Вас. Дмитр. (второй) № 13 (С. Г. Гр. и Дог., № 41): формы genet.: своие матери 6; ее 59 bis; 68; 70 bis; 43 bis и т. д.; 39 bis; сее 96; моие 73; тамги московские 29; формы nom.-accus. plur.: волости коломенские 19; села малинские 22; белеутовские села 28; села онтоновьские 26; федоровские села 81 т. п. Ср. еще: опроче 70, 86. Ср. въ Дог. № 9 1384 г.: ѡпроче 8, 20; въ Дух. № 21а: опрочѣ 76.

Въ Духовн. Вас. Дмитр. (третьей) № 15 1424 г. (С. Гр. и Дог., № 42): своее 7; ее 26, 27; 36; 37 bis; 40 bis; 43; 44; 50; 51; 58 bis; 68, 71; сее 92; тамги московские 30—31; формы nom. accus. plur.: волости коломеньские 21; села малиньские 24; села онтоновские 28; белевутовские села 30 и т. п.; ср. опроче 67, 82, 86.

Въ современномъ спискѣ съ предыдущей грамоты № 16 (Моск. Ар. Мин. Ин. Д., № 28): ее 21 bis; 30; 31 bis; 34; 38; 44; 45; 51; 58; 60; 63; сее 81; тамги московьские 25; acc.-nom.: села малиньские 19; села онтоновские 22 и др. под.

Въ современной копіи съ Духовн. кн. Юр. Дмитр. № 17 (С. Г. Гр. и Дог., № 51) — уже встрѣчаемъ, какъ и въ другихъ духовныхъ грамотахъ съ пол. XV в., случаи замѣны *ѣ* черезъ *е* въ безударныхъ слогахъ.

Ту же орѳографію наблюдаемъ въ московскихъ договорныхъ грамотахъ: въ Договорной № 1 (С. Гос. Гр. и Дог., № 23) 1341 г.: целовали 2, 47; въ Дог. 1362 г. № 2 (С. Г. Гр. и Дог., № 27):

целованью 15; всякое—gen. 54; целовали 3; въ Договорной № 4—1371 г. (С. Г. Гр. и Дог., № 29): моее 8; твоее 3; ее 13 bis; московъское 8; на оборотѣ почеркомъ XV в. написано: при ѡлексѣе; въ Договорной № 5 — 1371 г. (С. Г. Гр. и Дог., № 31): целовали 49, 54; въ Дог. 1388 г. № 7 (С. Г. Гр. и Дог., № 33): целовали 3, 60; целовалъ 62; твоее 29; всꙗкыe 63; ср. acc.-nom. plur.: меншиѣ 4; земли даныѣ 43; которыѣ бояре 59; въ Дог. № 9—1389 г. (С. Гр. и Дог., № 35): целуи 1; по целованью 5; 44; —ье 45; ныне 43; своее 33 — 34; ср. своеѣ 40; твоее 36; кромѣ того: седѣли; въ Договорной № 12 — 1405 г. (С. Г. Гр. и Дог., № 38): целова 51; целовали 54; ср. своеѣ 41; твоеѣ 47; моеѣ 48; московьскиѣ 14, 17—18, и т. п.

Съ Договорной № 13 — 1428 г. (С. Гр. и Дог., № 43 и 44) — идетъ рядъ грамотъ, уже имѣющихъ извѣстное, сначала очень незначительное, потомъ увеличивающееся число случаевъ замѣны *ѣ* черезъ *е* въ положеніи безъ ударенія.

Такимъ образомъ, если мы оставимъ въ сторонѣ «собственныя» имена и форму: целовати, то всѣ примѣры замѣны *ѣ* черезъ *е* въ грамотахъ XIV в. окажутся лишь въ формах genet. sg. fem. им. прилагательныхъ и мѣстоименій (тоѥ, еѥ, московскоѥ и т. п. на -оѥ и -ѥѥ). Къ нимъ съ начала XV в. присоединяются формы nom.-acc. plur. прилагательныхъ на-ие,-ые. Ср., впрочемъ, уже въ Догов. № 7 gen.: всꙗкыe.

Для ак. А. И. Соболевскаго колебаніе между *ѣ* и *е* въ этихъ формахъ gen. sg. fem., acc-nom. plur. было главнымъ доводомъ въ пользу совпаденія *ѣ* и *е* въ языкѣ всѣхъ «средне-русскихъ памятниковъ» (тоѥ и т. п. при вѣчныѣ и т. п. Лекціи [4], 71 стр.).

Л. Л. Васильевъ прослѣдилъ колебанія въ написаніи этихъ формъ по московскимъ грамотамъ на протяженіи XIV — XVII вв. и сдѣлалъ попытку объяснить измѣненія въ ихъ орѳографіи (Изв. II отд., X, 2), но онъ не задалъ себѣ вопроса, какъ примирить послѣдовательную замѣну въ грамотахъ XIV в. *ѣ* на *е* въ формахъ gen. на -оѣ, -еѣ и столь же послѣдовательное сохраненіе написаній въ формахъ gen. sg., nom.-acc. plur. -иѣ, -ыѣ (ср. то же явленіе въ Лаврент. Сп. Лѣтописи). Конечно, само по себѣ написаніе *е* вмѣсто *ѣ* въ началѣ слога (т. е. въ

положеніи послѣ *i̯*), какъ на это указывалъ не разъ ак. А. А. Шахматовъ, не можетъ служить доказательствомъ совпаденія *ѣ* съ *e* (см. А. А Шахматовъ. Очеркъ, 325), такъ какъ встрѣчается во многихъ сѣверно-великорусскихъ рукописяхъ, несомнѣнно различавшихъ *ѣ* и *e*.

Однако ссылка на этотъ фактъ не уясняетъ, почему именно въ окончаніи -оѣ буква *ѣ* замѣнялась черезъ *e* въ грамотахъ XIV в., а въ окончаніи -иѣ сохранялась или по аналогіи замѣнялась черезъ *и*?

По моему мнѣнію, *e* въ формахъ gen. sg. на-ое, -ее является обозначеніемъ јота, кромѣ, б. м., формы-ее; впрочемъ, ср. діал.-ей; ср. въ грам. Лудольфа (ср. въ изслѣдованіи А. А. Шахматова о языкѣ новгородскихъ грамотъ, 156 стр.; ср. его же замѣчаніе въ «Очеркѣ» о написаніяхъ въ копіи XIII в. съ новгов. договора 1189 — 1199 г.: новгороцкоѥ вмѣсто новгороцкой, нѣмецкъѥ вмѣсто нѣмецкой и т. п.; ср. въ Ев. Fп. 1 № 13: съ мрьѥю ѡбрученоѥ 60_1 и др. под.)

Слѣдовательно, формы своѥѥ, нашеѥ и т. п. читались: своей, нашей и т. п. Отпаденіе въ этихъ формахъ *ѣ* и появленіе на мѣстѣ -оѣ, еѣ дифтонговъ *oi̯*, *ei̯*, вѣроятно, морфологическаго происхожденія, извѣстное по памятникамъ съ XIV в. (Соболевскій. Лекціи, 4 изд., 93 стр.) становилось возможнымъ благодаря тому, что въ великорусскомъ нарѣчіи къ тому времени уже произошелъ переходъ ый, ий въ ой, ей, и такимъ образомъ, соотвѣтствующіе дифтонги уже существовали въ языкѣ.

Напротивъ, отсутствіе въ литературномъ языкѣ XIV в. дифтонговъ *ый*, *ий* мѣшало развиться аналогичному процессу въ формахъ gen. sg. fem. им. прилагат. на -ыѣ,-иѣ.

Поэтому въ нихъ или сохранились старые формы на -ыѣ, иѣ или возникли образованія по аналогіи на ии, ыи (ср. Л. Л. Васильевъ. Изв. X, 2; Приложеніе II).

Возвращеніе къ первоначальнымъ формамъ на оѣ, еѣ въ литературномъ языкѣ XV—XVII вв. едва ли произошло безъ вліянія южно-великорусскаго нарѣчія. Ср. eé, яé въ южно-великорусскихъ говорахъ (Каринскій, Изв. VIII, кн. 2, 207; Соболевскій, Опытъ діал., 13—14 стр.).

Во всякомъ случаѣ, колебанія въ написаніи приведенныхъ формъ должны разсматриваться внѣ связи съ вопросомъ о произношеніи *ѣ* и *e*.

Итакъ, перечисленные примѣры достаточно характеризуютъ строго выдержаниую систему употребленія *ѣ* и *е* въ московскихъ грамотахъ XIV в. по нач. XV в.

Однако фонетическое значеніе этихъ данныхъ вполнѣ надежно можетъ быть опредѣлено лишь въ связи съ разсмотрѣніемъ послѣдующей судьбы *ѣ* въ московскихъ рукописяхъ XV—XVIII вв., по которымъ приходится возстанавливать звуковую исторію русскаго литературнаго языка.

А. А. Шахматовъ еще въ своемъ изслѣдованіи о языкѣ новгородскихъ грамотъ обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что съ XV в., когда ярко стало обнаруживаться вліяніе языка Москвы (дѣлового) на языковую жизнь разныхъ областей Московскаго государства, даже тѣхъ, которыя долгое время стояли въ сторонѣ отъ его воздѣйствія, какъ, напр., Новгородъ и Псковъ, «можно найти въ большомъ количествѣ грамоты съ замѣной безударнаго *ѣ* черезъ *е*» (216 стр.). То же наблюденіе сдѣлано А. Соколовымъ по отношенію къ документамъ XVII в. (Р. Ф. В. 1891 г., т. XXVI, 123—124 стр.).

Провѣряя это наблюденіе, *Л. Л.* Васильевъ установилъ замѣчательный фактъ послѣдовательнаго сохраненія буквы *ѣ* въ ударяемыхъ слогахъ и столь же послѣдовательной замѣны ея черезъ *е* въ безударномъ положеніи въ 142 московскихъ грамотахъ — съ 1520 по 1625 годъ. Онъ не колебался признать эту особенность за отраженіе живого московскаго говора (Изв., X, 2.). Тотъ же орѳографическій пріемъ *Л. Л.* Васильеву удалось найти въ рядѣ другихъ рукописей XVII в. московскаго происхожденія и въ старо-печатномъ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича (Изв, XV, 3). Подмѣтивши въ старопечатн. изд. Уложенія Алекс. Мих., въ Космографіи 2-й половины XVII в. и въ *Л*ѣтописи XVII в. колебаніе между *ѣ* и *е* подъ удареніемъ послѣ буквы *ц*—при болѣе рѣдкихъ исключеніяхъ изъ правила употребленія *ѣ* и *е* въ московскихъ памятникахъ послѣ другихъ согласныхъ, сохранившихъ палатализацію, и привлекши къ объясненію замѣченнаго явленія грамматическіе труды Сумарокова и Тредьяковскаго, которые согласно относили *ѣ* къ «острымъ», *е* къ «тупымъ звонамъ», *Л. Л.* Васильевъ пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1. Въ московскомъ говорѣ *ѣ* и *е*, независимо отъ характера слѣдующаго слога, были различными звуками до начала XVIII в., когда сталъ развиваться переходъ *е* въ *ѣ*.

2. *Е* произносилось, какъ звукъ, «изображаемый нами буквой *э*, т. е. не смягчающій предыдущаго согласнаго» (ср. ссылки на аналогію великорусскихъ народ. говоровъ. Изв. XV, 3, 213 стр.).

3. Звукъ *ѣ* смягчалъ предшествующій согласный, «равняясь приблизительно іотированному *е*»[1].

Вмѣстѣ съ тѣмъ Л. Л. Васильевъ сознавалъ, что его гипотетическія построенія получатъ твердую опору въ глазахъ другихъ историковъ русск. языка, если онъ укажетъ аналогичные факты въ сѣверно-великорусскихъ «икающихъ» рукописяхъ, по отношенію къ которымъ чисто графическое объясненіе этой черты непримѣнимо — въ виду различія рефлексовъ *ѣ* и *е* въ соотвѣтствующихъ говорахъ (ср. указаніе Л. Л. Васильева на Сп. Лѣтописи XVII вѣка Погод. № 1406. Изв. XV, 3, стр. 194).

Но ссылки его на Богдановскій Златоустъ XVI в., въ которомъ, при колебаніи между *ѣ* и *и* подъ удареніемъ, въ неударяемыхъ слогахъ на мѣстѣ древняго *ѣ* смѣшанно употреблялись буквы *е* и *и*, въ рѣдкихъ случаяхъ *ѣ* (Изв. X, 3), не убѣдили даже тѣхъ, кто, какъ А. А. Шахматовъ, былъ склоненъ фонетически объяснять данныя московскихъ рукописей XVI—XVII вв. (ср. Исторія русск. языка, ч. II, 239 стр.). А. А. Шахматовъ московское *ѣ* XVI в. возводилъ къ сѣверно-русскому *i*ᵉ и думалъ, что это *i*ᵉ перешло въ слогахъ неударяемыхъ въ *е*, а подъ удареніемъ сохранялось въ видѣ *êe* или *i̯ê*, какъ въ описанномъ Ол. Брокомъ тотемскомъ говорѣ (Исторія русскаго языка, 233. Ср. Очеркъ, 131 стр.). Такимъ образомъ, сходясь съ Л. Л. Васильевымъ въ признаніи установленнаго имъ для московскихъ памятниковъ правила употребленія *ѣ* и *е* за фонетическое явленіе, А. А. Шахматовъ подъ буквами *ѣ* и *е* московскихъ рукописей понималъ совершенно иные звуки, чѣмъ Л. Л. Васильевъ.

---

[1] Въ опредѣленіи «звукового качества» *ѣ* Л. Л. Васильевъ обнаруживалъ колебанія, то не отличая его отъ современныхъ рефлексовъ *ѣ* въ литер. языкѣ то видя въ *ѣ* дифтонгъ *ie*, то звукъ e^{i}.

Фонетическій характеръ разсматриваемой черты склоненъ былъ допустить и проф. Р. Ѳ. Брандтъ, ставя вопросъ въ болѣе общемъ видѣ чѣмъ Л. Л. Васильевъ и А. А. Шахматовъ. Онъ говорилъ уже не объ особомъ произношеніи *ѣ* въ московскомъ говорѣ, а о «долгомъ» сохраненіи въ «великорусской рѣчи» звука *ѣ* въ ударяемыхъ слогахъ. Основаніемъ для такого широкаго пониманія указанныхъ А. Соколовымъ и Л. Л. Васильевымъ фактовъ являлось — въ глазахъ проф. Брандта, повидимому, то обстоятельство, что эта орѳографія *ѣ* и *е* наблюдается не только въ московскихъ памятникахъ, но отмѣчена, напр., въ документахъ, относящихся къ нижегородскому и казанскому краю (Брандтъ. Лекціи по исторіи русскаго языка, 1913 г., 29—30 стр.).

Впрочемъ, въ курсѣ проф. Брандта остается вообще очень неяснымъ разграниченіе литературнаго языка и «областной» рѣчи. Кромѣ того, въ виду неопредѣленности самого понятія «великорусской рѣчи» отношеніе проф. Брандта къ интересующей насъ орѳографіи трудно подвергнуть точной формулировкѣ. Замѣчу лишь, что въ представленіи проф. Брандта «*ѣ* былъ, должно быть, не простымъ гласнымъ *е*, а, какимъ-то дифтонгомъ *іе*».

Однако — не всѣ изслѣдователи согласились съ фонетическимъ толкованіемъ особыхъ пріемовъ въ употребленіи *ѣ* и *е* въ XVI — XVII в. Ак. А. И. Соболевскій (Лекціи[4], 71 стр.) и проф. Н. М. Каринскій (см. Изслѣдованіе языка Псковскаго Шестоднева, 45 стр., прим. 3). частое употребленіе *е* вмѣсто *ѣ* при отсутствіи ударенія въ средне-русскихъ рукописахъ XVI — XVII в. считаютъ исключительно графической чертой, видя въ ней развитіе тѣхъ графическихъ пріемовъ, которые намѣчались въ XIV в.

Такимъ образомъ, мы сталкиваемся съ тремя гипотезами по вопросу о произношеніи *ѣ* въ московскомъ говорѣ XIV — XVII в. и вообще объ исторіи звука *ѣ* въ литературномъ языкѣ, который обычно по своему фонетическому строю отождествляется съ говоромъ Москвы:

I. Въ московскомъ говорѣ, какъ и въ другихъ средне-русскихъ говорахъ, уже въ XII — XIII в. исчезло сколько-нибудь замѣтное различіе звуковъ *ѣ* и *е*; но въ рукописяхъ на основѣ традиціонной орѳографіи дѣлались попытки упорядочить употребленіе буквъ *ѣ* и *е* (Соболевскій).

II. Въ московскомъ говорѣ, представляющемъ амальгаму сѣверно-русскихъ и восточно-русскихъ элементовъ, долгое время удерживалось принесенное съ сѣвера произношеніе *ѣ*, какъ *i͡ê* или *êe* (или *i*[e]) подъ удареніемъ, между тѣмъ какъ въ безударныхъ слогахъ съ XV в. наблюдается совпаденіе *ѣ* съ *e* (Шахматовъ).

III. Московскій говоръ до XVIII в. не зналъ перехода *е* въ *о* и имѣлъ звукъ *е*, не смягчающій предшествующаго согласнаго. Произношеніе *ѣ* отличалось отъ *е* смягчаемостью предыдущаго согласнаго.

Смѣна *ѣ* на *е*, по *Л. Л.* Васильеву, въ безударныхъ слогахъ началась въ XIV—XV в. (Изв. XV, 3, 199).

Выводы *Л. Л.* Васильева готовъ принять проф. Н. Н. Дурново, отстаивая лишь гипотетически сохраненіе въ московскомъ говорѣ до XVIII в. произношенія *ѣ*, какъ *i͡e*, и въ то же время допуская, что «согласные передъ *е*, не перешедшемъ въ *о*, въ московскомъ говорѣ XVI—XVIII вв., быть можетъ, произносились не вполнѣ мягко» (Н. Н. Дурново. Записки по исторіи русскаго языка. Харьковъ. 1914. 152—153 стр.).

Съ точки зрѣнія этой послѣдней гипотезы сохраняется непосредственная связь между тѣмъ произношеніемъ *ѣ* и *е* въ говорѣ московской интеллигенціи XVIII в., которое старались описать Сумароковъ и Тредьяковскій, и предшествующей эволюціей этихъ звуковъ въ московскомъ нарѣчіи.

Однако—историками русскаго языка не признавались исчерпывающими тѣ толкованія, которыя давалъ *Л. Л.* Васильевъ показаніямъ Сумарокова и Тредьяковскаго: въ противовѣсъ Васильеву и Чернышеву, который сопоставилъ мелькомъ замѣчанія Сумарокова и Тредьяковскаго о «дебелости» *е* съ спорадическими случаями отвердѣнія согласныхъ передъ *е* въ нѣкоторыхъ говорахъ Московскаго уѣзда (Чернышевъ. Свѣдѣнія о народныхъ говорахъ нѣкоторыхъ селеній Московскаго уѣзда, 32 стр.), проф. Будде видѣлъ въ свидѣтельствахъ писателей XVIII в. о разницѣ произношенія *ѣ* и *е* въ устахъ грамотныхъ москвичей того времени доказательство предположеннаго имъ вліянія учителей изъ малорусскаго духовенства на нашъ литературный языкъ (Очеркъ исторіи литерат. языка, 24 стр.; ср. Ж. М. Н. Пр. 1898 г., № 3; 1899 г.,

№ 5). Къ мнѣнію проф. Будде склонялся Житецкій (Къ исторіи литерат. русск. рѣчи. Изв. II Отд., 1903 г., № 2, 36 стр.). Его же раздѣлялъ проф. Брандтъ (Лекціи, 30 стр.). Такова исторія вопроса.

Изъ нея слѣдуетъ, что можно считать болѣе или менѣе вѣроятнымъ лишь голый фактъ различія въ искусственномъ, архаическомъ произношеніи образованнаго общества XVIII в. *ѣ* и *е* — въ противовѣсъ смѣшенію ихъ въ московскомъ просторѣчіи. Впрочемъ, еще Гротъ допускалъ возможность видѣть въ различеніи *ѣ* и *е* въ классификаціи Ломоносова простое смѣшеніе звуковъ съ буквами (Гротъ. Филологическія разысканія, т. II, 52 стр.).

Но во всякомъ случаѣ требуютъ болѣе детальной разработки слѣдующіе вопросы:

1. Можно ли прослѣдить по памятникамъ, какъ сложилась подмѣченная Л. Л. Васильевымъ орѳографія, и установить точно ея хронологическіе предѣлы?

2. Слѣдуетъ ли приписывать этой орѳографіи фонетическое значеніе или остановиться на объясненіи ак. А. И. Соболевскаго?

3. Если она — отраженіе фонетики, то какъ раскрыть ея смыслъ, т. е., какая разница была въ произношеніи ударяемыхъ *ѣ* и *е* въ московскомъ говорѣ XVI—XVII вв.? Чѣмъ вызванъ переходъ безударнаго *ѣ* въ *е* и какъ долго держалось особое произношеніе *ѣ* въ говорѣ Москвы?

4. Можно ли сопоставлять это явленіе съ различнымъ произношеніемъ *ѣ* и *е* образованными москвичами въ XVIII в.?

5. Какъ истолковать свидѣтельства писателей и ученыхъ XVIII в. о различіи между *ѣ* и *е* въ литературномъ языкѣ XVIII в. и объяснить происхожденіе этого различія?

Такимъ образомъ, прежде всего необходимо пополнить фактическій матеріалъ изъ московскихъ памятниковъ XV-го и слѣд. вѣковъ. Какъ я уже указывалъ выше, съ середины первой половины XV вѣка извѣстны московскія грамоты, знающія замѣну *ѣ* черезъ *е* въ разныхъ сочетаніяхъ— въ безударномъ положеніи. Однако съ XV же вѣка въ орѳографіи московскихъ грамотъ находитъ отраженіе фактъ существованія въ Москвѣ разныхъ школъ письма. Это обстоятельство обнаруживается, между прочимъ,

и въ употребленіи *ѣ* и *е* въ разныхъ памятникахъ московскихъ, какъ отмѣтилъ въ своей фонетикѣ А. А. Шахматовъ. Изслѣдователь не можетъ отстранить отъ себя вопроса о причинахъ и основахъ этихъ графическихъ различій.

Прежде всего приведу изъ московскихъ грамотъ XV в. примѣры замѣны *ѣ* черезъ *е* — внѣ ударенія.

Въ современной копіи съ Дух. Юрія Дмитр. № 17 (С. Г. Гр. и Дог., № 51): вмыте (впрочемъ, это — форма, исчезавшая изъ языка); после 42.

Въ Духов. инокини Евпраксіи 1452 г. № 18 (С. Г. Гр. и Дог., № 82): в селе 14; 16; 24; 26; на мѣстехъ 30; по силе; немьцово 34; ср. ее 21; моее 45.

Въ спискѣ (соврем.?) съ Дух. Влад. Андр. 1410 г. № 10 (С. Г. Гр. и Дог., № 40): грамоте 6; 64; 70; 104; стареиший 8; ср. старѣишомꙋ 2; кнгне 12; 33; 44 bis; 46; 47; 50; 53; 87; 66; 98; 102; ѡлене 12; 33; 44; ѿ реки 15; немцово 16; на коломенке 17; юрьеве 22; поделатсѧ 35; 72; белогородѣ 36; белогорья 37; разделѧ 37; делѧ 38; ꙋглече 43; детеи 4; 42, 50; 62; 66; 84; 81; 102; 103; на селе 61; на братне удѣле 59; 65; вмѣсте 64; 65; в матерне ꙋдѣле 66; (в вꙋделѣ 66 — оп.?); ꙋдѣле 17; 38; 64 bis; 83; 84; 87; 93; 103; 65; 70; ср. в ꙋдѣли 86; по грехо 69; перемени 81 и др. Ср. которые бояре 4; грамоты полные 11; тамги мо̃ковские 12 и т. п.; но ср. еѣ 42; 55; 71; 88; 98; ꙋ неѣ 103 и др. Отмѣчу еще: мосейково 28; ср. въ № 11: мосѣиково 30.

Въ копіи (современной, по мнѣнію Викторова) съ предыдущей грамоты № 11 (Моск. Арх. Мин. Ин. Д., № 23): грамоте 6; 72; 110; немцово 17; в луже 49: вмѣсте 73 bis; детеи 4; 46; 70; 74 bis; 75; 77; 96; 107; 108; 109; поделасѧ 80; 92; в ꙋдѣле 18; 41; 72; 78; 92; 93; 95; 96; 101; 109; на братне оудѣле 67; 73; в вудѣле 75; на волзе 36; 107 bis; белогорье 39; въежаю 65; деласѧ 106: по грехо 77; деми 78; 104; перемени 90 и т. п. Ср. великие кнгни 37; 103; тамги московь | скис 12 и др. под.; ее 63; 95; но: еѣ 79.

Подъ удареніемъ *е* вм. *ѣ* послѣ *і*, кромѣ формы *ее*, въ слѣдующихъ примѣрахъ: ро^в^езду 32; езъ 41; ро^в^ездъ 64; езъ 107 bis; ехати 66; ср. въ Дух. № 12: ѣзъ 38.

Кромѣ того, укажу явившійся вслѣдствіе описки случай: на оуделѣ и на селѣ 69.

Въ Духовн. грам. (по копіи XV в.) Влад. Андр. (Моск. Арх. М. И. Д., № 24) № 12: немьцево 16; оудѣле 17; 39; 68; 71; 72; 75; 93; 99; на селѣ 66; в селѣ 97; вмѣсте 69; 70; в луже 46; въ братне оудѣлѣ 70; перемени 87; ср. волости лужевьские 95 и др.; ср. ее 94; 111; оу нее 110.

Въ Духовн. № 14, представляющей копію съ грам. 1423 г. (по Викторову, современную; М. А. М. И. Д., № 26): за рекою 15; волости коломеньские — песѡн8 20; сое 36; на белѣ озерѣ 41; вымени 55; детеи 56; кержанець 63; ср. *ѣ* въ грам. № 13—60 стр.; № 15 — 59; по силе 66; перемени 68; во гжеле 73; деми 91; браe 95, 98; ср. белеутовьские 29—30 и др. под.; но ср. еѣ 26 bis; сеѣ 98; своеѣ 6 и т. д.

Въ Духовн. № 20 — вел. кн Софьи Витовтовны — 1453 г. (С. Гр. и Дог., № 83): ефросинье 26; мрье 27, 61; в селѣ 68; ср. стые иконы 34; белевутовские села 33 и т. п. ср. своее 15; 52; ее 26; 27; моее 36; 70; оу сее 70; съ || езы 12; ср. оу щѣлина ѡзера 25; въ № 21а: оу ще | лина 23 — 24; но черезъ *ѣ* — въ грам. № 22, 16 стр. Въ общемъ орѳографія—традиціонная. Ср. спенїа 67.

Въ двухъ Дух. грамотахъ великаго князя Вас. Вас. (С. Гос. Гр. и Дог., №№ 86 и 87) — 1462 г.:

Въ № 21а: по рецѣ 15; 54; къ юлке 19; выменити 28; промени 28; вымени 28; съ старешй 29; въ городе на посаде 34; на волоце 37; зверевъское 40; в володимере 40; на рецѣ 43; х кубене 47; детей 53; 87; 103; ѡпосле 58; 77; песочну 62; в переславле 66; въ юрьеве 67; во ржеве 74; целованью 85; перемени 86; въ удѣлѣ 87; 103; оудѣле 89 и др. под.; по грехо 91; детми 100; въ воле 101; стареишо 102; заповеди 106 и т. д. Любопытно колебаніе между *е* и *ѣ* послѣ д: живоначальныѣ трци 1; но ср. марьиньские 35 и др. под.; ее 92 при обычной

формѣ—еѣ; сь езы; ср. ѣзы 55 и др. Отмѣчу еще: кузмѣдемьѧское 68; ср. въ грам. № 22: кузмидемьяйское 47; изо всѣ трѣ 79—описка; дѣтѣ 91—то же.

Однако, въ этой же грамотѣ находимъ случай употребленія *е* на мѣстѣ *ѣ* подъ удареніемъ: а дети 100; ср. детѣ 90 (сомнит.). Впрочемъ, *е* въ эти формы могло быть перенесено изъ формъ детей, детми. Въ виду единичности такихъ примѣровъ я разсматриваю эту грамоту въ группѣ тѣхъ, которыя знаютъ *е* на мѣстѣ *ѣ* лишь въ безударномъ положеніи.

Въ № 21б: въ смысле 3; выменила 8; въ переславле 14; в муроме 15: на коломне 16; ѡпосле 21; 30; 42; после 22; в селѣ 30; 33; 42; в дровѣ 32; в можаисце 23; ср. боярьские 31; ее 31 bis при болѣе частомъ написаніи: еѣ 26 и др.

Однако въ dat. и locativ'ѣ находимъ *е* вмѣсто *ѣ* подъ удареніемъ: на москвѣ на реце 25; на реце на москвѣ 26; слободе 14 (удар.? ср. Л. Л. Васильевъ. Нѣсколько разъясненій... Р. Ф. В., т. LVII, 113 стр., прим.; по й дше 22.

Замѣну *ѣ* черезъ *е* исключительно въ неударяемыхъ слогахъ отмѣчаемъ въ слѣдующихъ грамотахъ: въ № 22—спискахъ съ двухъ грамотъ 1462 г. (Моск. Арх. М. И. Д., № 77): въ 22а—исключеніе лишь—оу нее 36; ее 35; 36 и т. д.; любопытна также форма старишѣ 70; въ 22б: ее 83; ѹ сее 94; но ср. еѣ 88 ter; 94; еѣ жо 86.

Въ грамотѣ № 23—копіи съ Дух. князя Юрія Васильевича (Собр. Гос. Гр. и Дог., № 96)—1472 г.—ороографія архаична; отражается юго-слав. вліяніе; *е* замѣняетъ *ѣ* лишь въ примѣрахъ: духовные; села говоровъские 34 и др. под.; в селѣ 92, 95; с моее вотчины 99. Представляютъ интересъ случаи: ѡщѣра 105; ѡщѣрѣ 13; и колебаніе въ формѣ четыре 8 при четырѣ 4; 9.

Только въ безударныхъ слогахъ *е* стоитъ на мѣстѣ *ѣ* въ Дух. № 24—ок. 1477 г.—Бориса Вас. Волоцкаго (С. Г. Г. и Дог., № 105); въ копіи съ Духовн. кн. Андр. Вас. Меньшого—ок. 1481 г., № 25 (Собр. Гос. Гр. и Дог., № 112), гдѣ, впрочемъ, устойчива традиціонная ороографія; замѣтно юго-славянское вліяніе, и случаи *е* вм. *ѣ* очень рѣдки: после 22;

въ селе̑ 42; которые 45; 36; 36—37; пр҃тые 32 и др. под.; но ср. еѣ 22; оу сеѣ 48.

Въ грамотѣ № 26 (Собр. Гос. Гр. и Дог., № 121) — 1486 г. (которую я — въ виду отсутствія фотографическаго снимка съ нея въ коллекціи А. А. Шахматова, изучалъ только по изданію въ Собр. Г. Гр. и Дог., № 121), случаи *е* вмѣсто *ѣ* наблюдаются только въ безударномъ положеніи, хотя нерѣдко въ ней, какъ и вообще въ грамотахъ XV в., неударяемое *ѣ* сохраняется.

Въ грам. № 27 (М. А. М. И. Д., № 125), представляющей современный списокъ съ предшествующей грамоты, случаи *е* вмѣсто безударнаго *ѣ* нерѣдки. Но встрѣчаемъ также: дш҃е 43; по моей дꙋше 60. Ту же орѳографію надо отмѣтить въ Дух. № 28 — черновомъ оригиналѣ или проэктѣ грамоты 1486 г. (М. А. М. И. Д., № 126): белꙋ ѡзерꙋ 7; бело ѡзеро 8; на белѣ ѡзерѣ 8; 62; ѡдеяло 16; поѡбиде̑ 86; кнг҃не 20; ꙋѣзде 21 и т. д.

То же правило соблюдается и въ Дух. № 29 — современномъ спискѣ съ грамоты 1486 г. (М. А. М. И. Д., № 127). Но и здѣсь тѣ же формы dat. loc.: по своей дш҃е 9.

Только въ безударныхъ слогахъ находимъ замѣну *ѣ* черезъ *е* въ Духовн. № 30 ок. 1486 г. — кн. Мих. Андр. Верейскаго (С. Г. Гр. и Дог., № 122); въ Дух. № 32 около 1503 г. (С. Г. Гр. и Дог., № 131) — кн. Іуліаны, супруги кн. Вас. Борис. Волоцкаго (въ современномъ спискѣ); въ Дух. № 34 — совр. спискѣ съ грамоты великаго князя Іоанна Вас. (Собр. Гос. Гр. и Дог., № 144). Здѣсь любопытно колебаніе въ постановкѣ ударяемаго *ѣ* послѣ *ĭ*: сь езы 70; 72; 65; съ езы 179; ср. съ ѣзо̑ 61; послѣдовательно сохраняются формы: моеѣ 72; всеѣ 243; ꙋ неѣ 253; сеѣ 231; еѣ 253 и т. п.; по старине 229 — имѣло удареніе, повидимому, не на концѣ.

Въ гр. № 33 — ок. 1504 г. (въ совр. сп. — С. Г. Г. и Дог., № 132) подъ удареніемъ *е* вм. *ѣ* лишь въ словахъ: дете̑ 9; бл҃говещенье 19, 22; — ью 41.

Въ грам. № 35 ок. 1509 г. — кн. Дмитрія Іоанновича (С. Гр. и Дог., № 147), при обычной замѣнѣ неударяемаго *ѣ* черезъ *е*, нахо-

димъ единичные случаи *е* на мѣстѣ ударяемаго *ѣ* (кромѣ у нее 121 и т. п.); по дш҃е 2; на дети на боярские 147 (впрочемъ, объ этомъ словосочетаніи такъ же, какъ и о словосочетаніи: две гривеки 120; две рыки 76 см. у Л. Л. Васильева, Изв. II Отд., X, 2).

Въ гр. № 36 1523 г. — вел. кн. Вас. Іоанновича (С. Г. Гр. и Дог., № 150) *е* отмѣчено только на мѣстѣ безударнаго *ѣ*.

При изученіи духовныхъ грамотъ разсмотрѣннаго типа въ высшей степени интересно наблюдать, какъ случаи замѣны неударяемаго *ѣ* черезъ *е*, единичные въ рукописяхъ середины первой половины XV вѣка, учащаются со второй половины XV в. и рѣшительно преобладаютъ надъ примѣрами сохраненія *ѣ* въ этомъ положеніи къ концу XV — нач. XVI вв. Впрочемъ, въ рукописяхъ, въ которыхъ замѣтно юго-слав. вліяніе, сильнѣе уклонъ въ сторону традиціонной орѳографіи. Однако — съ точки зрѣнія употребленія *ѣ* и *е* — мы должны среди духовныхъ грамотъ выдѣлить и другую группу памятниковъ, въ которыхъ не находимъ такой послѣдовательно проведенной системы постановки *ѣ*, какъ въ изученныхъ выше. Уже среди этихъ послѣднихъ въ нѣкоторыхъ грамотахъ были отмѣчены мало показательныя колебанія[1], напр., въ № 10; № 21а; № 21б; № 27; № 28; № 29; № 33, въ которыхъ мы наблюдали отдѣльные примѣры замѣны черезъ *е* ударяемаго *ѣ*. Но перечисленныя ниже грамоты даютъ значительно большее количество отступленій и отъ традиціонной орѳографіи и отъ укоренившагося въ Москвѣ правила употребленія *ѣ* и *е*: въ Дух. № 8 Дмитрія Іоанновича по копіи XV в.: восмничеѣ 7; вышнеѣ 25; на бѣле озерѣ 60; вь ѣе во|ли 95 (ср. А. А. Шахматовъ, Фонетика, 155 стр.); въ грамотѣ № 19 — современномъ спискѣ съ грамоты 1452 г. (М. А. М. И. Д., № 69): беский 12; ср. съ *ѣ* въ грам. № 18; ср. по грамотѣ кнж҃ѣ володимеровѣ 3; 42—43; рядомъ: кнж҃о володимеровѣ 10; во всехъ (в селе) 33; но ср. людеи всѣ 33.

---

[1] Сюда можно присоединить еще грамоту № 37 — кн. Ѳеодора Борисовича Волоцкаго около 1523 г. (въ соврем. сп., С. Гос. Гр. и Дог., № 151), въ которой отмѣчаемъ: весу 3; 4; 5 bis; 6; Сергею 20; в оуездѣ 30; на москвѣ на реце 31; оу те 50 — при болѣе частыхъ примѣрахъ замѣны черезъ *е* безударнаго *ѣ*.

Впрочемъ, показанія этой грамоты о смѣшеніи *ѣ* и *е* не вполнѣ достовѣрны: всѣ примѣры могутъ быть объяснены, какъ описки (в селе̑ во все̑), и какъ аналогическія образованія (по грамотѣ кнжѣ володимеровѣ 3, 42—43; четырѣ ста 38; ср. детѣ — ib. 29). Ср. въ той же грамотѣ: въ селе̑ 12; 14; 21; 33; с͠о°е 3; мѣсте̑ 27 и др.

Въ грамотѣ кн. Ивана Юрьевича Патрекѣевича № 31 около 1498 г. (С. Г. Гр. и Дог., № 130) случаи замѣны ударяемаго *ѣ* черезъ *е* нерѣдки: со все̑ с те 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 13—14; 28 bis; 29; 30 bis; 32 bis; 33; 34; 36 bis; 52; на костроме 8; на мо̑кве 11; 71; неверца 19; колена 24; со все̑ 27; жене 51; 54; 77; 88; 92; 107; теми 76; 85; те мои мѣста 77; дете̑ 88; 92; на конце 81; те̑ 81; те мои клюнїки 92; во все̑ мои̑ селе̑ 93; 95; те̑ дене̑ 94; те̑ 94; 95; 105; доспехѡ̑ 106; темї доспехи 106 и др. под.

Часта и замѣна черезъ *е* безударнаго *ѣ*.

Обратные примѣры постановки *ѣ* на мѣстѣ *е* наблюдаются въ формахъ: детѣи 15 bis; 16 bis; 22; 24; 37; 41; 42; 43; 46 bis; 47; 50; 55; 59; 60; 61; 62; 98; 102; 103; дмитрѣи 108; петрѣца 50; н͠ѣя 68.

Такимъ образомъ, въ этой группѣ грамотъ не только ударяемое *ѣ* иногда замѣняется черезъ *е*, но и обратно: *ѣ* стоитъ на мѣстѣ этимологическаго *е*.

Какъ результатъ изученія московскихъ духовныхъ грамотъ съ точки зрѣнія употребленія *ѣ* и *е*, само собою обрисовываются слѣдующія категоріи ихъ изъ эпохи XV — нач. XVI в.:

I. Грамоты (и такихъ большинство), имѣющія *е* вмѣсто *ѣ* исключительно въ безударномъ положеніи.

II. Грамоты, въ которыхъ *ѣ* замѣняется черезъ *е* подъ удареніемъ, но случаи обратной замѣны отсутствуютъ. При этомъ въ части рукописей эти примѣры совершенно единичны и приходятся на опредѣленныя условія (дѣти, формы locativi); но въ другихъ, напр., въ духовной № 37, — они довольно многочисленны.

III. Грамоты, знающія не только замѣну *ѣ* черезъ *е* подъ удареніемъ и внѣ его, но и *е* черезъ *ѣ*. Таковы грамоты № 8 и № 31.

Очевидно, въ преемственной связи съ грамотами XIV в. находятся лишь тѣ грамоты XV, XVI и послѣдующихъ вѣковъ, въ которыхъ замѣняется черезъ *е* лишь безударное *ѣ*, т. е.—I категоріи и, можетъ быть, иныя изъ II-й. Грамоты же III категоріи и, вѣроятно, нѣкоторыя изъ II-й указываютъ на новыя наслоенія въ литературномъ языкѣ и новыя ороографическія вѣянія, исходившія, конечно, изъ южно-великорусской среды, съ которой столкнулся въ Москвѣ литературный языкъ.

Тотъ же характеръ ороографіи, какъ будто колеблющейся между послѣдовательнымъ сохраненіемъ *ѣ* (за опредѣленными исключеніями) и замѣной безударнаго *ѣ* черезъ *е*, и тѣ же категоріи рукописей выдѣляются и при анализѣ договорныхъ московскихъ грамотъ.

Перечислю договорныя грамоты, въ которыхъ случаи замѣны *ѣ* черезъ *е* падаютъ исключительно на безударные слоги: № 13 — 1428 г.— двѣ грамоты вел. кн. Вас. Вас. и дядей его (С. Гос. Гр. и Дог., № 43 и № 44); № 14 — около 1433 г. въ соврем. сп. (С. Гос. Гр. и Дог., № 45); № 15 — около 1433 г. (С. Гос. Гр. и Дог., № 46); № 16 — ок. 1433 г. (С. Гос. Гр. и Дог., № 47) (но: поехати 26); № 17 — копія съ Договорн. вел. кн. Ивана Өеодоровича съ кн. Дмитр. Гал. (С. Гос. Гр. и Дог., № 48); № 18ᵃ и 18ᵇ 1433 г. — двѣ грамоты кн. Юрія Дмитріевича Галицкаго (С. Гос. Гр. и Дог., № 49 и 50) (но ср. въ № 18ᵇ — ездити 28; въ № 18ᵃ — твоеѣ 39; великиѣ 39); № 20ᵃ и 20ᵇ 1434 г. — кн. Дмитрія Юрьевича Шемяки съ вел. кн. Вас. Вас. (С. Гос. Гр. и Дог., № 54 и 55) (ср. въ № 20ᵃ — уездѣ 19; везде 3; въ № 20ᵇ — четырѣ ста 25); № 21ᵃ и 21ᵇ — двѣ гр. взаимныя тѣхъ же князей (С. Гос. Гр. и Дог., № 56 и 57; любопытна форма въ № 21ᵃ — цѣлуи 1; 54; въ 21ᵇ — детеͫ боярскиͫ 50; объ этомъ словосочетаніи см. у Л. Л. Васильева. Изв. II Отд., X, 2); № 25 — ок. 1446 г. (С. Гос. Гр. и Дог., № 62) (впрочемъ, ср. бoярѣ 25; 44; свою цену 32 (цену́?); ср. своеѣ при тое; нш҃ие 26 и т. п.); № 26 — совр. сп. съ предшеств. грамоты (Моск. Ар. Мин. Ин. Д., № 65) (ср. тоѣ 12; своеѣ 39 при нш҃іе 11; 12); № 27 — 1447 г. (С. Гос. Гр. и Дог., № 64), въ которой упорно держится архаическая ороографія (даже цѣ|лованье 11; -ью 25; цѣлуи 1 — при цѣлованьи 10; це-

луи 46; ср. также: стареишіи 1; 45; стареишимъ 3; моее 26—27; своее 29; 31; тое 31; 36; твоее 34 и т. п.); № 28 — около 1447 г. (С. Гос. Гр. и Дог., № 63); № 28[б] — совр. копія съ предыдущей (ср., впрочемъ, Сергея 36 при Сергѣя 44); № 29 — 1447 г. (С. Гос. Гр. и Дог., № 65); № 30 — 1447 г. (С. Гос. Гр. и Дог., № 66) — здѣсь *е* вмѣсто *ѣ* только послѣ *ї*: ѿъежими 11; не ездити 35 и т. п. (впрочемъ, въ орѳографіи этой грамоты есть нѣкоторыя очень своеобразныя черты); № 32 — 1448 г. (С. Гос. Гр. и Дог., № 67) (впрочемъ, въ ней *е* замѣняетъ *ѣ* лишь въ словахъ: целовали 1; поцелова 15; целованья 26; -їю 32; целоват[и] 41; розные 9; бѣжи[т]цкіе 18 и др. под.; послѣ *ї* — ехати 29; 40; ср. еще стареишему 15; 4; 28—29; -ши 10; вообще же строго проведена традиціонная орѳографія); № 34 — около 1448 г. (С. Гос. Гр. и Дог., № 69) (также устойчиво сохранено этимологическое *ѣ* — но: целуи 1; 34; целованью 24; ѡ дѣле[х] 29; целования 35; всѧкие 35); № 35 — совр. сп. съ грам. в. кн. Вас. Вас. о союзѣ съ можайскимъ кн. Михайломъ Андр. (С. Гос. Гр. и Дог., № 70) (здѣсь, кромѣ постоянныхъ примѣровъ — целуи 1, 27 и т. п., всѧкіе 27, находимъ также: белы ѡзерѡ 10; грамоте 12; хрехо 15; беглеца 25; ср. еще *е* подъ удареніемъ въ словѣ — Анреѧ 10); № 36[а] и № 36[б] (С. Гос. Гр. и Дог., № 71 и № 72) (въ нихъ также наблюдаются — хотя и единичные — примѣры постановки *е* на мѣстѣ безударнаго *ѣ*; въ № 36[а]: въ оудѣле 45; 92; при дѣде 56; целуи 1; московьские 25; 31 и т. п.; но ср. великиѣ 63—64; въ № 36[б]: целуи 1—2 и т. п.; делюи 26; в оудѣле 29; 34; при дѣде 36; великие 41; 42 и др. под.; ср. въ № 36[б]: вышегородскиѣ 16. Любопытно сохраненіе и въ той и въ другой грамотѣ формъ: въ № 36[а] — моеѣ 63 bis; 63—64; твоеѣ 19; 21; въ № 36[б] — своеѣ 39; 40); № 37[а] и № 37[б] — 1448 г. (С. Гос. Гр. и Дог., № 73 и № 74) (ср. въ 37[а]: твоее 49 ter; своее 46; 47; 48 и др. под.; то же и въ № 37[б]); № 38 — 1450 г. (С. Гос. Гр. и Дог., № 75), въ которой, при формахъ — старейшіи 2; 36; -ши 3; целованьи 9; целуи 2; всѧкие 37 и др. под., довольно сильно сказывается вліяніе архаической орѳографіи; ср. даже — цѣлуи 37; цѣлованью 28; цѣлованье 9;

№ 40ᵃ и № 40ᵇ — 1451 г. (С. Гос. Гр. и Дог., № 78 и № 79), въ которыхъ въ большемъ количествѣ примѣровъ безударное *ѣ* замѣнено черезъ *е*; № 41ᵃ и № 41ᵇ — около 1451 г. (С. Гос. Гр. и Дог., № 80 и № 81) (въ нихъ единичные примѣры замѣны *ѣ* черезъ *е* — въ безударныхъ слогахъ: въ № 41ᵃ: целуи 3; 46; целоваѥ 11 bis; ѡбидети 21; ср. еще подъ удареніемъ послѣ ї: съехавсѧ 39; въ № 41ᵇ: целуи 2; целованью 6; -ваи 12; ѡбидети 22; 28; также сьехавсѧ 40; но тоѣ 36; ср. также въ обѣихъ грамотахъ: твоеѣ, моеѣ); гр. № 42ᵃ и № 42ᵇ — ок. 1456 г. (С. Гос. Гр. и Дог., № 84 и № 85), въ которыхъ *е* вмѣсто безударнаго *ѣ* болѣе часто; № 43ᵃ и № 43ᵇ — 1462 г. (С. Гос. Гр. и Дог., № 88 и № 89; М. А. М. И. Д., № 78 и № 79); но въ № 43ᵇ: по животе 41; въ 43ᵃ любопытны формы: прчтыѣ 1; которыѣ 8; 35 и т. п. — nom.; № 45 — ок. 1463 г. (М. А. М. И. Д., № 81) (но *е* вмѣсто *ѣ* послѣ ї: ѿежжими 17; ехати 40—41; любопытно: ѡбидити 19); № 44 (С. Гос. Гр. и Дог., № 90), въ которой, при единичныхъ случаяхъ постановки *е* на мѣстѣ безударнаго *ѣ*: грамоте 16; ѡбидети 24 и въ словѣ — целовати, наблюдается *е* въ имени: аньрею 8; аньреи 13; аньрея 17; № 46 — ок. 1463 г. (С. Гос. Гр. и Дог., № 91); № 47 — ок. 1465 г. (С. Гос. Гр. и Дог., № 92) (но: ѿ века 45 — удареніе на предлогѣ?; ср. въ № 51ᵇ — то же); № 48 — ок. 1465 г. (С. Гос. Гр. и Дог., № 93); № 49 — ок. 1465 г. (С. Гос. Гр. и Дог., № 94) (здѣсь *е* вмѣсто безударнаго *ѣ* встрѣчается въ единичныхъ случаяхъ: старешіи 2; 51; старешин 5; целуи 2; 51; целоваи 17 - 18; ср. твоее 35; но: цѣлуи 51; цѣловаю 41); № 50 — ок. 1472 г. (С. Гос. Гр. и Дог., № 95) (въ ней случаи *е* на мѣстѣ *ѣ* не подъ удареніемъ значительно чаще, чѣмъ въ предыдущей; ср. также твоее 21—22 и др. под.); № 51 — февр. 1473 г. — двѣ грамоты: № 51ᵃ и № 51ᵇ (С. Гос. Гр. и Дог., № 97 и № 98); № 52 — совр. сп. съ № 51ᵃ (М. А. М. И. Д., № 89) (примѣры *е* на мѣстѣ неуд. *ѣ* значительно рѣже, чѣмъ въ оригиналѣ: целовати; на селе 17; 25; доколе 26; ѿколе 28; после 26; мріе 24; всѧкіе 36; которые 16 и т. д.; ср. всеѣ моеѣ 21); № 53 — другой сп. съ той же грамоты (М. А. М. И. Д., № 90) (здѣсь очень ярка

замѣна неударяемаго *ѣ* черезъ *е*; № 54ª — 1473 г. (С. Гос. Гр. и Дог., № 99); № 54ᵇ (С. Гос. Гр. и Дог., № 100); ср., впрочемъ, детѐ боярьскимъ 33; № 55ª — 1473 г. — черновой оригиналъ предыдущихъ грамотъ (М. А. М. И. Д., № 96 и № 97) и № 55ᵇ (впрочемъ въ послѣдней грамотѣ — одинъ случай *ѣ* вмѣсто *е*, очень похожій на описку: беглѣцѧ); № 56 — 1473 г. — черновой оригиналъ грамоты 54ª (М. А. М. И. Д., № 98); № 57ª и № 57ᵇ (С. Гос. Гр. и Дог., № 101 и № 102); лишь въ № 57ᵇ: детѐ боярьскимъ 36; № 58ª и № 58ᵇ — 1481 г. (С. Гос. Гр. и Дог., № 106 и № 107) (впрочемъ, и въ той и въ другой грамотѣ — отмѣчена форма: тимофеиковыѓ; ср. въ № 59ª: тимофѣиковыѓ 31; кромѣ того, въ № 58ᵇ, *е* вмѣсто ударяемаго *ѣ* послѣ *ı̨*: ехати 61; въ обѣихъ грамотахъ колебаніе въ формахъ: всеѣ 41; моеѣ 46; 47 при всее 46 въ № 58ª; моее 41; при твоеѣ 46—47 въ № 58ᵇ и т. д.); № 59ª и № 59ᵇ — сп. съ предыдущихъ грамотъ (М. А. М. И. Д., № 109 и № 110); № 60а (С. Гос. Гр. и Дог., № 108); № 61ª и № 61ᵇ М. А. М. И. Д., № 111 и № 112) (но въ № 61ᵇ: с тѐ 10; чѐ 19; тимофеиковыѓ 34; послѣ *ı̨* — ехати 63. Относительно написаній тѐ, чѐ см. замѣчаніе Л. Л. Васильева — Изв. II Отд., XV, 3, 189 стр., прим. I); № 62—1481 г. — совр. сп. съ № 60ª (М. А. М. И. Д., № 113); № 63ª и № 63ᵇ — 1481 г. (С. Гос. Гр. и Дог., № 110 и № 111); № 64 — 1481 г. (М. А. М. И. Д., № 104); № 65 — 1482 г. (С. Гос. Гр. и Дог., № 113); № 66 — 1482 г. (С. Гос. Гр. и Дог. № 114); № 67ª и № 67ᵇ (С. Гос. Гр. и Дог., № 115 и № 116; впрочемъ, въ № 67ᵇ *е* замѣняетъ удар. *ѣ* въ словѣ: поведати 11 и послѣ *ı̨*: уездѐ 36; наездъ 46); № 68 — современный списокъ съ № 67ᵇ (М. А. М. И. Д., № 119); № 70 — 1483 г. - въ соврем. сп. (С. Гос. Гр. и Дог., № 118); № 71ª и № 71ᵇ — 1484 г. (С. Гос. Гр. и Дог., № 119 и № 120); (въ 71ᵇ е вм. ѣ лишь послѣ *ı̨*: обьедѐ 13; проедѐ 9; поедеть 15); № 72ª и № 72ᵇ (С. Гос. Гр. и Дог., № 123 и № 124) (впрочемъ, въ № 72ᵇ: тферь 40 и др.; послѣ *ı̨*: бежжими 34; ср. пановѣ 16); № 73ª и № 73ᵇ — 1486 г. (С. Гос. Гр. и Дог., № 125 и № 126) (въ № 73ª — тферь 29 и др.; ср. твѣрь 31 въ № 73ᵇ; въ № 73ᵇ *е* отмѣчено въ

церковномъ словѣ: поведати 13); № 74_1 и № 74_2 1486 г. — сп. съ предшествующихъ грамотъ (М. А. М. И. Д., № 133 и № 134); № 75^а и № 75^б (М. А. М. И. Д., № 135 и № 136); ср. въ № 75^а — тферь 28 при тѳѣрь 29 въ № 75^б; № 76 — 1496 г. — совр. сп. съ оригинала (С. Гос. Гр. и Дог., № 127); но ср. моиⷯ детеⷨ 24; дете боя҃рскиⷯ 58; № 77 (С. Гос. Гр. и Дог., № 128); но *е* вмѣсто *ѣ* послѣ *i*: приедⷮе 41 bis; ср. также: в каковѣ деле ни буⷣ 44; № 78 — 1497 г. (С. Гос. Гр. и Дог., № 129); ср. тимоѳеевьское 11; № 3 — копія XV в. (Ср. Гос. Гр. и Дог., № 28); ср. сквозѣ тферь 59; № 8 (М. А. М. И. Д., № 14 — копія съ № 7); № 10 (С. Гос. Гр. и Дог., № 36); № 11 (С. Гос. Гр. и Дог., № 37); № 79^а и № 79^б — 1504 г. (С. Гос. Гр. и Дог., № 133 и № 134); № 81 — 1504 г. — черновой оригиналъ № 79^б (М. А. М. И. Д., № 147); № 82^а и № 82^б — 1531 г. (С. Гос. Гр. и Дог., № 160 и № 161); № 83 — 1566 г. (С. Гос. Гр. и Дог., № 187); № 84 — 1566 г. (С. Гос. Гр. и Дог., № 188).

И на этихъ грамотахъ любопытно прослѣдить, какъ традиціонная орѳографія XIV — нач. XV в., имѣвшая, впрочемъ, какъ мы видѣли выше, свои исключенія, борется съ новыми орѳографическими пріемами, состоявшими въ замѣнѣ буквы *ѣ* внѣ ударенія черезъ *е*. Но особенно замѣтнымъ становится перевѣсъ новой орѳографіи надъ традиціонной съ грамоты № 59 — около 1472 г., впрочемъ, не безъ нѣкоторыхъ отступленій.

Аналогичные пріемы находимъ въ цѣломъ рядѣ другихъ рукописей, повидимому, отражающихъ эту сложившуюся въ Москвѣ орѳографію: въ Ермолинскомъ сп. Лѣтописи конца XV в.; въ Бѣлоозерской Уставной Грамотѣ 1488 г.; въ правыхъ грамотахъ: № I — XV в.; № II — 1500 г.; № III — изъ Сборника актовъ, изданныхъ Н. П. Лихачевымъ; въ Писцовой Книгѣ Бѣжецкой пятины 1501 г. (Новг. Писцов. Книги, т. VI) и др.

Однако и среди договорныхъ грамотъ мы встрѣчаемъ, прежде всего, рукописи, въ которыхъ описываемая орѳографія нарушена: рядомъ съ частыми примѣрами *е* на мѣстѣ безударнаго *ѣ*, встрѣчаемъ нѣкоторое количество такихъ случаевъ и въ ударяемыхъ слогахъ. Спорадическіе

примѣры этого явленія въ перечисленныхъ выше договорныхъ грамотахъ мною уже отмѣчены. Укажу здѣсь еще грамоты: № 22а и 22б (С. Г. Гр. и Дог., № 58 и № 59); въ № 22а: въ Москве 9; ср. вѣздѣ 2 (оп.?); въ № 22б: въ Москве 10 — при въ Москвѣ 22; № 23 1440 г. (С. Г. Гр. и Дог., № 60) (на петре 30; ср. дете боярьски 34); № 24 — 1445 г. (С. Г. Гр. и Дог., № 61) (твои дете 8; 11, 14; 19; 25; наши дете 17; 18; ср. дете боярьски 29—30; сести 29); № 33 — 1448 г. С. Г. Гр. и Дог., № 68 (твои дете 3 bis; 16; 21; 22; 24; 28; 30; моимъ детемъ 10, 15; 20; 25; 28, 31; можетъ быть, писецъ употреблялъ въ живомъ языкѣ форму: детя́мъ; благоверныі 42); № 39а и 39б — 1451 г. (С. Г. Гр. и Дог., № 76 и № 77: (на немци 15; 21; ниче 23; ср. послѣ і: поеде 38; обьеде 39; проеде 39; поедетъ 41, 42; ѿедетъ 49); № 43б (по животе 41); ср. еще № 69 — 1483 г. (С. Гос. Гр. и Дог., № 117).

Въ высшей степени любопытно, что съ такой орѳографіей, представляющей нѣкоторое отступленіе отъ того типа, который возобладалъ въ Москвѣ со второй половины XV в. и облекся въ стройную систему въ первой четверти XVI в., мы сталкиваемся и въ памятникахъ послѣдующихъ вѣковъ XVI—XVII; напр., изъ Сборника актовъ, собранныхъ въ архивахъ и библіотекахъ Н. П. Лихачевымъ (СПб. 1895 г.), въ актахъ: № 2 1533—1538 г.; № 5 1545—46 г.; № 7 1551 г.; № 19 1586 г. и мн. др.; въ актахъ времени междуцарствія 1611 г. (Чтенія Общ. Ист. и Др. Росс. 1915 г. кн. IV. Смутное время Московск. государства 1604—1613 г., вып. 3); въ сказаніяхъ «про храбраго витязя про Бову каралевича», изданныхъ Ѳ. И. Булгаковымъ (въ Памятникахъ древней письменности, вып. I); въ писцовой и переписной книгѣ XVII в. по Нижнему Новгороду, изданной въ XVII т. Русск. Ист. Библ.; въ рядѣ арзамасскихъ помѣстныхъ актовъ конца XVI—нач. XVII в., изданныхъ С. Б. Веселовскимъ (Чт. Общ. И. Д. Росс., 1916 г., № 1), напр., № 2, № 3, № 51; № 187 и мн. др.; въ дневальныхъ запискахъ приказа тайныхъ дѣлъ 7165—7183 г., изданныхъ С. А. Бѣлокуровымъ (Чт. Общ. Ист. и Др. Росс. 1908 г., кн. 1 и 2) и въ друг. памятникахъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ среди московскихъ памятниковъ XVI—XVII в. выдѣляются такіе, въ которыхъ вытѣсненіе *ѣ* черезъ *е* — въ разныхъ условіяхъ оказывается довольно послѣдовательно проведеннымъ пріемомъ. Именно такую графику наблюдаемъ въ письмахъ (собственноручныхъ) боярыни Ѳ. П. Морозовой, въ письмахъ дворянъ Леонтьевыхъ, изданныхъ Я. Л. Барсковымъ («Памятники первыхъ лѣтъ русскаго старообрядчества». СПб. 1912); въ отпискѣ И. Волохова царю Алексѣю Михайловичу (ibidem); въ Московскомъ переводѣ редакціи Литовскаго статута нач. XVII в., изданнымъ И. И. Лаппо (XXVIII в. Лѣт. зан. Арх. Комм.), хотя на орѳографіи этой рукописи могли отразиться слѣды западно-русскаго оригинала, и т. д.

Это обстоятельство невольно рождаетъ предположеніе, что случаи замѣны ударяемаго и неударяемаго *ѣ* черезъ *е*, которые мы наблюдаемъ въ московскихъ памятникахъ XIV—XVI вв., отнесенныхъ нами ко II категоріи, являются тѣми зародышами, изъ которыхъ съ теченіемъ времени выросъ своеобразный пріемъ полнаго устраненія изъ письма буквы *ѣ*, напоминающій однородныя графическія особенности бѣлорусскихъ памятниковъ и покоящійся, очевидно, на исчезновеніи изъ соотвѣтствующихъ діалектовъ литературнаго языка особаго звука *ѣ* (ср. А. А. Шахматовъ. Фонетика, 155 стр.).

Но фактъ существованія московскихъ памятниковъ, въ которыхъ наблюдаются исключенія изъ открытаго Л. Л. Васильевымъ для литературнаго языка правила употребленія *ѣ* и *е*, не говоритъ за то, что всѣ явленія, связанныя съ употребленіемъ *ѣ* и *е* въ московскихъ рукописяхъ, должны быть признаваемы за чисто графическія особенности, и что особый звукъ *ѣ* вообще былъ чуждъ литературному языку въ XV в., а можетъ быть, и раньше. Скорѣе, наоборотъ, изъ этого факта можно сдѣлать выводъ, что соблюденіе подмѣченной Л. Л. Васильевымъ орѳографіи *ѣ* и *е* оказывается въ высшей степени труднымъ и даже невыполнимымъ безъ фонетическаго критерія въ живой рѣчи, и что, слѣдовательно, писцы, послѣдовательно проводившіе эту орѳографію, провѣряли ее на своемъ говорѣ. У тѣхъ же, кому этотъ языковой критерій былъ чуждъ, помимо воли являлись написанія *е* вм. *ѣ* подъ удареніемъ. Такимъ образомъ, изъ анализа московскихъ рукописей съ примѣрами замѣны черезъ *е* уда-

раемаго *ѣ* слѣдуетъ, что въ нѣкоторыхъ изъ памятниковъ писанныхъ въ Москвѣ, отражаются говоры, измѣнившіе *ѣ* въ *е*[а] передъ твердыми и въ *ê* передъ мягкими согласными, т. е. не различавшіе *ѣ* и *е*. Но на это съ еще большей увѣренностью указываютъ московскіе памятники, въ которыхъ не только *ѣ* замѣняется черезъ *е*, но и обратно. Такую орѳографію мы встрѣтили въ нѣкоторыхъ изъ духовныхъ грамотъ XV в.

И среди договорныхъ грамотъ точно такъ же находимъ небольшую группу такихъ, въ которыхъ наблюдается замѣна не только *ѣ* черезъ *е*, но и обратно.

Помимо очень сомнительныхъ примѣровъ въ грам. № 19 — 1434 г. (С. Г. Гр. и Дог. № 36 и № 37): въ № 19б: уездѣ 18; на вышѣ городѣ 28 (оп.?); ср. четырѣ ста 28 (по морфолог. ассоціаціи?); сюда относятся грам. № 31 (совр. сп. грам. № 30 — С. Г. Гр. и Дог. № 66; М. А. М. И. Д., № 54): беглѣца 128 (оп.?); № 60б: (С. Г. Гр. и Дог., № 109): вышѣ лѣсо̑ 32; своѣ селѡ 48; № 80—1504 г. 80а и 80б — совр. сп. съ подлинниковъ № 79а и 79б (М. А. М. И. Д. № 145 и № 146): въ № 80 — повеленію 1; на сѣ̑ на всѣ̑ 42; со всѣе 32; ср. детѣ̑ боярскі̑ 36; въ 80б: во всѣ̑ 9; ср. детѣ̑ боярскі̑ 36.

Съ этими примѣрами необходимо сопоставлять совершенно аналогичные факты въ памятникахъ, отражающихъ южно-великорусскіе говоры близкихъ къ Москвѣ мѣстъ — или вѣрнѣе — діалекты литературнаго языка съ южно-великорусскими наслоеніями. Сошлюсь на Коншинскій списокъ Домостроя, въ которомъ (при аканьѣ и тъ въ 3 лицѣ глаголовъ) постоянно смѣшиваются *ѣ* и *е*; на изданный П. К. Симони сборникъ пословицъ, поговорокъ и загадокъ и проч., написанный, по опредѣленію ак. Корша, около Рязани; на нѣкоторые изъ воронежскихъ актовъ (VIII, 1; VII, 10; V, 45 и др.), изданныхъ въ XXIV т. Русск. Истор. Библ. и др. под.

Итакъ, показанія тѣхъ московскихъ грамотъ и другихъ памятниковъ, которые я отнесъ ко II и III категоріи, вполнѣ опредѣленны и не нуждаются въ дальнѣйшихъ комментаріяхъ: они ведутъ насъ къ южно-великорусскимъ наслоеніямъ въ фонетикѣ литературнаго языка, которыя въ дальнѣйшей исторіи его совершенно вытѣснили его первоначальный во-

кализмъ. Однако, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что южно-великорусскіе элементы медленно и съ усиліями просачивались въ принесенный съ сѣвера остовъ литературнаго языка. На это обстоятельство обращали вниманіе проф. Будде (см. Нѣкоторые выводы изъ позднѣйшихъ трудовъ по великорусской діалектологіи. 1899. Въ юбил. сб. въ честь В. Ѳ. Миллера. Ср. также Ж. М. Н. Пр. 1898 г., № 3; 1899 г., № 5; 1901 г., № 2) и ак. Шахматовъ (Очеркъ современнаго литерат. языка), который очень остроумно предполагалъ большую живучесть первоначальнаго звуковаго строя литературнаго языка въ произношеніи высшихъ классовъ (ib., 14). Классовыя различія въ фонетикѣ литературнаго языка, обусловленныя консервативностью высшихъ слоевъ, ихъ ревнивымъ стремленіемъ къ сохраненію стараго, церковнаго фонетическаго строя и меньшею зависимостью отъ діалектическихъ народныхъ вліяній, можно прослѣдить по литературнымъ памятникамъ даже XVII—XVIII в. (см. у Будде. Очеркъ исторіи лит. языка).

И вотъ, примѣняя эти общія положенія къ интересующему насъ вопросу, мы устанавливаемъ, что московскія грамоты съ наблюденнымъ Л. Л. Васильевымъ употребленіемъ *ѣ* и *е* вышли изъ рукъ грамотеевъ, жившихъ еще старыми, принесенными изъ Ростово-Суздальской земли орѳографическими традиціями, съ видоизмѣненіемъ ихъ въ сторону сближенія съ осложнившейся южно-великорусскими элементами (въ вокализмѣ безударныхъ слоговъ) фонетикой живой рѣчи, въ то время какъ въ грамотахъ II и III категоріи отражается школа письма, гораздо больше связанная съ южно-великорусскимъ нарѣчіемъ. Поэтому заключенія о фонетическомъ значеніи буквъ *ѣ* и *е* въ грамотахъ I категоріи надо строить только на основѣ показаній ихъ самихъ и однотипныхъ съ ними памятниковъ, совершенно независимо отъ данныхъ грамотъ II и III категоріи.

Количество памятниковъ XVI—XVII вв., имѣющихъ установленную Л. Л. Васильевымъ орѳографію, огромно. При этомъ обращаю вниманіе на то обстоятельство, что эта орѳографія встрѣчается не только въ памятникахъ, писанныхъ въ Москвѣ или московскими людьми, какъ утверждалъ Л. Л. Васильевъ, но вообще въ рукописяхъ, носящихъ печать вліянія литературнаго языка и связанной съ нимъ орѳографіи.

Такое употребленіе *ѣ* и *е* находимъ: въ рядѣ актовъ, помѣщенныхъ въ серіи: «Памятники первыхъ лѣтъ русскаго старообрядчества» подъ редакціей Я. Л. Барскова (Лѣт. зан. Арх. Комм., т. XXIV), напр., № 6 (284 стр.); № 7—8; № 9; № 10 и др.; въ грамотахъ № 356 — 1516 г. и № 359—1521—1531 г., изданныхъ въ «Русско-Ливонскихъ актахъ» Напьерскаго; въ письмахъ Алексѣя Михайловича къ стольнику Матюшину, напечатанныхъ въ «Сборникѣ» Муханова (№ 144; № 145; № 146; № 148; № 149; №№ 150; 152; 154; 156; 157; 158; 159; №№ 160; 162; 163; 164; 165; 167; впрочемъ, отмѣчено нѣсколько исключеній: № 145: съ темъ; № 152: телеги; № 158: Алѣксея; № 162: по шѣе; № 164: недели — (нѣсколько разъ)); въ Арзамасскихъ помѣстныхъ актахъ, собранныхъ и редактированныхъ С. Б. Веселовскимъ (Чтенія въ Общ. Ист. и Др. Росс., 1916 г., № 1): № 1 — 1578 г.; № 13; № 15; № 18 — 1585 г.; № 20; № 68; № 73; № 77; № 99; № 81; № 98; № 104; № 127—ср. ib. — отдялити; № 112; № 113; № 115; № 117; № 119; № 121; № 130; № 142; № 143; № 144 — 1599 г.; № 146; № 147 — 1600 г.; № 148; № 149; № 154; № 164; № 170; № 181 и очень мн. др. (при этомъ въ высшей степени замѣчательно, что эта система употребленія *ѣ* и *е* послѣдовательно проводится въ нѣкоторыхъ рукописяхъ съ ярко выраженнымъ аканьемъ, напр., въ № 73, № 144 и др.); въ актахъ, помѣщенныхъ въ приложеніяхъ къ изслѣдованію Н. П. Лихачева: «Библіотека и архивъ московскихъ государей въ XVI стол. (СПб. 1894 г.), напр., II — 1588 г. (32—34 стр.); въ грамотѣ 1594 г., писанной въ Москвѣ (42—43 стр.), и т. п.; въ актахъ времени Лжедимитрія І-го (Чтенія въ Общ. Ист. и Др. Росс. 1918 г., № 1): № 21; № 22; въ № 23 — грамотѣ, пис. на Москвѣ 7113 г.; № 24; № 25; № 26; № 27; № 29; № 30; № 31 и др. под.; въ столбцахъ печатнаго приказа изъ первыхъ мѣсяцевъ царствованія Михаила Ѳеодоровича (Чтенія Общ. Ист. и Др. Росс. 1915 г., № 4): л. 7; л. 14—15; л. 23; л. 41; 47 и т. д.; въ нѣкоторыхъ актахъ, изданныхъ въ XV т. Русской Истор. Библ., напр., № 4; № 6; № 68; № 113—1627 г. и др.; въ Донскихъ дѣлахъ, напечатанныхъ въ XXIV т. Русск. Ист. Библ.: І № 1 —1640 г.;

I № 5; II № 3; II № 11; II № 12; II № 14; II № 19; III № 2; IV № 1—съ сильнымъ аканьемъ и мн. др.; въ XVIII т. Русск. Истор. Библ.: № 2—1614 г.; № 9; № 10; № 19—1614 г.; № 20 и мн. др.; въ грамотахъ и актахъ, изданныхъ въ Чт. Общ. Ист. и Др. 1913 г., кн. 2: въ № 5—1613 г.; въ № 9 — грамотѣ изъ Устюжской чети, писанной на Москвѣ; № 11 — то же; № 10 — грамотѣ изъ Галицкой чети, писанной на Москвѣ; № 20 — то же; № 30 — 1617 г. и мн. др. под.; въ переписныхъ книгахъ Костромского Ипатьевскаго монастыря 1595 г., сообшенныхъ М. И. Соколовымъ (Чт. Общ. Ист. и Др. Росс. 1890 г., кн. 3; исключенія немногочисленны: на пелене, на свече, в венце, резь — 31 стр. и нѣк. др.); въ Хронографѣ Чудова монастыря № 52/354 — XVI—XVII в., отрывки изъ котораго напечатаны М. Н. Сперанскимъ въ «Библіографическихъ матеріалахъ» А. Н. Попова (Чт. Общ. Ист. и Др. Росс. 1889 г., кн. 3); въ отрывкахъ изъ азбуки дьякона Θеодосія 1648 г., изданныхъ В. В. Бушемъ (Старинные азбуки — прописи. Изв. II Отд., XXIII т., кн. 1); въ чинѣ бракосочетанія царя Василія Ив. Шуйскаго съ княжною Маріею Буйносовой-Ростовской (Чт. Общ. Ист. и Др. 1907 г., кн. 3, 269—271 стр.); въ Сотницѣ съ Можайскихъ писцовыхъ книгъ 1544 г. на слободки Лужковскаго монастыря (Чт. Общ. Ист. и Др., 1908 г., кн. 4); въ рядѣ московскихъ документовъ XVII в. изъ Нидерландскаго государственнаго архива, напечатанныхъ А. М. Ловягинымъ въ введеніи (LXII—XCIV стр.) къ переводу «Посольства Кунраада фанъ-Кленка» (изд. Археогр. Ком., 1900); въ лицевомъ житіи Александра Македонскаго, напечатанномъ автографически съ рукописи, принадлежащей кн. П. П. Вяземскому № LXXI и IV° Общ. Люб. Др. Письм. (LXVII и LXXXVII вып.), и въ очень многихъ другихъ.

Такимъ образомъ, совокупность фактовъ изъ московскихъ рукописей разсматриваемаго типа рисуетъ процессъ постепенной замѣны неударяемаго *ѣ* черезъ *е*, начиная съ XV вѣка.

Замѣчательно, что совершенно аналогичныя явленія наблюдаются во многихъ сѣверно-великорусскихъ памятникахъ, отражающихъ различныя діалектическія группы. Съ начала XV в. идетъ рядъ рукописей сѣвернаго происхожденія, въ которыхъ, при послѣдовательномъ сохраненіи

буквы *ѣ*, — подъ удареніемъ, въ безударныхъ слогахъ вмѣсто нея находимъ *е*.

Любопытно, что нерѣдко въ памятникахъ, писанныхъ на Сѣверѣ Руси, распространенію изучаемой особенности сопутствуетъ процессъ нивеллировки рѣзкихъ діалектическихъ особенностей просторѣчія. Конечно, это обстоятельство можно приписывать вліянію сложившейся въ господствующемъ культурно-политическомъ центрѣ орѳографіи. И поэтому такіе памятники едва ли слѣдуетъ отдѣлять отъ московскихъ рукописей при изученіи того или иного явленія литературнаго языка. Таковы, напр., новгородскія грамоты 1431 г. и 1471 г. (по изданію А. А. Шахматова № 19 и 20; въ № 20: бѣжичи — цокающая форма сохранилась подъ вліяніемъ словъ на- *ичи*); грамоты 1516 г. и 1521 г. изъ «Р. Л. Актовъ» Напьерскаго; рядъ актовъ Холмогорской и Устюжской епархіи (№ 1, 2, 4, 5, 6, 9, 12, 17, 18, 19, 26, 30, 32, 34, 37, 42, 47 и др.), изд. въ XXV т. Р. И. Б.; отрывки изъ дѣла о сборѣ земли, дровъ и денегъ на емчужное дѣло XVI в. (Лѣт. зан. Арх. Ком., 11 вып.); грамоты № 24, 33, 57, 65, 111, 115, 116, 117, 125 и др. въ XV т. Русск. Ист. Библ.; слово о ревнивыхъ мужахъ изъ Севриг. Сб. Ак. Наукъ (Изв. II Отд., т. VII, кн. 4, 231 стр.) и мн. др.

Изъ общаго орѳографическаго облика этихъ рукописей ясно, что сохраненіе *ѣ* подъ удареніемъ и замѣна его черезъ *е* въ неударяемыхъ слогахъ — черта, перенесенная изъ Москвы и вообще съ юга на сѣверныя переферіи великорусскаго государства, а отнюдь не свидѣтельствующая о вліяніи сѣверно-великорусской графики на московскую, хотя такую орѳографію мы находимъ и въ тѣхъ сѣверно-русскихъ памятникахъ, въ которыхъ не сгладились совершенно мѣстныя діалектическія отличія. Таковы, напр., новгородская грамота 1426—1461 г. (по изданію Шахматова — № 18); нѣкоторые изъ актовъ Холмогорской и Устюжской епархій (Р. И. Б., т. XXV), напр., № 1, въ которой наблюдаемъ діалектическую форму: моевъ женою; № 12, въ которой видимъ переходъ *á* между мягкими согласными въ *е*: принети и т. п.

Но и въ этихъ памятникахъ діалектическая струя замѣтно уступаетъ вліянію литературныхъ и культурныхъ центровъ, говоръ которыхъ сти-

ралъ рѣзкія особенности мѣстнаго сѣвернаго «просторѣчія». Слѣдовательно, новые пріемы въ употребленіи *ѣ* и *е* и въ этихъ текстахъ укоренились благодаря воздѣйствію въ той или иной степени сложившейся въ Москвѣ орѳографіи.

Но всѣ эти наблюденія надъ сферой распространенія московскихъ пріемовъ въ употребленіи *ѣ* и *е* не даютъ опредѣленныхъ указаній по вопросу о фонетической основѣ этого явленія. Они въ этомъ отношеніи нейтральны. Правда, стать на чисто графическую точку зрѣнія мѣшаетъ недоумѣнный вопросъ: какъ могло такъ послѣдовательно и стройно держаться этимологически правильное употребленіе буквы *ѣ* подъ удареніемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда скрывавшійся подъ нею звукъ ничѣмъ не отличался отъ *é*?

Можно понять замѣну буквы *ѣ* черезъ *е* въ неударяемомъ положеніи, такъ какъ соотвѣтствующіе звуки, подвергаясь редукціи, совпадали съ рефлексами безударнаго *е*. Но вѣдь логически неизбѣжнымъ, при согласіи съ теоріей ак. Соболевскаго, было бы правило объ употребленіи на мѣстѣ *ѣ* и *е* подъ удареніемъ также какой-нибудь одной буквы, именно *ѣ*, въ положеніи передъ мягкими согласными и даже передъ твердыми, такъ какъ въ литературномъ языкѣ (это уже доказано проф. Е. Ѳ. Будде) *е* передъ твердымъ слогомъ (особенно — не послѣ шипящихъ и ј) долго — до половины XVIII в. сохранялось въ большомъ количествѣ формъ, не подвергаясь переходу въ *о*, подъ вліяніемъ архаическаго произношенія и графической традиціи. Такъ могло бы въ какой-нибудь московской школѣ письма создаться искусственное разграниченіе сферъ употребленія буквъ *ѣ* и *е* въ зависимости отъ ударенія — въ противовѣсъ той школѣ, которая, отражая совпаденіе звуковъ *ѣ* и *е* въ «просторѣчіи», пользовалась безразлично буквами *ѣ* и *е* или одной буквой *е* въ ударяемыхъ и безударныхъ слогахъ.

Правда, уже проф. Брандъ отмѣтилъ на основаніи сообщеній Соколова попытки употреблять букву *ѣ* вмѣсто *е* только подъ удареніемъ. Могу указать нѣсколько памятниковъ, въ которыхъ наблюдаются единичные случаи этого рода: въ приходо-расходныхъ и смѣтныхъ книгахъ Арзамасскихъ и Барминскихъ будныхъ становъ за 1680 г., при послѣдовательной замѣнѣ черезъ *е* неударяемаго *ѣ* и сохраненіи *ѣ* подъ уда-

реніемъ, находимъ также подъ удареніемъ примѣры *ѣ* на мѣстѣ ожидаемаго *е:* Надѣжинъ 31 bis; Надѣжка, — 38; но ср. еще: грѣчишныхъ; Свѣрчкова — 28, 50 (Чтенія въ Общ. Ист. и Др. Росс. 1908 г., кн. 3); на л. 138 об. — 172 об. Коншинскаго Сборника (Публ. Библ. Q. XVII. № 149), писанныхъ, по опредѣленію А. С. Орлова, въ концѣ XVI в., при нерѣдкой замѣнѣ безударнаго *ѣ* черезъ *е*, встрѣчаемъ единичные примѣры постановки *ѣ* на мѣстѣ *е*, которые, если исключить формы nom. plur. сущ.: єгиптанѣ 134; кр̃тьянѣ 155 и нѣк. др. под., падаютъ на ударяемые слоги: во^{з}мѣтъ 172; кѣсаря 134, ср. кесарь 133 (А. Орловъ. Домострой по Коншинскому списку и подобнымъ, 25 стр.); въ Судебникѣ Ив. Вас. по рукописи Ундольск. XVI в. № 824, при обычныхъ случаяхъ замѣны неударяемаго *ѣ* черезъ *е* (см. Шахматовъ, Ист. русск. яз., 233 стр.), А. А. Шахматовъ замѣтилъ *ѣ* вмѣсто *е* только въ примѣрахъ: идѣтъ 3а; волостѣхъ 3а, 46а; лошадѣхъ 116 (Фонетика, 155 стр.); ср. въ письмѣ царя Алексѣя Михайловича къ стольнику Матюшину, помѣщенномъ въ «Сборникѣ» Муханова подъ № 162: по шѣе.

Эти факты какъ будто наводятъ на мысль, что нѣкоторые московскіе или иныхъ мѣстъ литературно образованные писцы, усвоивъ правило о сохраненіи буквы *ѣ* лишь подъ удареніемъ, были не прочь поставить *ѣ* и на мѣстѣ этимологическаго *е* подъ удареніемъ, такъ какъ фонетика литературнаго языка не противорѣчила такой орѳографіи. Однако, при внимательномъ анализѣ, доказательность этихъ примѣровъ понизится до нуля. Было уже сказано, что разсматриваемые пріемы сохраненія *ѣ* въ зависимости отъ ударенія, укоренившіеся въ высшемъ классѣ, могли вліять и на иныя школы письма — съ ярко выраженными чертами южно-великорусскаго «просторѣчія». Но чисто грамматическое усвоеніе этихъ пріемовъ всегда давало себя знать орѳографическими ошибками. Однако, собранные мною примѣры этого типа слишкомъ немногочисленны, чтобы на нихъ строить какіе-нибудь выводы о произношеніи *ѣ* даже въ тѣхъ памятникахъ, въ которыхъ отмѣчены эти случаи замѣны ударяемаго *е* черезъ *ѣ*.

Кромѣ того, необходимо помнить, что въ говорахъ, различающихъ *ѣ* и *е*, изслѣдователямъ приходилось наблюдать звукъ *ѣ* на мѣстѣ ожи-

даемаго *е*, правда, по преимуществу въ словахъ, заимствованныхъ изъ другихъ говоровъ, напримѣръ, въ Лѣкинск. гов., Егор. у.: ќѣиф, ќѣја́ф; вр́ѣт, вр́ѣдна, в́ѣш́, в́ѣш́и, л́ѣнта и др. под. (Шахматовъ, 193—194 стр.); въ говорѣ Никольскаго у.: вріѣдной, набіѣрка, циріѣна и т. п. (Мансикка, 207 стр.)[1].

Такимъ образомъ, попрежнему остается непоколебленнымъ и необъясненнымъ фактъ послѣдовательнаго сохраненія *ѣ* ударяемаго при столь же послѣдовательной замѣнѣ его внѣ ударенія черезъ *е* во множествѣ памятниковъ литературнаго языка. И кажется страннымъ, почему писцы не замѣнили черезъ *ѣ*, по крайней мѣрѣ, то *е* подъ удареніемъ, съ которымъ въ современномъ литературномъ языкѣ совпало *ѣ*.

Эти соображенія убѣждаютъ въ томъ, что одной предпосылки, именно: различія рефлексовъ *ѣ* въ ударяемыхъ и безударныхъ слогахъ, недостаточно для объясненія послѣдовательнаго сохраненія ударяемаго *ѣ*, а необходимо для оправданія этой особенности еще предположить звуковыя отличія *ѣ* отъ *е*, сохранившіяся подъ удареніемъ.

Опору для этого допущенія я нашелъ въ тѣхъ сѣверно-великорусскихъ памятникахъ, въ которыхъ ударяемое *ѣ* или сохраняется или переходитъ въ *и* (въ однихъ — независимо отъ качества слѣдующаго слога, въ другихъ — лишь въ положеніи передъ мягкими согласными), а неударяемое послѣдовательно, безъ всякихъ исключеній, замѣняется черезъ *е*. Очевидно, что объясненіе этого различія въ употребленіи буквы *ѣ* — въ зависимости отъ положенія въ отношеніи къ ударенію, ороографическими пріемами писцовъ не примѣнимо къ сѣверно-великорусскимъ памятникамъ упомянутаго типа. Вполнѣ естественно рождается мысль о вліяніи на соотвѣтствующіе сѣверно-русскіе говоры тѣхъ же причинъ, которыя вызвали точно такое же различіе рефлексовъ ударяемаго и неударяемаго *ѣ* въ литературномъ языкѣ, или даже о вліяніи самого литературнаго языка на языковую жизнь Сѣвера, обнаружившемся

---

[1] Ср. у Сумарокова: «мнѣ труднѣе многихъ научиться было отличать *ѣ* отъ *е*, ибо въ прекрасномъ произношеніи московскомъ, которое почти одни только приближенныя къ Москвѣ крестьяне употребляютъ не шпикуя языка своего чужими словами и не перемѣняя древняго произношенія, мы находимъ то, что благородныя люди, наши предки *многія тупыя слова въ острыя премѣнили*. Ч. VI, 1781 г., 44 стр.

въ интересующихъ насъ процессахъ. Словомъ, фактъ существованія сходной орѳографіи въ рукописяхъ, отражающихъ говоры — съ несомнѣнной разницей въ произношеніи *ѣ* и *е*, обязываетъ искать фонетическаго объясненія этой орѳографіи и въ московскихъ памятникахъ (см. слѣдующую главу. Ср. также мой Отчетъ о занятіяхъ исторіей русскаго языка въ 1919 г., стр. 3, 8, 12).

Въ виду этого необходимо склониться къ фонетическому истолкованію данныхъ московскихъ памятниковъ относительно *ѣ* и *е* и отвергнуть объясненія А. И. Соболевскаго.

Слѣдующія соображенія не только подтверждаютъ правильность этого рѣшенія, но и позволяютъ точнѣе опредѣлить звуковое качество буквы *ѣ* въ московской графикѣ. Уже нѣкоторыя изъ приведенныхъ Л. Л. Васильевымъ въ статьѣ о произношеніи *ѣ* въ московск. нарѣчіи данныхъ, особенно любопытная запись XVII в., напечатанная имъ, наталкивали изслѣдователей на предположеніе, что «замѣститель стараго *ѣ* подъ удареніемъ продолжалъ звучать здѣсь какъ дифтонгъ *i̯ê* или какъ узкое *ê* или, наконецъ, какъ *i*ᵉ» (Шахматовъ. Очеркъ, 128 стр.).

Въ самомъ дѣлѣ, есть ясные слѣды того, что въ воспріятіи иностранцевъ звукъ *ѣ* литературнаго языка XVI—XVII в. обрисовывался, какъ дифтонгъ *i͡e*.

Прямыя указанія на дифтонгическое произношеніе *ѣ* даетъ Henrici Wilhelmi Ludolfi Grammatika Russica (изд. 1696 г.—См. о ней Н. К. Грунскій. Очерки по исторіи разработки синтаксиса славянскихъ языковъ, т. I, 12 стр.[1], въ которой caput I de literis, pronunciatione, orthographia приравниваетъ jest (є) къ латинскому *e*, а относительно *ѣ* содержитъ такое замѣчаніе: jat — *ѣ* — *ie* diphtongus (7 стр.).

Съ этимъ свидѣтельствомъ грамматика XVII в. въ высшей степени любопытно сопоставить передачу русской азбуки иностранцами.

Въ Часословѣ Bodl. 946 Slav., XVI в., русской редакціи, написанномъ въ Россіи въ 1588 г. для англичанина Томаса, мы находимъ на л. 1б такую транскрипцію *ѣ* и *е*: *ѣ*=*ye*, *е*=ε (П. А. Сырку. За-

---

[1] Ср. еще С. К. Буличъ. Церковно-слав. элементы въ совр. литер. и народномъ языкѣ, 61—62 стр.

мѣтки о славянскихъ и русскихъ рукописяхъ въ Bodleian Library въ Оксфордѣ. СПб. 1908 г., 18 стр.). Совершенно аналогичныя данныя извлекаемъ изъ «Characteres linguae Ruthenicae», помѣщенныхъ Адамомъ Олеаріемъ въ его описаніи путешествія въ Московію: є — jest *e*; *ѣ* — jat — *ie* (ср. *ю* — iü. Адамъ Олеарій. Описание путешествія въ Московію. Переводъ А. М. Ловягина. СПб. 1906 г., 297 стр.); изъ «Alphabetum ruthenicum» у Мейерберга: *E*, є — jest — *e*; *ѣ* — jet — ie (Альбомъ Мейерберга. 1903 г. Виды и бытовыя картины Россіи XVII в., 46 стр.).

Въ высшей степени замѣчательно, что Лудольфъ подмѣтилъ разницу въ произношеніи у москвичей ударяемаго и безударнаго *ѣ*. Въ заключеніи своей грамматики, гдѣ онъ ставитъ своей задачей appendicis loca subjungere pauca, ad historiam Russiae spectantia, онъ въ фонетической транскрипціи такъ передаетъ нѣсколько русскихъ словъ, имѣющихъ этимологическое *ѣ*: beluga (94 стр.); Bog u nas niet (97 стр.).

Въ связи съ этими свидѣтельствами пріобрѣтаютъ нѣкоторое значеніе данныя русско-англійскаго словаря XVI в. James Ms 43 въ Bodleian Library въ Оксфордѣ (Сырку, 36—40). Въ приведенныхъ П. А. Сырку выдержкахъ въ большинствѣ примѣровъ ударяемое *ѣ* передано буквами *ea*, *ie*, а *e* — во всякомъ положеніи и безударное *ѣ* транскрибируются черезъ *e*, напр., leato, oreah, tsweat (a colour), colliena, mielkah, cealo, но — cleb, snege (snowe), senie, scrorrostrelna (опечатка?); ср. также ripah (a turnip); ср. передачу безударнаго *ѣ* и *e*: switscha, shenacos, reka, pesoke, lebed, penka, zerkolah, rebenka и др. под. (но: breavno—the tree of a house, peach).

Совокупность этихъ данныхъ не только ставитъ на твердую почву гипотезу объ отличіи звука *ѣ* отъ *e* въ произношеніи высшаго слоя московскаго общества, но и опредѣляетъ звуковое качество *ѣ*, какъ дифтонга *ie* или неоднороднаго звука i^e. Правда, можно допустить, что, относя *ѣ* къ дифтонгамъ, иностранцы имѣли въ виду тотъ «гласный болѣе высокаго характернаго тона», которымъ начинается *e* въ современномъ литературномъ языкѣ послѣ палатализованныхъ согласныхъ (см. объ этомъ у Л. В. Щербы. Русскіе гласные. Спб. 1912. Стр. 87, 135). Въ такомъ случаѣ *ѣ* тогдашнее ничѣмъ не отличалось бы отъ

современнаго *е* подъ удареніемъ. Однако, *ѣ* воспринималось, какъ дифтонгъ, не только иностранцами, но и самими русскими интеллигентами [1].

Вѣдь нѣтъ никакихъ основаній отдѣлять отъ данныхъ XVI—XVII в. замѣчанія многихъ ученыхъ и писателей XVIII в. о разницѣ между произношеніемъ *ѣ* и *е* въ говорѣ образованныхъ москвичей того времени.

И вотъ къ началу XVIII в. относится рядъ очень опредѣленныхъ указаній на произношеніе въ литературномъ языкѣ *ѣ*, какъ дифтонга *i͡e*. Въ Публичной Библіотекѣ въ рукописной грамматикѣ 1725 г. (подъ заглавіемъ: «Технолóгіѧ тò єсть худóжноє собесѣдованіє ѿ грамматíческомъ художествѣ сóбранное вопросоотвѣтами по алфавíту числи́телномꙋ в̓ пóльзу люботщательства ѻ҆троческагѡ в̓ лѣто 1725) читается: «буква *ѣ*... произнóсится а҆ки *ié*... вмѣстѡ *ѣ* писа́тися и҆ произнóситися *е*, и҆лѝ *и* не мóжетъ, а҆ще ли же ктò си́це употребля́етъ той ꙋ҆бѡ не вѣсть ни разꙋма реченій вижè си́лы писа́нїи, и такѡ ꙋ҆потребля́я проти́вноє и҆ногдà твори́тъ, напри́кладъ: бж҃е тебѣ̀ сла́ва и҆ пѣнїє подобаетъ, а произноситъ или пишетъ пеніє, и та́кѡ ꙋ҆бѡ пéніє черезъ *е* употребля́емо не значитъ хвалы̀ но в̓ лѣсѣ, древéсъ ѡ҆брѣта́ю-

---

[1] Считаю доказательными приведенные факты не только въ силу согласныхъ указаній разнородныхъ источниковъ, но, главнымъ образомъ, въ виду категорическихъ заявленій грамматики Лудольфа и приводимыхъ ниже данныхъ изъ Технологіи 1725 г., Anfangs Gründe der Russischen Sprache о дифтонгическомъ произношеніи *ѣ* (ср. также у Крижанича: *ѣ* соотвѣтствуетъ русскому *ие* (или *е* въ словахъ — стрела́, река́). Ягичъ. Исторія слав. филол., т. I, 36 стр.].

Сама же по себѣ графическая передача *ѣ* черезъ *іе*, *е*—черезъ *е*, конечно, еще мало показательна. Ср., напр., транскрипцію Іосифа Добровскаго у Lundell'я. Etudes sur la prononciation russe (Русск. пер. въ Филол. Зап. 1911—1912). Ср. проф. П. И. Ковалевскій. Душевныя болѣзни. СПб. 1905 г., 134 стр.: «Нѣкоторые больные пишутъ буквами чужого алфавита или выдумываютъ новый; такъ, мой больной писалъ буквами латинскаго алфавита.

Солнце и дипломатъ.

Swietilo umowl s nadnebesnych czertogow
Lubujas' prirodoy na zemlu gladit;
J taynym dychaniem pod wsorom wsiech wsorow
Odetye wieroy serdza weselit.

щаяся пе́нья и́ли пни́. и у́спи́хъ у́потребляемо нѣсть єдинаго значе́нія, и́бо чре́зъ ѣ значит и́мя, а чрезъ и глаго́лъ. И та́кѡ ви́дѣти єсть в сицево́мъ ороографіи ненаблюде́ніи ве́ліе погрѣше́ніе и разу́ма лишеніе» (24 стр.). Ср. въ Слѣдованной Псалтыри (1645 г.) «Наказаніе ко учителемъ»... «па́че же ять съ є́стемъ ра́знити, є́же бы не речци в мѣсто пѣні́ѧ пе́ніе... (Изв. XV, 3, 216 стр., примѣч. 2).

Въ грамматикѣ 1731 г. на нѣмецкомъ языкѣ, помѣщенной въ приложеніи къ нѣмецко-латинско-русскому словарю въ изданіи Академіи Наукъ и приписываемой обычно Ададурову [1]), — Die Anfangsgründe der Russischen Sprache — находимъ такое свидѣтельство о произношеніи ѣ:

---

[1] О ней см. Ѳ. А. Витбергъ. Ревнители русскаго слова. СПб. 1899, 8 стр. Будиловичъ, М. В. Ломоносовъ, какъ натуралистъ и филологъ, 70 стр. Н. К. Грунскій. Очерки по исторіи разработки синтаксиса славянскихъ языковъ, т. I, 18 стр. Ср. С. К. Буличъ. Очеркъ исторіи языкознанія въ Россіи, 213 стр. При свѣтѣ этихъ утвержденій уясняется рядъ темныхъ мѣстъ, возбуждавшихъ недоумѣнія и противорѣчивыя толкованія, въ сочиненіяхъ Тредьяковскаго: 1) становится понятной передача Тредьяковскимъ французскаго *ie* через ѣ, напр., новоманѣрныя (Разговоръ, 438 стр.), пѣса (Пекарскій. Ист. Ак. Наукъ, II, 180 стр.; ср. Васильевъ. Изв. II Отд., XV, 3, 206 стр., ср. указаніе ак. А. А. Шахматова на произношеніе слова піеса въ устахъ москвичей. Исторія русск. языка, 111 стр.); 2) получаютъ точный смыслъ разсужденія Тредьяковскаго «о двугласной ѣ, подобной латінскимъ *ie* однимъ слогомъ произнесеннымъ, по нѣмецкому *ї* польскому латіны произношенію» («О множественномъ прілагательныхъ целыхъ іменъ окончені». Цит. по объяснительнымъ примѣчаніямъ и приложеніямъ къ грамматикѣ Ломоносова. Изд. Ак. Наукъ, т. IV, стр. 24, ср. Разговоръ, 129—130 стр.); ср. ib., 11 стр.: «всѣ наши двугласные въ сложеніі своемъ імѣютъ отъ лѣвыя руки букву (*ї*)»); 3) болѣе рельефно рисуется его предложеніе обозначать одной буквой ѣ и іотированное *е* въ началѣ слога (т. е. *іе*). Въ связи съ этимъ уясняется замѣчаніе Сумарокова о произношеніи ѣ, что оно «всегда нѣсколько въ *ї* вшибается» (Сочиненія, 1781 г., ч. VI, 53 стр.).

Но очевидно, что въ XVIII в. ѣ даже у наиболѣе консервативно хранившихъ старый литературный говоръ москвичей—теряло свой дифтонгическій характеръ и совпадало съ *е*. Объ этомъ единогласно свидѣтельствуютъ Ломоносовъ (Грамматика, § 117 и § 118) и Шлецеръ (Русская грамматика. Сборникъ II Отд., т. XIII, 432 стр.), хотя по традиціи, а отчасти и подъ вліяніемъ ороографіи указанія на «разность» между ѣ и *е* встрѣчаются въ грамматикахъ и позже (см., напр., ст. В. Чернышева: «Нѣсколько указаній на московское нарѣчіе въ концѣ XVIII в.», гдѣ рѣчь идетъ о грамматикѣ Барсова 1780 г., Русск. Фил. Вѣст., т. LI, 148 стр.).

ѣ gehört zu den Diphtongis (3 стр.) и звучитъ, какъ *je* im Teutschen als ѣду liess jedu (5 стр.). Такъ какъ это замѣчаніе не сопровождается оговоркой о разницѣ въ произношеніи *ѣ*—въ зависимости отъ положенія въ началѣ слога или послѣ согласныхъ (а такое разграниченіе сдѣлано здѣсь при опредѣленіи звукового качества буквъ *я, ю, е*), то я, несмотря на сомнительный примѣръ — ѣду, признаю это указаніе на дифтонгическій характеръ *ѣ* въ литературномъ языкѣ XVIII в. въ высшей степени цѣннымъ и убѣдительнымъ. Фонетическія наблюденія автора Anfansgründe вообще очень тонки и точны.

Такимъ образомъ, я настаиваю на существованіи тѣсной и непосредственной связи между произношеніемъ звуковъ *ѣ* и *е* писцами XVI—XVII в. и нѣкоторымъ слоемъ московской интеллигенціи XVIII в.

Подтверждение этому мнѣнію я нахожу прежде всего въ фактѣ существованія рукописей начала XVIII столѣтія съ описанной выше орѳографіей *ѣ* и *е*. Именно: находимъ сохраненіе *ѣ* подъ удареніемъ и послѣдовательную замѣтку его безударнымъ *е* въ «притче исъ книги Метреи выписаной и повести царя Волота Волотовича» по рукоп. Моск. Румянц. Музея № 591, лл. 278—282, первой четверти XVIII в. (см. А. В. Марковъ. Повѣсть о Волотѣ... Изв. II Отд., XVIII, 1913 г., № 1); въ напечатанныхъ К. В. Харламповичемъ выдержкахъ изъ Анатоліевскаго Сборника нач. XVIII в. (К. В. Харламповичъ. Вѣдомости Московскаго государства 1702 г. Изв. II Отд., 1918 г., кн. I, т. XXIII).

Фактъ существованія рукописей начала XVIII столѣтія съ той же орѳографіей *ѣ* и *е*, которую наблюдаемъ въ громадномъ количествѣ рукописей XV—XVII вѣковъ, доказываетъ, что Л. Л. Васильевъ былъ правъ, возставая противъ мнѣнія проф. Будде, поддерживаемаго Житецкимъ и проф. Брандтомъ, о томъ, будто въ произношеніи *ѣ* и *е* образованнымъ обществомъ XVIII в. сказалось вліяніе малорусскаго духовенства на нашъ литературный языкъ. Впрочемъ — противъ гипотезы проф. Будде вѣскіе доводы привелъ еще Сумароковъ, на показанія котораго проф. Будде ссылается.

Сумароковъ вполнѣ опредѣленно отдѣляетъ литературное произношеніе *ѣ* и *е* какъ отъ языка «подьячихъ и бабъ», «которые между *е* и *ѣ* различіе почитаютъ за ничто или паче за родъ педантства» (Сумароковъ,

Сочиненія. 1781 г., ч. VI, 32 стр.; ср. 26 стр.), такъ и отъ «малороссійскихъ» испорченныхъ выговоровъ (ib., 26 стр.). «Знатнѣйшія наши духовныя», пишетъ онъ, «были ко стыду нашему только одни малороссіянцы, почти до времени владѣющія нами самодержицы: отъ чего всѣ духовныя слѣпо слѣдуя ихъ неправильному и провинціяльному нарѣчію вмѣсто по вѣки и прот. говорили по вики и такъ даляе» (26 стр.). И въ другомъ мѣстѣ: «Малороссіянцы вм. тебѣ Господи — теби Господы и вм. Господи помилуй поютъ иногда Господы помилуй и т. д. Но если намъ писать по выговору малороссійскому, такъ должны мы вм. лѣта говорить лита, а вм. только — тилько и прот.» (27).

Кромѣ того, и самъ проф. Будде старается опровергнуть свою гипотезу о произношеній *ѣ* и *е* въ литературномъ языкѣ XVIII в. соображеніями относительно рифмъ въ стихотворныхъ сочиненіяхъ XVIII столѣтія (Проф. Е. Ѳ. Будде. Очеркъ исторіи литературнаго языка, 25 стр.).

Уже развитыхъ мною мыслей достаточно для того, чтобы отречься отъ гипотезы проф. Будде и признать разницу между *ѣ* и *е* въ говорѣ московской интеллигенціи XVIII вѣка отраженіемъ стараго, органическаго различія ихъ въ литературномъ языкѣ, а не продуктомъ поздняго внѣшняго заимствованія.

Критическій разборъ взглядовъ проф. Будде естественно приводитъ къ гипотезамъ Л. Л. Васильева и В. И. Чернышева. Вѣдь между взглядами проф. Будде и Л. Л. Васильева — при всемъ ихъ разногласіи въ объясненіи причинъ разсматриваемаго явленія и установленіи его хронологіи — замѣчается полное совпаденіе въ пониманіи физіологическихъ основъ несоотвѣтствія *ѣ* и *е*: съ той и другой точки зрѣнія — это различіе заключается не въ характерѣ самихъ звуковъ, а въ отсутствіи палатализаціи согласныхъ передъ *е*. Впрочемъ, Л. Л. Васильевъ готовъ былъ поставить «вопросъ о дифтонгическомъ характерѣ московской буквы *ѣ* XVIII в.», но колебался дать на него положительный отвѣтъ за отсутствіемъ данныхъ (Изв. XV, 3, 206). Единственный аргументъ, которымъ располагалъ Л. Л. Васильевъ въ пользу предложеннаго имъ пониманія взаимоотношенія звуковъ *ѣ* и *е*, — спорадическіе случаи замѣны *ѣ* черезъ *е* послѣ *ц* въ трехъ памятникахъ XVII в., легко примирить съ признаніемъ дифтонгическаго значенія *ѣ*: цену, многоценный

и т. п. могли получить *е* изъ такихъ формъ, какъ цена, ценить; целый въ лѣт. XVII в. можно сопоставить съ распространеннымъ въ сѣверо-великорусскихъ говорахъ произношеніемъ этого слова, какъ цёлый (см., напр., Мат. VIII, 92); ср. цоловать. Такимъ образомъ, анализъ положеній Л. Л. Васильева и В. И. Чернышева слѣдуетъ ограничить вопросомъ о характерѣ звука *е* въ литературномъ языкѣ XVIII в. и раньше, поскольку раскрытіе этого вопроса укрѣпляетъ защищаемую мною гипотезу о звуковомъ качествѣ *ѣ*.

Прежде всего необходимо указать, что до насъ дошли голоса изъ XVIII в., протестующіе противъ отожествленія звукового качества буквъ *е* и *э*. Такова русская грамматика 1731 г. — Die Anfangsgründe der Russischen Sprache.

Здѣсь мы находимъ рѣшительное опроверженіе мнѣнія о равенствѣ *е* звуку, передаваемому теперь нами буквой *э*: *E* wird von Anfang einer jeden Silbe wie *je* gelesen, als единъ liess jedin. Sonst aber am Ende der Silben wie schlechtes *e* ausgesprochen, als естество wird gelesen jestestwo; верхнее liess werchneje (4 стр.).

Э wird beständig als ein ordentliches *e* gelesen, und ist mit *e* nicht zu confundiren (5 стр.).

Это ясное свидѣтельство находитъ подтвержденіе и въ рукописи Публ. Библ. 1725 г. подъ заглавіемъ: Технологіѧ. И здѣсь опредѣленно *е* отличается отъ *э*. Дается такое указаніе: Егда̀ бꙋ́ква є начинаетъ еврейская, греческая и латінская реченія како тогда произносится; произно́сится ка́къ латінское *е*, что нн҃ѣ Рѡссі́иски употребляемо си́це *э*, яко пи́шется ’Еммануилъ, а̀ произносится Эммануилъ (18 стр.).

Замѣчу также, что данныя грамматики Лудольфа не подтверждаютъ гипотезы Л. Л. Васильева, будто отсутствіе перехода *е* въ *о* въ литературномъ языкѣ XVIII в. было слѣдствіемъ исконной твердости согласныхъ передъ *е*, а не обусловлено консервативнымъ строемъ литературнаго языка, связаннаго къ тому же съ церковнымъ произношеніемъ, но въ то же время впитывавшаго и народныя формы. Въ грамматикѣ Лудольфа читаемъ: Є in initio vocis pronunciatur tanquam iota Germanicum praecederet єво — ievo — illius, єсть — iest — est; in ultima syllaba

sequente alia consonante frequenter ut *o* пиешъ—bibis pijosch, бьешъ—biiosch — verberas (8 стр.). Ср. щеглонокъ — 88 стр.; огномъ — 74 стр.

Я долженъ прибавить, что допущенная Л. Л. Васильевымъ для обоснованія его гипотезы предпосылка о позднемъ смягченіи согласныхъ передъ *е* и переходѣ затѣмъ этого звука въ *о* въ великорусскомъ нарѣчіи имъ ничѣмъ не обоснована.

Вѣдь тѣ народные говоры, на которые ссылался Л. Л. Васильевъ въ подтвержденіе предполагаемаго имъ хода измѣненій звука *е*, представляютъ данныя, совершенно уничтожающія убѣдительность этой аналогіи. Имъ извѣстенъ переходъ *е* въ *о* (вопреки мнѣнію Л. Л. Васильева), ср. говоры Тульской губ., на которые указывалъ Л. Л. Васильевъ (зъчинёмшы 834 стр.; ва усём домя 832; висёлāй 833; свёкӑр и др. Ср. въ описаніи этихъ говоровъ, стр. 827 и 829. Будде. О нѣкоторыхъ народныхъ говорахъ въ Тульской и Калужской губ., Изв. II Отд., т. III, кн. 3; любопытны еще здѣсь примѣры: здэ́шныᵘjа, чйлавэ́ка; пъскарэй 834). Ср. Тотемскій говоръ, въ которомъ къ тому же «двѣ степени палатализаціи» имѣютъ не всѣ согласные, а лишь губные и *р*, *л* (Сборн. II Отд., 83 т., 75 и слѣд. стр.; ср. męoц, bęogût и т. п.); говоръ с. Пустошей, описанный Д. В. Бубрихомъ (здѣсь вообще извѣстно лишь приспособленіе согласныхъ по высотѣ собственнаго звука къ послѣдующимъ гласнымъ передняго ряда; на мѣстѣ *е* передъ твердыми согласными въ с. Пустоши наблюдается дифтонгъ *i̯ó* — pi̯ós, vi̯ós и др. под. Изв. II Отд., т. XVIII, кн. 4, стр. 315, 332 и слѣд.) и т. д.

Замѣчу кстати, что приведенные В. И. Чернышевымъ факты изъ московскихъ говоровъ говорятъ о спорадическомъ отвердѣніи въ нихъ согласныхъ не только передъ *е*, но и передъ *и*, т. е. о явленіи явно вторичнаго происхожденія (Сб. II Отд., т. 68). Ср. также замѣчаніе проф. Н. Н. Дурново «о твердомъ или мягкомъ произношеніи согласныхъ передъ *е*, *и* въ южно-великорусскихъ говорахъ» (Отчетъ. Сб. II Отд., 82 т.; 40 стр.).

Такимъ образомъ, отвердѣніе согласныхъ передъ *е* — въ великорусскихъ говорахъ — надо считать позднѣйшимъ явленіемъ, возникшимъ

въ результатѣ приспособленія согласной звуку *е* (см. Шахматовъ. Очеркъ, 128 стр.)[1].

Распространяя этотъ выводъ и на литературный языкъ, мы должны предполагаемое Л. Л. Васильевымъ отвердѣніе согласныхъ передъ *е* или считать однимъ изъ южно-великорусскихъ наслоеній въ литературномъ языкѣ, проникшимъ въ него до начала XV в. (такъ какъ иначе — останется безъ объясненія для Л. Л. Васильева разсмотрѣнная нами орѳографія московскихъ памятниковъ), или результатомъ позднѣйшаго воздѣйствія малорусскаго нарѣчія (если предположить, что разница въ употребленіи *ѣ* и *е* въ памятникахъ объясняется различіемъ въ характерѣ соотвѣтствующихъ звуковъ), или, наконецъ, допустить самостоятельное возникновеніе этой черты въ томъ говорѣ, которымъ пользовались господствующіе классы въ центрахъ Ростово-Суздальской Руси въ XII—XIII вѣкахъ, и который легъ въ основу московскаго литературнаго языка, подвергаясь здѣсь новымъ измѣненіямъ. Противъ перваго предположенія говоритъ наличность въ части московскихъ памятниковъ, начиная съ XIV в. смѣшаннаго употребленія *ѣ* и *е*, которое можно приписать только южно-великорусскому вліянію на вульгарные говоры литературнаго языка.

Второе предположеніе ведетъ Л. Л. Васильева къ теоріи проф. Будде, которая уже отвергнута и нами и Л. Л. Васильевымъ.

Третье предположеніе остается; но въ арсеналѣ Л. Л. Васильева и В. И. Чернышева нѣтъ другихъ средствъ для его защиты, кромѣ ссылокъ на Тредьяковскаго и Сумаровка. Однако и въ этой сферѣ можно найти опору для обратного мнѣнія.

---

[1] Всѣми этими разсужденіями и ссылками я хотѣлъ бы вопросъ о характерѣ звука *е* въ литерат. языкѣ XIV—XVIII в. отдѣлить отъ вопроса о переходѣ *е* въ *о* въ великорусскомъ нарѣчіи, съ которымъ связалъ его Л. Л. Васильевъ. Консервативно сохраняя *е* передъ твердыми согласными (рядомъ съ семантическими варіантами изъ просторѣчія въ разговорѣ повседневномъ), литературный языкъ могъ слѣдовать архаической, церк вно-книжной традиціи, принесенной изъ Кіева (ср. сохраненіе *é* въ современномъ церковномъ произношеніи). Кромѣ того, какъ показываютъ аналогіи изъ народныхъ говоровъ, отсутствіе перехода *е* въ *о* (такіе говоры, дѣйствительно, есть, хотя ихъ не могъ указать Л. Л. Васильевъ), не всегда предполагаетъ въ данное время твердость согласныхъ передъ *е* (ср. говоръ Боровичск. у. Жив. Ст., V, вып. III—IV; г. с. Новоселокъ, Ряз. у. Р. Ф. В. 1912, № 3).

О произношеніи *е*, какъ звука, смягчающаго предыдущій согласный, между прочимъ, и въ языкѣ интеллигенціи XVIII в., говоритъ рядъ замѣчаній Тредьяковскаго, напр., разсужденія его о частомъ выговорѣ *е* вм. *и* (примѣры: Василій — Василей, повелѣній — повелѣней, 252 стр., Разговоръ объ ореографіи), о необходимости обозначенія ударяемаго *е*, которому въ народномъ говорѣ не соотвѣтствуетъ *іо*, черезъ Е (введеніе, твореніе, благоволеніе, 253 стр.).

Попытки Сумарокова опредѣлить характеръ произношенія *е*, при всей ихъ противорѣчивости, — могутъ быть также легко поняты при признаніи тождества тогдашняго *е* съ современнымъ. Въ «наставленіи ученикомъ» Сумароковъ пишетъ: «*ѣ* всегда нѣсколько въ *и* вшибается, а *е* — никогда, но нѣсколько въ *йо*, когда въ нево и не премѣняется» (Часть VI, 53 стр.). Здѣсь же: «*е* вшибается нѣсколько въ *ѣ*, что и понудило сіе странное не московитину ввести правило, чтобы писать лѣтней и проч., а пристойняе бы испортити сіе окончаніе литерою *ѣ*» (ib. 53 стр.).

Далѣе мнѣ кажется, что даже то рѣзкое противоположное «дебелаго» или «тупого» *е* «острому» или «тонкому» *ѣ* у Сумарокова и у Третьяковского, которое можно истолковать въ пользу гипотезы о твердости согласныхъ передъ *е*, можетъ легко быть объяснено и иначе.

Остановлюсь на относящихся сюда свидѣтельствахъ писателей XVIII в.

У Сумарокова читаемъ въ воззваніи: «Къ типографскимъ наборщикамъ»: «ежели б или в тупое, такъ литера гласная къ нимъ ставится: *а, е, ы, о, у;* ежели острое, такъ непремѣнно должно ради изображенія голоса поставить: *я, ѣ, и, ю*» (Часть VI, 19 стр.); въ «Наставленіи ученикомъ»: «когда которая литера остра и когда тупа, сіе и самъ нѣжный слухъ являетъ, напр.: медъ, мѣдь; въ одномъ словѣ и *М* и *Д* тупые, а въ другомъ и *М* и *Д* — острые» (ib. 52 стр.).

Ломоносовъ дѣлитъ гласные на тонкіе или острые: *я, ѣ, и, іо, ю,* и дебелые или тупые: *а, е, о, ы, у*. Тредьяковскій, сопоставляя *ѣ* съ іотированнымъ *е*, о произношеніи *е* послѣ согласныхъ пишетъ: «собственный звонъ буквы (*е*) есть подобенъ греческія буквы (ε) или латинскія (*e*)».

На этомъ замѣчаніи Тредьяковскаго необходимо остановиться, потому что оно даетъ ключъ къ разгадкѣ вопроса, изъ какого источника заимствована грамматиками XVIII в. сбивавшая ихъ съ толку классификація звуковъ. Такимъ источникомъ слѣдуетъ признать грамматику Мелетія Смотрицкаго. Въ ней читаемъ: «є в҆ реченїй славе̑скихъ согла́сномꙋ припра́женно гла́сит є҆ѱїло́нꙋ гре́ческомꙋ или *e* латінскомꙋ подо́бнѣ» (изд. 1619 г., Евѥ, стр. 8)[1]. Въ ней же находимъ раздѣленіе звуковъ на дебелые и тонкіе[2] (ср. Житецкій. Къ исторіи литерат. русской рѣчи въ XVIII в., 32 стр.). На этой почвѣ создалась стройная схема, согласно которой признакомъ «тонкости» звуковъ было, говоря словами Ломоносова, присутствіе въ нихъ напереди «явственное или потаенное» «краткаго *и*», — признакомъ дебелости отсутствіе его (ср. съ этимъ мнѣнія ученыхъ половины XIX в. о звуковомъ характерѣ *ю*, *я* и т. п. Потебня. О нѣкоторыхъ случаяхъ вліянія небности на согласные звуки. Русск. Фил. Вѣстникъ, т. II, 1879 г., 15 стр. и дальше, особенно 17—18):

а — *я*
у — *ю*
е — *ѣ* (т. е., *i̯e*)
о — *i̯о*

Въ эту схему втискивалась и послѣдняя пара *ы* — *и* (ср. у Житецкаго. Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія: «въ древне-русскую эпоху *ы* звучало, какъ твердое, неіотированное *и*», 134 стр. и раньше. Ср. Колосовъ. Загадочные звуки въ исторіи русскаго языка. Варш. Унив. Изв. 1876 г., № 6, 12 стр. Ср. *i* mutabile Бодуэне-де-Куртенэ). Любопытно, что этой схемы придерживается и Ломоносовъ, хотя онъ рѣшительно отказывается различить по выговору *ѣ* и *е*. Замѣчу

---

1 Сравненіе русскаго *е* съ ε ψιλόν apud Graecos см. въ письмѣ голландца; А. М. Ловягинъ. Изъ голландскихъ библіотекъ и архивовъ, 17 стр. Сборникъ памяти Л. Н. Майкова.

2 Ср. въ «Разсужденіи Старины» о церк.-слав. языкѣ: «скла́ды о̑вы соу̑ть до́лги, ѿвы же то́н҆ки ... и҆ долги соуть є҆лицы пишꙋтсѧ и ѡ ѣ ю я ы ꙋ.... То́нкїѧ же скла́ды соуть єлицы пи́шꙋтсѧ си́ми писмены е о ї а у. Jagič. Codex Slovenicus Rerum Grammaticarum. Petrop. MDCCCXCVI. 404 стр.

кстати, что проф. Будде совершенно неправильно толкуетъ слова Ломоносова: «*е* въ небо, какъ *е* въ Nebel». Изъ контекста рѣчи ясно видно, что Ломоносовъ хотѣлъ здѣсь параллелью изъ другого языка пояснить лишь свою мысль о «самогласности» *е* послѣ согласныхъ въ противоположность «двоегласности» въ началѣ слога (единъ — jeder; небо — Nebel), а вовсе не указывать на тождество въ характерѣ произношенія согласныхъ передъ русскимъ и нѣмецкимъ *е*. Ср. предш. § 91. При такомъ объясненіи принятой въ XVIII в. системы звуковъ легко вскрыть и ту предполагаемую ошибку, въ которую эта классификація звуковъ вовлекла Сумарокова и Тредьяковскаго. Разницу въ характерѣ самихъ звуковъ *ѣ* и *е* они смѣшивали съ произношеніемъ предшествовавшихъ согласныхъ. Въ оправданіе ихъ (если только они нуждаются въ оправданіи) прибавлю, что однородныя недоразумѣнія нерѣдко встрѣчаются у ученыхъ нашего времени. Напр., проф. Халанскій въ своемъ изслѣдованіи: «Народные говоры Курской губерніи» допустилъ такую же ошибку обратнаго смѣшенія: положеніе звука *е* послѣ мягкаго и твердаго согласнаго онъ смѣшалъ съ характеромъ самого звука *е* (ср. А. А. Шахматовъ. Исторія русск. языка, 328 стр.). Такимъ образомъ, вопросъ о характерѣ произношенія *е* въ литературномъ языкѣ до XVIII в. и о степени палатализаціи согласныхъ передъ *е* остался у Л. Л. Васильева безъ окончательного отвѣта.

Изъ анализа всѣхъ гипотезъ о произношеніи *ѣ* и *е* въ говорахъ Москвы слѣдуетъ, что за аналогіями явленіямъ литературнаго языка не должно обращаться ни къ малорусскому нарѣчію, ни къ тѣмъ великорусскимъ говорамъ, въ которыхъ — послѣ совпаденія *ѣ* съ *е* — развилось отвердѣніе согласныхъ передъ *е*, ни къ тѣмъ, въ которыхъ согласные тверды какъ передъ *е*, такъ и передъ *и*. Очевидно, что попытка свести различіе между *ѣ* и *е* къ отсутствію палатализаціи согласныхъ передъ *е* въ литературномъ языкѣ обречены на неудачу, тѣмъ болѣе, что различное вліяніе на предшествующіе согласные естественно предполагаетъ неодинаковость характера самыхъ звуковъ *ѣ* и *е*. Становится еще болѣе твердымъ предположеніе о дифтонгическомъ произношеніи *ѣ* (или о произношеніи его, какъ неоднороднаго звука i^e). Но возникаетъ вопросъ: цѣлесообразно ли всѣ указанія на отличія *ѣ* отъ *е* въ московскомъ

произношеніи истолковывать исключительно въ смыслѣ разницы въ характерѣ самихъ звуковъ (*ѣ* = *i̯e* или *iᵉ*, *е*, какъ и теперь, = *е* и *ê*), какъ дѣлалъ я раньше (см. мой Отчетъ о занятіяхъ, 12—15 стр.). Не было ли соединено съ нею различіе въ степени палатализаціи согласныхъ передъ *ѣ* и *е*?[1]. Дѣйствительно ли *е* въ литерат. языкѣ XIV—XVII в. имѣло тѣ же оттѣнки, что въ современномъ? Теорію Л. Л. Васильева и В. И. Чернышева объ отвердѣніи согласныхъ передъ *е* въ литературномъ языкѣ нельзя ли поставить на болѣе надежный фундаментъ, чѣмъ одни свидѣтельства Сумарокова и Тредьяковскаго, и говорить объ адаптаціи, приспособленіи согласныхъ по высотѣ собственнаго звука къ послѣдующимъ гласнымъ передняго ряда?

При такомъ пониманіи пришлось бы, выражаясь словами Олафа Брока, допустить въ Московскомъ говорѣ «двѣ степени палатализаціи» — *i*-евую и *е*-овую и переходъ *i̯e* въ *е* объяснять, какъ результатъ «окончательнаго всасыванія первой части старшаго сочетанія *i̯ê* въ согласную». Съ такою возможностью считался А. А. Шахматовъ, но отвергъ ее, указывая въ параллель литературному языку тѣ отношенія между *ѣ* и *е*, которыя существуютъ въ нѣкоторыхъ современныхъ южно-велик. говорахъ, напр., Землянскомъ и Задонскомъ, гдѣ *ѣ* подъ удареніемъ звучитъ какъ *i̯e*, въ Рязанскомъ, описанномъ Тоншинымъ (Р. Ф. В. 1912 г.), въ Егорьевскомъ (Изв. 1913, кн. 4), гдѣ *ѣ* подъ удареніемъ звучитъ какъ звукъ средній между *и* и *е* (Очеркъ, 128—129 стр.).

Однако, мнѣ кажется, что такое рѣшительное отрицаніе встрѣчаетъ нѣкоторыя затрудненія даже со стороны тѣхъ говоровъ, на которые ссылался А. А. Шахматовъ въ качествѣ иллюстраціи. Процессъ «адаптаціи» согласныхъ къ послѣдующему *е* характеренъ для той группы говоровъ, въ которыхъ сохраняется архаическое произношеніе *е* (на мѣстѣ *е* и *ь*), какъ широкаго звука, не только передъ твердыми, но и передъ мягкими согласными, и въ которыхъ среди рефлексовъ *ѣ* нѣтъ *е* широкаго передъ твердыми согласными. Любопытно, что и въ Лѣкинскомъ говорѣ, въ которомъ «звукъ *е* по общему правилу встрѣчается только послѣ мягкихъ согласныхъ», есть намеки на существованіе въ

[1] Эту мысль подсказалъ мнѣ проф. М. Г. Долобко.

немъ «полумягкости» передъ *е* въ болѣе раннюю эпоху. По крайней мѣрѣ, произношеніе въ нѣкоторыхъ заимствованныхъ изъ другихъ говоровъ словахъ *ѣ* вм. *е* навело А. А. Шахматова на предположеніе, что, «быть можетъ, во время такихъ заимствованій согласная передъ *е* звучала въ заимствовавшемъ говорѣ не мягко, а полумягко» (Описаніе Лѣк. гов. Отд. отт., 22 стр.). Это предположеніе получитъ еще большее значеніе, если его дополнить въ томъ смыслѣ, что въ то время *е* звучало открыто во всякомъ положеніи, и что развитіе высшей степени палатализаціи передъ *е* находилось въ связи съ послѣдовавшимъ процессомъ закрытія *е* передъ мягкими согласными.

Любопытныя параллели доставляютъ другіе говоры какъ сѣверно-великорусскаго типа, такъ и переходнаго отъ южно-великорусскихъ, знающіе «адаптацію» согласныхъ къ *е* по высотѣ собственнаго звука.

Л. В. Біанки такими словами характеризуетъ аналогичное явленіе въ Богословскомъ говорѣ, Михайловск. у., Ряз. губ. (въ которомъ, между прочимъ, нѣтъ перехода *е* въ *о*): согласные Богословскаго говора, какъ правило слабо лабіализованные передъ *е*, имѣютъ при типичной *ě*-овой палатализаціи (ˇ есть открытое *е*) передъ *е*, восходящимъ къ общерусскому *е* или *ь*, типичную *ê*-овую палатализацію передъ *е*, восходящимъ къ *ѣ* (Отчетъ о дѣятельности Отд. русск. яз. и слов. за 1914 г., 49 стр.). Еще характернѣе данныя Пустошенскаго говора (Влад. губ.)[1], въ которомъ *ѣ* = *i̯e*, при чемъ *i̯*, характеризуемое, какъ неслоговое *i̯* приблизительно той же степени открытости, что и обыкновенное *i* слоговое, иногда звучитъ настолько слабо, что должно быть признано звукомъ, въ количественномъ отношеніи редуцированнымъ (v^ies$_1$t$_1$, smotr^iet$_1$), иногда же, наоборотъ, произносится съ такимъ же вѣсомъ, какъ и *e* — *ie*, что приводитъ къ образованію двухъ слоговъ на мѣстѣ одного — sieľa, даже mii̯esta, pospii̯et$_1$). Въ этомъ говорѣ *é* звучитъ какъ *ä* на мѣстѣ московскаго нынѣшняго *ê*, сохраняясь какъ *е* передъ твердыми согласными (žereƅec, но xräs$_1$tik, dosäl$_1$). Какъ правильно предполагаетъ его изслѣдователь Д. В. Бубрихъ, этому состоянію предшествовало произношеніе *е* во всякомъ положеніи. О томъ, что и

---

[1] Изв. II Отд. 1913 г., кн. 4.

въ говорахъ такого типа приспособленіе согласныхъ къ *е* должно быть признано чертой позднѣйшаго происхожденія, свидѣтельствуютъ такіе примѣры Пустошенскаго говора, какъ pꞁos, vꞁos и др. под. Ср. также данныя Тотемскаго говора, описаннаго проф. Олафомъ Брокомъ.

Возвращаясь къ Московскому говору, мы можемъ безъ всякихъ противорѣчій съ фактами, предположить, что и въ немъ, наряду съ произношеніемъ *ѣ*, какъ дифтонга *i̯e*, сохранялось до XVIII в. архаическое произношеніе *е*, какъ широкаго звука, передъ твердыми и мягкими согласными, и что предшествовавшіе этому *е* согласные были адаптированы къ нему по высотѣ собственнаго звука[1].

Мнѣ очень пріятно констатировать, что въ нѣсколько иномъ аспектѣ сходныя соображенія приходили въ голову и Л. Л. Васильеву. «У Сумарокова, — писалъ онъ, — есть.... одно цѣнное свидѣтельство о произношеніи буквъ *ѣ* и *е*; «*ѣ* всегда нѣсколько въ *і* вшибается, а *е* никогда, но нѣсколько въ *йо*, когда въ нево и не премѣняется» (Изд. 1787 г., X, 49).... Первоначально, когда согласные и передъ *е*, и передъ *ѣ* стали смягченными, явилось не то произношеніе, которое существуетъ теперь, а такое: д’е^{а}н р. п. мн. ч. и д’е^{а}н’ им.-вин. п. ед. числа. Что касается произношенія съ широкимъ *е* передъ твердымъ согласнымъ и передъ мягкимъ, то указать его въ говорахъ я не могу; слѣды такого нѣкогда бывшаго произношенія мною найдены въ обоянскомъ говорѣ» (Изв. II Отд., XV, 3, 215 стр.).

Но мнѣ кажется, что ходъ соотвѣтствующихъ измѣненій былъ нѣсколько инымъ, чѣмъ его представлялъ Л. Л. Васильевъ. Если принять развиваемую гипотезу, то надо думать, что, при дифтонгѣ *i̯ê* на мѣстѣ ударяемаго *ѣ*, ударяемое *е* въ литературномъ языкѣ изначально было широкимъ. Адаптація согласныхъ по высотѣ собственнаго звука къ этому типу *е* развилась сравнительно поздно (срав. переходъ *ѣ* (*і*^{e} или *е*^{i}?) внѣ ударенія въ *е*, измѣненія самого безударнаго *е*, измѣненія безуд. *а* послѣ мягкихъ согласныхъ и др. процессы). Но затѣмъ монофтонгизація удар. *ѣ*, возникавшая, какъ результатъ всасыванія согласнымъ первой

---

[1] Надо думать, что это касается всѣхъ согласныхъ, а не только тѣхъ которые довольно легко диспалатализируются (см. у Щербы, Русск. гласные 83 стр.).

части дифтонга, и, вѣроятно, ускоренная, вліяніемъ южно-великорусскихъ говоровъ иного типа (ср. вульгарные діалекты литературнаго языка), смѣшавшихъ *ѣ* и *е*, которые передавали литературному языку и произношеніе *е*, какъ узкаго *е* передъ мягкими согласными, и палатализацію *і*-евую передъ *е*[1], совершенно измѣнила первоначальныя отношенія между *ѣ́* и *е́* и привела къ тѣмъ рефлексамъ ихъ, которыя наблюдаются въ современномъ литературномъ языкѣ.

Я сознаю, что высказываемыя мною мысли о произношеніи *е* и объ его вліяніи на предшествующіе согласные — гипотеза, которую обосновать вполнѣ твердо я не въ состояніи. Мнѣ хотѣлось лишь указать, что она не менѣе правдоподобна, чѣмъ признаніе очень ранняго развитія на мѣстѣ этимологическаго *е* (*е* и *ь*) теперешнихъ его рефлексовъ (*е* и *ê* со смягченіемъ предшествующихъ согласныхъ).

Подведу итоги этой главы:

1. Въ литературномъ языкѣ слагавшагося въ Ростово-Суздальской землѣ Великорусскаго государства, видоизмѣнившемъ въ новыхъ условіяхъ унаслѣдованный имъ изъ Кіева фонетическій строй (ср. переходъ *ў* въ *в*, «паденіе глухихъ» и сопровождавшіе его процессы и измѣненіе безударнаго *а* въ *ȧ* или даже въ *ä* подъ ассимилирующимъ дѣйствіемъ предшествующихъ мягкихъ согласныхъ и т. п.), *ѣ* сохраняло свое дифтонгическое произношеніе подъ удареніемъ, находя себѣ опору въ такомъ же или сходномъ произношеніи этого звука въ окружающей сѣверно-русской средѣ.

2. Тотъ же характеръ звука *ѣ* удержался въ говорѣ высшихъ классовъ Москвы.

3. Ослабленіе (редукція) безударнаго вокализма, явившееся слѣдствіемъ вліянія восточно-русской стихіи, вызвало переходъ рефлексовъ безударнаго *ѣ* (*ê*?) въ *е*.

4. Ударяемое *ѣ* въ говорѣ высшаго слоя литературно-образованныхъ людей Московскаго государства звучало, какъ дифтонгъ *i̯e* (или *i̯ê*), до начала XVIII в.

---

[1] Ср. у Сумарокова: «благородныя люди, наши предки, многія тупыя слова въ острыя премѣнили». Ч. VI, 1781 г., 44 стр.

5. Наряду съ такимъ выговоромъ *ѣ* въ языкѣ верхнихъ слоевъ Московской интеллигенціи, сохранявшемъ архаическія черты, очень рано *ѣ* совпало съ *е* въ произношеніи низшихъ классовъ Москвы, болѣе ярко окрашенномъ особенностями южно-великорусскаго вокализма. Отсюда такое произношеніе проникало и въ литературный языкъ въ собственномъ смыслѣ.

6. Съ XVIII в. языкъ «образованнаго общества» въ фонетическомъ строѣ своемъ направился стремительно по пути сближенія съ рѣчью низшихъ классовъ (процессъ демократизаціи языка не связанъ ли съ эпохой Петра Великаго?) и подъ ея вліяніемъ развилъ произношеніе *ѣ*, какъ *е*.

7. Звукъ *е* въ литературномъ языкѣ XIV—XVII в. звучалъ подъ удареніемъ во всѣхъ положеніяхъ открыто.

8. Мнѣніе проф. Будде и его сторонниковъ о вліяніи малорусскаго духовенства на литературное произношеніе въ XVIII в. *ѣ* и *е* надо отвергнуть.

ГЛАВА VI.

Судьба звука *ѣ* въ сѣверно-русскомъ нарѣчіи въ неударяемыхъ слогахъ.

Вопросъ о зависимости судьбы звука *ѣ* въ сѣверно-русскомъ нарѣчіи отъ ударенія былъ поднятъ А. А. Шахматовымъ въ «Фонетикѣ» и рѣшенъ въ такомъ смыслѣ: «Въ сѣверно-русскихъ говорахъ *i̯e*^{a} и *i̯e*^{i} черезъ посредство *i*^{e} въ слогахъ ударяемыхъ и непосредственно предшествующихъ ударенію измѣнялись въ *e*^{i}, въ прочихъ же слогахъ названныя дифтонгическія сочетанія переходили въ *ė* закрытое» (163 стр.). Но въ группѣ говоровъ Аа непосредственно изъ *i*^{e} развивалось *и* (165). А. А. Шахматову представлялся наиболѣе распространеннымъ переходъ *i*^{e} въ *и* въ безударномъ положеніи. Онъ даже допускалъ возможность фонетическаго измѣненія всякаго неударяемаго *i*^{e} въ *и*, при чемъ *e*^{i} и *ė* закрытое являлись вмѣсто *и* подъ вліяніемъ звука *е* въ слогѣ ударяемомъ: rika, slavi — измѣнялось въ re^{i}ka, slavė подъ вліяніемъ re^{i}ku (re^{a}ku), trave^{i} (trave^{a}) — 168 стр. Замѣчу, что этотъ ходъ измѣненій звука *ѣ* — въ зависимости отъ ударенія рисуется А. А. Шахматовымъ

на основаніи апріорныхъ соображеній и не подтверждается примѣрами изъ памятниковъ. Въ послѣдующихъ своихъ работахъ по исторіи языка, затрагивавшихъ и судьбу *ѣ*, А. А. Шахматовъ не возвращался къ этому вопросу (ср., впрочемъ, Ист. русск. яз., ч. II, стр. 227—231).

Стараясь подойти къ его рѣшенію на основѣ фактическаго матеріала, который можно извлечь изъ рукописей и діалектологическихъ изслѣдованій, и при помощи этихъ данныхъ провѣрить высказанныя А. А. Шахматовымъ положенія, я долженъ предварительно напомнить, что на взгляды А. А. Шахматова по вопросу о судьбѣ звука *ѣ* — подъ удареніемъ и внѣ его не могло не оказать вліянія послѣдовательно проведенное имъ въ «Фонетикѣ» объединеніе сѣверно-русскаго и восточнорусскаго нарѣчій — подъ именемъ восточно-русскаго нарѣчія.

Обращаясь къ показаніямъ сѣверно-русскихъ памятниковъ, прежде всего устанавливаемъ, что въ древнѣйшихъ рукописяхъ примѣры замѣны *ѣ* черезъ *и* наблюдаются по преимуществу въ слогахъ подъ удареніемъ, напр., въ Минеѣ 1095 г.; въ Минеѣ 1096 г.; въ Майск. Минеѣ Син. Библ. № 166 — XII в.; въ Милят. Ев.; въ Ев. Погод. № 13; въ Кормчей ок. 1282 г. (Соболевскій. Лекціи[4], 35 стр.); въ Ев.FпI № 15 и др. И въ рукописяхъ болѣе поздняго времени, въ которыхъ не замѣтно стороннихъ вліяній, нерѣдко наблюдается преобладаніе количества примѣровъ замѣны *ѣ* черезъ *и* — подъ удареніемъ, напр., въ Мусинъ-Пушкинскомъ Сборникѣ 1414 г. по копіи XIX в., въ Коммиссіонномъ Сп. Новг. I Лѣтописи и друг.

Но рядомъ съ памятниками XI—XV в., указывающими на различіе въ теченіи процессовъ измѣненій *ѣ* въ *и* подъ удареніемъ и внѣ его, можно указать значительную группу сѣверно-великорусскихъ рукописей, которымъ это различіе чуждо. Въ самомъ дѣлѣ, въ одинаковомъ количествѣ примѣровъ замѣну *ѣ* черезъ *и* — какъ въ ударяемыхъ, такъ и безударныхъ слогахъ обнаруживаютъ слѣдующіе памятники: рукопись XIV в., изданная въ Русск. Достопам. II; листы Погодинск. Сборника XIV—XV в. № 872, писанные первымъ и третьимъ писцами; Ев. 1355 г.; Апостол. XIV в. изъ библіотеки Хлудова № 33; Ев. Соф. Библ. № 2; Сборникъ 1422 г. Q I № 312; Требникъ Общ. Люб. Др. Письм. № XXIV; Апостолъ Погод. Собранія № 14; Вологодское Еван-

геліе XVI в.; Ев. Соф. № 16; можетъ быть, здѣсь же слѣдуетъ упомянуть двинскія грамоты № 28, 54 и 110; Сборникъ Публ. Библ. XV в. Q I № 1464 и мн. др.

Правда, въ нѣкоторыхъ изъ перечисленныхъ рукописей, знающихъ замѣну ударяемаго *ѣ* черезъ *и* — независимо отъ качества слѣдующаго слога, въ неударяемыхъ слогахъ наблюдаются случаи перехода *ѣ* въ *и* — только въ положеніи передъ слѣдующими мягкими согласными, напр., въ первомъ почеркѣ Погод. Сб. № 872, въ Сборн. 1422 г. Q. 1, № 312; въ двинск. грам. № 54 и 110. Приходится думать, что въ соотвѣтствующихъ говорахъ подъ удареніемъ переходило въ *и* — всякое *ѣ*, въ безударныхъ же слогахъ — лишь при условіи мягкости слѣдующихъ согласныхъ.

Это обстоятельство подчеркиваетъ особенное значеніе, которое имѣло въ группѣ говоровъ для исторіи безударнаго *ѣ* ассимилирующее вліяніе окружающихъ согласныхъ. Можетъ быть, именно въ немъ и надо искать разгадку той рѣзкой разницы въ судьбѣ безударнаго *ѣ*, которая обнаруживается въ сѣверно-великорусскихъ памятникахъ XIII—XV в.: въ однихъ говорахъ, которые я вслѣдъ за ак. Шахматовымъ назову *α*, очень рано (съ XIII—XIV в.?) подъ вліяніемъ ассимилирующаго дѣйствія предшествующихъ, а также и послѣдующихъ мягкихъ согласныхъ, сталъ развиваться переходъ въ *и* неударяемаго *ѣ* уже послѣ сближенія съ *и* — ударяемаго *ѣ*; въ другихъ говорахъ, которые обозначу черезъ β, — ударяемое *ѣ* очень долго отличалось большею узостью отъ неударяемаго *ѣ*, или же діалектически рано совсѣмъ обособилось отъ него, перейдя въ *и*, такъ какъ въ нихъ мягкость предшествующихъ, а въ иныхъ и послѣдующихъ согласныхъ не отражалась замѣтно на судьбѣ безударнаго *ѣ*. Такой же ходъ измѣненій звука *ѣ* приходится предполагать и въ тѣхъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ, которые, не зная перехода *ѣ* въ *и*, сохраняютъ среднія звуки: i^e — e^i: и въ нихъ судьба неударяемаго *ѣ* или совпала съ судьбой ударяемаго *ѣ*, которое повидимому, отличалось первоначально отъ *ѣ* внѣ ударенія въ однихъ говорахъ закрытостью, въ иныхъ—дифтоническимъ характеромъ (ср. въ говорахъ Поморской или Архангельской группы. Опытъ діалектологической карты, 19 стр., ср. въ говорахъ Олонецкой группы — 21 стр.), или же отдѣлилась отъ нея (напр., въ

казанскихъ говорахъ, описанныхъ проф. Будде, см. Діалектологическія замѣтки въ Сборникѣ, посвящ. Фортунатову).

Здѣсь же умѣстно вспомнить тѣ сѣверно-великорусскіе говоры, которые, сохраняя архаическое дифтонгическое произношеніе *ѣ* (*i͡e*, *ê͡e*) подъ удареніемъ, въ безударныхъ слогахъ въ томъ же положеніи — передъ твердымъ слогомъ имѣютъ *е* или *о*, что указываетъ на очень, раннюю монофтонгизацію неударяемаго *ѣ*; напр., тотемскій говоръ, Вологодской губ., говоръ Ветлужск. у., Костромской губ., говоры Никольскаго уѣзда, Вологодской губ. и др. под.

Вообще надо отмѣтить, что различіе въ рефлексахъ ударяемаго и безударнаго *ѣ* гораздо легче прослѣдить въ с.-в. говорахъ въ положеніи передъ твердыми согласными.

Рядомъ съ говорами, которымъ извѣстенъ переходъ всякаго *ѣ* въ *и* независимо отъ ударенія, каковы, напр., нѣкоторые изъ описанныхъ Н. М. Каринскимъ говоровъ по теченію Луги и Оредежа (Р. Ф. В., 1898 г., 3—4); говоръ села Раслова, Грязовецк. у., Вологодск. губ. (Матер., V, § 36); говоры Новг. уѣзда (В. Ѳ. Соловьевъ) и др. (ср. въ Опытѣ діалектологической карты замѣчаніе о говорахъ Западной или Новгородской группы, 22 стр.), мы встрѣчаемъ въ большомъ количествѣ такіе сѣверо-великорусскіе говоры, которые знаютъ переходъ въ *и* (или въ *ê*) лишь ударяемаго *ѣ*. На это обстоятельство обратилъ вниманіе еще ак. А. А. Шахматовъ (Фонетика, 168 стр.).

Таковы говоры с.-в. угла Вытегорск. у., Олонецк. губ. (Соболевскій. Опытъ діалектологіи, 74 стр.); нѣкоторыхъ мѣстностей западной части Олонецкой губ. (Шахматовъ. Фонетика, 167 стр.); Пошехонск. у., Ярославск. губ. (ib); говоръ Грязовецкаго уѣзда, Вологодск. губ., въ которомъ извѣстно *ê* на мѣстѣ этимологическаго *ѣ* въ положеніи передъ твердыми согласными лишь подъ удареніемъ (Мансикка. Р. Ф. В., 1912 г., № 4, 274 стр.); говоръ села Златоустовскаго, Красноуфимскаго у., Пермской губ. (Соболевскій. Р. Ф. В., LVI т., 224 стр.); говоръ Череповецкаго уѣзда (Герасимовъ. Краткій очеркъ Череповецкаго говора) и мн. др.

Такимъ образомъ, путемъ анализа данныхъ древнѣйшихъ памятниковъ русскаго языка и показаній современныхъ с.-в. говоровъ я пришелъ

къ выводу о развитіи рефлексовъ звука *ѣ*, діаметрально противоположному высказанному А. А. Шахматовымъ: въ говорахъ, не сохранившихъ дифтонгическаго произношенія *ѣ* подъ удареніемъ (внѣ ударенія дифтонгическое произношеніе *ѣ* неизвѣстно, повидимому, въ силу болѣе ранней монофтонгизаціи его (въ *ê*?) въ этомъ положеніи), процессы разнообразныхъ измѣненій *ѣ* (черезъ посредство *iᵉ*) на пути къ крайней точкѣ ихъ — *и* интенсивнѣе всего развивались въ ударяемыхъ слогахъ. Значеніе ссылокъ А. А. Шахматова на говоры съ частымъ *и* на мѣстѣ безударнаго *ѣ* я долженъ подорвать указаніемъ на то наблюденіе, что въ говорахъ, знающихъ переходъ неударяемаго *ѣ* въ *и* въ томъ положеніи, въ которомъ неизвѣстны аналогичные примѣры подъ удареніемъ, отмѣчаются случаи перехода въ *и* и древняго *е* въ тѣхъ же условіяхъ. Сошлюсь на пудожскіе говоры, описанные Мансиккой, въ которыхъ, при совпаденіи съ *и* всякаго *ѣ* передъ мягкими согласными, передъ твердыми — наблюдается переходъ въ *и* лишь безударнаго *ѣ* (ср. *и* вм. безуд. *е*); говоръ с. Ежезера, Вытегорск. у., Олонецк. губ., въ которомъ извѣстны примѣры *и* лишь на мѣстѣ безударнаго *ѣ* передъ мягкими согласными; ср. судьбу *е* въ этомъ же положеніи (Матер., II, § 22); ср. говоры с. Елецкаго и Куроострова, Холмогорск. у. (Мат., VIII, § 50) и мн. др.

Изъ того факта, что неударяемое *ѣ* позже ударяемаго перешло въ *и*, естественно заключаютъ, что оно въ этомъ положеніи діалектически должно было раньше ударяемаго совпадать съ *е*. Къ тому же выводу влекутъ наблюденія надъ тѣми сѣверно-великорусскими говорами, въ которыхъ переходъ въ *о* неударяемаго (предударнаго) *ѣ* является широко распространеннымъ явленіемъ, напр. надъ нѣкоторыми говорами Тверск., Клинск. у. (см. В. Чернышевъ. Свѣдѣнія о нѣкот. говорахъ Тверск. Клинск. и Московск. у., стр. 2, 7, 24, 47); Костромской губ. (Мат., VIII, 114 стр.), Вологодской (напр., тотемскій говоръ) и др. (см. рядъ примѣровъ у А. А. Шахматова. Исторія русск. яз., ч. II, 243 — 244 стр.).

Однако, пользуясь для своихъ заключеній о судьбѣ неударяемаго *ѣ* матеріалами современной діалектологіи, я долженъ подчеркнуть, что они пріобрѣтаютъ для меня особенно доказательную силу въ связи съ показаніями древнихъ рукописныхъ текстовъ, которые вносятъ въ нихъ

существенныя дополненія и поправки. Дѣло въ томъ, что группа сѣверныхъ памятниковъ XV—XVII в. нѣкоторыми своими указаніями рождаетъ мысль о стороннемъ вліяніи на судьбу безударнаго *ѣ*, нарушившемъ послѣдовательный ходъ его измѣненій, въ части сѣверно-великорусскихъ говоровъ.

Начиная съ XV в., мы наблюдаемъ въ сѣверно-великорусскихъ говорахъ въ высшей степени любопытныя измѣненія безударнаго вокализма, нашедшія себѣ яркое выраженіе въ рукописныхъ текстахъ. Постепенный процессъ перехода рефлексовъ неударяемаго *ѣ* въ *и* нарушается, и въ рядѣ рукописей XV—XVI в. мы устанавливаемъ, при чередованіи *ѣ* и *и* подъ удареніемъ, смѣшеніе буквъ *ѣ*, *и* и *е* въ безударныхъ слогахъ. Таковы памятники, о которыхъ я уже упоминалъ выше: Хожденіе архимандрита Грееенія по рук. Кіев. Ц.-Арх. Музея; Сборникъ изъ Собранія Михайл. XVI в. № 143; Хожденіе паломника игумена Даніила изъ Сборн. XV в. по рук. Общ. Ист. и Др. Росс., Отд. I, № 189[1]; Богдановскій Златоустъ XVI в., описанный Л. Л. Васильевымъ, и др.

Въ XVI в. этотъ любопытный процессъ вытѣсненія *ѣ* и его рефлекса — *и* изъ безударныхъ слоговъ черезъ *е* — достигаетъ полнаго развитія, и въ группѣ памятниковъ *ѣ* — внѣ ударенія вполнѣ послѣдовательно, какъ я уже отмѣчалъ выше, передается посредствомъ *е*. Напр., въ Писцовой книгѣ по Великому Новгороду, кромѣ единичныхъ примѣровъ замѣны безударнаго *ѣ* черезъ *и* и рѣдкихъ примѣровъ сохраненія буквы *ѣ* при этомъ условіи, отмѣчено *е* на мѣстѣ всякаго неударяемаго *ѣ*.

Случаи замѣны черезъ *е* ударяемаго *ѣ* исключительны[2].

---

[1] Напр., ѡ мѣсте 656 (стр. хрестоматіи Буслаева 1861 г.); погрешить 657; ѡ граде͠ 656; стенами 663; река 664 bis; реци 664; ѿ рекѣ 664; светилна 665 и др, — при случаяхъ: линива͠ 657; исциленье 660; в ѡстрови 661; свитилна 665; ѡбитованнѹю 6˙6 и др.; подъ удареніемъ *и* на мѣстѣ *ѣ* часто: вни 658; восхоти 656; преприлѣ 660 и др.

[2] Лекаря 389 об.; ср. лѣкарь 424; медведникъ 128 об.; медведеника 211; пределъ 126 об.; ср. предѣла 163; клетки 85; на железной 384 об., неделщика 168; Благовещенского 317; Матеейко 242; ср. Матвѣйка ib.; въ формахъ locativ'а: по старине 158 (удар. на ста́?); на островке 184; Какъ видимъ, эти примѣры; единичные въ сравненіи съ фактами сохраненія *ѣ* подъ удареніемъ или замѣны буквой *и*, — частью являются описками, частью церковными словами; ср. лекарь въ Лѣкинск. гов., Егор. у.; относительно формы: медведникъ см. у Л. Л. Васильева. Изв. XV, 3, прим. 1, стр. 192.

Совершенно такія же особенности встрѣчаются въ Отрывкахъ изъ Новг. кабальныхъ книгъ, въ которыхъ при чередованіи *ѣ* и *и* подъ удареніемъ, въ неударяемыхъ слогахъ, кромѣ немногихъ примѣровъ locativ'а (к записки 165; 167; 171 об.; 172; 174; 175; по сроцы 164 об.; 166; куземки 59), вмѣсто *ѣ* находимъ *е*.

Въ Описи Торговой Стороны XVI в. подъ удареніемъ этимологическое *ѣ* передается буквами *ѣ* и *и*; случаи постановки *е* въ этомъ положеніи единичны [1]. Внѣ ударенія *ѣ* — чрезвычайно рѣдко сохраняется (въ формахъ locat.); единиченъ примѣръ перехода въ *и* (на опоки 21); обычно вмѣсто безударнаго *ѣ* — *е*.

Тѣ же явленія наблюдаются въ Записной книгѣ крѣпостнымъ актамъ XV — XVII в., явленнымъ въ Новгородѣ дьяку Алябьеву (см. выше); въ Сокращенной Палеѣ русской редакціи по списку XVI в. Новг. Соф. Библ. № 1448, въ которой въ преобладающемъ большинствѣ примѣровъ неударяемое *ѣ* — передъ твердыми и мягкими согласными — вытѣснено черезъ *е*. Ср. аналогичную разницу въ рефлексахъ ударяемаго и безударнаго *ѣ* въ грам. 1530 г. № 27 (XV т. Р. И. Б.); актахъ № 16, 25, 33, 46, 104, 144, 169 и др. (Р. И. Б., т. XXV); въ Арзамасскихъ помѣстныхъ актахъ XVI в. № 62, 92, 203 (Чт. Общ. Ист. и Др., 1916 г., кн. 1); въ Вологодскихъ интерлюдіяхъ XVIII в. и мн. др. (см. выше).

Какъ объяснить эти измѣненія безударнаго *ѣ* въ соотвѣтствующихъ говорахъ? Видѣть ли въ нихъ только отраженіе діалектическихъ развѣтвленій, которыя создаются на почвѣ внутренней эволюціи безударнаго *ѣ* въ предѣлахъ самаго сѣверно-русскаго нарѣчія, безъ всякихъ постороннихъ воздѣйствій?

Въ защиту этого мнѣнія можно было бы указать на свидѣтельства памятниковъ и нѣкоторыхъ современныхъ говоровъ, напр., Вятской губ., о разницѣ въ рефлексахъ ударяемаго и неударяемаго *ѣ*, состоящей именно

---

[1] сьехал 35 об.; отъезжие 60 л.; на техъ 25 об.; 39; 39 об.; ис техъ двумѣстъ 39 об.; на техъ трехъ мѣстехъ 40, 41 об.; на техъ двумѣстехъ 49; на техъ обѣихъ мѣстехъ 47; в дворе 2 л.; на стороне 25, 52; по стороне 53; 57; къ горе 16 об.; 20 об.

въ степени близости его къ *е* и *и* въ томъ или иномъ положеніи. Ср. переходъ предударнаго *ѣ* въ *о* въ рядѣ говоровъ Вологодско-Вятской группы.

Памятники со смѣщеніемъ *ѣ, е, и* въ неударяемыхъ слогахъ, напр., Богдановскій Златоустъ XVI в., — могли бы, съ этой точки зрѣнія, отражать переходную стадію въ измѣненіяхъ безударнаго *ѣ* отъ i^{e} или e^{i} къ *и*. Свидѣтелями другихъ діалектическихъ процессовъ въ судьбѣ неударяемаго *ѣ* мы принуждены были бы признать памятники XVI — XVII в. съ послѣдовательной замѣной буквы *ѣ* внѣ ударенія черезъ *е*.

Однако при всей заманчивости теоріи самостоятельнаго развитія разсматриваемыхъ рефлексовъ неударяемаго *ѣ* на почвѣ только сѣверно-русской, съ діалектическими отличіями, сказавшимися въ переходѣ безударнаго *ѣ* то въ *е*, то въ *и*, — ее необходимо подвергнуть существеннымъ ограниченіямъ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ рукописяхъ до половины XIV столѣтія[1] нѣтъ рѣзкаго противоположенія ударяемыхъ и безударныхъ слоговъ въ смыслѣ разницы въ количествѣ примѣровъ замѣны *ѣ* черезъ *е* (см. выше). На основаніи фактическаго матеріала скорѣе приходится склониться къ тому мнѣнію, что безударное *ѣ* въ «икающихъ» говорахъ діалектически совпало съ *и*, а частью близилось къ такому совпаденію (см. выше).

Повидимому, исходя именно изъ этой скрытой предпосылки, Л. Л. Васильевъ для объясненія замѣнъ *ѣ* буквами *и* и *е* въ Богдановск. Златоустѣ предположилъ, что въ говорѣ его писца, какъ въ цѣломъ рядѣ другихъ сѣверно-великорусскихъ говоровъ «законъ о переходѣ безударнаго *ѣ* въ *е* былъ парализованъ другимъ общимъ для большинства сѣверно-великорусскихъ говоровъ, одновременно дѣйствовавшимъ закономъ, по которому каждое *ѣ* переходило въ *и*» (Изв. X, 3, 337).

Но говорить объ одновременномъ дѣйствіи въ предѣлахъ одного и того же говора двухъ законовъ, — ему присущихъ, діаметрально противоположныхъ и взаимно парализующихъ результаты вызванныхъ ими измѣненій, значитъ замыкаться въ узкомъ кругѣ непримиримыхъ противо-

---

[1] Я имѣю въ виду, конечно, рукописи, которыя отражаютъ «икающіе» говоры или говоры съ призношеніемъ *ѣ*, какъ i^{e}. Вѣдь въ памятникахъ могли рельефно проявиться лишь наиболѣе рѣзко выраженные типы измѣненій.

рѣчій и отказываться отъ всякаго объясненія явленій. Въ самомъ дѣлѣ, если, согласно одному закону, неударяемое *ѣ* должно перейти въ *е*, а по другому, дѣйствовавшему съ нимъ одновременно, *ѣ* должно совпасть съ *и*, то спрашивается, чѣмъ объяснить въ однихъ случаяхъ перевѣсъ одного закона, въ другихъ совершенно аналогичныхъ — другого? Изъ этого недоумѣнія можно найти только одинъ выходъ: признать законъ о переходѣ неударяемаго *ѣ* въ *е*, нарушившій дѣйствіе сѣверно-русскаго закона объ измѣненіи *ѣ* въ *и*, присущимъ не данному говору, а говорамъ иного фонетическаго строя и происхожденія, а слѣды его дѣйствія въ данномъ говорѣ — результатомъ внѣшняго вліянія говоровъ этого типа. При такомъ пониманіи — законъ о переходѣ *ѣ* въ *е*, перенесенный на новую почву вмѣстѣ съ другими особенностями фонетики иныхъ говоровъ, долженъ постепенно стереть продукты дѣйствія противоположнаго закона о переходѣ неударяемаго *ѣ* въ *и* и приблизить въ этомъ отношеніи испытывающій воздѣйствіе говоръ къ языку ассимилирующей части населенія. Конечно, къ такому результату въ нѣкоторыхъ случаяхъ могло приводить взаимодѣйствіе различныхъ діалектическихъ группъ въ предѣлахъ самого сѣверно-русскаго нарѣчія. Но есть основанія настаивать и на внѣшнихъ вліяніяхъ говоровъ иного типа.

Уже въ предшествовавшей главѣ я установилъ, что законъ о переходѣ безударнаго *ѣ* въ *е* былъ свойственъ литературному языку и явился въ немъ, какъ послѣдствіе заимствованія литературнымъ языкомъ южновеликорусскаго ударенія и распредѣленія экспираторной силы. Тамъ же я вскользь высказалъ предположеніе, что аналогичныя явленія въ группѣ сѣверно - великорусскихъ памятниковъ обусловлены ассимилирующимъ вліяніемъ литературнаго языка. Здѣсь я долженъ подчеркнуть другую возможность, именно, что процессы, приведшіе діалектически къ замѣнѣ рефлексовъ безударнаго *ѣ* черезъ *е* въ сѣверно-великорусскомъ поднарѣчіи, могли развиться въ части говоровъ — помимо воздѣйствія литературнаго языка, подъ непосредственнымъ вліяніемъ южно великорусской языковой стихіи. Вѣдь общая причина — заимствованіе южно-великорусскаго ударенія и соединеннаго съ нимъ распредѣленія экспираторной силы — должна была породить и въ литературномъ языкѣ и въ народныхъ говорахъ Сѣвера совершенно однородныя слѣдствія.

Такимъ образомъ, предо мною встаютъ двѣ задачи: 1) доказать, что переходъ неударнаго *ѣ* въ *е* въ сѣверно-великорусскихъ памятникахъ XV—XVII вв., указывающихъ на сохраненіе особаго звука *ѣ* подъ удареніемъ или на рефлексъ его — *и* въ этомъ положеніи, не былъ проявленіемъ внутренней эволюціи звука *ѣ* въ сѣверно-русскомъ нарѣчіи, подчиненной закону о переходѣ безударнаго *ѣ* въ *е*, а обусловленъ переносомъ на сѣверно-русскую почву южно-великорусскаго ударенія или шире: вліяніемъ южно-великорусскаго фонетическаго строя на сѣверно-великорусскій; 2) разсмотрѣть, можно ли при объясненіи этихъ явленій всегда говорить о посредствѣ литературнаго языка или же необходимо допустить два пути, приведшіе къ рѣзкимъ измѣненіямъ безударнаго вокализма въ части сѣверно-великорусскихъ говоровъ XIV—XVII в.: воздѣйствіе литературнаго произношенія и прямое вліяніе народныхъ южно-великорусскихъ говоровъ, создаваемое колонизаціонными движеніями и другими культурно-бытовыми условіями.

Первая задача разрѣшается очень легко непосредственными свидѣтельствами памятниковъ, замѣняющихъ неударное *ѣ* черезъ *е*, большинство которыхъ, наряду съ этимъ явленіемъ, представляетъ рядъ другихъ очень яркихъ указаній на ослабленіе безударнаго вокализма и вообще на усвоеніе фонетики иныхъ говоровъ соотвѣтствующими писцами, т. е. сѣверно-великорусскими діалектическими единицами.

Въ самомъ дѣлѣ, въ Богдановскомъ Златоустѣ XVI в. наблюдаемъ случаи аканья: многаци́наго 500 об.; жалаеши 396; жалания 264 об.: нашамȣ 402 об. и, м. б., нѣк. др.; ср. замѣну *е* черезъ *я* въ формахъ сущ. и прил. средняго рода, указывающую на переходъ ихъ въ женскій: бж҃ие пѣсания 274; во имя г҃ня 215 об. bis; ср. примѣры *е* на мѣстѣ неударяемаго *я* (Изв. X, 3, 303); случаи постановки *и* вмѣсто безударнаго *е* (ib., 304).

Въ Сокращенной Палеѣ русской редакціи, XVI в., изданной А. Поповымъ, мною отмѣчены случаи аканья: акаяннице 11; акаянныи 11; меншева 22 (цокающая форма одна: чела 36).

Въ Хожденіи арх. Греѳенья по рукоп. XV—XVI в., при отсутствіи цоканья, могу указать слѣдующіе примѣры аканья: прамежи 2; въ палату 13; ср. полата 28; калагерицахъ 12; ср. ib. калогирѣхъ 12;

раскапание 10; ср. манастырь при монастырь 17; вода святая пречистое 28.

Въ Писцовой книгѣ по великому Новгороду XVI в., при одномъ фактѣ чёканья — черковныхъ 198 об., встрѣчаемъ довольно яркіе слѣды измѣненій безударныхъ гласныхъ:

1) случаи замѣны *о* черезъ *а* не подъ удареніемъ: рыбникаво 46; ота апостолъ 178 об.; кажевника 132 об.; решетачная 71 об.; багадѣлная 214; ездаково 199; розсылщикаво 298 об.; рукавничикаво 307 об.; Навгородцкому 298 bis.; 298 об. ter; 299; 299 об. и др.; ср. частое колебаніе между формами: Ѳенко и Ѳенка 132 об.; Ѳетко 64 об.; 66; 69 об. и др. и Ѳетка 107 и т. п.

2) *и* на мѣстѣ безударнаго *е*: подъ нимъ жи 317; то жи 321; жинѣ gen. 326; Нинилка 329 об.; его жи 333; умиръ 338; 342; Белозирскои 339; сажини 301 об. bis; 303 об.; 304 об.; 305, 306; 304; сажинъ 304, 317 об. и нѣк. др. (ср. единичные примѣры замѣны *ѣ* черезъ *и* внѣ ударенія).

Случаи перехода *о* въ *у*—въ сосѣдствѣ съ губными и задне-язычными согласными, конечно, необходимо отдѣлить отъ разсмотрѣнныхъ выше примѣровъ (по другуй сторонѣ 294; Дубрувского 245; Огруѳенка 313 об.; под городувую мѣру 54; переулукъ 376; Закоулукъ 368; Олександруву 363 об. и др.).

Аналогичныя особенности характеризуютъ Опись торговой стороны, изданную Грековымъ. Здѣсь вовсе не отмѣчено цокающихъ формъ, но наблюдаются случаи аканья: малотчеи 59; старастамъ 25 об.; малотчіе 47 об.; -его 47 об.; за памѣтою 49; женѣ свае 88; сапожнова 87; *о* вмѣсто *а*: золоторя 61.

Въ Записной книгѣ крѣпост. актамъ, явленнымъ дьяку Алябьеву, *а* вмѣсто *о* находимъ лишь въ формахъ; Наугородцкихъ 202 об.; 211 об.; Навгороцкихъ 212.

Такимъ образомъ, совокупность данныхъ сѣверно-великорусскихъ памятниковъ не оставляетъ никакихъ сомнѣній въ томъ, что случаи замѣны неударяемаго *ѣ* черезъ *е* въ памятникахъ съ различеніемъ рефлексовъ *ѣ* и *е* подъ удареніемъ — являются лишь однимъ изъ многихъ свидѣтельствъ сѣверныхъ рукописей о рѣзкихъ измѣненіяхъ безударнаго вокализма,

вызванныхъ въ говорахъ сѣверно-русскаго нарѣчія приблизительно съ XIV — XV в. вліяніемъ южно-великорусскаго ударенія и распредѣленія экспираторной силы.

Изъ этого положенія вытекаетъ въ высшей степени важное методологическое правило: при изслѣдованіи звуковой исторіи сѣверно-великорусскихъ говоровъ необходимо соблюдать крайнюю осторожность въ сопоставленіяхъ измѣненій ударяемыхъ гласныхъ съ безударными. По моему мнѣнію, это методологическое соображеніе необходимо имѣть въ виду при изученіи перехода *е* въ *и* въ сѣверно-великорусскихъ говорахъ (но ср. А. А. Шахматовъ. Исторія русск. яз., 251 — 255, ср. VII главу моей работы) и въ этихъ же говорахъ неударяемаго *ѣ* въ *и*.

Кромѣ того, замѣчу, что рельефно вырисовывающаяся картина вліянія южно-великорусскаго нарѣчія на сѣверно-великорусское, можетъ быть, поможетъ ближе и со всѣхъ сторонъ подойти къ такимъ фонетическимъ процессамъ въ области сѣверно-великорусскаго неударяемаго вокализма, какъ измѣненіе неуд. *а* въ *е* и сохраненіе его особенно передъ твердыми согласными, рядъ явленій «владимирскаго» вокализма, напр., редуцированные гласные, исторія ихъ развитія, переходъ *ѣ* черезъ посредство *е* въ *о* и др. под. (ср. ниже).

Что касается второй изъ намѣченныхъ выше задачъ—именно болѣе точнаго опредѣленія путей, по которымъ просачивались въ сѣверно-великорусскій языковый организмъ южно-великорусскія струи, то она разрѣшается не столько на основѣ показаній рукописей, сколько современныхъ говоровъ.

Въ самомъ дѣлѣ, среди сѣверно-великорусскихъ памятниковъ-икающихъ, но замѣняющихъ безударное *ѣ* черезъ *е*, мы встрѣчаемъ 1) такіе памятники, въ которыхъ наиболѣе рѣзкія особенности сѣверно-великорусской графики; кромѣ иканья, совсѣмъ вытѣснены вліяніемъ обычной орѳографіи, выработавшейся въ стольномъ культурномъ центрѣ, напр., акты Холмогорской и Устюжской епархіи, новг. грамоты № 19 и 20, Записная книга крѣпостнымъ актамъ, явленн. дьяку Алябьеву, и др. под.; 2) такіе, въ которыхъ, при блѣдномъ отраженіи діалектическихъ сѣверныхъ чертъ, кромѣ иканья, —проступаютъ зато въ графикѣ довольно явственно слѣды новаго фонетическаго строя, возводимые одинаково и къ воздѣйствію

литературнаго языка и къ непосредственному вліянію народныхъ ю.-в. говоровъ, но, во всякомъ случаѣ, свидѣтельствующіе о недостаточно твердыхъ навыкахъ писцовъ въ установившихся орѳографическихъ пріемахъ, напр., Сокращенная Палея по сп. XVI в., Писцовая кн. по вел. Новгороду, Опись Торговой Стороны и др.; 3) наконецъ, рукописи, въ которыхъ, при яркомъ обнаруженіи діалектическихъ сѣверно-русскихъ явленій, очень слабо представлены измѣненія сѣверной фонетики подъ ассимилирующимъ вліяніемъ южно-великорусской, напр., Богдановскій Златоустъ XVI в., Хожденіе арх. Греѳенія, Сборникъ Собр. Михайловскаго № 143 и др.

Такъ какъ процессъ усвоенія литературнаго языка и выработанной для его передачи орѳографіи предполагаетъ вытѣсненіе всѣхъ наиболѣе рѣзкихъ чертъ мѣстнаго просторѣчія, то объяснять всѣ уклоненія отъ сѣверно-русской графики во всѣхъ рукописяхъ, даже наиболѣе далекихъ отъ установившагося въ литературномъ центрѣ орѳографическаго шаблона, исключительно вліяніемъ литературнаго языка едва ли возможно. Кромѣ того, параллели къ даннымъ памятниковъ представляетъ рядъ современныхъ сѣверно-великорусскихъ или переходныхъ отъ сѣверно- къ южновеликорусскимъ говоровъ, по отношенію къ которымъ является неоспоримымъ признаніе южно-великорусскаго вліянія.

Таковы акающе-цокающіе говоры нѣкоторыхъ мѣстностей Егорьевскаго у., Рязанск. губ., сохранившіе дифтонгическое произношеніе *ѣ* только подъ удареніемъ (Н. Н. Дурново. Краткій отчетъ. Р. Ф. В., т. LXXI; Шахматовъ. Изв. XVIII, кн. 4; Б. М. Соколовъ. Къ вопросу о дифтонгическомъ произношеніи *ѣ* и *о* въ южно-великорусскихъ говорахъ. Р. Ф. В., 1917 г., № 3—4); сходные съ ними говоры Владимирской губ. (Д. В. Бубрихъ. Изв. XVIII, кн. 4; отвѣтъ С. П. Муханова № 244—ссылка у Шахматова. Истор. русск. яз., 229 стр.); часть говоровъ Бронницкаго уѣзда окающе-цокающей группы, въ которой произношеніе ударяемаго *ѣ* передъ мягкимъ слогомъ равно «e^{i}, болѣе узкому, чѣмъ въ словѣ мель», а судьба неударяемаго *ѣ* въ этомъ же положеніи не отличается отъ судьбы первоначальнаго *е* (Н. М. Каринскій. О говорахъ восточной половины Бронницкаго у. Изв. II Отд. 1903 г., № 1, 360—361 стр.); говоръ села Соколова, Нолинскаго у., Вятск. губ.,

въ описаніи котораго всѣ примѣры перехода *ѣ* въ *и* передъ мягкими согласными указаны только въ ударяемыхъ слогахъ, а въ приложенныхъ «образцахъ народной рѣчи» я отмѣтилъ формы: бѣли́нка 224; дѣвичамъ 227; дѣвичь 228 ter; рѣдиночкёи 228; при ри́цюшки 228 и др. (Матеріалы, вып. VIII, § 68); ср. въ этомъ говорѣ: таварищъ, манахъ, тварогъ, доброва и т. п. § 4; петно, езыкъ и др. § 23 (217—218 стр.); ср. также говоръ села Колобова, Нолинскаго у., Вятск. губ. (ib. § 52, 90 стр. и слѣд.); ср. въ томъ и другомъ селѣ присутствіе мягкаго *к* (Зеленинъ. Великор. гов., 394—395 стр.); акающіе говоры рускаго населенія Лифляндской губерніи, въ которыхъ наблюдателемъ отмѣченъ переходъ въ *и* лишь ударяемаго *ѣ*, въ то время какъ на мѣстѣ неударяемаго слышится *я* (см. П. В. Булычевъ. О говорахъ русскаго населенія Лифляндской губ. Р. Ф. В. 1910 г., № 3—4, стр. 306, 305); говоры Касимовскаго уѣзда, Рязанск. губ. (Будде. Къ исторіи великорусскихъ говоровъ, 42 стр. и слѣд.), въ которыхъ *i͡e* извѣстно лишь въ ударяемыхъ слогахъ, и др. под.

Такимъ образомъ, въ судьбѣ безударнаго *ѣ* въ сѣв.-вел. говорахъ наблюдаются значительныя отличія по сравненію съ исторіей звука *ѣ* подъ удареніемъ. И отличія эти обусловлены не только особымъ ходомъ измѣненій этого звука въ сѣверно-русскомъ нарѣчіи — въ зависимости отъ ударенія, но діалектически и тѣми внѣшними вліяніями, которыя особенно рѣзко отражались на безударномъ вокализмѣ.

Вѣроятно, не къ иллюстраціи южно-великорусскаго вліянія, а къ изображенію хода измѣненій звука *ѣ* на почвѣ самого сѣверно-русскаго произношенія могутъ служить замѣчанія Д. К. Зеленина о буквѣ *ѣ* въ Слободск., Вятск. и Орловск. у. Вятской губ.: «древній *ѣ* звучитъ, какъ очень узкое, приближающееся къ *i-e* (je). Степень узости различна, варьируясь не по мѣстностямъ, а по отдѣльнымъ индивидуумамъ. Вообще же *ѣ* здѣшнее ближе къ *i*, чѣмъ къ *e*, почему подъ удареніемъ (особенная ясность, т. е. рѣзкость ударяемаго слога, видимо, способствуетъ переходу средняго гласнаго въ болѣе устойчивый и привычный звукъ) оно нерѣдко звучитъ, какъ чистое *i*. Это чаще бываетъ передъ мягкимъ слогомъ» (Д. К. Зеленинъ. Отчетъ о діалектологической поѣздкѣ въ Вятск. губ. Сборн. II отд. Ак. Н., 76 т., 5—6 стр.; ср. съ этимъ

наблюденіемъ мои выводы о судьбѣ ударяемаго *ѣ* въ древнѣйшихъ памятникахъ с.-р. нарѣчія).

Но, во всякомъ случаѣ, и помимо этого свидѣтельства, сгруппированныя мною выше данныя о разницѣ въ судьбѣ ударяемаго и безударнаго *ѣ* въ сѣверно-великорусскихъ по своей основѣ говорахъ, испытавшихъ нѣкоторыя потрясенія безударнаго вокализма подъ южно-великорусскими вліяніями, достаточно ярко иллюстрируютъ мою мысль о глубокомъ внѣдреніи южно-великорусскихъ говоровъ въ сѣверно-великорусскіе и объ отраженіи его на судьбѣ безударнаго *ѣ*.

Выставленное мною положеніе о томъ, что на судьбу безударнаго *ѣ*, какъ и вообще на измѣненія безударнаго вокализма многихъ сѣв. говоровъ (не-переходныхъ), оказали сильное вліяніе южно-великорусскіе говоры, не можетъ поразить своею неожиданностью. Процессъ глубокаго внѣдренія степныхъ говоровъ въ сѣверно-великорусскую массу очень ярко обозначился въ изслѣдованіи проф. Д. К. Зеленина о неорганическомъ и непереходномъ смягченіи задненебныхъ. Слѣдующіе его выводы одинаково примѣнимы и къ занимающему насъ явленію: «Проникновенію этой діалектической черты въ сѣверно-великорусскіе, окающіе говоры много способствовалъ приливъ (въ XV — XVII вв.) тѣснимаго крымцами и ногаями населенія изъ южно-великорусскихъ степей къ р. Окѣ и въ мѣстности на сѣверъ отъ Оки, когда въ междурѣчьѣ между Окой и Волгой произошло смѣшеніе южно-великорусскихъ и сѣверно-великорусскихъ элементовъ. Отчасти вслѣдствіе того же самаго прилива населенія съ юга на сѣверъ, а отчасти и вслѣдствіе общаго смѣшаннаго характера своего населенія, Москва довольно рано усвоила указанную діалектическую черту и, въ качествѣ политическаго и культурнаго центра, немало способствовала перенесенію этой черты съ юга на сѣверъ (Д. К. Зеленинъ. Великорусскіе говоры. Главныя положенія, полож. 2).

Впрочемъ я долженъ замѣтить, что по отношенію къ изслѣдованному Д. К. Зеленинымъ явленію представленіе о громадной роли Москвы, какъ передаточнаго пункта, нашло рѣшительное и справедливое опроверженіе у ак. А. А. Шахматова (Извѣстія II Отд., т. XX, кн. 3).

Для меня это обстоятельство служитъ лишнимъ подтвержденіемъ

моего предположенія, что въ разобранныхъ мною с.-в. памятникахъ XV—XVII вв. сказалось вліяніе не только литературнаго языка, но и непосредственно живой южно-великорусской массы.

Выводы Д. К. Зеленина съ поправками и дополненіями А. А. Шахматова пріобрѣтаютъ для моихъ цѣлей тѣмъ большее значеніе, что оба эти ученые связываютъ распространеніе мягкаго *к* въ предѣлахъ сѣверно-великорусскаго нарѣчія съ другимъ явленіемъ, которое уже предположено мною, именно съ редукціей безударнаго вокализма.

«Изъ Суздальской области», пишетъ А. А. Шахматовъ, — мягкое *к*, привившееся къ сѣверно-великорусскому населенію вмѣстѣ съ редукціей неударяемыхъ гласныхъ въ слогѣ непредударномъ, перешло въ Ярославскую и далѣе въ Вологодскую и Вятскую губерніи (Изв., XX, кн. 3, 357 стр.; ср. Д. К. Зеленинъ, 499 стр. и слѣд.; 444 стр. и др.).

Очевидно, что къ этимъ проявленіямъ южно-великорусскаго вліянія на сѣверно-великорусскіе говоры надо отнести *діалектическое* вытѣсненіе рефлексовъ безударнаго *ѣ* черезъ *е* (ср. судьбу *ѣ* внѣ ударенія, особенно передъ твердыми согласными, въ говорахъ Владимирско-Поволжской и Вологодско-Вятской группы. (Опытъ діалектологической карты).

Итоги главы:

1) Звукъ *ѣ* монофтонгизировался прежде всего въ безударныхъ слогахъ.

2) Въ говорахъ, не сохранившихъ архаическаго произношенія ударяемаго *ѣ*, переходъ *ѣ* въ *и* интенсивнѣе всего развивался въ слогахъ ударяемыхъ.

3) Діалектическій процессъ измѣненія въ *и* безударнаго *ѣ* нельзя относить къ эпохѣ раньше конца XIII—нач. XIV вв.

4) Въ судьбѣ безударнаго *ѣ* сѣверно-русскій законъ о переходѣ *ѣ* въ *и* діалектически вступилъ въ столкновеніе съ южно-великорусскими вліяніями, вызвавшими рѣзкія измѣненія въ безударномъ вокализмѣ с.-в. говоровъ.

5) Совпаденіе безударнаго *ѣ* съ *е*, наряду съ частичной редукціей неударяемыхъ гласныхъ, мягкимъ *к* и др. явленіями (переходомъ звука *ó* въ особыхъ условіяхъ въ *ô*?), свидѣтельствуетъ о глубокомъ внѣдреніи степныхъ говоровъ въ сѣверно-русское нарѣчіе.

6) Изученіе исторіи измѣненій звука *ѣ*—внѣ ударенія и предѣловъ распространенія разнообразныхъ рефлексовъ неуд. *ѣ* въ с.-в. говорахъ еще разъ подрываетъ гипотезу Д. К. Зеленина о «соціальной» основѣ въ развитіи мягкаго *к*.

ГЛАВА VII.

О сѣверно-великорусскомъ переходѣ *е* въ *и*.

Переходъ *е* въ *и* въ сѣверно-великорусскомъ нарѣчіи напоминаетъ подобное же измѣненіе *ѣ*. Поэтому вполнѣ естественно начать изученіе этого явленія съ разсмотрѣнія тѣхъ теорій, которыя говорили о переходѣ въ великорусскихъ говорахъ *е* въ *ѣ* при тѣхъ или иныхъ условіяхъ. Однимъ изъ первыхъ на почвѣ нѣкотораго фактическаго матеріала—поднялъ этотъ вопросъ въ своей докторской диссертаціи (Къ исторіи великорусскихъ говоровъ. Казань, 1896) проф. Е. Ѳ. Будде. Проф. Е. Ѳ. Будде, основываясь на замѣченномъ имъ (а раньше Колосовымъ и Далемъ) произношеніи дифтонговъ и долгихъ гласныхъ на мѣстѣ древнихъ *е* и *ь* въ нѣкоторыхъ великорусскихъ говорахъ, допускалъ общерусскій переходъ въ e^i долгое всякаго *е* «въ положеніи передъ мягкой согласной, за которой нѣкогда слѣдовало неслоговое *ь*»[1]. Это $\bar{e}$ изъ *е* въ закрытыхъ слогахъ, доживъ до обще-великорусской эпохи, а діалектически, можетъ быть, и въ общерусскую эпоху — совпало въ дальнѣйшей исторіи своей съ *е* краткимъ изъ *ь* въ закрытыхъ слогахъ[2] и «вовлекло это *е* въ одинъ общій процессъ измѣненій». Затѣмъ звуки общевеликорусской эпохи $\bar{e}$ съ первичной и вторичной долготой (изъ *е* и *ь*) и дифтонгическій звукъ *ie* (*ѣ*) соединили свою судьбу[3]. Отраженіемъ такого произношенія исконнаго *е* проф. Будде считалъ примѣры *ѣ* вм. *е* передъ слогомъ съ *ь* въ

[1] Проф. Е. Будде. Къ исторіи великорусскихъ говоровъ. Стр. 206—208, 244 и др. Ср. Е. Ѳ. Будде. Отвѣтъ академику А. А. Шахматову и разборъ его послѣдняго мнѣнія объ образованіи русскихъ нарѣчій. Ж. М. Нар. Пр. 1899 г., № 9—10, 177 стр. Ср. Отчетъ о присужденіи Ломоносовской преміи въ 1897 г., 36—37 стр.

[2] Къ исторіи великорусскихъ говоровъ, 220 стр.

[3] Ibid., 224 стр.

памятникахъ «восточно-русскихъ нарѣчій», начиная съ XI вѣка — въздъхнѣть въ Тріоди около 1100 года и др.[1].

Еще раньше, чѣмъ проф. Будде, о существованіи въ «общерусскомъ» языкѣ *ē* въ соотвѣтствіе основному *е* и *ě* въ соотвѣтствіе *ѣ* говорилъ проф. Р. Ѳ. Брандтъ[2], относя зачатки этого явленія еще къ «праславянской рѣчи» и допуская въ «основномъ русскомъ» замѣну долготы качественнымъ измѣненіемъ гласнаго[3]. Ту же мысль проф. Брандтъ повторилъ и въ «лекціяхъ по исторіи русскаго языка», допуская обнаруженія въ памятникахъ «стѣсненнаго или сжатаго» *е* въ видѣ *ѣ*[4].

Такимъ образомъ, между взглядами Брандта и Будде при расхожденіи во мнѣніяхъ относительно рефлексовъ *ѣ* — сходство не только въ пониманіи существа разсматриваемыхъ фонетическихъ процессовъ, но и въ той почвѣ, на которой выросли ихъ построенія: оба они, опираясь на возраженія противниковъ Соболевскаго, Будде — Шимановскаго, Брандтъ — Крымскаго, распространяютъ теорію Соболевскаго о происхожденіи такъ называемаго «галицко-волынскаго» *ѣ* на «общерусскій» языкъ.

Одному это нужно было для отнесенія возникновенія замѣченныхъ имъ долготъ и дифтонговъ къ «общерусской эпохѣ», другому — для отрицанія въ «старинномъ русскомъ» языкѣ особыхъ звуковъ *ѣ* и *ѣ*[5].

Покоясь на произвольныхъ предпосылкахъ, эти построенія должны были остаться безплодными въ исторіи русск. языка, какъ это и отмѣтилъ А. А. Шахматовъ[6].

Съ совершенно иной точки зрѣнія взглянули на допускаемый ими процессъ перехода *е* въ *ѣ* Л. Л. Васильевъ и А. А. Шахматовъ. Впрочемъ, Л. Л. Васильевъ относительно даннаго вопроса обмолвился лишь одной, но знаменательной фразой: «Относительно *ѣ* въ вещь (вѣщь та 471; вѣще[x] 266 въ Богданов. Златоустѣ XVI в.) думаю, что

---

[1] Ibid., 206 стр.

[2] Ром. Брандтъ. Лекціи по исторической грамматикѣ русскаго языка. Москва. 1892. Стр. 53.

[3] ibid., 99—100 стр.

[4] Лекціи по исторіи русскаго языка. Москва. 1913 г., 28—29 стр.

[5] Брандтъ. Лекціи по исторической грамматикѣ, 53—54 стр. Лекціи по исторіи русскаго языка, 57 стр.

[6] Отчетъ о присужденіи Ломоносовской преміи въ 1897 г., 36—37 стр.

это переходная форма къ вищь (ср. сѣв.-русск. либедь, щиль, шисть)»[1].

Несомнѣнно, что на такое пониманіе процесса перехода *е* въ *ѣ* и ограниченіе его предѣлами сѣверно-великорусскаго нарѣчія оказали сильное вліяніе «Изслѣдованія въ области русской фонетики» А. А. Шахматова[2].

А. А. Шахматовъ здѣсь приходитъ къ признанію для нѣкоторыхъ сѣверно-русскихъ говоровъ одновременнаго перехода всякаго *е* закр. и *ė* закр. въ *и*: «въ говорахъ, представляющихъ произношеніе тисть, двири, мидвѣдь, жинѣ, щипёнка естественно ожидать *и* вм. *ė* въ словахъ какъ либидиный, мидвидей, дѣвушикъ»[3].

Отъ этихъ процессовъ хронологически надо отдѣлять переходъ въ говорахъ иного типа *е* и *ė* закр. неударяемыхъ передъ мягкими согласными въ *и*, а также переходъ *ė* въ *и* въ говорахъ, не представляющихъ перехода *е* закр. въ *и*[4]. Вмѣстѣ съ тѣмъ у А. А. Шахматова видна попытка отдѣлить отъ измѣненій *е* и *ė* въ неударяемыхъ слогахъ случаи перехода въ *и* ударяемаго *е* и сопоставить эти примѣры съ рефлексами *ѣ*[5], но она остается не выдержанной. И сѣверно-великорусскій переходъ *е* въ *и* разсматривается А. А. Шахматовымъ независимо отъ извѣстныхъ ему изъ новгородскихъ памятниковъ примѣровъ *ѣ* вм. *е*, которые онъ ставитъ рядомъ съ аналогичными фактами въ рукописяхъ другихъ мѣстностей, и видитъ въ буквѣ *ѣ* обозначеніе звука e^{i} передъ мягкимъ согласнымъ[6].

Вслѣдствіе этого получилось, что совершенно однородные примѣры изъ однихъ и тѣхъ же памятниковъ, напр., изъ Ипатьевск. списка Лѣтоп. и изъ Комм. Списка Новгородской I лѣтописи приводятся А. А. Шахматовымъ для подтвержденія различныхъ фонетическихъ процессовъ (совпаденія *ѣ* съ e^{i} и перехода e^{i} въ *и*).

---

1 Л. Л. Васильевъ. Богдановскій Златоустъ XVI в. Изв. X, 3.

2 Гл. 19-я.

3 311 стр.

4 247 стр.

5 247 стр.

6 145—150 стр.

Въ курсѣ исторіи русскаго языка[1] связь между процессами, постигшими *ê* въ сѣверно-великорусскомъ нарѣчіи, и измѣненіями древняго *ѣ* подчеркивается А. А. Шахматовымъ вполнѣ опредѣленно. Впрочемъ, мысль, что *ê* перешло въ *и* черезъ посредство сложной гласной *іᵉ* (совпавъ такимъ образомъ съ исконнымъ *ѣ*), подтверждается лишь ссылкой на наблюденіе Н. Виноградова, указавшаго на появленіе *іе* вмѣсто безударнаго *е* въ Шунгенскомъ говорѣ Костромского уѣзда (тіеліѣгу, привіезли, сіеледка, сіебіѣ. Ср. еще шыэстой при шостой)[2].

Замѣчу, что совершенно иначе склоненъ истолковывать это явленіе Б. М. Ляпуновъ, признавая его «весьма интереснымъ для тѣхъ, кто принимаетъ теорію Шахматова о потерѣ палатализаціи согласныхъ передъ *е* и *и* въ малорусскомъ» (Archiv für Slav. Phil., XXV B., 225—227 и сл.)[3].

Вмѣстѣ съ Б. М. Ляпуновымъ я бы рѣшительно воздержался отъ сопоставленія сѣверно-великорусскаго перехода *е* въ *и* съ подмѣченнымъ Н. Виноградовымъ «растяженіемъ *е* въ *іе*», если даже считать это наблюденіе безусловно правильнымъ[4].

Тѣмъ не менѣе предположеніе А. А. Шахматова о переходѣ *е* въ *и* черезъ посредство *іᵉ* считаю въ высшей степени цѣннымъ и въ подтвержденіе его ссылаюсь на аналогичные факты въ современныхъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ:

Въ Каз. губ. *е* и *ѣ* подъ удареніемъ произносятся иногда, какъ звукъ, средній между *е* и *и*, при чемъ то ближе къ *и*, чѣмъ къ *е*, то къ *е*, чѣмъ къ *и*: веⁱсь—Сунгур., Каз. губ., сеⁱрьп Лаиш. у., д. Бре-

---

[1] Акад. А. А. Шахматовъ. Исторія русскаго языка. 1912 г. Изд. 2-е лит., ч. II.

[2] Стр. 255.

[3] Б. М. Ляпуновъ. Лингвистическія замѣтки. Р. Ф. В., т. LV, 30 стр., прим. 4.

[4] Обращу вниманіе на то, что «чуть замѣтное» въ разговорѣ это *і* передъ *е* рельефно выдѣляется лишь въ пѣніи (Н. Виноградовъ. О народномъ говорѣ, Шунгенской вол., Костромск. у. Сборн. II Отд., т. 77, стр. 13) и сильно растягивается для усиленія впечатлѣнія (ibid., 84 стр.). Съ «шыэстой» я могъ бы сопоставить замѣчаніе Ол. Брока въ описаніи одного говора изъ юго-западной части Тотемск. уѣзда. Сборн. II Отд., т. 83, 21—22 стр.

хово»[1]; вокругъ города Казани, въ предѣлахъ — на сѣв. до г. Арска, на с.-з. до Чебоксаръ, на юго-востокъ до Чистополя и на югъ по Свіягѣ до самаго Симбирска, по словамъ проф. Будде, звукъ *е*, находясь подъ удареніемъ предъ слѣдующимъ мягкимъ согласнымъ, звучитъ почти какъ *и*: трі́ᵉтій, ді́ᵉнь, ті́ᵉс'ть и под.[2].

Правда, по наблюденію проф. Будде, въ говорѣ Ягодной слободы, гдѣ послѣдовательно слышится на мѣстѣ *ѣ* — звукъ передняго ряда, средній закрытый нелабіализованный, «мы имѣемъ какъ разъ обратное произношеніе этимологическаго *и* въ положеніи подъ удареніемъ передъ слѣдующимъ мягкимъ согласнымъ или слогомъ: такое *и* звучитъ какъ среднее *е* закрытое, склонное къ *и*, звукъ передняго ряда»[3].

Однако изъ примѣровъ и изъ приведенныхъ въ фонетической транскрипціи образцовъ народной рѣчи видно, что такому измѣненію подвергается не всякое *и* (ср. въ пѣснѣ: ср. т'ш'еⁱрьнит'ш'ки, ходитᶜь, выгриш'ш'и) передъ мягкимъ согласнымъ, а лишь передъ *н* въ суффиксѣ инец. Ср. зьвиреⁱньц, мизеⁱньц[4]. Во всякомъ случаѣ, это обстоятельство не должно уменьшить цѣнности показаній казанскихъ говоровъ относительно процесса измѣненій ударяемаго *ѣ* въ с.-в. говорахъ (ср. о переходѣ *и* въ *е* передъ *н* въ гл. II).

Еще отмѣчены: въ говорѣ Шенкурск. у., Архангельской губ. «переходный гласный звукъ *и* между предшествующимъ *е* и палатальнымъ *с* въ словахъ: королеⁱсьво, ноцеⁱсь»[5]; въ говорѣ Тверской губ.: меⁱльница, време́ⁱмя, топеⁱрь и др.[6].

Итакъ, я считаю доказаннымъ предположеніе А. А. Шахматова, что *ѣ* перешло въ *и* въ сѣверно-великорусскихъ говорахъ черезъ посредство неоднороднаго звука *іᵉ* и совпало діалектически съ исконнымъ *ѣ*.

[1] Будде. Главныя черты народнаго говора въ Казанск. губ. Р. Ф. В. XXXII т., 90 стр.

[2] Будде. Діалектологическія замѣтки. Сборникъ статей, посвященныхъ Ф. Ѳ. Фортунатову. 164 стр.

[3] Ibid., 176—177 стр.

[4] Будде едва ли правильно сопоставляетъ съ этими случаями гредню въ Сборн. Кирши Данилова. Будде. Сборникъ Кирши Данилова Ж. М. Н. Пр. 1902 г., № 3—4, 517 стр. Ср. выше о переходѣ *и* въ *ѣ* передъ *н*.

[5] В. Мансикка. О говорѣ Шенкурскаго уѣзда Архангельской губ. Изв. II Отд., т. XVII, кн. 2, 97 стр.

[6] Чернышевъ. Свѣдѣнія о нѣк. гов. Тверского, Клинск. и Моск. у. 24 стр.

Еще рѣшительнѣе я долженъ развить другое наблюденіе А. А. Шахматова: «Замѣчательно, что случаи появленія *и* вм. *е* подъ удареніемъ не рѣже, чѣмъ при отсутствіи ударенія»[1]. Въ самомъ дѣлѣ, внимательный анализъ матеріаловъ для изученія сѣверно-великорусскихъ говоровъ съ этой точки зрѣнія показываетъ, что въ однихъ и тѣхъ же говорахъ *е* переживало различную судьбу въ зависимости отъ ударенія. Скажу больше: если основываться въ своихъ заключеніяхъ только на показаніяхъ современныхъ говоровъ, то становится сомнительной самая связь между случаями перехода *е* въ *и* въ безударныхъ слогахъ и аналогичными измѣненіями ударяемаго *е*.

Однако, эта связь, и очень тѣсная — въ рядѣ говоровъ, какъ убѣдимся ниже, должна быть признана на основаніи данныхъ древнихъ памятниковъ сѣверно-великорусскаго нарѣчія.

Дѣйствительно, съ одной стороны, извѣстны такіе сѣверно-великорусскіе говоры, которые при послѣдовательной замѣнѣ *е* черезъ *и* въ неударяемыхъ слогахъ, совсѣмъ или почти совсѣмъ не знаютъ примѣровъ *и* вмѣсто ударяемаго *е*.

Въ говорѣ сѣверо-восточной части Пудожскаго уѣзда, описанномъ В. Мансиккой[2], неударяемое *е* (какъ и *ѣ*) — какъ передъ твердыми, такъ и передъ мягкими согласными послѣдовательно переходитъ въ *и*; а подъ удареніемъ «говорятъ лишь двири при дверь». Аналогичное явленіе наблюдается въ говорѣ Новг. уѣзда, особенно въ Поозерьи, въ Трясовской и въ Тесовской волости; но подъ удареніемъ отмѣченъ наблюдателемъ лишь одинъ случай — Фи́дька[3]. Въ говорѣ Никольскаго уѣзда «*и* встрѣчается изрѣдка на мѣстѣ неударяемаго *е* при отсутствіи подобныхъ примѣровъ подъ удареніемъ»[4]. Ср. Пермской губ., Шадринск. у.

---

[1] Исторія русскаго языка, 254 стр.

[2] В. Мансикка. О говорѣ сѣв.-вост. части Пудожскаго уѣзда. Изв. II Отд. 1914 г., кн. 4. Стр. 149, 150 и 151.

[3] В. Ѳ. Соловьевъ. Особенности говора Новгородск. у., Новг. губ. Сборн. II Отд., т. 77, стр. 4.—Ср. Н. Н. Соколовъ. Народные говоры Новг. губ. Тр. Моск. Д. К., вып. III. Ср. Матеріалы, вып. II, 552 стр.

[4] В. Мансикка. Замѣтки о говорѣ Никольскаго уѣзда. Изв. II Отд., XIX, 4, 209 стр.

говоръ с. Мѣхонскаго[1]; говоръ Вологодск. уѣзда[2]; Устюжск. у.—говоръ села Богоявленскаго-Городищенскаго и окружающихъ деревень[3]; говоръ с. Константиновскаго, Малмыжскаго у.[4]; говоръ Боровичскаго уѣзда[5]; говоръ Тихвинскаго у., с. Крючкова[6]; говоръ Шенкурскаго уѣзда, Арханг. губ.[7]; говоръ Сольвычегодска[8]; говоръ с. Кептуръ, Харинской волости, Тотемск. у.[9] и мн. др.

Съ другой стороны, въ цѣломъ рядѣ сѣверно-великорусскихъ говоровъ случаи перехода *е* въ *и* падаютъ исключительно на ударяемые слоги. Прежде чѣмъ приводить примѣры этого явленія, я долженъ оговориться, что не принимаю во вниманіе формы минѣ, которая, какъ извѣстно, имѣетъ это *и* и въ малорусскомъ нарѣчіи (Лексиконъ Памвы Берынды. 2 изд. минѣ 78, 80, 247[10]), и такихъ случаевъ, какъ нидѣля, гдѣ имѣемъ дѣло съ колебаніемъ частицъ *не-ни*. Ср. въ д. Лембачевѣ Петрозаводскаго у. «*е* безъ ударенія сохраняется» (но ни̇дѣля)[11]; ср. въ говорѣ Миньковск. вол., Тотемск. у. (Матер., IX, 60) и др. Кажется, нефонетически, по крайней мѣрѣ, въ части говоровъ надо объяснять и форму: ищо (ср. говоръ дер. Игумновской и Новгородовской Шевденицкой вол., Тотемск. у. (Мат. IX, 73); говоръ окрест. сел. г. Яренска (ibid., 86) и др.[12].

Но вотъ несомнѣнные факты. Въ говорѣ села Нагорскаго, Слободск. у., Вятской губ., наблюдатель отмѣтилъ *и* вм. *е* лишь подъ удареніемъ двирь, щиль[13] (кладитё, деритёсь — ко-

[1] Матеріалы, IX, стр. 236.

[2] ibid., 46 стр.

[3] ibid., 77 стр.

[4] ibid., 98 стр.

[5] Матеріалы, III, 985 стр. Ср. Соболевскій. Опытъ діалектологіи. Кіевъ 1911 г. 51 стр.

[6] Соболевскій. Опытъ діалектологіи, 52 стр.

[7] Мансикка. О говорѣ Шенк. у. Изв. II Отд., XVII, 2, 97 стр. Ср. Соболевскій. Опытъ, 73 стр.

[8] Соболевскій, ibid., 81 стр.

[9] ibid., 83 стр.

[10] Ср. Л. Л. Васильевъ. Гласные въ слогѣ подъ удареніемъ въ моментъ возникновенія аканья въ Обоянскомъ говорѣ. 1904 г., 8 стр.

[11] Соболевскій. Опытъ діалектологіи, 75 стр.

[12] Ср. Фортунатовъ. Лекціи по фонетикѣ старослав. языка. Пгр. 1919. 277 стр.

[13] Впрочемъ, въ послѣднемъ словѣ *и*, можетъ быть, на мѣстѣ *ѣ*.

нечно, морфологической аналогіи обязаны своимъ *и*)[1]; въ с. Георгіевскомъ, Бѣлозерскаго у.: йиль[2], воробій, лійка, копійка (впрочемъ, ср. ридинькой § 20); въ дер. Ольховицѣ, Кирилл. у.: гиль (вм. *елъ*), двирь (Мат. IX, 186 стр); въ селѣ Троельгѣ, Кунгурск. у., Пермск. губ.: тисть и тись, миль, коничъ (Мат. IX, 223); въ деревняхъ по Вишерѣ, Сыпучинской волости, Чердынск. у., Пермской губ.: йиль, либедь, динь, мильница (Мат. IX, 234); въ Ишимскомъ у.: либедь, двирь, динь, тисть, питля, пичка, мильница (Соболевскій. Опытъ діалектологіи, 101); въ говорѣ Халбужъ, Кологривск. у., Костромской губ.: двирь, питли, мильница, кузниць, кониць (Мат. VIII, 186 стр.) и мн. др.

Въ виду изложенныхъ соображеній было бы неосторожно для доказательства однородности и одновременности фонетическихъ измѣненій *е* въ *и* въ ударяемыхъ и безударныхъ слогахъ ссылаться на такіе сѣверно-великорусскіе говоры, которые представляютъ *и* вм. *е* и въ томъ и въ другомъ положеніи. Таковы, напр., говоры Поситья (Соболевскій. Опытъ діалектологіи, 86 стр.); Петрозаводск. у. (Шахматовъ. Изслѣдованія въ области р. фонетики, 246 стр.); Шадринск. у., Пермск. губ., (Соболевскій. Замѣтки въ области русской діалектологіи. Р. Ф. В. LVI т., 221 стр.); рядъ говоровъ Костромск. губ. (Жив. Стар., V, вып. 3 и 4; Матеріалы IX, 142); Бѣлозерск. у., Новг. губ. (Б. и Ю. Соколовы Сказки и пѣсни Бѣлозерскаго края, CX стр.) и др.

По той же причинѣ я не рѣшился бы строить какіе-нибудь выводы на томъ любопытномъ и цѣнномъ матеріалѣ, который даетъ относительно разсматриваемаго явленія описанная А. А. Шахматовымъ по изданію Калачова (А. Кал. II, № 134) копія XVI в. съ Олонецк. межевой 1391 г. (Изслѣдованія въ области русск. фон., 244—246).

Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ приведенныхъ данныхъ слѣдуетъ, что, если даже допустить для части говоровъ сѣв.-вел. нарѣчія одновременный переходъ *е* въ *ѣ* (i^e) въ ударяемомъ и безударномъ положеніи, все же придется признать различіе судьбы и рефлексовъ этого новаго *ѣ*, по крайней мѣрѣ, діалектически въ зависимости отъ положенія въ отношеніи къ ударенію. Лишь при

[1] Матер. IX, 105.
[2] Ibid., 171.

такомъ предположеніи можно объяснить сохраненіе въ рядѣ сѣв.-вел. говоровъ *и* вм. *е* (или $і^{е}$ вм. *е*) только подъ удареніемъ [1].

Кромѣ того, такъ какъ переходъ ударяемаго *е* въ *и* носитъ діалектическій сѣверно-великорусскій характеръ, то необходимо обозначить границы распространенія этого явленія въ живыхъ говорахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ исчерпывающій анализъ по возможности всѣхъ извѣстныхъ изъ діалектологическихъ описаній случаевъ перехода удар. *е* въ *и* поможетъ установить условія этого перехода и подтвердитъ или отвергнетъ предположенную нѣкоторыми изслѣдователями (напр., Брандтомъ) связь измѣненій *е* въ *ѣ* съ исконнымъ *е* и процессами «паденія глухихъ».

Для выполненія этихъ задачъ необходимо собрать возможно больше діалектологическаго матеріала по данному вопросу — по губерніямъ.

Въ говорахъ *Архангельской губ.* это явленіе отмѣчено въ Онежскомъ у., с. Порогъ, въ образцахъ говора, помѣщенныхъ въ Мат., IX,— либить — 10, 18 стр.; въ Шенкурскомъ у.: щиль; звукъ, средній между *е* и *и*, въ словахъ: короле^{и}сьво, ноце^{и}сь (Мансикка. О говорѣ Шенкурскаго у. Изв. XVII, кн. 2, 97).

Въ *Вологодской губ.:* въ Вельскомъ у.—мистицко (Шахматовъ. Фонетика, 246 стр.); въ Грязовецкомъ у.: штиль (Мансикка. Говоръ Грязовецкаго у., Р. Ф. В. 1912 г., № 4, 275); въ Кадниковскомъ у., Заднесельской вол.: динь, двирь, либедь, питля (Соболевскій. Опытъ, 163); въ Двиницкой вол.: смѣются надъ москвичами: «упалъ въ гризь» (Мат., вып. II, 266 стр.); въ Сольвычегодскомъ у.: либедь, овичка (Колосовъ. Замѣтки. Прилож. къ XXX т. Зап. Ак. Н. № 3, 36 стр.), потиря; въ Тотемскомъ у., Бережнеслободской вол.: либедь (Мат. IX, 68) [2].

Въ *Вятской губ.:* въ Орловскомъ у., с. Пышакъ: либедь (Мат., IX, 101); въ Слободскомъ у., с. Нагорскомъ: двирь, щиль (Мат., IX, 105); въ Полынскомъ приходѣ: либедь, динь, двирь, питля, мильница, пичка, тисть (Матер., IX, 108 стр.).

[1] Поэтому въ дальнѣйшемъ анализѣ этого явленія я буду руководствоваться изученіемъ только тѣхъ говоровъ, которымъ извѣстенъ иереходъ *е* въ *и* въ ударяемыхъ слогахъ.

[2] Гризилось—ibid. и часто въ друг. говорахъ имѣетъ *и*, повидимому, на мѣстѣ др. *ѣ*; др. р. грѣза, грѣзъ ὕλη, materia, грѣзити, perturbare. См. Преображенскій. Этимол. Слов., вып. 3, 156 стр. Срезневскій. Матеріалы I, 602 и слѣд.

Въ *Казанской губ.:* въ Казанскомъ у.: ве^{i}сь (*е*^{i}—звукъ, средній между *е* и *и*; ср. выше)—д. Сунгурово; с. Хлаты: дисить (Труды Моск, Діал. Комм., вып. 2, 4 стр.); с. Пестрецы, Кулаевской вол.: дивять. дисять, симь (ib., 4); въ Ягодной слоб.: ді^{е}ся̆т^{с}ь, ді^{е}вя̆т^{с}ь, копі^{е}јек, ді^{е}ньги, лі^{е}бе^{i}т^{с}ь, ді^{е}нь, ср. трі^{е}тём (Будде. Діалектол. замѣтки, 177, 178 стр.), ті^{е}сть, и т. п.; д. Бимери: плі^{е}т^{с}ь (ib. 171); въ Лаишевскомъ у., д. Брехово: се^{i}рып (Будде. Главн. черты нар. гов. въ Каз. губ. Р. Ф. В. XXXII, 90); по свидѣтельству, проф. Будде такое произношеніе—почти всюду въ предѣлахъ на сѣв. до г. Арска, на с.-з. до Чебоксаръ, на ю.-в. до Чистополя и на югъ по Свіягѣ до самаго Симбирска (ср. на шыю—Симб. у., село Обрамовка, 167 стр.); ср. княженицкаго Кир. II, 91 (Шахматовъ. Фонетика, 247); въ г. Арскѣ: вримя, ді^{е}нь.

Въ *Костромской губ.:* Буйскомъ у., по рѣкѣ Письмѣ: либеть, двирь, штиль (Соболевскій. Опытъ, 60 стр.); лакій, водолій и вообще подъ удареніемъ *ій*, безъ удар.-*ей* (Ѳ. Покровскій. Жив. Стар., V, вып. 3 и 4, 405, ср. еще Матеріалы, вып. I, 348 стр.); въ Кологривскомъ у., с. Халбужѣ: двирь, питля, мильниця, кузниць и кузничь, коиць и коничь (Матер., VIII, 186 стр.); въ Костромскомъ у., Пушкинской вол., въ приходахъ с. Минскаго и Николы Трестина: двирь на питляхъ, вримю, по прижнему, смиртью, симёро (Мат. IX, 137 и 138 стр.); въ Чухломскомъ у. (а также отчасти Кологривскомъ, Солигаличскомъ и Галичскомъ у.): динь, двирь, питля, мильница, пичка, тисть (Мат., IX, 142).

Въ *Новгородской губ.:* въ Боровичскомъ у., въ Дрищевѣ: чисть, слизно, сдирни (Діалектологич. матер. по Новг. губ. Р. Ф. В. 1914, № 1—2, 316); въ д. Заболотьѣ, Бычковѣ, Задорьѣ, Коршуновѣ, Степаньковской вол.: пичка (Тр. М. Д. Ком., в. II, 12); въ Бѣлозерскомъ у.: княженицкий (Соколовы. Сказки и пѣсни Бѣлозерск. края, СХ); въ с. Георгіевскомъ, Георгіевско-Вадбальской вол.: йиль, воробій, лійка, копійка (Мат. IX, 171)[1]; въ деревняхъ Боровской вол.: Шоборово, Верхній дворъ и Заирапъ: тись (Мат. IX, 176); въ Крестецкомъ у.,

[1] Вѣроятно, отъ этихъ примѣровъ надо отдѣлить ивтотъ. Ср. въ селѣ Богородскомъ Красноуфимскаго у., Пермской губ. *и* вм. *е* только въ этомъ словѣ (ibid., 218).

въ пограничныхъ мѣстахъ Крестецкаго и Тихвинскаго у. (Заборовская и Боровенская волости): шись (Соболевскій. Опытъ, 53); въ Кирилловскомъ у., д. Ольховица: гиль, двирь (Мат. IX, 186); Введенской вол., Кленовск. прих., Новгородскомъ у.: Фидька (В. Ѳ. Соловьевъ); въ Тихвинск. у., село Ильинское: двирь (Н. Н. Соколовъ. Поѣздка въ Тихв. у. Т. М. Д. К., в. II, 114).

Въ *Олонецкой губ.*: въ Вытегорскомъ у.: плить (Колосовъ. Ср. Шахматовъ. Фонетика, 246); д. Ежезеро, Коштугской вол.: тись, двирь, сплитня (Соболевскій. Опытъ, 73), ср. еще: стильня (Матер., вып. II, 564 стр.); ср. въ говорѣ волостей Ухотской, Шильдской и Тихманской *и* вм. *е* только въ двиреми (ib., 74); въ Каргопольскомъ у., въ Лепшинскомъ прих.: двири (Мат. IX, 199); въ друг. мѣстностяхъ того же уѣзда: щиль, двири, ободвирина (Жив. Ст., г. II, вып. 2. Яковъ Свѣтловъ. О говорахъ жителей Каргопольскаго края, 157 стр.); въ Петрозаводскомъ у.: двири, двирь, пичка, смирть, тисть, тистя, коницъ, кузницъ, дворицъ, кузничьному, словичко, конишно, миньше, диньги, кристикъ, коній, щилья, мистичко, деничку (Шахматовъ. Фонетика, 246); с. Муромля: двирь (Мат. III, 247); въ Пудожскомъ у.: двири (Мансикка. О говорѣ с.-в. ч. Пуд. у., 149).

Въ *Пермской губ.*: въ Верхотурскомъ у., въ с. Николае-Павловскомъ: динь (Мат., IX, 212); въ Екатеринбургскомъ у., Бѣлоярской вол., дер. Крутихѣ: мильница, питля, динь, двирь, тись (Соболевскій. Замѣтки въ области русской діалектологіи. Р. Ф. В., т. LVI, 221 стр.); въ Красноуфимскомъ у., с. Златоустовскомъ: либедь, динь, двирь, питля, мильнича, пичь, пичка (Матер., IX, 221); въ Кунгурскомъ у., селѣ Троельгѣ: тисть и тись, коничъ (Мат., IX, 223); въ Осинскомъ у., волостяхъ Устиновской, Комаровской, Савинской и Бымовской: дивить, дисить, смирть, щиль, шисть, симь, шія (Соболевскій. Опытъ, 166 стр.); въ Чердынскомъ у., Сынучинской волости: йиль, либедь, динь, мильница (Мат. IX, 234); въ Шадринскомъ у., с. Мѣхонскомъ: потиря (Мат. IX, 236); с. Бродокалмакскомъ: двирь (Мат., IX, 233); с. Першинскомъ: либеть, двирь (Мат. IX, 239).

Въ *Саратовской губ.*: въ Балашовскомъ у., с. Баклуши: мичь, пичка, тисть, двирь (Р. Ф. В. LVI, 1911 г.).

Въ *Тверской губ.*: въ Клинскомъ у., дер. Тимоново, Березники, Высоково, Вертлинской вол., Богородскаго прихода: подвись (подвесть), грись, вись, фпичку, диняк, кливер, тись, шысь, пiити и др. (Чернышевъ. Свѣдѣнія о нѣкоторыхъ говорахъ Тверск. Клинск. и Моск. у. Сб. II Отд., т. LXXV, 24); ср. ibid. ме^{и}льница, вре^{и}мя, топе^{и}рь, Фе^{и}дя и др. (со звукомъ, среднимъ между *е* и *и*); въ Тверскомъ у., с. Старый Погостъ, Щербиновской волости: jись (есть), итим, силиніе, вримя, двирь, шысь, шырсь, жыньшыны, пій, людій и мн. др. (Чернышевъ. Свѣдѣнія о нѣк. гов. Тверск., Клинск. и Москов. у., 2 стр.); с. Михайловск. и Васильевск., Васильевской вол.: вирьх (ib., 7); ср. также указаніе Мадуева (въ Отчетѣ о діалектологической поѣздкѣ по Тверской губ.): «въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ мнѣ пришлось слышать на мѣстѣ *ѣ* и *е* въ ударяемыхъ слогахъ *и*, когда за ними слѣдуетъ согласный мягкій *н* или *j*: дин', пин', jіj, лij (Труды Моск. Діал. Комм., вып. I, 46 стр.).

Въ *Тобольскомъ округѣ*: въ Тобольскомъ у., Демьянской волости: динь (Мат., вып. VI, 3); въ Ишимскомъ у.: либедь, двирь, динь, тисть, питля, пичка, мильница (Соболевскій. Опытъ, 101 стр.; Матер., III, 557 стр.).

Въ *Ярославской губ.*: въ Моложскомъ у., с. Захарьинѣ (Поситье): дириво, динь, иль, ифти (Соболевскій. Опытъ, 86); пирвой, придвирьницьки, двирій, изъ ушій (Колосовъ. Архивные матеріалы. Р. Ф. В. 1879 г. № 2); мильница, динь, пирвой, иль, исть (есть) журавиль (Шахматовъ. Фонатика, 247); въ Пошехонскомъ у.: двирь, пичка, мильница (Шахматовъ. Фонетика, 246 стр.); въ Романовскомъ у.: динь, питля, двирь и т. д. (Шахматовъ. Исторія русск. яз., 252).

Присматриваясь къ предѣламъ распространенія этого явленія въ сѣверно-великорусскихъ говорахъ, мы наблюдаемъ любопытный фактъ, что всякое измѣненіе ударяемаго *е* на пути къ сближенію съ *и* или совпаденіе его съ *и* непремѣнно предполагаетъ аналогичный фонетическій процессъ превращеній др. *ѣ* въ положеніи передъ мягкими согласными. Поэтому изслѣдователи тѣхъ говоровъ, гдѣ одинаково и на мѣстѣ *ѣ* и *е* наблюдается звукъ, средній между *е* и *и* (Будде, Чернышевъ), разсматриваютъ оба эти явленія вмѣстѣ. И это обстоятельство неоспоримымъ

образомъ еще разъ доказываетъ предположеніе А. А. Шахматова о переходѣ *е* въ *и* черезъ посредство *ѣ* (i^e).

Но, съ другой стороны, само по себѣ совпаденіе *ѣ* съ *и* передъ мягкими согласными въ томъ или другомъ сѣверно-великорусскомъ говорѣ вовсе еще не свидѣтельствуетъ о томъ, что такая же судьба въ этомъ говорѣ постигла и др. *е* подъ удареніемъ. Имѣемъ цѣлый рядъ «икающихъ» говоровъ, которые вовсе не знаютъ *и* вм. *é*. Таковы, напр., говоры по теченію рѣкъ Луги и Оредежа, описанные Н. М. Каринскимъ[1]; говоры мѣстностей Вятской губ., изученные Д. К. Зеленинымъ[2] и проф. Е. Ѳ. Будде[3]; говоръ Кремлевской вол., Кадниковскаго у., Вологодской губ., описанный Шайтановымъ[4]; Благовѣщенскаго и Воскресенскаго сельскаго обществъ, Благовѣщенской вол., Шенкурскаго у.[5]; говоры Оларевской вол., Вологодск. губ.[6]; говоры дер. Лихачева, Сёмкина, Лобанова, Понизовья и другихъ, расположенныхъ около Шольскаго земскаго училища, Бѣлозерскаго у., Новгородск. губ.[7]; говоръ Шунгенской вол., Костромск. у.[8]; южной части Череповецк. у.[9]; говоръ дер. Панькова изъ юго-западной части Тотемскаго у., Вологодск. губ., описанный проф. Олафомъ Брокомъ[10], и мн. др.

Изъ сопоставленія показаній этихъ говоровъ о судьбѣ исконныхъ *ѣ* и *е* передъ мягкими согласными подъ удареніемъ съ несомнѣнностью

---

[1] Н. М. Каринскій. О нѣкоторыхъ говорахъ по теченію Луги и Оредежа. Р. Ф. В., 1898, № 3—4.

[2] Д. К. Зелепинъ. Отчетъ о діалектологической поѣздкѣ въ Вятскую губ. Сборн. II Отд., 76 т. Его же. Отчетъ о поѣздкѣ въ Яранскій у. для изученія народнаго говора (Уч. Зап. Юрьевск. Унив. 1902 г., № 3).

[3] Будде. Краткій отчетъ о командировкѣ въ Вятскую губ. на лѣтн. мѣс. 1896 г. (Уч. Зап. Каз. Унив. 1896 г., т. X).

[4] Шайтановъ. Особенности говора Кадн. у. Вологодск. губ. Жив. Стар. Г. V, вып. III и IV, стр. 383—384.

[5] Матеріалы, IX, 27.

[6] Матеріалы, IX, 43.

[7] Ibid., 167—168.

[8] Н. Виноградовъ. О народномъ говорѣ Шунг. вол., Костр. у., 10 стр.

[9] О говорѣ крестьянъ южной части Череповецк. у., Новгор. губ. М. Герасимова. Жив. Стар. Г. III, вып, III, 374 стр. Ср. М. К. Герасимовъ. Краткій очеркъ Череповецк. говора. Сборн. II Отд., 87 т.

[10] Олафъ Брокъ. Описаніе одного говора изъ юго-западной части Тотемскаго у. Сборн. II Отд. Ак. Наукъ, т. 83.

слѣдуетъ, что переходъ *е* въ *ѣ* и далѣе въ *и* даже въ предѣлахъ сѣверно-великорусскаго нарѣчія былъ явленіемъ діалектическимъ.

Особенно любопытны и цѣнны въ этомъ отношеніи наблюденія проф. Ол. Брока, которыя показали, что нерѣдко въ говорахъ, представляющихъ *и* изъ *ѣ* въ этомъ или иномъ положеніи, *е* (изъ *е* и *ь*) «остается бессомнѣнно открытымъ, даже при условіяхъ, особенно благопріятствующихъ закрытому его произношенію»[1]. Съ ними можно сравнить замѣчанія Д. В. Бубриха объ измѣненіяхъ *е* въ говорѣ с. Пустошей, Ягодинской вол., Судогодскаго у., Влад. губ.[2].

Вмѣстѣ съ тѣмъ обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что даже въ говорахъ, гдѣ извѣстенъ переходъ *е* въ *и*, случаи этого перехода носятъ спорадическій характеръ, въ особенности, если провести параллель между ними и примѣрами измѣненія въ *и* исконнаго *ѣ* въ тѣхъ же говорахъ. Напр., въ говорѣ сѣверо-восточной части Пудожск. у., при послѣдовательной замѣнѣ *ѣ* передъ мягкими согласными, независимо отъ ударенія, черезъ *и*, находимъ лишь одинъ примѣръ *и* вм. *е*—двири[3]; въ говорѣ Грязовецкаго у., при замѣнѣ ударяемаго *ѣ* передъ мягкими согласными черезъ *и*, наблюдатель отмѣчаетъ *и* вм. *е* лишь въ словѣ щиль[4]; ср. въ с. Пышакъ, Орловск. у. Вятской губ.,—1 примѣръ—либедь[5] при послѣдовательномъ переходѣ *ѣ* въ *и* передъ мягкимъ согласнымъ; ср. то же въ Кленовскомъ приходѣ Введенской вол., Кирилловскаго у., Новгородск. губ.[6], въ рядѣ говоровъ Новгородскаго у.[7] и др.

Конечно, въ однихъ изъ такихъ говоровъ слова съ *и* вм. *е* могли быть вытѣснены—подъ вліяніемъ другого говора, не знавшаго такого перехода; въ другихъ—единичные примѣры въ родѣ—двирь, щиль—могли быть заимствованы изъ сосѣднихъ говоровъ. Словомъ, столкновеніе

---

1 Олафъ Брокъ. Описаніе одного говора, изъ юго-западной части Тотемскаго у. Сборн. II Отд., т. 83 90 стр.

2 Д. В. Бубрихъ. Фонетическія особенности говора с. Пустошей. Изв. II отд., т. XVIII., кн. 4, 311—312 стр.

3 Мансикка. Изв. II Отд., 1914 г., кн. 4, 150—151 стр.

4 Мансикка. Говоръ Грязовецкаго у., Р. Ф. В. 1912 г., № 4, 275 стр.

5 Матеріалы, IX, 101 стр.

6 Матеріалы, IX, 189.

7 В. Ѳ. Соловьевъ. Сборн. II Отд., 77 т., 4 стр.

различныхъ діалектическихъ единицъ могло нарушить первоначальную закономѣрность явленій. Къ тому же и количество словъ съ ударяемымъ *е* передъ мягкими согласными не особенно значительно. И тѣмъ не менѣе для объясненія различія въ судьбѣ древняго и «новаго» *ѣ* необходимо предположить, что въ рядѣ говоровъ переходъ *ê* въ *ѣ* (*i*^e) произошелъ уже тогда, когда исконное *ѣ*, по крайней мѣрѣ, въ ударяемомъ положеніи уже было близко къ совпаденію съ *и*.

Процессы измѣненій исконнаго *е* въ сѣверно-великорусскихъ говорахъ должны представляться въ такомъ же діалектическомъ разнообразіи, какъ и рефлексы др. *ѣ*. Рядомъ съ говорами, сохранившими, какъ описанный Ол. Брокомъ Тотемскій говоръ, широкое произношеніе *е*, (въ эпоху, когда *ѣ* діалектически уже сблизилось съ *и*,) стали такіе сѣв.-вел. говоры, гдѣ произошелъ переходъ *е* передъ палатализованнымъ согласнымъ въ *ê*. Въ части говоровъ это *ê* осталось безъ измѣненія—не только тѣхъ, гдѣ однородный звукъ слышался на мѣстѣ исконнаго *ѣ*, но и тѣхъ, въ которыхъ первоначальное *ѣ* подвергалось переходу въ *и*. Въ другихъ—продолжавшійся процессъ суженія привелъ къ превращенію *ê* въ i^e. Тамъ, гдѣ древнее *ѣ* еще звучало, какъ i^e, новый звукъ i^e, возникшій изъ *ê*, совпалъ съ нимъ. Таковы говоры казанскіе, тверскіе. Въ рядѣ говоровъ i^e подъ удареніемъ подверглось дальнѣйшему измѣненію въ *и*, въ безударныхъ слогахъ перешедши въ *е* (ср. аналогичную судьбу первоначальнаго *ѣ* въ вятскихъ говорахъ[1] и друг. — см. выше), но затѣмъ діалектически подъ вліяніемъ аналогіи родственныхъ образованій (пичь, но пече́й) это *и* въ ударяемыхъ слогахъ въ большинствѣ словъ уступило мѣсто звуку *е*. Въ тѣхъ же говорахъ, въ которыхъ съ *и* совпало *е* независимо отъ ударенія[2], это *и* было устойчивѣе. Надо думать, что именно такой говоръ нашелъ отраженіе въ упоминавшейся выше копіи XVI в. съ Олонецкой межевой 1391 г.

Кромѣ того, можно предполагать, что были діалекты, въ которыхъ

---

[1] Д. Зеленинъ. Отчетъ о діалектологич. поѣздкѣ въ Вятскую губернію. Сборн. II Отд., 76 т., 5—6 стр.

[2] Вопроса о томъ, произошелъ ли въ этихъ говорахъ переходъ i^e въ *и*—подъ удареніемъ и въ безударныхъ слогахъ одновременно или подъ удареніемъ совершился раньше, я не рѣшаю; ср. судьбу др. *ѣ*—въ зависимости отъ ударенія.

переходъ *ê* въ *и* осуществился — лишь при наличіи нѣкоторыхъ благопріятствующихъ условій, напр., при слѣдующемъ *и*; ср. въ с.-в. части Пудожск. у. лишь двúри. Отсюда *и*, конечно, по аналогіи могло переноситься и въ другія формы этихъ словъ.

Такимъ образомъ, анализъ данныхъ современныхъ с.-в. говоровъ относительно перехода *е* въ *и* заставилъ насъ признать діалектическое разнообразіе въ процессахъ, которые переживало это *е* — передъ палатализованными согласными, и сравнительно поздній характеръ этихъ измѣненій. Ближайшее разсмотрѣніе всѣхъ примѣровъ этого явленія поможетъ точнѣе формулировать условія его и тѣснѣе замкнуть его въ рамкахъ опредѣленной хронологіи — въ вѣкахъ.

Очевидно, что разсматриваемымъ измѣненіямъ подвергалось всякое *е* — передъ мягкими согласными, т. е. восходящее какъ къ первоначальному *е*, такъ и къ *ъ* — въ слоговомъ положеніи, и къ открытому, не напряженному *и* въ положеніи передъ *į* (ср. пій, водолій, динь, пичь и др.). Случай — слизно въ с. Дрищевѣ, Боровичскаго у.[1], гдѣ повидимому, ранѣе звучало слёзно — ср. слéзно, слéзы въ Бѣлозерскомъ у.[2], — не служитъ опроверженіемъ установленной формулы о переходѣ *е* въ *и* лишь передъ мягкими согласными и вовсе не переноситъ хронологію этого явленія въ ту эпоху, когда еще не успѣли отвердѣть соприкоснувшіеся послѣ паденія глухихъ съ твердыми мягкіе согласные. Дѣло въ томъ, что измѣненію въ *ѣ* и далѣе въ *и* подвергалось и то *ê*, которое діалектически произносилось въ положеніи передъ твердымъ согласнымъ въц ерковныхъ словахъ, ср. въ Лѣкинскомъ говорѣ, Егор. у., Ряз. губ.: тре̂звăj, любе̂знăj, анифе̂ст, але̂на[3]; ср. кристъ въ копіи съ Олон. меж. 1391 г.[4].

Приведенными соображеніями опредѣляется terminus post quem разсматриваемыхъ процессовъ.

---

[1] Р. Ф. В. 1914 г., 316 стр.

[2] Б. и Юр. Соколовы. Сказки и пѣсни Бѣлозерскаго края. CX стр. Ср. И. Т. Смирновъ. Кашинскій говоръ. Здѣсь: «слеэс (слышится почти э) вм. слёзъ». 13 стр.

[3] Шахматовъ. Описаніе Лѣкинскаго говора, Егорьевск. у., Ряз. губ., 194 стр.

[4] Шахматовъ. Фонетика. 245 стр.

Датируя паденіе глухихъ и измѣненіе въ *е* звука *и* передъ *ĭ* въ с.-в. нарѣчіи концомъ XII—началомъ XIII вѣка[1], заключаемъ, что переходъ *е* въ *ѣ* произошелъ не ранѣе конца XII вѣка или даже первой половины XIII в., когда мягкій по причинѣ слѣдовавшаго за нимъ *ь* согласный уже успѣлъ отвердѣть передъ слѣдующимъ твердымъ согласнымъ. Terminus ante quem устанавливается примѣрами: конишно, шысь, шырсь, жыньшыны и т. п. Если признаемъ, что причиной измѣненій звука *е*—по пути къ сближенію съ *и* было ассимилирующее вліяніе мягкихъ согласныхъ, окружающихъ его, то должны допустить, что переходъ *е* въ *ѣ* діалектически совершился до начала процесса отвердѣнія *ж, ш*—въ сѣверно-великорусскихъ говорахъ. Въ памятникахъ случаи отвердѣнія этихъ согласныхъ въ сѣв.-велик. нарѣчіи извѣстны съ XIV вѣка[2].

Слѣдовательно, переходъ *е* въ *ѣ* и далѣе въ *и* развивался въ с.-в. говорахъ не ранѣе второй половины XII вѣка и не позже начала XIV в. Замѣчу, что изслѣдователями исторіи русскаго яз.—ак. А. И. Соболевскимъ и ак. А. А. Шахматовымъ приведены примѣры этого явленія изъ рукописей XIV вѣка.

Такимъ образомъ, данныя современной діалектологіи по вопросу о переходѣ *ѣ* въ *и*—въ сѣверно-великорусскомъ нарѣчіи таковы:

1) *е* переходило въ *и* черезъ посредство *ѣ* (*i^e*);

2) это явленіе развивалось діалектически послѣ сближенія исконнаго *ѣ* съ *и* въ ударяемыхъ слогахъ;

3) оно началось не ранѣе конца XII вѣка, и въ части говоровъ къ половинѣ XIV в. измѣненіе *ê* въ *и* уже состоялось;

4) въ судьбѣ *е* (изъ *е, ь* и *и* передъ *ĭ*) обнаруживается яркое діалектическое разнообразіе: рефлексами *е* передъ мягкими согласными въ с.-русскомъ нарѣчіи должны быть признаны звуки: *е, ê, i^e* и *и*;

---

[1] См. Шахматовъ. Очеркъ, 213, 229 стр. и др.; 350 стр.

[2] Ср. Шахматовъ. Исторія р. яз., 161—162 стр. Соболевскій. Лекція[4] 135—136 стр. Л. Л. Васильевъ. Вологодское Евангеліе XVI в., 270 стр. Впрочемъ, хронологическая граница, устанавливаемая такимъ путемъ, очень подвижна: въ однихъ говорахъ, какъ доказалъ Л. Л. Васильевъ, щипящіе отвердѣли очень рано — до перехода *ѣ* въ *и* — передъ мягкимъ слогомъ (если не допускать позднѣйшее вытѣсненіе *и* черезъ *е* передъ отвердѣвшими шипящими—согласно общему звуковому строю говоровъ); въ другихъ шипящіе еще «мягки или же еще недавно были мягкими» (Зеленинъ. Вел. говоры, 10—11 стр.).

5) въ процессахъ, связанныхъ съ судьбою новаго *ѣ* изъ *е*, играло большую роль удареніе, обуславливая діалектически различіе рефлексовъ этого *ѣ* въ ударяемыхъ и безударныхъ слогахъ;

6) переходу въ *ѣ* и далѣе въ *и* подлежало всякое *е* передъ мягкими согласными (изъ *е*, *ь* и *и* передъ *і*), и поэтому попытки сопоставить случаи *ѣ* вм. *е* въ сѣверно-русскихъ памятникахъ съ аналогичными примѣрами въ южно-русскихъ рукописяхъ должны быть оставлены.

Данныя современной діалектологіи должны быть поставлены въ связь съ явленіями древняго языка, наблюдаемыми по рукописямъ. Для разсматриваемаго процесса эту связь въ широкомъ объемѣ пытался установить лишь ак. А. А. Шахматовъ, если не считать нѣсколькихъ строкъ по этому вопросу въ «Лекціяхъ» ак. А. И. Соболевскаго.

Бóльшая часть примѣровъ перехода *е* въ *и* въ древнемъ языкѣ А. А. Шахматовымъ приведена изъ памятниковъ псковскаго говора, въ которомъ, по мнѣнію А. А. Шахматова, было особенно развито это явленіе (Исторія русск. языка, 253 стр.; ср. еще 386 стр.). Какъ извѣстно, живымъ потомкамъ древне-псковскаго говора чуждъ переходъ ударяемаго *е* въ *и*. Опираться на случаи замѣны *е* черезъ *и* въ неударяемыхъ слогахъ для заключеній объ общей судьбѣ звука *е* въ говорахъ Пскова едва ли допустимо методологически, потому что даже въ окающемъ Порховскомъ говорѣ — въ безударномъ вокализмѣ наблюдаются явленія, рѣзко отличныя отъ измѣненій ударяемыхъ гласныхъ. Ср. вяликое, поляжитъ[1] при тилѣга, колисо и др. подоб.[2]. Поэтому только внимательный анализъ примѣровъ «мѣны *е*—*и*» въ древне-псковскихъ памятникахъ можетъ дать отвѣтъ на вопросъ, дѣйствительно ли говоры древняго Пскова переживали вмѣстѣ съ группой другихъ сѣверно-русскихъ говоровъ переходъ *е* въ *ѣ* и далѣе въ *и*. Разсмотрѣнная выше судьба исконнаго *ѣ* въ говорахъ Пскова облегчитъ намъ выборъ того пути, по которому нужно подходить къ уясненію мѣны *е*—*и* въ древне-псковскихъ текстахъ, уже вызвавшей разнообразныя толкованія.

---

[1] Н. Н. Соколовъ. Говоры Псковской губ., 156 стр.

[2] И. Евсѣевъ. Жив. Стар., г. I, вып. 3. Ср. Шахматовъ. Исторія русскаго языка, 253—254. Ср. примѣры *и* на мѣстѣ *а* послѣ мягкихъ согласныхъ внѣ ударенія въ порховск. гов.: исне хонько, проивилси, сдѣлалси. Евсѣевъ, 203 стр.

Первый изслѣдователь псковскаго говора ак. А. И. Соболевскій сопоставлялъ переходъ безударнаго *е* въ *и* въ древне-псковскихъ рукописяхъ съ аналогичнымъ явленіемъ южно-великорусскаго и бѣлорусскаго нарѣчій (Очерки изъ исторіи русск. языка, 148 стр.); немногочисленные случаи чередованія *и* и *е* подъ удареніемъ объяснялъ вліяніемъ графическаго смѣшенія *ѣ* и *и* (ibid.)[1]. А. И. Соболевскій, допуская одновременно въ языкѣ Пскова переходъ *е* въ *а*, предшествовавшій хронологически измѣненію *е* въ *о*, не опредѣлялъ условій, вызвавшихъ столь различныя измѣненія одного и того же звука.

Проф. Н. М. Каринскій, сохраняя по отношенію къ даннымъ рукописей XIV в. объясненія своего учителя, причиной мѣны *е* и *и* въ памятникахъ псковскаго говора XV в. считалъ совпаденіе *е* и *и* внѣ ударенія въ звукѣ неполнаго образованія, близкомъ къ *и*. Въ сущности тотъ же методъ объясненія проф. Каринскій примѣнилъ и къ другому графическому измѣненію *е* въ псковскихъ рукописяхъ XV в.— чередованію буквъ *е* и *я*. Допуская вслѣдъ за акад. А. И. Соболевскимъ «какія-то измѣненія гласныхъ *а* и *е* какъ въ ударяемыхъ, такъ и въ неударяемыхъ слогахъ», существовавшія въ Псковѣ еще до развитія аканья, Н. М. Каринскій большинство примѣровъ «мѣны буквъ *е* и *я* въ псковскихъ памятникахъ XV вѣка» разсматривалъ, какъ отраженье аканья (Языкъ Пскова, стр. 152—163).

Хотя Н. М. Каринскій и заявлялъ, что «сфера замѣны *е* черезъ *и* въ каждой рукописи рѣзко разграничена отъ сферы замѣны *е* черезъ *а*», но какой-нибудь системы въ этихъ двухъ разнородныхъ явленіяхъ не пытался установить.

Вполнѣ понятно, что акад. А. А. Шахматовъ, будучи не въ состояніи помирить предположенія Н. М. Каринскаго объ измѣненіи безударнаго *е* то въ *и*, то въ *а*, и не находя въ живыхъ псковскихъ говорахъ оправданія гипотезѣ акад. А. И. Соболевскаго и проф. Н. М. Каринскаго о сближеніи ударяемаго *е* (изъ *е* и *ѣ*) съ *а*, объявилъ мѣну *е*—*а* и мѣну

---

[1] По мысли А. И. Соболевскаго, это чередованіе ударяемыхъ *ѣ* и *и* въ однихъ и тѣхъ же словахъ «дало начало *и* и *е* въ совр. сѣв.-обл.: щилье, ракетовъ, вехорь» (Изслѣдованія въ обл. русск. грамм., 45, прим. Очерки, 148 стр.).

е—и древне-псковскихъ памятниковъ чисто графическими пріемами, заимствованными псковскими книжниками изъ средне-болгарскихъ рукописей при посредствѣ Южной и Западной Руси (А. А. Шахматовъ. Нѣсколько замѣтокъ, стр. 127—137, 145—148). Кромѣ того, мѣнѣ *е—и*, по мнѣнію Шахматова, способствовало смѣшеніе *ѣ* и *и* въ оригиналахъ псковскихъ памятниковъ и графическая замѣна въ нихъ же *е* черезъ *ѣ*, которое псковскій писецъ могъ прочитать, какъ *и* (ibid., 147—148).

Замѣчу, что, вопреки А. А. Шахматову, Б. М. Ляпуновъ склонялся къ фонетическому объясненію мѣны буквъ *е* и *а* послѣ мягкихъ согласныхъ (Сборникъ отчетовъ о преміяхъ и наградахъ за 1909 г. Стр. 553).

Такимъ образомъ, опредѣленіе судьбы звука *е* въ псковскихъ говорахъ затруднено цѣлымъ рядомъ графическихъ явленій, связанныхъ съ употребленіемъ въ псковскихъ памятникахъ буквъ *е- а- и*. Между тѣмъ разрѣшеніе возникшихъ по данному поводу вопросовъ еще болѣе было осложнено новыми соображеніями, развитыми и Н. М. Каринскимъ и А. А. Шахматовымъ. А. А. Шахматовъ въ «Исторіи русск. языка» случаи замѣны *е* черезъ *и* въ псковскихъ памятникахъ ставитъ въ связь съ переходомъ ударяемаго и безударнаго *е* въ *и* въ совр. сѣв.-вел. говорахъ, объясняя смѣшеніе *е—а* графическими причинами, какъ и раньше. (Исторія русск. языка, 253—254 стр., также 385—386 стр.).

Проф. Н. М. Каринскій рѣшительно возражалъ противъ объясненія мѣны *е* и *я* въ памятникахъ Пскова исключительно юго-славянскимъ вліяніемъ, подчеркивалъ своеобразный характеръ этой мѣны по преимуществу въ конечномъ открытомъ слогѣ, особенно въ двухъ падежахъ: 1) въ им.-вин. ед. ср. р. сущ. на *-ие* и 2) въ род. ед. муж.-ср. р. сущ. съ основами на мягкій-согласный, и высказывалъ предположеніе, что «въ XIV и XV в. въ конечномъ открытомъ слогѣ псковичи произносили *е* близко къ *а*, или даже совершенно, какъ *а*» (Очерки изъ исторіи псковской письменн. и языка. I, 12—26 стр.).

О случаяхъ мѣны *е—и* Н. М. Каринскій также остался при прежнемъ мнѣніи (примѣчаніе 3 на 35 стр.).

Итакъ, изслѣдованіе условій и характера перехода *е* въ *и* въ псковскихъ говорахъ — побуждаетъ меня опредѣлить свое отношеніе къ выше

изложеннымъ противорѣчивымъ мнѣніямъ и высказаться по существу затронутыхъ въ нихъ вопросовъ[1].

Начну съ анализа «мѣны *е* и *я*» въ псковскихъ памятникахъ. Обращу прежде всего вниманіе на то, что аканье[2] къ XIV в. въ части говоровъ Псковской области было уже развившимся явленіемъ (см. Соболевскій. Очерки, 147; Сорочанъ. Псалтырь Fп1 № 1. Р. Ф. В. LXVI, 261; ср. еще примѣры аканья въ Ев. XIV в. Fп1 № 57; въ Ев. XIII—XIV в. Fп1 № 10; въ Ев. XIV в. Fп1 № 8 и т. п.).

Поэтому естественно ожидать, что измѣненія безударнаго вокализма, родственныя, хотя и не тождественныя аналогичнымъ процессамъ бѣлорусскаго и южно-великорусскаго нарѣчій, въ псковскихъ рукописяхъ получатъ сходныя графическія выявленія, какъ въ южно-великорусскихъ и бѣлорусскихъ памятникахъ. И методологически-правильно привлекать для объясненія показаній псковскихъ текстовъ данныя южно-великорусскихъ грамотъ, писанныхъ необразованными литературно людьми.

Только такой подходъ къ матеріалу можетъ устранить тѣ затрудненія, которыя, какъ показалъ проф. Н. М. Каринскій, создаются утвержденіемъ А. А. Шахматова, что «написанія съ *е*, *ѣ* вм. *а* ведутъ насъ вообще всѣ къ средне-болгарскимъ текстамъ»[3], — и вмѣстѣ съ тѣмъ избѣгнуть тѣхъ противорѣчій, которыя выступали въ объясненіяхъ Н. М. Каринскаго[4].

Въ самомъ дѣлѣ, въ «акающихъ» грамотахъ и другихъ памятникахъ наблюдаемъ тоже мѣну буквъ *е* и *я*, очень напоминающую однородное явленіе псковскихъ текстовъ, напр., въ «подписныхъ челобитныхъ объ освобожденіи отъ уплаты пошлинъ съ марта по августъ 121 г.»[5]: формы nom.

---

1 Для меня имѣетъ глубокій методологическій интересъ разграниченіе графическихъ явленій, связанныхъ съ употребленіемъ буквы *е* и свидѣтельствующихъ о совершенно различныхъ фонетическихъ процессахъ, которые происходили со звукомъ *е* въ псковскихъ говорахъ.

2 «Аканье» я понимаю въ томъ широкомъ смыслѣ, какъ, напр., проф. Н. Н. Дурново въ своей диссертаціи. Н. Н. Дурново. Діалектологич. разысканія въ области южно-вел. говоровъ. Стр. 25 и слѣд.

3 Н. М. Каринскій. Очерки. I, 15—25; ср. Шахматовъ. Нѣсколько замѣтокъ, стр. 135.

4 Шахматовъ. Нѣсколько замѣтокъ. Стр. 121—129.

5 Первые мѣсяцы царств. Михаила Θеодоровича. Чтенія Общ. Ист. и Др Росс., 1915 г., № 4.

sg. neutrius сущ. и прил.—№ 44: мое помѣстейца, осадное терпѣнья—bis; № 46: царьское жалованъя, за курскоя осадноя терпѣнья; № 106: староя помѣстьецо; № 304: на то мое староя поместья; формы genet. sg. n. «мягкихъ основъ»—№ 436: многолѣтнаго здравие; № 600: для твоего царьского биранье; № 296: после разоренье; формы nom.-acc. plur.—№ 600: в те помѣсье и мн. др. под.; въ арзамасскихъ помѣстныхъ актахъ, собранныхъ и редактированныхъ С. Б. Веселовскимъ[1]: № 4: помесія стороя; № 10: всякое угодья; № 131: дикова поле; № 73: то помѣстья; № 28: старое помѣстья, в крайнея поле, котороѣ поля, въ середнямъ поле, во все поля; № 140 и № 155: земля середнея; № 199: окола поместье—gen.; № 172: темъ помѣстьямъ; лесное угодья; № 176: церковное строенья; № 184: дикоя поля; № 211: окола того помѣстье; № 227: Петровскоя помѣстья; № 248: тѣ помѣсье—quater; № 250: на тѣ помѣсье—ter; № 251: ввозное грамота; на тѣ помѣсье; № 254, № 257, 259, 260, 268: тѣ помѣсье; № 267: наша жалованья nom. sg.; № 272: наша царское жалованья и оч. мн. др. под.; въ «Донскихъ дѣлахъ», изданныхъ въ Р. И. Б., т. XXIV: I, № 2, № 3, № 10: за осадное сидѣнья; II, № 1: царское жалованья; царьское жалованъная слова; пошлитя; ср. возмитя; не щедитя; IV, № 1: на Черное моря и т. д.; въ акающей рукописи XVII в. древлехран. Погодина № 1565, по которой изданъ В. П. Адріановой русскій текстъ легенды объ Агасферѣ (Изв. II Отд., XX, 3): до последнего пришествие (227 стр.); ср. также *я* вм. *ѣ* въ формахъ locat. въ Столбцахъ Печатнаго Приказа за первые мѣсяцы царств. Михаила Өеодоровича: № 310 (л. 174): в осадя, по воровской грамотя; № 600 (л. 666): в уѣздя; № 711 (л. 769): в Болховя, о грамотя и т. п. (Чт. Общ. Ист. и Др. Росс., 1915 г., № 4)[2].

---

[1] Чт. О. И. Д. Р., 1916 г., № 1.

[2] Въ высшей степени любопытно сопоставить съ данными акающихъ памятниковъ показанія живыхъ потомковъ древне-псковскаго говора. И. Евсѣевъ о псковскомъ говорѣ пишетъ: «въ склоненіи именъ прилагательныхъ средняго рода въ им. пад. ед. числа вмѣсто обычнаго въ грамматикахъ *е* слышится *я*: лашадиноя сядло, цалавѣцья серце» (Жив. Стар., г. I, вып. 3).

При обзорѣ приведенныхъ примѣровъ сразу же бросается въ глаза поразительное сходство ихъ съ подобными же случаями въ псковскихъ рукописяхъ. Часть фактовъ мѣны *е—я* объясняется, повидимому, переходомъ словъ средняго рода въ женскій, какъ послѣдствіемъ «аканья»: «мягкое» склоненіе формъ средняго рода въ нѣкоторыхъ своихъ падежахъ легко ассоціировалось съ склоненіемъ мягкихъ основъ на *а*; ассоціаціи же твердыхъ основъ мѣшало различіе окончаній genet. sg. и nom. plur. (лѣта—невѣсты), а также акцентуальныя условія.

Именно этимъ обстоятельствомъ можетъ быть оправдано обиліе въ псковскихъ памятникахъ случаевъ *я* вм. *е* въ nom. sg. и *е* вм. *я* въ gen. sg. и nom. plur. neutr. (ср. Н. М. Каринскій. Очерки. I, 24 стр.). Вполнѣ естественно, что графически то же смѣшеніе распространилось и на формы женскаго рода.

При такомъ предположеніи, съ одной стороны, исчезаетъ необходимость говорить о переходѣ *é* въ *а* — въ такихъ примѣрахъ, какъ твоя бж҃тво 128 об. въ Паракл. 1369 г.; оружиѥ своя 90 въ Прол. 1383 г.; моя срдце 38; 35; 59 об. въ Паракл. 1386 г.; бл҃гвениѥ твоя 18 об.; моленьѥ моя 20 об.; ухо твоя 27, 49 об. и др. въ Типографск. Пс. № 35; тѣло моя 142 об.; время моя 16 и др. въ Лук. Ев. 1409 г.; оухо твоя въ Шест. 1374 г.; тоѧ же времѧ 143 об. въ Погод. Сп. Псков. Лѣт. и мн. др. под.; и обратно — о переходѣ *а* въ *е* — въ случаяхъ какъ: безакония моѥ 62 об. въ Тип. Пс. № 35; уста моѥ 75 об. ibid.; имена своѥ 76—ibid. и т. п. (потеря рода прилаг.-мѣстоим.).

Съ другой стороны, не оказываются неожиданными, правда, не очень многочисленные факты въ родѣ: бж҃иѥ запона 45 об. въ Паракл. 1386 г.; слава моѥ въ Псалт. № 35; воле 16 об. ibid. и др.; радость веліе 148 об. въ Погод. Сп. Пск. Лѣт. и т. п. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ эти графическія явленія у нѣкоторыхъ писцовъ, напр., Паракл. 1386 г., Лук. Ев. 1409 г., вовлеклись формы gen. masc. въ родѣ: сн҃а бж҃иѥ 58 въ Паракл. 1386 г.; дш҃егубьна змиѥ 61 ibid. и др. под.

Такимъ образомъ, исчерпывающія параллели тѣмъ явленіямъ псковскаго вокализма, которыя выразились графически въ колебаніи буквъ *е* и *я* въ рядѣ формъ, можно найти въ фонетикѣ современнаго литера-

турнаго языка. Ср. кушън'ıѣ, знам'ьн'ıъ и т. п. и лгун'ıъ и т. п., пол'ъ и вол'ъ въ nom. sg.; сравн. произношеніе формъ ср. рода: nom. sg. — знȁн'иıъ; gen. sg. — знȁн'иıъ и nom. plur. — знȁн'иıъ; ср. nom. sg. neutr. — бȍжıъ; nom. sg. fem. бȍжıъ и gen. sg. masc.: бȍжıъ и т. п. Позволительно предположить, что въ заударномъ конечномъ открытомъ слогѣ подъ буквами ѥ и *я* скрывался редуцированный звукъ задне-средняго ряда, близкій къ такому же звуку современнаго литературнаго языка (ср. Рад. Кошутић. Граматика руског језика. Петроградъ. 1919 г., стр. 31 и др. Ср. въ «Очеркѣ» изображеніе А. А. Шахматовымъ хода развитія аканья). Это обстоятельство могло затѣмъ повести и къ чисто графическому смѣшенію вообще буквъ *е* и *я* въ соотвѣтствующихъ морфологическихъ категоріяхъ.

Кромѣ того, при анализѣ разсматриваемой особенности псковскихъ текстовъ надо исключить формы аориста, имперфекта, дѣепричастій и т. п. книжныя формы, неправильности которыхъ могутъ свидѣтельствовать только о недостаточной литературной подготовленности псковскихъ писцовъ. Ср., впрочемъ, обиліе такихъ примѣровъ въ акающ. ев. 1393 г. (московск.) Fп1 № 18.

Если, далѣе, оставить въ сторонѣ образованія по аналогіи: начанше 10 въ Пс. № 35; ѾнѦ въ Погод. Сп. Пск. Лѣт., вынамъ—ib. и др. под.[1]; анаколуфы и вообще отсутствіе согласованія, вполнѣ понятное при механическомъ, полусознательномъ отношеніи къ тексту мало образованныхъ писцовъ и отмѣченное самимъ Н. М. Каринскимъ (Языкъ Пскова, 6): въ питие мѣсто росу лизаше 130 въ Пал. 1494 г. Ср. еще въ Сб. Сор. № 1262; въ томже островѣ афоулия 146 об. въ Син. Сб. № 68/270 (*я* вм. *и*?), и нѣк. др.[2]; если допустить, что въ псковскихъ памятникахъ, какъ и въ рукописяхъ другихъ мѣстностей (бѣлорусскихъ) того времени, нѣкоторое количество случаевъ *е* (*ѣ*) вм. *я* и, можетъ

---

[1] Вѣроятно, сюда надо относить и во всекомъ 99 об. въ Пал. 1494, всекіа въ Погод. № 1413 и др. Ср., напр., всѣко 106, 109 въ Сб. Публ. Библ. XVI—XVII в. F. I № 778 (см. Каталогъ Собр. рук. Ѳ. И. Буслаева); скорб щихъ 107 об. въ Син. Сб. $^{53}/_{255}$ (подъ вліяніемъ—скорбѣти?).

[2] в домȣ г҇на въ Пал. 1477 г.—относится сюда же. Это—смѣшеніе genet. и locat., вызванное совпаденіемъ въ живой рѣчи предлоговъ *въ* и *оу*.

быть, и обратной замѣны (особенно послѣ *р, л, н*) — обязано своимъ возникновеніемъ графическимъ пріемамъ, укоренившимся подъ юго-славянскимъ вліяніемъ, то рухнутъ послѣднія основанія гипотезы «о какихъ-то измѣненіяхъ гласныхъ *а* и *е* какъ въ ударяемыхъ, такъ и въ неударяемыхъ слогахъ, предшествовавшихъ развитію аканья».

Замѣчу, что въ псковскомъ говорѣ, какъ и его ближайшемъ родичѣ-новгородскомъ, могъ произойти независимо отъ аканья переходъ *а* въ *е* послѣ мягкихъ согласныхъ сначала въ неударяемыхъ слогахъ, затѣмъ, можетъ быть, и подъ удареніемъ (см. Л. Л. Васильевъ. Языкъ бѣломорскихъ былинъ. Изв. VII, кн. 4, 6 стр.). Такъ я хотѣлъ бы думать вопреки А. А. Шахматову (Исторія русск. языка, 213 стр.), на основаніи показаній древнѣйшихъ новгородскихъ памятниковъ. Конечно, въ неударяемыхъ слогахъ въ живомъ говорѣ слѣды этого явленія стерлись подъ воздѣйствіемъ аканья, но на графикѣ подъ вліяніемъ оригиналовъ они должны были сказаться. Впрочемъ, отъ какого-нибудь утвержденія приходится отказаться въ виду отсутствія соотвѣтствующихъ данныхъ изъ изслѣдованныхъ псковскихъ говоровъ (см. Соколовъ Н. Н., 154 стр.).

Такъ, по моему мнѣнію, можно объяснить мѣну *е* и *я* въ псковскихъ памятникахъ[1]. Но въ нихъ находимъ и нѣкоторое количество примѣровъ *я* вм. *ѣ*. На анализѣ ихъ я долженъ остановиться подробнѣе.

Мы уже видѣли, что въ части псковскихъ говоровъ *ѣ* совпало съ *е*, въ другихъ — звучало какъ *ê*, независимо отъ качества слѣдующаго слога. Надо думать, что діалектически въ языкѣ Пскова *ѣ* переходило въ *е* даже въ мѣстн. пад. сущ., гдѣ *и* вм. *ѣ* можетъ объясняться нефонетически. Общее измѣненіе безударнаго вокализма, конечно, должно было привести къ совпаденію судьбы неударяемыхъ *ѣ* и *е* — съ діалектическими отличіями въ процессахъ. Въ памятникахъ, отражающихъ

---

[1] *е* вм. *я* въ формахъ дѣепричастій, кромѣ сказаннаго выше, можетъ объясняться аналогіей такихъ формъ, какъ оудивлеса 199 об.; оуподоблеса 187 об. въ Сбор. Син. Библ, № 68/270; приемле 2 об.$_2$; 44 об. въ Пал. 1494 г. Случай: о҃ца с҃не 101 об. въ Тип. Пс. № 35, повидимому, понятъ писцомъ, какъ genet.; относительно написанія: и҃се х҃е б҃е мои творца н҃ба и земли 29 об., въ Сб. 53/255, не зная предш. текста, трудно рѣшить, путемъ какихъ ассоціацій — графическихъ или синтаксическихъ оно возникло. При объясненіи ряда случаевъ *я* вм. *е* необходимо также помнить замѣчанія Шахматова въ Ист. р. яз., 172—175 стр.

говоры съ раннимъ переходомъ *ѣ* въ *е*, мы наблюдаемъ *я* вм. *ѣ* въ конечномъ открытомъ слогѣ, внѣ ударенія, напр., въ Паракл. 1369 г. (на лони, б. м., имѣетъ *и* графически, подъ вліяніемъ слѣдующаго слова — аврамли); въ Прологѣ 1383 г.; вѣроятно, въ Погод. спискѣ Псковск. лѣт., гдѣ рѣдкіе случаи *и* вм. *ѣ*, которые могутъ быть объяснены и нефонетически, повидимому, перенесены изъ оригинала (см. у А. А. Шахматова. Нѣсколько замѣтокъ, 113 — 114 стр.). Впрочемъ, случаи написаній *я* вмѣсто безударнаго *ѣ* и обратно въ псковскихъ текстахъ рѣдки и затрудненій для объясненія не представляютъ.

Нѣкоторые изъ нихъ должны объясняться нефонетическими причинами. Такіе примѣры, какъ прабабнѣя 86 въ Паракл. 1369 г., и др. под.[1] могли быть вызваны, конечно, и вліяніемъ юго-славянской графики, которая, какъ отмѣчено ак. А. А. Шахматовымъ, въ псковскихъ рукописяхъ осложнялась нѣкоторыми своеобразными чертами. Однако я не могу признать исчерпывающаго значенія за предположеніемъ А. А. Шахматова, согласно которому у псковскихъ писцовъ укоренилась привычка читать ѧ оригиналовъ на сербскій ладъ, какъ *е*[2]. Это предположеніе вѣдь можетъ дать ключъ къ разгадкѣ мѣны *е—я* въ памятникахъ Пскова только при другомъ произвольномъ допущеніи, именно, что въ оригиналахъ псковскихъ текстовъ — даже послѣ гласной соотвѣтствовала буквѣ ꙗ непремѣнно буква ѧ.

Кромѣ того, рукописи предполагаемаго А. А. Шахматовымъ типа не представляютъ аналогіи всѣмъ проявленіямъ смѣшенія *ѣ* (е) — *я* въ древне-псковскихъ текстахъ. Въ этомъ отношеніи очень любопытны показанія Ев. Публ. Библ. XIII—XIV в. Собр. Толстого Q п. 1 № 2, списаннаго въ предѣлахъ сѣверно-русскаго нарѣчія, быть можетъ, даже въ Псковской области, съ такого оригинала, который имѣлъ очень ярко выраженныя черты юго-славянской графики западно-болгарскаго или сербскаго цикла. Въ этомъ памятникѣ, при преобладаніи ь надъ ъ, при

[1] Ср. врѣмѣ 5 въ Прол. 1383 г.; старицѣ ib.; въ стьклѣници 47 об. ib.; избавлѣющю 21 въ Пс. № 35; времѣ 54 об., 99 ib. и др; морѣ ѹкрѣпленыꙗ 315_2 въ Пал. 1494 г.; м. б., горещее 240 въ Сборн. Син. Б. № 68/270, если не возникло по аналогіи — горѣти; обрѣщетсѧ 254 и др.—ibid.; бурѣ въ Сборн. Соф. № 1262; воле 28 $об._2$—ib. и др.

[2] Исторія русскаго языка, 213 стр.; ср. Нѣсколько замѣтокъ.

употребленіи ѫ, смѣшеніи твердыхъ и мягкихъ сочетаній (клоучисѧ 100; маккы 116 и т. п.), мѣнѣ *ы* — *и* и т. п., находимъ колебанія между *ѣ* — *я* и *е* — ѧ (этимологич.) въ слѣдующихъ случаяхъ:

1) *е* вм. ѧ: оуста глеть 22; присвеноу 23; присѣдеть 29; дреселоуе 29 об.; присведе 67 об.; послоужеть 83; пѣнежникы 167 об.; глше 73 bis; 84; ѡставише 84 и т. д.; ср. accus. plur. продающее и коупоующее 84 об. и др.

2) *ѣ* на мѣстѣ *я*: сьблазнѣеть 80 об. bis; цьклѣницю 45 об.; -ѣ 74 об.; исцелѣше я 109 об.; цьклѣници 128 об.; ср. содомлѣномь 124 об.

и обратно: исцѣлѧеть 13 об.; пославь црь спекоулатора повелѧ 72 об.

Такимъ образомъ, смѣшеніемъ *ѣ*—*я*, возникшимъ подъ вліяніемъ юго-славянской графики, не покрываются всѣ примѣры аналогичнаго явленія въ памятникахъ древняго Пскова.

Поэтому при объясненіи мѣны *ѣ* — *я* мнѣ хотѣлось бы указать другія возможности. Часть примѣровъ помѣщена Н. М. Каринскимъ подъ рубрикою мѣны *ѣ* — *я* по недоразумѣнію: не бы цра во иилѧ 242 въ Пал. 1494 надо сравнивать съ такими случаями изъ современныхъ псковскихъ говоровъ: въ ихъ была доцка (Жив. Стар., Годъ XXI, вып. 2 — 3, 300 стр.); въ ево и рожь добрая (ib. — 299); ср. въ Ипат. Лѣт.: оу Стослава и во Рюрика 227 и др. под., гдѣ видимъ смѣшеніе предлоговъ *въ* и *у* вслѣдствіи фонетическаго ихъ совпаденія; въ предложеніи: помажеши во цра на иилѧ 344 об. въ Пал. 1494 г. (ср. то же въ Пал. 1477 г.) иилѧ — едва ли не родительный падежъ. Ср. то же еще въ отрывкѣ Пар. 1313 г.[1]. Случай въ Пал. 1477 г. граха 138_2 конечно, описка; ср. рядъ подобныхъ описокъ въ Ипат. Сп. Лѣтоп.: дяля 224б; святяся 287б; 289в; святящися 282а и др.; жрятя въ Крех. Пал. XV в. и др.

---

[1] Едва ли не «смѣшенію формъ род. пад. и им. прил.» обязано своимъ возникновеніемъ сочетаніе: при стефане Гахоновича 120 въ Погод. № 1413. Впрочемъ, ср. здѣсь—случай аканья: на дорогѧ 190 об. О смѣш. род. пад. и им. прилаг. см. Соболевскій. Русскій историч. синтаксисъ. (Изд. лит. 1892—93 г. 139 стр.)

Переходя къ случаямъ «мѣны *ѣ* — *я*» въ ударяемыхъ слогахъ, мы прежде всего поражаемся фактомъ крайней малочисленности примѣровъ замѣны *ѣ* черезъ *я* и сомнительнымъ характеромъ ихъ[2].

Случай: пре великомъ кнзи цра 454 въ Пал. 1494 г. я могъ бы сравнить съ такими примѣрами: си стии бѣша при максимьянѣ лукаваго и нечтиваго цра 16 об.$_2$ въ Прологѣ 1425; при благовѣрномъ и христолюбивѣмъ великомъ князѣ Московскомъ самордъжцѣ всея Рускыя земля Государя Василье Ивановиче въ Сборн. 1516 г. Вологодск. губ.— Пуб. Библ. Q I № 1002 (И. А. Бычковъ. Каталогъ собранія славяно-русск. рукописей П. Д. Богданова. Вып. I, 88 стр.); довляеть 6 об. въ Трефол. 1446 г. — нельзя отдѣлять отъ такихъ фактовъ въ современныхъ сѣв.-великор. говорахъ: стемнять (Мат., IX, 84); помнять, смотрять (ibid., — 7); свѣтляетъ, красняетъ (177— ib.) и мн. др.; ср., впрочемъ, исцѣлаеть 13 об. въ Ев. Q п. I № 2.

Такимъ образомъ, *я* вм. *ѣ́*—имѣемъ собственно лишь въ единичныхъ примѣрахъ: на сини рѣка 113 въ Погод. № 1413 (на синѝ рѣка— отъ синя рѣка, какъ Чистóполе и т. п.?) и при Костромавъ Паракл. 1369 г. (удареніе на *кó*?); ср. Кóстрома въ Тотемск. у. (Мат., IX, 69).

Эти два примѣра можно объяснить вслѣдъ за А. А. Шахматовымъ и юго-славянскимъ вліяніемъ. Во всякомъ случаѣ заключать отсюда о совпаденіи *ѣ* и *а* «при какихъ то условіяхъ»,конечно, невозможно.

Подвожу итоги своихъ разсужденій:

1. Большая часть примѣровъ мѣны *е*—*я* въ псковскихъ памятникахъ объясняется «аканьемъ» и находитъ себѣ аналогіи въ акающихъ рукописяхъ другихъ мѣстностей.

2. «Яканью» подвергалось и то *е*—неударяемое, въ которое діалектически въ языкѣ Пскова очень рано перешло *ѣ*, — даже въ конечномъ открытомъ слогѣ.

3. Въ процессахъ, сопровождавшихъ аканье, въ древне-псковскихъ говорахъ не было однообразія.

---

[1] О случаяхъ замѣны *я* черезъ *ѣ* — клѣтвѣ 56 въ Паракл. 1369 г. и т. п., напоминающихъ однородные примѣры въ рукописяхъ другихъ мѣстностей и несомнѣнно отражающихъ юго-славянское вліяніе, уже было сказано выше.

Эти выводы не противорѣчатъ даннымъ современной псковской діалектологіи, а подтверждаются ими.

Изслѣдователь говоровъ Псковской губ., Н. Н. Соколовъ, который различаетъ въ ея предѣлахъ нѣсколько діалектическихъ группъ, указываетъ и тѣ ограничительныя условія, которыя вносятся въ псковское аканье иканьемъ: «въ собственно псковскомъ говорѣ *я* является на мѣстѣ неударяемыхъ *е*, *ѣ*, *а* послѣ мягкихъ согласныхъ всегда въ первомъ предударномъ слогѣ, а въ остальныхъ могутъ являться или редуцированная гласная или *и*: нядѣля, диրявенскай, осинь» (Р. Ф. В. 1917 г., №1—2, 157 стр.; ср. Каринскій. Очерки, I, 35 стр.); «въ говорахъ же Холмскаго типа — послѣ мягкихъ согласныхъ является *и* или e^1 во всѣхъ положеніяхъ» (Соколовъ, 160 стр.).

Такимъ образомъ, случаевъ перехода *е* въ *и* внѣ ударенія въ опредѣленныхъ условіяхъ—мы a priori могли бы ожидать въ псковскихъ рукописяхъ акающаго типа. Однако графической мѣны *е* — *и* этотъ фонетическій процессъ породить не могъ, если прибѣгать къ аналогіи памятниковъ другихъ мѣстностей. Въ виду этого объясненіе этого явленія, данное Н. М. Каринскимъ, приходится признать недостаточнымъ (см. Языкъ Пскова, 162 стр. Ср. Очерки, I, 35 стр., примѣч. 3).

Считаю въ высшей степени цѣннымъ указаніе акад. А. И. Соболевскаго и ак. А. А. Шахматова на связь мѣны *е*—*и* въ псковскихъ рукописяхъ со смѣшеніемъ *ѣ* и *и*, хотя эту связь я представляю нѣсколько иначе, чѣмъ А. А. Шахматовъ.

Случаи замѣны *и* черезъ *е* разсмотрѣны мною выше (въ гл. III-й): Тамъ же мною выяснена фонетическая сущность ихъ, и доказано, что они en masse не имѣютъ ничего общаго съ переходомъ *е* въ *и*. Переходя къ анализу примѣровъ замѣны *е* черезъ *и*, я прежде всего долженъ удалить изъ поля зрѣнія тѣ случаи, гдѣ *и* вм. *е* вызвано какой-нибудь аналогіей. Таковы:

1) формы particip.: затворини 415_1 въ Пал. 1494 г.; створинъ 125-ib.; пресѣлине 461 въ Пал. 1477 г.; свершины въ зап. Мин. Син. Библ. № 173; затворини въ Прологѣ 1383 г.; ср. въ новгородскихъ памятникахъ: растоцинаꙗ 75 въ Требн. Общ. Люб. Др. Пис.; исполнину 52 въ Погод. Сб. № 872; совершинно въ сѣв.-вел. рук. XVI — XVII в. (Владимировъ. Нѣсколько данныхъ для исторіи сѣв.-в.

нарѣчія); затворина 11_2 въ Прологѣ XV в. F. I. № 773; сверши | -ныи 9_1 ib.; растлина 106_2 -ib.; расточйая 7 въ Сборн. XV в. Q I № 1464 и др. под.

Еще Л. Л. Васильевъ предположилъ для сходныхъ примѣровъ вліяніе infinitiv'a. (Языкъ бѣломорскихъ былинъ. Изв. II Отд., VII, кн. 4). Можетъ быть, этому же вліянію слѣдуетъ приписать возникновеніе такихъ формъ отглагольныхъ существительныхъ: створиниѥ въ Прол. 1383 г.; смѣриниѥмь въ Паракл. 1369 г., и др.

Ср. схраниниѥ въ Новг. Служ. Рум. Муз. № 399; съгрѣшинии 103 об.$_2$ въ Сборн. Погод. № 872; растворениѥ 109_1 ib. и др.

2) точно такъ же морфологическаго происхожденія формы нарѣчій: болши въ Сборн. Син. 53/255; лутци въ Сб. Соф. № 1262; лиши въ Ев. Fп. I № 14 и др.; ср. въ Сб. Q I № 312: туни и т. п. (ср. Шахматовъ. Фонетика, 222 стр.).

3) вліяніемъ формъ nominativi plur. должны объясняться случаи: воимъ 196; 187 въ Сборн. 68/270; вѣтвими 20 об.$_2$; чръвими 412_1 въ Пал. 1494 г.; трими 2_2; 5_1; 333 об.$_2$ ib.; ср. во трй 109_2; властимъ въ Креховск. Пал. XV в.

Ср. въ новгородскихъ памятникахъ: скорбими 29_2; 124 об.$_2$— въ I почеркѣ Погод. Сб. № 872; также въ 3 почеркѣ: болезни^ми 178 об.$_2$; страсти 182$_1$ ib., в печалй 257 об.$_2$ и др.; въ скорбихъ 10 въ Апост. XIV в. Тип. Библ. № 40 (25); по заповѣдимъ 50_1 въ Прол. F. I. № 773; скорбими 68_2 ib.; вѣт | вими 127 об. въ Сборн. Q I № 1464 и др. под.

4) изъ примѣровъ мѣны *е—и* слѣдуетъ устранить формы, смѣшивающія глагольные суффиксы -*е*вати и -*и*вати: враживахоу въ Пал. 1494 г.; конциваютъ 81 об.$_2$ въ Сборн. № 1262 и др.; ср. въ новгородскихъ текстахъ: въ Погод. Сб. № 872: концивая 228_2 при сконцеваю 227 об.$_2$; ср. въ Вятск. губ., Малмыжск. у., с. Констант.: спрашевать, перепрыгевать (Мат. IX, 98 стр.).

Такимъ образомъ, остается очень небольшое количество примѣровъ замѣны *е* черезъ *и*, подлежащихъ моему разсмотрѣнію. Однако, и изъ нихъ я хотѣлъ бы выдѣлить

1) формы aoristi: поиди 157 об.$_2$ прииди 58 об.$_2$ въ Пал. 1494 г.; въ Пал. 1477 г.; вниди въ Ев. Fп. I № 8 и др.[1].

Ср. въ новг. памятникахъ, съ одной стороны, формы на — *ѣ*: поидѣ 17; идѣ 27; изыдѣ 29 въ «икающемъ» Хожденіи арх. Греѳенія; ср. въ Увар. сп. Лѣт., въ Супрасльск. Сб. Одинцевичей; съ другой стороны: формы на — *и*, напр., въ Прол. F. I. № 773: приди 3_3; 9 об.$_1$; изиди 11_2 и др. под.

2) формы praesentis, обнаруживающія вліянія другого спряженія: въ Прол. 1383 г.: предаимся 53; радуиться 19 об.; кмлиши 75 об.; въ Лук. Ев.: ѿкмлить 117; ср. въ Пал. 1494 г.; въ Сборн. Син. № 68/270; въ Сборн. № 53/255; въ Прол. 1425 г.; въ Типогр. Ев. № 18; въ Ев. Fп. 1 № 9 и др. рукоп.

Обращу вниманіе на то, что подобные факты очень многочисленны въ новгородскихъ памятникахъ: въ Яросл. Спискѣ Пандектъ Никона Черногорца XII—XIII в.: исходатаиши 172 об.; разоумѣимъ 196 об.; приѡбьщаимъсѧ 198 об. (Тихвинскій. Р. Ф. В., т. XXXII, стр. 115); въ Апост. Погод. № 14: любы дѣимъ 46_1; не смѣимъ 58 об.$_1$; повѣдаимъ 7 об.$_2$; въ Комм. Спискѣ Новг. 1 Лѣт.: являитеся (изъяв. накл.) $423_{,5}$; ревнуимъ $234_{,3}$; въ Сборн. 1422 г. Q I № 312: ѿжениши 176; ср. ѿженеть 183 об.; ср. не обидеть 189; ср. еще толкуимыи 292 об.; глимая 340 об.; въ Сборн. Погод. № 872 — въ 7 почеркѣ: кончаимъ 322 об.$_1$; въ 1 почеркѣ: не молчеши 13_1; подвигнитсѧ 24 об.$_1$; подвигнить 82_1; погибнить 110 об.$_1$; ср. погибнкть 110 об.$_1$: пишить 121 об.$_2$; пиши 127 об.$_1$; въ 3 почеркѣ; дилаимъ 179_2 и др. под.

Трудно рѣшить, находятся ли эти случаи въ связи съ такими формами, какъ оузрѣши, видѣши и т. п.

Во всякомъ случаѣ — я бы воздержался отъ сопоставленія всѣхъ примѣровъ псковской «замѣны *е* черезъ *и*» въ указанномъ положеніи съ аналогичными явленіями въ тѣхъ новгородскихъ памятникахъ, которымъ

---

[1] Впрочемъ, ср. въ Азбуковникѣ О XVI. I на л. 146 запрещеніе смѣшивать аористъ и повелительное наклон.: дажд ьти господь — ты же пиши, — дасть ти господь. А. В. Пруссакъ. Описаніе азбуковниковъ. Пам. Др. Письм. и Иск. CLXXXVI, 30 стр.

рѣшительно чужды всякія отраженія «аканья» въ широкомъ смыслѣ этого слова.

Къ такой осторожности побуждаетъ меня то обстоятельство, что *и* вмѣсто *е* въ разсматриваемыхъ формахъ послѣдовательно встрѣчается въ современныхъ псковскихъ говорахъ (см. Н. М. Каринскій. Очерки, вып. I, 35 стр.; Матеріалы, VIII, 106 стр. и др.) и, конечно, должно быть объясняемо въ связи съ аканьемъ. Кромѣ того, именно на такое объясненіе, по крайней мѣрѣ, части извѣстныхъ примѣровъ наталкиваетъ наличность этихъ формъ съ *и* вмѣсто *е* въ тѣхъ памятникахъ Пскова, которые, какъ напр., Прологъ 1383 г., отражаютъ сильно акающій говоръ со стершимися сѣверно-русскими чертами вокализма [1].

Замѣчу, что и въ новгородскихъ памятникахъ XIV—XV в.—часть примѣровъ можетъ объясняться вліяніемъ литературнаго языка.

Такимъ образомъ, нѣтъ никакой необходимости во всѣхъ случаяхъ «мѣны *е*—*и*» прибѣгать къ предположенію юго-славянскаго вліянія, какъ это дѣлаетъ А. А. Шахматовъ (Нѣсколько замѣтокъ, 147 стр.).

Но слѣдуетъ настаивать, что большинству примѣровъ разобранной мѣны находятся соотвѣтствія въ новгородскихъ текстахъ. Любопытно, что памятники, наиболѣе ярко отражающіе это явленіе, вообще довольно рельефно обнаруживаютъ свою связь съ сѣверно-русскими родичами своими—новгородскими рукописями (нерѣдкіе случаи перехода *ѣ* въ *и* въ опредѣленныхъ условіяхъ—при замѣнѣ конечнаго безуд. *и* черезъ *ѣ*). Таковы: Палея 1494 г.; Палея 1477 г.; Сборн. Синод. № 68/270; 2 часть Сборн. Синод. Библ. № 53/255 (ср. немногочисленные примѣры въ 1-й части); Ев. Fп1 № 9 и др. Итакъ, при анализѣ этой «мѣны *е* — *и*» выясняются въ высшей степени любопытныя черты цѣлаго ряда псковскихъ рукописей, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, можетъ быть, ихъ оригиналовъ: замѣна конечнаго *и*, а также *и*- въ нѣкоторыхъ суффиксахъ черезъ *ѣ* (*е*), при переходѣ *ѣ* въ *и* въ извѣстныхъ уже намъ условіяхъ. Подозрѣвать новгородскіе оригиналы для большинства псковскихъ рукописей едва ли возможно, но даже и при

---

[1] Ср. подобные же примѣры въ бѣлорусск. памятникахъ. Карскій. Бѣлоруссы, II, 220 стр.

такомъ допущеніи—надо думать, что ихъ особенности сильнѣе бы стерлись, если бы онѣ противорѣчили установившейся въ Псковѣ школѣ письма. Повидимому, тѣ же пріемы господствовали и въ Псковѣ, пока затѣмъ подъ бѣлорусскимъ вліяніемъ здѣсь не произошло смѣшеніе старыхъ графическихъ традицій съ проникшими изъ юго-западной Руси новыми вліяніями. Впрочемъ, уже въ псковскихъ памятникахъ XIV вѣка видно отраженіе различныхъ діалектическихъ группъ и различныхъ школъ письма. А рукописи XV в. дополняютъ новыми данными наши представленія о разнообразіи псковскихъ школъ письма и о своеобразіи выработавшихся въ нихъ комбинацій прежнихъ графическихъ традицій, создавшихся на сѣверно-русской основѣ, съ новыми діалектическими и культурными наслоеніями.

Во всякомъ случаѣ, необходимо признать, что въ нѣкоторыхъ рукописяхъ, мы наблюдаемъ только *переходъ* (не «мѣну») *е* въ *и* — внѣ ударенія, ни въ какой мѣрѣ не возводимый къ сѣверно-русскимъ оригиналамъ и пріемамъ, напр., въ Сборн. Син. Библ. № 154; въ Лѣствицѣ Іоанна Синайскаго; въ Сборн. Соф. Библ. № 1262; въ 1 ч. Сборн. № 53/255 и др.

Въ высшей степени важно отмѣтить, что большинство примѣровъ перехода *е* безударнаго въ *и*, особенно если исключить значительное количество случаевъ, гдѣ *и* должно имѣть иное объясненіе[1], падаетъ въ рукописяхъ упомянутаго типа на заударные слоги (см. Каринскій. Языкъ Пскова, 67, 81, 114—115; 133 стр. и др.) или на книжныя формы, или представляется описками: словиси и т. п.

Случаи колебанія между *и* и *я* въ однихъ и тѣхъ же формахъ указанные А. А. Шахматовымъ (Нѣсколько замѣтокъ, 147),—единичны и частью являются описками (любимици въ Чуд. № 255; ри҃ въ Пал. 1494 г. из рѣ҃[2]), частью отражаютъ діалектическія колебанія (створитя

[1] Шахматовъ. Нѣсколько замѣтокъ, 146 стр., примѣч. 2 — мертвица, стримглавъ, клинися и т. п.

[2] Такъ же, вѣроятно, надо объяснять въ Пал. 1494 г. написанія к ни҃ 346 об.₁; 351 об.₁ (изъ к нѣ҃? ср. частое *и* вм. *ѣ* въ конечномъ открытомъ слогѣ).

Единичныя ошибочныя образованія: сьрци мое въ Типогр. Пс. № 35, пристанищи въ Паракл. 1369 г. можно сравнить съ такими же въ Ефремовск. Кормч.: nom. acc. sg. сѣдалищи 465_{27}; судищи 363_{12} (С. П. Обнорскій. О языкѣ Ефремовск. Кормч., 55 стр.).

въ Чудов. № 270, въ Лѣств. Іоанна Син. и створити въ Пал. 1494 г.).

Подводя итоги всему сказанному о псковской мѣнѣ *е* — *и*, я дѣлаю выводы:

1) Замѣна *и* черезъ *е* (*ѣ*) выдѣляетъ изъ псковскихъ памятниковъ группу, обнаруживающую въ своихъ графическихъ пріемахъ тѣсное родство съ новгородскими;

2) Достовѣрные случаи перехода *е* въ *и*, особенно въ рукописяхъ, отражающихъ псковскіе говоры со стершейся сѣверно-русскою основой, по преимуществу въ слогахъ за удареніемъ, рѣже передъ удареніемъ при слѣдующемъ мягкомъ согласномъ, надо ставить въ связь съ явленіями аканья въ широкомъ смыслѣ этого слова;

3) Въ разсмотрѣнныхъ особенностяхъ нельзя искать указаній на то, что древне-псковскому говору былъ свойственен сѣверно-русскій переходъ *е* въ *ѣ* и далѣе въ *и*. Очевидно, что такія указанія можно извлечь лишь изъ случаевъ перехода *е* въ *и*—въ слогахъ подъ удареніемъ.

Такіе примѣры въ псковскихъ памятникахъ — исключительны, даже если принимать въ разсчетъ тѣ псковскія рукописи, которыя несомнѣнно прошли предварительно черезъ новгородскую діалектическую среду и отразили особенности своихъ оригиналовъ[1]. Вотъ они:

насильници 208 въ Пал. 1494 г.; топирво 324 въ Сборн. Син. Библ. № 53/255; възмиздіє въ Псков. Трефол. 1446 г.; пришиствіе 19, 142;—иемъ 60 об.;—ия 63; пришиствова 45 об.$_1$— ibid.; притирпиши (оп.?) въ Лѣств. Іоанна Син.; изъ дщире 73 об.$_2$ въ Ев. Fп1 № 57; Ѿшидшимъ 180 об.$_1$ — ibid.; ср. дщири 23 об.$_2$ въ Ев. Тип. Библ. № 18; дщири 33 въ Крехов. Пал. XV в.; пришидши 129—ibid.; от пищи халдейскы 231—ibid.; коничь 310 об.; чернич 275 въ Новоросс. Спискѣ XV в. Новг. 4 Лѣт.; висемь 450;

---

[1] А. А. Шахматовъ не отдѣляетъ отъ примѣровъ замѣны ударяемаго *е* черезъ *и* случаи обратной замѣны: на свѣтельници Пал. 1497 г.; друженою Погод. № 1413 и др. Нѣсколько замѣтокъ, 147 стр.; ср. примѣч. 1. Но я уже выше выяснилъ происхожденіе такихъ формъ и связь ихъ съ однородными примѣрами новгородскихъ памятниковъ и говоровъ, даже такихъ, котовымъ чуждъ былъ переходъ *є* въ *ѣ* и *и*.

в милници 561 въ Ипатьевск. Спискѣ Лѣтоп. (ср. коний, князии, сторожии — Шахматовъ. Фонетика, 243 стр.); въ Лук. Ев. 1409: тритьея 195.

Я боюсь дополнять этотъ списокъ примѣрами изъ Лѣтописи Авраамки (ср. Е. Ѳ. Карскій. Варш. Унив. Изв. 1899 г., т. III; А. А. Шахматовъ. Нѣсколько замѣтокъ, 150—155 стр.), потому что въ этомъ памятникѣ очень рельефно выдѣляются особенности, можетъ быть, отдаленныхъ новгородскихъ оригиналовъ. Здѣсь находимъ: мидлѧща 281; оумидлилъ 405; чистно 277.

Такимъ образомъ, переходъ ударяемаго *е* въ *и* передъ мягкимъ слогомъ не отмѣченъ въ большомъ количествѣ памятниковъ Пскова, описанныхъ А. И. Соболевскимъ, Н. М. Каринскимъ, Сорочаномъ, Бандуровымъ, Требинымъ, Погорѣловымъ и др.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, анализируя приведенные выше примѣры *и* вм. *е*, мы должны часть ихъ признать сомнительными: насилници въ Пал. 1494 г. (описка или ложное осмысленіе?); притирпиши въ Лѣств. Іоан. Син. (оп.?); дщире 73 об.$_2$ въ Ев. Fп. I № 57; дщири въ Тип. Ев. № 18 и Крехов. Пал. (книжное слово, которое стало образовывать косвенные падежи по аналогіи nom. -дщи); ѿшидшимъ 180 об.$_1$ въ Ев. Fп. I № 57; пришидши 129 въ Крех. Пал., ср. пришиствова 45 об. и др. въ Псковск. Трефолоѣ (вліяніе основы — *ид*? ср. аналогичный примѣръ въ Новг. Милятиномъ Еванг.); часть — перешедшими въ псковскія рукописи изъ новгородскихъ оригиналовъ (въ Новоросс. спискѣ Лѣт., въ Лѣт. Авраамки).

И все-таки полное отрицаніе перехода *é* въ *и* въ древне-псковскомъ говорѣ было бы черезчуръ поспѣшно. Несомнѣнно, что въ древне-псковскомъ говорѣ очень рано произошло измѣненіе *е* передъ мягкимъ согласнымъ въ *ê*. Такъ можно думать по аналогіи съ новгородскими (см. выше) и западно-русскими говорами, среди которыхъ псковскій говоръ былъ переходнымъ (см. Шахматовъ. Очеркъ, 344 стр.). Слѣдовательно, въ языкѣ Пскова передъ мягкимъ слогомъ подъ удареніемъ діалектически совпали *ѣ* и *е*. Но мы уже знаемъ условія, при которыхъ въ псковскихъ говорахъ діалектически былъ возможенъ переходъ *ê* въ *и*. Нѣтъ основанія отрицать возможность такихъ же измѣненій и для того

ê, которое получилось изъ *е* (ср. милници въ Ипат. Сп.; въздиздіѥ въ Пск. Треф. и нѣк. др.).

Такимъ образомъ, въ результатѣ анализа графическихъ явленій псковскихъ памятниковъ, связанныхъ съ буквой *е*, мною внесены поправки въ пониманіе ихъ проф. Н. М. Каринскимъ и акад. А. А. Шахматовымъ, и выясненъ вопросъ о переходѣ *е* въ *ê* (*ѣ*)—и, можетъ быть, въ нѣкоторыхъ условіяхъ въ *и* — въ древне-псковскомъ говорѣ.

Въ новгородскихъ памятникахъ процессы измѣненій *е* — передъ мягкимъ согласнымъ въ *ѣ* и далѣе въ *и* отразились очень ярко. Случаи *ѣ* вм. *е* въ новгородскихъ рукописяхъ, при томъ такихъ, которыя явно различали соотвѣтствующие звуки, бросались въ глаза изслѣдователямъ сѣверно-русскихъ текстовъ — А. А. Шахматову, который сначала объяснялъ это явленіе «графической замѣной ѣ оригинала черезъ сходную букву *ѣ*», затѣмъ увидѣлъ въ этомъ *ѣ* обозначеніе звука e^{i}, и Л. Л. Васильеву, который обратилъ вниманіе на постановку *ѣ* вм. *е* почти исключительно передъ мягкимъ слогомъ.

Прежде чѣмъ высказываться по существу этихъ разнорѣчивыхъ мнѣній, я приведу всѣ относящіеся сюда случаи *ѣ* вм. *е*, извѣстные мнѣ изъ сѣверно-русскихъ рукописей, писцы которыхъ несомнѣнно произносили *ѣ* отлично отъ *е*.

1. Въ новгородскихъ грамотахъ XIV в., сохраняющихъ этимологическое *ѣ* послѣдовательно: грам. 1304—1305 г. (№ 9): нѣмѣчкомъ; смѣрда, смѣрдъ [1]); грам. 1304—1305 г. (№ 10) [2]: пожѣнь, нѣмѣчкомъ; грам. 1305—1308 г. (№ 6): мѣншиихъ, коупѣць, нѣмѣчкомъ, смѣрдъ; въ грам. 1305—1308 г. (№ 7): мѣншихъ, нѣмѣчкомъ; въ грам. 1317 г. (№ 14): дѣтѣи; въ грам. 1371 г.: мѣншихъ, дѣржати, дѣтѣй bis, палѣць, городѣць, нѣмѣчькомъ, волостѣй; въ грам. 1372 г. (№ 13): людѣи ter; новгородѣчь; ср. новгорᲂскѣи; въ грам. 1373 г. (№ 17): людѣи.

---

[1] Ср. современ. смéрдъ. Какъ презрительная кличка «подлыхъ» людей, это слово въ устахъ высшихъ классовъ приняло церковно-славянскую звуковую окраску. Ср. смередное платье Новолад., смередъ въ Новг. IV. Лѣт. при смеродъ въ Новоросс. Сп. Лѣт.

[2] Нѣсколько иная датировка этихъ грамотъ у А. Е. Прѣснякова. Образованіе Великорусскаго государства, 119 стр., прим. 2.

От этихъ примѣровъ нельзя, конечно, отдѣлять палиць въ грам. № 1, 6 и 7 при палець № 15 и палѣць № 8. Въ виду этого надо отвергнуть объясненія А. И. Соболевскаго (Ж. М. Н. Пр. 1887, № 11, 111 стр.) и А. А. Шахматова (О языкѣ Новг. грам., 151—152[1]). Ср. примѣры *ѣ* вм. *е*, приводимые А. А. Шахматовымъ въ «Дополненіи» къ изслѣдованію о языкѣ новгородскихъ грамотъ (216 стр.).

2. Въ двинскихъ грамотахъ XV в.: въ № 3: веретѣика; въ № 83: дѣвять; № 84: полътрѣтья; въ № 91: одѣрень и др. Аналогичнаго происхожденія случай одирнь въ грам. № 28.

3. Въ соглашеніи новгородцевъ съ послами изъ Любска 1392 г. (Русско-Ливонск. акты, № CXV): нѣмѣцькимъ; нѣмѣцькымъ; ср. гоцькѣи, чѣи, тѣи, великѣи.

4. Въ Требникѣ Общества люб. др. письм. и искусства № 24 находимъ *ѣ* вм. ожидаемаго *е* исключительно передъ мягкими согласными или въ книжныхъ словахъ: смѣ|рти 6 об.—7; тѣрпѧ 23; сдѣржаи 63 об.; сдѣржа 57; въздѣ|ржаниѥмь 74—74 об.; 74 об.; одѣржима 70 об.; двѣрѣць 10; двѣри 16 об.; бесконѣцнаго 144 об.; конѣць 145; прилѣстивше҃ 146 об.; вѣнѣць 120; правѣднъıхъ 120; —нии 110; 115 об.; правѣденъ 42; бѣлѣчкомъ 115; 124 об. bis; бѣлѣцкии 125[2].

Въ связь съ этими случаями ставлю *и* вм. *е*: творицъ 69; в бещистии 139 об.; въ тирпинии 40.

Можетъ быть, надо оставить въ сторонѣ: прегрешиниѥмь 76; прегрешиниꙗ 118. Ср. растопинаꙗ 75.

5. Въ Ев. Публ. Библ. XIV в. Fп1 № 17, описанномъ Л. Л. Васильевымъ (Р. Ф. В. 1902 г., № 1—2), встрѣчаемъ въ большомъ количествѣ примѣровъ *ѣ* вмѣсто ожидаемаго *е* передъ мягкимъ согласнымъ: корѣпиꙗ 30 об.; дѣвѧть 80 об.; вѣсь 26; 141; двѣри 7; 80 об.; 139 об.; придвѣрье 92 об. и др. под. (160—161 стр.); кромѣ того, *ѣ* замѣняетъ «*и* или *ь* передъ *j*»: 1) ближнѣи 73; сѣи 53 об.; 36; 46 об.; (въ 1 поч.—16 об.); 2) яслѣи 77 об.; зелѣи

---

[1] Ср. Срезневскій. Матеріалы, т. II, вып. III, 870 стр.

[2] 1 разъ *ь* вм. *ѣ*: свѣдьния 102 об.

31 об.; 47 об.; пѣназѣи 58 об.; 3) змѣю 67; змѣя 77; 4) в цр҃твѣи 37 об.; 40; в чарьствѣи 73 об.; о величьствѣи 73; црствѣꙑ 25 об.; вѣтвѣе 47 об. (въ 1 поч. острѣемь 79 об.) [1]. Л. Л. Васильевъ совершенно правильно сопоставляетъ съ указанными примѣрами оуницъ 49.

6. Въ Апостолѣ Собр. Погод. XIV в. № 14 наблюдается очень часто *ѣ* на мѣстѣ древнихъ *ь* и *е* передъ мягкимъ слогомъ: сѣргиѥ 124; вѣщь 7 об.$_1$; двѣремъ 5$_2$; вѣнѣць 103$_1$; 117 об.$_2$; 118 об.$_1$; 121 об.$_2$; 137$_2$; 136$_2$ bis; 130$_2$; 95 об.$_2$; 79$_2$; конѣць 4 об.$_2$; 46 об.$_1$; 59$_2$; 66 об.$_1$; 72; 75 об.$_1$; 94 об.$_2$; 113$_2$; 114 об.$_1$; 132 об.$_2$; конѣчь 66$_1$; творѣчь 91$_1$; старѣчь 102 об.$_2$; лѣсти 16 об.$_2$; 108 об.$_1$; лѣстяще 104 об.$_1$; лѣстми 103 об.$_2$; лѣстимъ 105 об.$_2$; лѣстѣць 110; лѣстци 110$_1$; лѣсть 100$_1$ bis; мѣсть 38 об.$_2$; чѣсти 143 об.$_2$; мѣдли 90; мѣншему 35$_1$; тѣрпѣти 150 об.$_2$; притѣрпѣстѣ 113 об.$_2$; тѣрпѣвъ 114 об.$_2$; притѣрпить 95 об.$_2$; зѣрцаломъ 49$_2$; извѣржетсѧ 63$_1$; ѿвѣргшесѧ 138$_2$; свѣршено 30 об.$_1$; свѣрь | шени 48$_1$; свѣрь | шитсѧ 58$_2$; свѣршаите 60 об.$_2$; 65$_1$; свѣршитсѧ 69$_2$; свѣрши 136$_2$; свѣршениѥ 139$_1$; свѣршенъ 139$_1$; вѣрхущю 54 об.$_1$; свѣрховавъ 93$_1$; въздѣржашесѧ 62$_2$; приодѣржимому 116 об.$_1$; извѣртѣвше 62 об.$_1$; свѣрьстникъı 73 об.$_2$; пѣрьвѣнѣць 89$_1$; клѣнемъ 98$_1$; тѣмнѣ 148 об.$_2$ и нѣкотор. др.; ср. похотѣи 86 об.$_2$; козлѣю 92 об.$_2$; передъ твердымъ слогомъ въ книжныхъ словахъ: одѣсную (нерѣдко); правѣдну 32 об.$_2$; ѿвѣрзъше 16$_2$; дѣрзо|вениѥ 126 об.$_2$; лѣстнъıи 108 об.$_2$; лѣсть|но 82 об.$_1$ и др. Кромѣ того, *ѣ* вм. *е* мною отмѣчено въ формахъ: адѣ 151$_2$; по четырѣхъ 61$_1$, лицѣмъ 79$_2$.

7. Въ Ев. XIV в. Fп1 № 15 мною найдены нерѣдкіе случаи *ѣ* вмѣсто *е* передъ мягкими согласными: вѣсь 2; 95 об.$_1$; 113$_1$; вѣси 13 об.$_1$; 25 об.; пришлѣць 2$_2$; двѣремъ 4$_1$; 42; двѣрь 16 об.$_2$; двѣри 153 об.$_2$; двѣрьми 169 об.$_1$; двѣрьници 144 об.$_2$; двѣрница 145 об.$_2$; сѣи 41$_2$ и др.

---

[1] Р. Ф. В. 1902 г., № 1—2, 156 стр.

8. Въ сказаніи о Борисѣ и Глѣбѣ (изъ Сильвестр. Сб., фотолит. изд.) встрѣчаемъ *ѣ* вм. *е* передъ мягкими согласными: повѣлѣша 131 б; повѣлѣ 33 (оп.?); мѣстислава 60; правѣденъ 27; ср. правѣднаго 12 б bis; 20 б; правѣдноую 98 б; перекрѣстиста 120 б; передъ твердымъ согласнымъ въ церковномъ словѣ: крѣстъ 48; ср. безмѣздноѥ 108 б; кромѣ того, описка: чѣловѣць родъ 29 б.

9. Совершенно исключительны по представляемому интересу данныя изъ Сборн. Публ. Библ. Погод. Собр. № 872, который написанъ 8 почерками.

а) У перваго писца, въ говорѣ котораго ударяемое *ѣ* и *ѣ* въ конечномъ открытомъ слогѣ всегда переходили въ *и*, а неударяемое *ѣ* — лишь передъ мягкими согласными, находимъ слѣдующіе примѣры *ѣ* вмѣсто *е* передъ мягкими согласными подъ удареніемъ: огорчѣниє 126 об.$_1$; смѣрть 53$_1$; бѣрьнія 59 об.$_1$; ср. вѣщехъ 4 об.$_2$. Ср. бєсчистіє 110$_1$. Отдѣльно ставимъ: согрѣшинии 103 об.$_2$; растворимиє 109$_1$. Ср. исполнину 52$_2$; пометину 153$_2$. Кромѣ того, *ѣ* вм. *е* отмѣчено въ случаяхъ, похожихъ на описки, напр., нѣ вѣмь 48$_2$, и формахъ — 3 л.: примѣть 12 об.$_1$; идѣть 23 об.$_2$ 26$_1$, 61$_2$; придѣть 126$_2$, возникшихъ благодаря графической аналогіи съ формами: мнѣть 80$_2$; вредѣть 56$_2$ и др. Случаи *и* вм. *е* въ безударныхъ слогахъ: именимь 15$_1$; благодѣтильствовати 131$_2$; рабиствѣ 134$_1$; таиньиства 144$_1$, можетъ быть, надо сопоставлять съ спорадическими примѣрами аканья.

б) Очень многочисленны формы съ *ѣ* вмѣсто *е* передъ мягкимъ слогомъ на страницахъ, писанныхъ третьимъ писцомъ: ступѣнии 271$_1$; блюдитѣ 273$_2$; свѣршаѥ 275 об.$_2$; свѣршеньѥ 280 об.$_1$; свѣрь|шенъ 230$_1$; свѣршю 288$_1$; свѣршившю 273 об.$_2$; свѣршившиса 220$_2$; свѣршенъ 176$_2$; 191$_2$; 249 об.$_2$; свѣршаѥть 243 об.$_1$; 252 об.$_2$; свѣрь|шену 266 об.$_1$; дѣржа 188 об.$_2$; оудѣржеваху 268 об.$_2$; дѣржаи 297 об.$_1$; одѣржащая 222$_1$; дѣржа̑ 221 об.$_2$; оудѣржа|нно 232$_1$; оудѣржа̑ 240$_1$; вѣрте̑ 250 об.$_2$; вѣртьпѣ 256 об.$_1$; ось|квѣрнатса 251 об.$_1$; -тьса 252$_2$; осквѣрнити 219$_2$; -аютса 219 об.$_1$; 220 об.$_2$; — й 219 об.$_1$; ось|вѣрниша̑ 219 об.$_2$; осквѣрнаю 222 об.$_1$; испѣрва 254 об.$_2$;

пѣрь|вѣє 242 об.$_1$; пѣрвиѥ 231$_1$; ѿвѣрзе 269 об.$_1$; ѿвѣрьзи 281$_1$; вѣрху 284 об.$_2$; стѣрь|пѣ 233$_1$; старѣць 246$_2$; хромѣць 283$_1$; жеребѣць 244 об.$_1$; черноризѣць 285 об.$_1$; агнѣць 299 об.$_1$; птенѣць 303$_2$; двѣри 249 об.$_2$; 257$_2$; 298$_2$; двѣрем 258 об.$_1$; тѣсть 251$_2$; сѣсцю 267$_2$; блгочѣстьѥ 280 об.$_1$; лѣсь|тными 289 об.$_1$; члвчѣскй 279 об.$_1$. Ср. александрѣю 272 — при александрии 272$_2$; ср. макарѣи 273 об.$_1$; арѣи 274; василѣи 294$_2$; 297$_2$; 298$_2$; сѣи 303 об.$_2$ и др. Кромѣ того, *ѣ* замѣняетъ *е* передъ твердыми согласными въ церковныхъ, книжныхъ словахъ: вѣртоградарѧ 258$_1$; развѣрзающе 189 об.$_2$; ѿвѣрзоша 221 об.$_2$; ѿвѣрза 226 об.$_1$; расѣрзаху 252$_2$; ѿтѣрзая растѣ|рзають 274$_2$; слѣзы 243$_1$; слѣза 221 об.$_2$; -ми 229$_1$; бжтвѣ|ны 225$_2$; одѣсную 243 об.$_1$; 270 об.$_2$; 228$_2$; одѣсь|ную 270 об.$_2$; дѣсно 236 об.$_1$; знамѣна 230 об.$_2$ и др. Помимо указанныхъ условий, *ѣ* вм. *е* встрѣчаемъ въ формахъ voc. — феофилѣ 222 об.$_1$; dat.: ветвѣ 244$_2$ (оп.?).

Въ связи съ написаніями *ѣ* вмѣсто *е* — надо разсматривать слѣдующіе факты: бещеистьѥ 287$_2$; дь|вирии 233 об.$_1$; 233 об.$_1$; двири 233 об.$_1$; тимницѣ 186$_1$; пирвоздана 180$_2$; свирпи 224$_1$; испирва 228$_2$; 286 об.$_2$; тирь|пѧ 231 об.$_1$; 252$_2$; тирпѧ 336$_2$; растирзаѥтсѧ 252 об.$_2$; бесквирно 291$_1$; оутвиржая 224$_2$; бословиць 181 об.$_1$; лестиць 186$_2$; лестичь 256 об.$_1$; старицъ 226 об.$_1$; староиць 230 об.$_1$; младениць 244 об.$_1$; близни 260$_2$; студениць 265$_1$; на кони 267 об.$_1$; добродетили 179$_2$; дѣтили 179 об.$_1$; защититиль 227 об.$_1$; добродети 230$_1$; родитима 231 об.$_2$; оуцити 233$_1$; пѣтиль 251 об.$_1$; свѣдѣтили 252$_2$; 260 об.$_2$; назиратиль 262$_1$; прияти 287$_1$; делати 287$_1$; 287$_2$; сужитилю 289$_1$; губитилною 291$_1$; пре|датильства 248 об.$_1$; предатильство 249$_2$; губитилни 288 об.$_2$; изь|наминья 177$_2$; знаминьѥ 288$_2$; каминьѥ 255$_2$; свисти 288 об.$_2$; одисную 178 об.$_1$.

в) Въ текстѣ, написанномъ четвертымъ почеркомъ (183$_1$—184 об.$_1$; 206—218 об.$_2$; 304—315 об.$_2$), отмѣчены лишь случаи *ѣ* вмѣсто *е* передъ мягкими согласными и въ книжныхъ словахъ: вѣрь|ху 305 об.$_1$; червѣи 305 об.$_1$; чѣрвемъ 307$_1$; тѣрпѣти 306$_2$; тѣрплю 206 об.$_1$;

207 об.$_1$; ѿтвѣрглъ 308$_1$; ѿтвѣръ|зъ 314 об.$_2$; свѣрь|шаѥмо 211 об.$_1$; пѣрвѣѥ 212$_1$ bis; пѣрваго 218 об.$_1$; пѣрвую 216 об.$_2$; съвѣрже 218$_1$ и т. п.

Кромѣ того: voc. храмѣ 212 об.$_2$.

г). Въ текстѣ пятаго писца (195—202 об.$_1$) находимъ лишь: тѣрпѧ 199$_2$; повѣлѣста 252$_1$; бѣсѣды 200 об.$_2$ (оп.?).

10. Въ Мус. Пушк. Сборникѣ 1414 г., въ которомъ древнее *ѣ* склонно *и* передъ мягкими согласными, наблюдаются слѣдующіе примѣры *ѣ* на мѣстѣ *е*: младенѣць 26$_{6,7}$; вѣнѣць 27$_{17}$; 22$_9$; чѣстнѣи 78$_2$; страстотѣрпьця 106$_{18}$; людѣи 65$_{18}$; василѣи 5$_{14}$; повѣрзъше 105$_{12}$; мѣртвымъ 29$_{18-19}$ (церковное произношеніе: ме́ртвымъ) и нѣк. др.

11. Въ Сборникѣ Публ. Библ. Q 1 № 312 1422 г. отмѣчены многочисленные факты *ѣ* вмѣсто *е*: пѣрвиѥ 40 об.$_1$; 278 об.; испѣрва 169; пѣрвая 245; тѣрпѣти 103 об.; потѣрпить 377 об.; долготѣрпѣниѥ 280 об.; свѣрже 122 об.; въвѣргу 129; ѿвѣржѣсѧ 131 об.; ѿвѣргъсѧ 133; възвѣрзимъ 139; извѣргуть 149 об.; ѿвѣргъше 162$_1$; свѣрже 236; ѿвѣрзетсѧ 245 об.; повѣрзи 279 об. bis; въвѣрзете 372; повѣрже 363 об.; повѣрьгохъ 318 об.; цѣрниломъ 71 об.; чѣрницею 381 об.; вѣрху 125; свѣршаєтьсѧ 126 об.; свѣршаютсѧ 117 об.; свѣршить 158 об.; свѣрьшающе 158 об.; свѣршаютсѧ 169 об.; свѣршити 319; вседѣржець 127; въздѣрьжишисѧ 144 об.; оудѣржати 239; дѣржими 214; дѣржать 254 bis; оудѣржанья 264 об.; предѣржаша 377; съдѣржаи 372 об.; сѣрпъ 145 об.; сѣрпы 241 об.; ласкосѣрдьство 163; ѡсквѣрниша 281; клѣнеть 252 об.; не помѣдлѧще 139; замѣдлисѧ 198; бословѣць 373 об.; пѣвѣць 317; мѣцьтнаго 275; двѣри 262; двѣрми 263; лѣститесѧ 262; лѣстиво 137 об.; лѣсь|тѣ 60; лѣстьцемъ 344 об.; лѣстьца 242; лѣстите 232 об.; вѣнѣць 255; во правѣднемь 148; правѣднии 244$_1$; правѣдникъ 234 об.; творѣць 169; сѣвѣць 125; мѣншему 128 об.$_1$; вѣсь 127$_1$; 149 об.; 158 об.; в тѣмници 146 об.; тѣмни 170; овѣчь 161; конѣць 165 об.; 243 об. bis; 249 об. bis; идоломолѣчь 240; агнѣць 245; купѣчь 248 об.; сластѣи 150; дѣтѣи 261 об.; свинѣи 295 об.; днѣи 382; конѣи

362 об.; чл҃вкооубѣица 286 об.; мужѣи 361; сѣи 139; 150 об.; 338 об.; 319; пѣите 239 об.; антонѣи 358; пахомѣи 312; ѡстрономѣя 18; по словѣси 150_1; словѣсѣмь 370; обрѣмѣньнии 269 об.; повѣлѣвають 192; повѣленья 77 об.; възвѣсти 341 об.; ѣще 349 и др.

И здѣсь *ѣ* замѣняетъ *е* не только передъ мягкими согласными, но и передъ твердыми — въ церковныхъ словахъ: мѣрзость 239 об.; смѣрдѧщаго 372; рѣвнощами 298 об.; дш҃еполѣзна 359 об.; правѣдна 37 об. bis; правѣдныхъ 231 об.; тѣмьныхъ 271 об.; дѣсно 372 и др под.

Въ иныхъ условіяхъ *ѣ* вм. *е* находимъ въ единичныхъ примѣрахъ, похожихъ на описки: в сѣм родѣ 23_1; в сѣм вѣцѣ 249 об.; въ трѣхъ 109; вѣдущими 263.

Съ случаями *ѣ* вмѣсто *е* передъ мягкимъ слогомъ, можетъ быть, надо сопоставить единичный фактъ *и* вм. *е*: всѧмолиць 373 об. Другіе примѣры *и* вм. *е* похожи на описки (постижи 85), или объясняются морфологически (съ формой: яростинаго 321 об. ср., напр., радостипо 344 въ Минеѣ 1096 г., по изд. Ягича).

Лишь о смѣшеніи спряженій говорятъ случаи: глить 44; гл҃имая 34 об.; ѿженими 176 при ѿженеть 183 об.; толкуимыи 292 об.

На страницахъ, написанныхъ послѣднимъ почеркомъ (388 об. — 391 об.), встрѣчаемъ нѣсколько примѣровъ *ѣ* вм. *е* въ указанныхъ условіяхъ: творѣчь 389 об.; вѣрховнѣи 390; лѣстью 390; конѣць 390; бесконѣцная 390.

12. Въ Новгородской Псалтыри XIV—XV в. Моск. Син. Библ., бѣгло и, къ сожалѣнію, не вполнѣ ясно описанной проф. В. Погорѣловымъ (Псалтыри, вып. III, стр. 60—68) за № 52, особенно часто *ѣ* вм. *е*: правѣденъ, распѣньшаго л. 21; свѣршилъ 27 об.; людѣи 51 об.; третѣи 21 л.

13. Въ рукописи, изданной въ Русск. Достоп., ч. II (ср. А. А. Шахматовъ. Изслѣдованія въ области русской фонетики, 147, 168 стр.), при нерѣдкой замѣнѣ древняго *ѣ* черезъ *и* во всякомъ положеніи, находимъ слѣдующіе примѣры *ѣ* вм. *е* передъ мягкимъ слогомъ: мѣсть 1; конѣчпаго 14; купѣць 18; творѣчь 59; ѿ лѣсти 59; двѣрми 64;

правѣднаго 74; пѣрвоє 77; в лѣстьнемь 79; вѣщь 80; в тѣмницю 80 и нѣк. др.

14. Тѣ же графическіе пріемы обнаруживаемъ въ Новгор. Служебн. Румянцев. Музея № 399. Въ этомъ памятникѣ, при отсутствіи достовѣрныхъ примѣровъ *е* вм. *ѣ*, «довольно часто *ѣ* на мѣстѣ *ь*»: сѣи, пѣрвыхъ, свѣршенъ, полѣзнѣ и т. п. Древнее *ѣ* въ этой рукописи, по свидѣтельству А. А. Шахматова, замѣняется черезъ *и* (Фонетика, 148—149 стр.).

15. Въ Новгородскихъ «Пандектахъ Антіоха, инока лавры св. Саввы», конца XIV—начала XV в., описанныхъ Горскимъ и Невоструевымъ, встрѣчаемъ нерѣдко примѣры *ѣ* вм. *е*: въздѣржати л. 7; въздѣржаніи л. 8 об.; въздѣржаниє ib.; пѣрвоє 36 об.; блгодѣрзновенно 19 об. и др. Ср. черноризиць 9 об.

Въ описаніи 2 части рукописи, содержащей Патерикъ, можно отмѣтить: конѣчноє 126 об.; дѣржавъ 168 об.; дѣржатсѧ 249; пѣрвоє 250; старѣчь 255; пѣрвѣє 262; пѣщь 240 л.; знамѣниє 179 л. и др. Ср. церноризиць 255 об. (Горскій и Невоструевъ. Описаніе славянскихъ рукописей Московской Синодальной Библіотеки, Отд. II, 247—283 стр.).

16. Судя по описанію Царевскаго, въ Новг. Ев. XIII—XIV в. изъ библіотеки Образцова *ѣ* вм. *е*, кромѣ иностранныхъ словъ, находится лишь въ словѣ двѣрь (Правосл. Собесѣдникъ, 1890 г., Май—Іюнь, 21 стр.).

17. Въ Комиссіонномъ спискѣ Новг. 1 Лѣтописи есть нѣсколько случаевъ *и* вм. *е*: черниць 165_1; черноризиць 409, 209; дѣтѣниць 119; дѣтиниць 360; орѣховиць 348 (ср. Шахматовъ, Фонетика, 244 стр.). Ср. мертвицехъ 65_3; ср. дний, церквий, людіи, тріи (ср. Шахматовъ, Фонетика, 150 стр.). Нельзя отъ этого явленія отдѣлять большинства примѣровъ *ѣ* вм. *е*: нѣмѣчкая 297_{10}; о вѣрсѣ 435; тѣсть 119_{19}; 216_9; съвѣршиша 179_8; 135_{12}; конѣць 30_{17}; крѣсть 103_8; людѣи 423_5; и др.

18. Въ Хожденіи Архимандрита Грефенія по списку XV—нач. XVI в. Кіевскаго Церковно-Археологическаго Музея (см. Р. Ф. В. XIII т. Ср. Н. И. Петровъ. Описаніе рукописей Церк.-Арх. Музея,

вып. III, 561—564 стр., № 174; ср. еще Правосл. Палест. Сборн., вып. 48) находимъ формы: двѣри 21; двѣрми 8; двири 19.

19. Повѣнецкои А. Кал. I, № 149, IV, списокъ XVII в. съ Олон. купч. XV в. (Шахматовъ, Фонетика, 243 стр.).

20. Въ Новгородскомъ Прологѣ XII—XIII в. (Д. И. Абрамовичъ. Соф. Библ., т. II, № 1324) Д. И. Абрамовичемъ указаны однородные примѣры: вѣць 215а; съвѣршена 211 л.; овѣць 239а; черноризѣць 235а; свѣршаѥши 240а и др.; въ 3 поч.: полѣзнѣѥ; дшеполѣзны 315 b и др.

21. Въ Новгородскомъ Тактиконѣ Никона Черногорца 1397 г. *ѣ* вм. *е*: къ свѣ | ршенью 6 об.$_2$; свѣршену 7$_2$; свѣрь | шившемсѧ 9 об.$_1$; свѣршенѣ 10$_2$; дѣржати 12$_2$; въздѣ | ржании 16 об.$_1$; одѣржаниѥ 41 об.$_1$; ѿвѣрьглъсѧ 47$_1$; прѣлѣстна 48$_2$; въздѣржаниѥ 55 об.$_1$; конѣць 68 об.$_1$; старѣць 80$_2$; въ старѣстѣ 80$_1$; прѣлѣсть 82 об.$_2$; вѣщью 83 об.$_2$; чудотворѣць 84 об.$_1$; конѣчьноѥ 90 об.$_1$; конѣчьному 91 об.$_1$; конѣцьноѥ 91 об.$_2$; и очень мн. др. Ср. заповѣдѣи 41, 45 об.$_1$; смиреномудрѣе 4 об.$_2$; прародтелѣи 6 об.$_1$ и т. п. Ср. случаи перехода этого *ѣ* въ *и*: обдиржительни 39$_1$; въздиржание 17$_2$; чютворицъ 74$_2$; старицъ 84$_1$; лестицъ 84$_1$; бесчистья 103 об.; обесчистити 100$_2$ и др. под. Въ этой рукописи отражается говоръ съ переходомъ *ѣ* въ *и* преимущественно передъ мягкими согласными. Значительно рѣже примѣры замѣны *ѣ* черезъ *и* передъ твердыми согласными, и едва ли звукъ *ѣ* въ этомъ положенiи совпалъ съ *и* въ говорѣ писца.

22. Въ Прологѣ XV в. F. I. № 773 находимъ *и* вмѣсто ожидаемаго *е*: черноризиць 2; 118$_2$, купице nom. 27 об.$_1$; забвиния 37 об.$_2$; бещиствуите 119$_2$; черноризиць 72 об.$_2$; на шию 74 об.$_2$; бещистье 96 об.$_2$; черноризиць 98$_1$; 112$_1$; прижѣ 100 об.$_1$; знаменосиць 114 об.$_{20}$; кровопивиць 115 об.$_2$; ср. *ѣ* въ этомъ положенiи: двѣрѣи 18$_1$; двѣрии 6$_2$; цртвѣя 48$_1$; съшествѣе 48 об.$_2$; ошетвѣя 54 об.$_1$; жезлѣемь 71$_2$; цртвѣя 91 об.$_2$; людѣи 92 об.$_1$; ошествѣѥ 95$_1$.

23. Въ Новг. Сборн. Q. I. № 1464 *ѣ* иногда замѣняетъ *е* передъ мягкимъ согласнымъ или въ книжныхъ словахъ: вѣщественa 8 об.,

правѣдною 22; в пѣщи 24; безъвѣщественъıхъ 53 об.; прелѣсти 77; възвѣдение 105 об. и др. Ср. *и* вм. *е*: близничь 46; приже 60; знаминия 68; ȣбитиль 101; приже 103 об.

Таковы факты. Очевидно, что нельзя во всѣхъ указанныхъ памятникахъ понимать букву *ѣ* въ разсматриваемомъ положеніи, какъ обозначеніе звука *ê*, потому что въ нѣкоторыхъ изъ этихъ рукописей *ѣ* въ одномъ и томъ же словѣ нерѣдко чередуется съ *и* (ср. въ Требн. Общ. Люб. Др. Письм.: въ тирпинии 40 и тѣрпѧ 23; въ Сборн. Погод. № 872: двири 233 об. и двѣри 249 об., 257_2, 298_2 и др.; бесквирном҃ 251_1 и ѡсквѣрнити 219_2 и мн. др.; въ Ком. спискѣ Новг. I Лѣт., въ Хожд. Арх. Греѳенія и др.). Вмѣстѣ съ тѣмъ, я рѣшительно возражалъ бы противъ объясненія приведенныхъ фактовъ графической замѣной *ь* черезъ *ѣ*. Правда, извѣстенъ рядъ рукописей, гдѣ мѣна *ь* и *ѣ* носитъ несомнѣнно графическій характеръ. Таковы, напр., грамота 1229 г. (списокъ А); Новг. Псалтырь XIV в. Моск. Син. Библ. № 48 (Погорѣловъ. Псалтыри, 48 стр.); Псковск. Ев. Апракосъ XIV в. Fп1 № 9 (Бандуровъ); Новг. Торіодь конца XIII — начала XIV в. (Серебрянскій. Замѣтки и тексты изъ Псковск. пам.). Но въ подобныхъ рукописяхъ эта мѣна выливается въ форму безпорядочнаго смѣшенія буквъ *е*, *ѣ* и *ь*, при чемъ встрѣчаются даже случаи постановки *ѣ* на мѣстѣ исчезнувшаго *ь* — весѧтѣ, языкомѣ и др. въ грам. 1229 г.; при брьзѣ 200, вѣси = вьси 57 об. въ Ев. Fп1 № 9 и др. под. Иного типа — графика нашихъ памятниковъ. Прежде всего въ нихъ нѣтъ смѣшенія *ѣ* и *ь* (трьзвою 42 об. въ Сб. Q I № 312; свѣдьния въ Требникѣ Общ. Люб. Др. Письм. — единичные примѣры). Всѣ же случаи *ѣ* вм. *ь* и *е* падаютъ или на слоги съ слѣдующими мягкими согласными въ чисто русскихъ, народныхъ словахъ или на книжныя, церковныя слова, въ которыхъ діалектически еще сохраняется произношенія *ê* или даже *и*, ср. слизно въ Бѣлоз. у., Новг. губ.

Между тѣмъ, при объясненіи написанной съ *ѣ* вм. *ь* графическимъ сходствомъ этихъ буквъ было бы совершенно непонятно, почему, напр., въ Сборн. Q I № 312 при чѣрницею находимъ чорнорисца и т. п., почему *ѣ* никогда не замѣняетъ *ь* въ тѣхъ словахъ, въ которыхъ въ живыхъ говорахъ теперь на мѣстѣ др. *ь* звучитъ *о*.

Правда, какъ будто бы въ единичныхъ примѣрахъ находимъ *ѣ* вм. *ь* при данныхъ условіяхъ, напр., лѣ|гко 28 об. въ Ев. Fп1 № 17; слѣзы 243_1; слѣзами 229_1 въ Сборн. Погод. № 812; мѣртвымъ 29_{18-19} въ Мус.-Пушк. Сборн.; тѣмьныхъ 271 об. въ Сборн. Q I № 312.

Однако, часть этихъ примѣровъ свидѣтельствуетъ несомнѣнно о книжномъ, церковномъ произношеніи соотвѣтствующихъ словъ, напр., слѣзы въ Сборн. № 872. Ср. съ случаями: сле́зно въ Великолуцк. у., Псковск. губ. (Жив. Ст. 1898 г., вып. 1, стр. 92; ср. ibid. 88 с. — слезня); сле́зы ронила — въ Бѣлозерск. у., Новг. губ.; сле́зъ — въ Кашинскомъ говорѣ и др. под.; ср. слизно — въ с. Дрищевѣ, Боровичскаго у., Новг. губ.; вѣроятно, такъ же надо объяснять и мѣртвымъ въ Мус.-Пушк. Сб.

Другіе примѣры легко можно объяснить, какъ описки, графически возникшія по аналогіи тѣхъ словъ того же корня, въ которыхъ *е* приходилось передъ мягкимъ согласнымъ, напр., тѣмныи — тѣмница; лѣ|гко — лѣгче (ср. Шахматовъ, Фонетика, 73 стр. Будде. Къ исторіи вел. говоровъ, стр. 48, прим. 2). Но я обращу вниманіе на то обстоятельство, что въ нѣкоторыхъ народныхъ говорахъ сѣверной Руси какъ разъ въ этихъ словахъ часто отмѣчается изслѣдователями *е*, а не *о*.

Поэтому естественно думать, что аналогія была не только графической, но и фонетической. Ср. темно — Новг. у. (Соловьевъ, 24 стр.); те́мный — въ кантахъ, записанныхъ въ Кашинскомъ говорѣ (Смирновъ, 185); ср. такое же произношеніе въ вятскомъ говорѣ (Мат. V, 11 стр.); вологодск. (Мат. V); въ Бѣлозерск. у., Новг. губ. (Бор. и Юр. Соколовы, СХ стр. и др.). Ср. ле́гко въ Новг. у. (Соловьевъ, 24 стр.) и т. п.

Но какъ бы мы ни объясняли эти факты, важно для насъ въ данномъ случаѣ лишь то, что въ изучаемыхъ памятникахъ нѣтъ обратной замѣны *ѣ* черезъ *ь*, а *ѣ* находится какъ на мѣстѣ *ь*, такъ и на мѣстѣ исконнаго *е* (кромѣ единичныхъ, легко объяснимыхъ примѣровъ) всегда передъ мягкимъ согласнымъ въ народныхъ словахъ или служитъ обозначеніемъ развитія *е́* въ церковныхъ словахъ. Это обстоятельство рѣшительно говоритъ противъ графическаго объясненія нашихъ примѣровъ.

Кромѣ того, въ большей части перечисленныхъ нами памятниковъ рядомъ съ *ѣ* вм. *е* въ указанныхъ условіяхъ встрѣчаемъ въ этомъ же положеніи *и* какъ въ неударяемыхъ, такъ и въ ударяемыхъ слогахъ. Отдѣлять примѣры перехода *е* въ *и* отъ написаній съ *ѣ* нельзя, во-первыхъ, потому что *и* вмѣсто *е* наблюдается только въ тѣхъ памятникахъ, гдѣ находимъ *ѣ* въ тѣхъ же условіяхъ; во-вторыхъ, *и* и *ѣ* чередуются въ однихъ и тѣхъ же словахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ считать замѣну этого «новаго» *ѣ* черезъ *и* графическимъ явленіемъ, возникшимъ по аналогіи съ общей судьбой буквы *ѣ*, не представляется возможнымъ. Вѣдь въ современныхъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ встрѣчаются совершенно аналогичные случаи перехода *е* въ *и*. Тѣ же самыя слова, которыя въ памятникахъ пишутся черезъ *ѣ* или *и*, звучатъ такъ же и въ с.-в. говорахъ: двирь, коницъ, пирвой, миньше, смирть и т. п. Объясняя графически свидѣтельства древнихъ памятниковъ, мы будемъ принуждены въ этомъ совпаденіи видѣть странную случайность безъ всякихъ основаній. Кромѣ всѣхъ приведенныхъ соображеній, противъ графическаго объясненія *ѣ* вмѣсто *е* говоритъ то обстоятельство, что сходство буквъ *ь* и *ѣ* вызвало послѣдовательную замѣну *ь* (и *е*) черезъ *ѣ* въ положеніи передъ мягкими согласными, и далѣе переходъ этого *ѣ* въ *и* почему-то только въ сѣверно-русскихъ памятникахъ, т. е. памятникахъ тѣхъ говоровъ, потомки которыхъ знаютъ это явленіе.

Такимъ образомъ, объясненіе частыхъ случаевъ замѣны *ь* черезъ *ѣ* въ сѣверно-русскихъ рукописяхъ графическимъ сходствомъ этихъ буквъ ведетъ къ цѣлому ряду произвольныхъ допущеній и порождаетъ множество затрудненій, которыя исчезаютъ при фонетическомъ объясненіи этихъ фактовъ. Въ пользу фонетическаго значенія изучаемыхъ начертаній можно еще указать на поразительное совпаденіе обстоятельствъ, при которыхъ *ѣ* находимъ вмѣсто *е* въ сѣверно-русскихъ рукописяхъ, съ тѣми условіями — выше нами опредѣленными, при которыхъ *е* въ сѣверно-русскомъ нарѣчіи переходило въ *и* черезъ посредство *ѣ*. Въ самомъ дѣлѣ, мы наблюдали *ѣ*: 1) на мѣстѣ исконнаго *е*; 2) на мѣстѣ первоначальнаго *ь* — въ томъ и другомъ случаѣ передъ мягкими согласными (примѣры выше); 3) на мѣстѣ древняго, ненапряженнаго *и* передъ *ї*; 4) въ церковныхъ словахъ на мѣстѣ *е*, *ь* — какъ передъ мяг-

кимъ, такъ и передъ твердымъ слогомъ. Тѣ же условія указаны нами для діалектическаго перехода *е* въ *и* въ современныхъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ моихъ разсужденій слѣдуетъ, что я совершенно отрицательно отношусь къ объясненію ак. А. И. Соболевскаго, которое находимъ въ его «лекціяхъ» для примѣровъ *и* вмѣсто *е* въ сѣверно-русскимъ памятникахъ, а также соотвѣтствующихъ показаній современныхъ сѣверно-великорусскихъ говоровъ.

Невозможность объяснять *и* подъ удареніемъ въ формахъ: щиль, динь, двирь, либедь и т. п. въ связи съ появленіемъ *и* вмѣсто *е* безъ ударенія (какъ это склоненъ былъ дѣлать А. И. Соболевскій) неоспоримымъ образомъ вытекаетъ изъ факта существованія такихъ формъ во многихъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ, совершенно не знающихъ перехода *е* въ *и* въ безударныхъ слогахъ.

Кромѣ того, я рѣшительнымъ образомъ возражаю и противъ другого предположенія А. И. Соболевскаго, направленнаго на объясненіе примѣровъ—творицъ и подобныхъ. Отрицая переходъ *е* въ *и* подъ удареніемъ, ак. Соболевскій поставленъ въ необходимость для тѣхъ случаевъ замѣны удар. *е* черезъ *и*, которые не могутъ разсматриваться, какъ аналогическія образованія къ родственнымъ словамъ съ *и* вмѣсто безударнаго *е*, допустить возможность употребленія *и* вмѣсто графическаго *ѣ*, замѣнившаго *е* у малограмотныхъ писцовъ. Но при такомъ толкованіи окажется необъяснимымъ то обстоятельство, что, при значительномъ количествѣ примѣровъ этой «графической» замѣны *ѣ* (на мѣстѣ *е*) черезъ *и* передъ мягкими согласными, мы вовсе или почти вовсе не находимъ соотвѣтствующихъ фактовъ передъ твердымъ слогомъ въ цѣломъ рядѣ памятниковъ, напр., въ Сб. Погод. № 872; въ Ком. Спискѣ Новг. 1 Лѣтоп.; въ Новг. Тактиконѣ 1397 г. и другихъ, хотя нѣкоторымъ изъ нихъ извѣстны многочисленные случаи постановки *и* вмѣсто первоначальнаго *ѣ* въ разныхъ положеніяхъ, даже передъ твердыми согласными.

Такимъ образомъ, данныя памятниковъ подтверждаютъ выводъ, полученный нами на основаніи анализа примѣровъ сѣверно-великорусскаго перехода *е* въ *и* изъ живыхъ говоровъ, — выводъ, что этотъ переходъ, какъ

діалектическое явленіе сѣверно-русского нарѣчія, произошелъ черезъ посредство *ѣ*. По изслѣдованнымъ рукописямъ это явление можно обнаружить послѣдовательно съ половины XIII вѣка. На основаніи ясныхъ показаній текстовъ устанавливается независимость этого процесса отъ ударенія, по крайней мѣрѣ, въ первой его стадіи: *е* переходило въ *ѣ*— во всѣхъ положеніяхъ въ отношеніи къ ударенію (правѣденъ 31_1 въ Ап. № 14; зѣрцаломъ 49_2–ib.$_1$; черноризѣць 285 об.$_1$ въ Сборн. № 872; агнѣць 249 об.$_1$–ib.; вѣртоградарꙗ 258_1–ib.; прелѣсть 213_2–ib.; вѣсь въ Сб. Q I № 312; конѣць 165 об.–ib. и мн. др.— ср. выше).

Стараясь опредѣлить фонетическое значеніе *ѣ* на мѣстѣ *е*— и пользуясь для этой цѣли сравненіемъ съ древ. *ѣ*, мы прежде всего обращаемъ вниманіе на то обстоятельство, что въ рядѣ рукописей, знающихъ переходъ въ *и* исконнаго *ѣ*—въ той или иной зависимости отъ окружающихъ условій, совсѣмъ не встрѣчаются примѣры измѣненія въ *и* «новаго» *ѣ*. Такова, напр., рукопись XIV в., изданная въ Русск. Достоп., II; Новгородск. Служебникъ Румянц. Музея № 399; Новг. Ев. XIII–XIV в., описанное Царевскимъ; Ев. XIV в. Fп 1 № 15; Мусинъ-Пушкинскій Сборникъ 1414 г.; Апост. Сбор. Погод. XIV в. № 14 и др.

Съ другой стороны, въ тѣхъ памятникахъ, въ которыхъ, наряду съ примѣрами измѣненія въ *и* древняго *ѣ*, находятся также случаи перехода въ *и* первоначальнаго *е* (черезъ посредство *ѣ*), количество этихъ послѣднихъ фактовъ ничтожно по сравненію со множествомъ примѣровъ *и* на мѣстѣ этимологическаго *ѣ*. Напр., въ Требникѣ Общ. Люб. Др. Письм.,—при довольно послѣдовательной замѣнѣ исконного *ѣ* черезъ *и*— передъ мягкими согласными, отмѣчено лишь 3 достовѣрныхъ (и 2 сомнительныхъ) случая перехода въ *и* «новаго» *ѣ* въ томъ же положеніи; въ Сборникѣ Публ. Библ. 1422 г. Q I 312—при нѣкоторомъ количествѣ случаевъ *и* вм. древняго *ѣ*— находимъ лишь 1 пр. всꙗмолиць 373 об., гдѣ можно предполагать переходъ *е* въ *и* черезъ посредство *ѣ*; въ Хожденіи арх. Греѳенія, при яркомъ отраженіи «иканья» въ соотвѣтствіе исконному *ѣ*,—встрѣчаемъ только одинъ фактъ *и* на мѣсто *е*: двири; рѣдки случаи перехода *е* въ *и*— особенно сравнительно съ примѣрами однородныхъ измѣненій этимологическаго *ѣ* въ Комисс. Спискѣ

Новг. I Лѣтописи, въ Прологѣ XV в. F. I. № 773, въ Тактиконѣ Никона Черногорца 1397 г. и т. п.

Изъ сопоставленія этихъ графическихъ явленій можно сдѣлать лишь одно заключеніе — именно, что звукъ, образовавшійся на мѣстѣ первоначальнаго *е* и обозначавшійся въ рукописяхъ черезъ *ѣ*, въ тѣхъ говорахъ, памятники которыхъ разсматриваются мною, — отличался отъ того звука, который развился въ этихъ говорахъ изъ дифтонгическаго сочетанія *ie* (первон. *ѣ*); и, повидимому, различіе это состояло въ большей близости къ *и* или даже діалектически въ совпаденіи съ *и* этимологич. *ѣ* къ тому времени, когда протекалъ процессъ суженія *е* — подъ ассимилирующимъ воздѣйствіемъ сосѣднихъ согласныхъ, — процессъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сѣвера завершившійся переходомъ этого *е* въ *и*. Такимъ образомъ, другимъ путемъ — мы пришли къ тому же выводу, который выше почерпнули изъ данныхъ современной діалектологіи.

Однако въ нѣкоторыхъ рукописяхъ — нѣтъ никакой разницы въ орѳографическихъ явленіяхъ, связанныхъ съ употребленіемъ буквы *ѣ* — какъ въ ея обычномъ положеніи, такъ и на мѣстѣ буквъ — *ь*, *е*. Такую орѳографію наблюдаемъ, напр., въ Ев. FпI № 17, въ рядѣ новгородскихъ грамотъ XIV вѣка, въ нѣкоторыхъ двинскихъ грамотахъ и пр.

Это — памятники, или вовсе не знающіе перехода *ѣ* въ *и* или имѣющіе немногочисленные случаи такого перехода лишь при наличіи строго опредѣленныхъ благопріятствующихъ условій. Ничто не мѣшаетъ предположить, что въ соотвѣтствующихъ говорахъ произошло совпаденіе обоихъ звуковъ — и древняго *ѣ*, повидимому, во всякомъ положеніи (кромѣ условій, вызвавшихъ переходъ его въ *и*), и *е* передъ мягкими согласными въ одномъ звукѣ — *ê*.

Итакъ различіе графическихъ явленій въ употребленіи буквы *ѣ* на мѣстѣ *е* — въ сѣвернорусскихъ памятникахъ, не смѣшивающихъ *ѣ* съ *е*, — обуславливается тѣмъ, что подъ этой буквой, въ зависимости отъ діалектическихъ особенностей соотвѣтствующихъ говоровъ, скрываются различные звуки *ê*, средніе между *ê* и *и* и даже, можетъ быть, *и*. По крайней мѣрѣ, можно думать, что *ê* совпало съ *и* или во всякомъ случаѣ было близко къ такому совпаденію въ говорѣ, отразившемся въ текстѣ III писца Погод. Сборн. № 872, гдѣ имѣемъ многочисленные примѣры *и* вм. *е*.

Такимъ образомъ, на основаніи данныхъ памятниковъ устанавливаемъ діалектическія различія въ судьбѣ «новаго *ѣ*» въ сѣверно-великорусскомъ нарѣчіи.

Обращаю и на этотъ разъ вниманіе на поразительное сходство выводовъ, получаемыхъ путемъ анализа рукописныхъ текстовъ, съ результатами, почерпаемыми изъ современной діалектологіи.

Случаи перехода «новаго» *ѣ* въ *и* въ безударныхъ слогахъ, напр., въ Погод. Сб. № 872, въ Тактиконѣ 1397, въ Сборникѣ Q 1 № 1464 и др., въ связи съ разсмотрѣнными выше измѣненіями безударнаго *е* въ сѣв.-вел. говорахъ, доказываютъ, что *ѣ* изъ *е* въ этомъ положеніи имѣло общую судьбу съ первоначальнымъ *ѣ*: діалектически совпадало съ *и*, въ другой части говоровъ переходило въ *е*.

Выводы:

1. Говорамъ сѣверно-русского нарѣчія (отразившимся въ части новгородскихъ и псковскихъ текстовъ) извѣстенъ переходъ *е* въ *ѣ*.

2. Фонетическій характеръ и условія возникновенія этого явленія не представляютъ ничего общаго съ тѣмъ южно-русскимъ процессомъ, который вызвалъ появленіе «новаго *ѣ*» въ памятникахъ «галицко-волынскаго» типа.

3. Изученіе судьбы этого новаго *ѣ* въ сѣверно-великорусскихъ говорахъ и зависимости рефлексовъ его отъ различныхъ условій подтверждаетъ наши выводы объ исторіи первоначальнаго *ѣ* въ сѣверно-русскомъ нарѣчіи.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Въ заключеніе къ выводамъ, сформулированнымъ въ концѣ каждой главы, могу присоединить одинъ горестный выводъ: русская діалектологія въ ея современномъ положеніи не даетъ достаточно надежныхъ средствъ и руководящихъ нитей для разрѣшенія всѣхъ тѣхъ многочисленныхъ и сложныхъ проблемъ, которыя всплываютъ при изученіи графическихъ отраженій *ѣ* въ древне-русскихъ памятникахъ. Это и понятно. При пользованіи большинствомъ діалектологическихъ записей необходимо

преодолѣть тѣ же графическія трудности, съ какими сталкивается изслѣдователь древне-русскихъ текстовъ: эти записи — часто та же малограмотная транскрипція, связанная орѳографической традиціей, да къ тому же отражающая еще преломленіе слышанныхъ звуковъ черезъ призму собственнаго сознанія наблюдателя, который иногда подсказываетъ народному говору отвѣты на программу. Лишь наблюденія Олафа Брока, А. А. Шахматова, Е. Ѳ. Будде, Д. В. Бубриха, В. Мансикки и немногихъ другихъ даютъ болѣе обстоятельный и точный матеріалъ для освѣщенія данныхъ древнихъ сѣверно-русскихъ памятниковъ. Но, обнимая сравнительно небольшой участокъ сѣверно-великорусскихъ говоровъ, они не исчерпываютъ всего многообразія вопросовъ, вытекающихъ изъ анализа рукописныхъ явленій, связанныхъ съ употребленіемъ буквъ *ѣ* и *е*. Боюсь, что сама односторонность матеріала, обусловленная сходнымъ характеромъ произношенія и судьбы звука *ѣ* въ изслѣдованныхъ названными учеными говорахъ, отразилась на моихъ выводахъ. Кромѣ того, къ концу работы у меня окрѣпло сознаніе, что, углубившись въ лабиринтъ памятниковъ, я соединилъ короткія и недостаточныя нити, предлагаемыя современной діалектологіей въ ея теперешнемъ видѣ, съ тѣми соблазнительно длинными и изящными нитями, которыя мнѣ протягивала геніальная интуиція А. А. Шахматова. Вслѣдствіе этого мое изслѣдованіе приняло форму, можетъ быть, слабаго и неяркаго, но все же обоснованія и дальнѣйшаго развитія взглядовъ на исторію звука *ѣ*, которые высказывалъ А. А. Шахматовъ. И если даже подъ суровымъ дыханіемъ критики померкнетъ то содержаніе, которое я вкладывалъ въ изслѣдованные мною древне-русскіе памятники, то все же самыя формы этихъ памятниковъ, часто мною впервые пускаемыя въ научный оборотъ, останутся какъ орудіе для построеній болѣе счастливаго и богатаго изслѣдователя.

Викторъ Виноградовъ.